Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Ильина Татьяна Николаевна

Историко-правовые модели высших судебных органов в России в XVIII – XX веках

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ
Исаев Игорь Андреевич

Москва – 2025

Оглавление

Введение……..4

Глава I. Теоретико-правовые основы и историография изучения организации высших судебных органов в России……..…27

§ 1.1. Модели организации высших судебных органов: теоретико-правовые конструкции…….……27

§ 1.2. Историография вопроса организации и деятельности высших судов в России: этапы, концепции и современное состояние научного знания …….39

§ 1.3. Периодизация проблемы становления и развития высших судебных органов в России …….……..…….63

Глава II. Формирование и развитие высших судебных органов в России в XVIII – первой половине XIX века ……...70

§ 2.1. Организационно-правовые основы формирования и развития ревизионной модели верховного правосудия в России в XVIII веке..……..…70

§ 2.2. Сенат как высшая судебная инстанция в первой половине XIX века…....93

§ 2.3. Эволюция полномочий императора в сфере верховного правосудия …..113

§ 2.4. Иные органы государственной власти XVIII – первой половины XIX века, обладающие функциями высших судов……..……..….123

Глава III. Формирование и модификация моноинстанциональной модели верховного суда во второй половине XIX – начале XX века……..…141

§ 3.1. Дискуссии по определению статуса и компетенции высшей судебной инстанции в период подготовки судебной реформы 1864 года……...141

§ 3.2. Кассационные департаменты Правительствующего Сената как высшая судебная инстанция: структура, полномочия, компетенция…….167

§ 3.3. Развитие Кассационного Сената в 1870-х – 1910-х годах: вызовы, реформы, результаты…….…187

§ 3.4. Правовая природа решений Кассационных департаментов Сената……..212

Глава IV. Становление и развитие полиинстанциональной модели верховного правосудия в 1917-1991 годы ……..….225

§ 4.1. Организация верховного правосудия в первые годы советской власти: поиск оптимальной модели…….……225

§ 4.2. Организация верховного правосудия в системе специализированных судов в 1920-1930-е годы……....249

§ 4.3. Верховный Суд РСФСР: эволюция функций, структуры и компетенций…….....292

§ 4.4. Место и роль Верховного Суда СССР в советской судебной системе …….……322

§ 4.5. Правовая природа и место актов Верховного Суда РСФСР в системе права советского периода……...342

Глава V. Модернизация сферы верховного правосудия в России в период общественно-политических трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х годов……372

§ 5.1. Изменение структуры и компетенции Верховного Суда РСФСР в ходе конституционных реформ конца 1980-х – начала 1990-х годов…….……..372

§ 5.2. Дискуссии об организации сферы верховного правосудия в конце 1980-х – начале 1990-х годов…….399

Заключение…….…….…….…418

Список источников и литературы…….…….…….…427

Введение

Актуальность темы исследования. Судебная система каждого государства является сложным организационным и правовым образованием, в котором соединяются различные начала: институциональные, функциональные, политические, социальные и другие. Для успешного функционирования судебной власти и достижения основных целей правосудия важны не только организационная и законотворческая работа по ее совершенствованию, но и научное осмысление процессов становления и развития судебной власти, анализ теорий, концепций и конкретных практик их реализации в различные исторические периоды. Ценным также является рассмотрение этих процессов в рамках актуальных на конкретный период времени тенденций политико-правового развития, а также выявление причин продолжительного и устойчивого существования отдельных элементов судебной системы.

Система российского правосудия в различные исторические эпохи базировалась на различных основаниях и принципах. При этом, даже если в один период структура судебной власти характеризовалась определенными чертами, то это не гарантировало сохранения ее в таком виде в будущем. Поэтому важно исследовать судебную систему государства не только в современном состоянии, но и на разных этапах ее развития. Применительно к судебной власти данный подход является оправданным ввиду постоянного поиска отечественным законодателем оптимальной модели организации правосудия. По мнению профессора Л.В. Головко, Россия «никак не может построить понятную, логичную и институционально корректную судебно-инстанционную пирамиду ни в судоустройственном смысле, ни в процессуальном»[1]. Представляется, что перманентное реформирование судебной системы в России в последнее тридцатилетие вызвано не только преодолением наследия советской эпохи, но и стремлением достичь некого идеала для повышения эффективности правосудия. При этом в отдельных

[1] Головко, Л.В. Институт «сплошной кассации» в уголовном процессе: позитивная инновация или очередная деформация // Закон. 2021. № 10. С. 32-43.

случаях законодатель не ограничивался незначительными корректировками, а допускал тектонические изменения, подразумевающие смену ключевых принципов организации судебной власти.

Институт высшей судебной инстанции представляет собой неотъемлемый структурный элемент российской судебной системы на протяжении всей истории ее развития. При этом организационные основы судоустройства и функциональные принципы верховного правосудия могли коренным образом различаться, демонстрируя широкий спектр вариантов. Однако несмотря на это методологическое разнообразие, наличие судебного органа, занимающего вершину судебной иерархии, всегда являлось универсальным фактором, обеспечивающим единство всей системы.

На сегодняшний день в историко-правовой науке отсутствует обобщающий фундаментальный труд о становлении и эволюции высших судебных органов в различные исторические эпохи. Актуализации проблемы верховного правосудия способствует тот факт, что в последние десятилетия преодолен дефицит научных знаний о судебной власти и правосудии. В настоящее время назрела необходимость не только их переосмысления, но и обобщенного изложения в рамках единой доктрины, что невозможно без базового историко-правового анализа процессов развития судебной системы и высших судов.

Рассмотрению организации и деятельности высших судебных органов в российском государстве в различные исторические периоды посвящено настоящее диссертационное исследование.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблематика, связанная со становлением и эволюцией высших судебных органов в России, принадлежит к сюжетам, наименее изученным историко-правовой наукой. При отсутствии целостного анализа рассматриваемой проблемы имеются исследования по ее отдельным аспектам. Поскольку высшие судебные органы являются неотъемлемым элементом всей судебной конструкции, их анализ невозможен без обращения к трудам по истории судоустройства, судебной

власти и процессуального права. Поэтому в фокусе исследования закономерно оказываются работы, позволяющие реконструировать и проанализировать институт верховного правосудия в его целостности.

Изучение организации судебной власти в России опирается на значительный историографический пласт. Он включает в себя три ключевых периода: дореволюционную юридическую мысль, советскую правовую школу и массив исследований, созданных за последние три десятилетия. Каждый из названных периодов отличается своей спецификой изучения исследуемой проблематики.

Дореволюционные авторы заложили традицию, согласно которой основное внимание уделялось общим вопросам истории судоустройства, при этом особое место отводилось изучению судебной реформы 1864 года и ее институтам. Советская историко-правовая наука сохранила ориентацию на освещение общих вопросов истории суда. Постсоветская историография характеризуется усилением внимания не только к судоустройственным, но и судопроизводственным институтам. Однако история организации и функционирования высших судебных органов остается малоизученной. Необходимо систематизировать исследования, непосредственно затрагивающие генезис и эволюцию высших судебных инстанций в России, а также теоретические подходы к пониманию их природы и трансформации их полномочий. Решению этой задачи будет посвящен отдельный параграф диссертации.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере правового регулирования организации и деятельности высших судебных органов в России в различные исторические периоды.

Предмет диссертационного исследования составляют закономерности развития высших судебных органов в России, основные элементы историко-правовых моделей организации верховного правосудия в XVIII–XX веках и этапы их развития.

Цель исследования состоит в систематизации историко-правового опыта становления и развития моделей организации высших судебных органов в российском государстве в различные исторические периоды.

Для достижения поставленной цели исследования предполагается решение следующих **задач:**

– в рассматриваемых хронологических рамках осуществить аргументированную типологизацию моделей организации высших судебных органов;

– раскрыть организационно-правовые основы развития сферы верховного правосудия в России в XVIII веке;

– проанализировать положение Сената в качестве высшего судебного органа в первой половине XIX века;

– определить эволюцию полномочий императора в сфере верховного правосудия;

– выявить роль и значение иных органов, обладающих функциями высших судебных инстанций

– проанализировать основные проекты реформирования сферы верховного правосудия в период подготовки судебных уставов;

– охарактеризовать положение и полномочия Кассационных департаментов Правительствующего Сената в качестве высшей судебной инстанции во второй половине XIX – начале XX века;

– исследовать правовую природу решений Кассационных департаментов Сената;

– выявить основные подходы к реформированию сферы верховного правосудия в период государственного строительства 1920-х годов;

– охарактеризовать положение и полномочия Верховного Суда РСФСР как высшей судебной инстанции;

– определить соотношение компетенции Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР

– исследовать правовую природу и место актов Верховного Суда РСФСР в системе права советского периода;

– проанализировать изменения сферы верховного правосудия в России в период общественно-политических трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х годов;

– через исследование российского, мирового и исторического опыта организации верховного правосудия сформулировать основные тенденции его использования в современности.

Методологическая основа исследования базируется на современных методах научного познания, включая как общенаучные – диалектико-материалистический, статистический, системный, – так и специальные – нормативно-логический, историко-сравнительный, историко-юридический методы.

Применение диалектического метода познания стало методологической основой для раскрытия предмета исследования, достижения его цели и решения поставленных задач, что позволило провести исследование в динамике, то есть проанализировать процесс становления и развития высших судебных органов в России.

Принцип историзма, неразрывно связанный с диалектическим методом познания, также составил методологическую базу настоящего исследования. Его применение предоставило возможность увидеть функционирование высших судебных органов в конкретных условиях и проследить их эволюцию, поэтапное «собирание» полномочий, формирование сферы верховного правосудия. Принцип историзма также применяется при историко-логическом анализе причин реформирования судебной сферы, что позволяет сделать выводы либо о необратимом характере преобразований, либо об их субъективном начале.

Системный подход выступает одним из важнейших методов изучения сложноорганизованных объектов, к которым относится судебная система. Верховное правосудие в рамках настоящего исследования рассматривается как система, формирующаяся и действующая в определенных условиях. Согласно

синергетическому подходу, социальные системы в процессе своего развития, накапливая структурную информацию, постоянно повышают уровень своей организации, то есть усложняются. Применение данных методологических установок позволило проследить генезис системы правосудия, и верховного правосудия в частности, не только в периоды поэтапного развития, но и в моменты их слома и реорганизации.

Метод моделирования, основанный на способности человека абстрагировать изучаемые признаки или свойства у различных предметов, явлений и устанавливать определенные взаимосвязи между ними, был использован для формулирования моделей организации верховного правосудия. Вводя данный метод в научный инструментарий, мы исходили прежде всего из позиции отождествления моделирования с абстрагированием. В результате данные приемы познания позволили сформулировать научные понятия и категории, отражающие обобщенные свойства исследуемых явлений и процессов – структуру и организацию высших судов, их полномочия и функции.

В целом, как и любое исследование, выполняемое на стыке юридической и исторической наук, данная работа сочетает присущие им методы. Материал излагается как в проблемно-хронологической последовательности, так и с формально-юридических позиций, опираясь на анализ правовых принципов и институтов. Избранный научный инструментарий способствовал концептуальному единству, достоверности, репрезентативности, полноте и непротиворечивости исследования.

Источниковая база исследования. Изучение указанной проблематики потребовало обращения к различного рода источникам, как архивным, так и опубликованным.

Опубликованные источники условно можно разделить на четыре группы. Первую группу составляют нормативные акты, определявшие общие принципы организации сферы верховного правосудия в различные исторические периоды, а также акты, регулирующие правовой статус, основные направления деятельности высших судов. Кроме того, для раскрытия темы настоящего

диссертационного исследования анализу подверглось процессуальное законодательство.

Поскольку хронологические рамки исследования достаточно обширны и охватывают периоды с различным пониманием сущности нормативных правовых актов, то очертим их круг более подробно.

В юридической терминологии XVIII-XIX веков понятия «закон» и «указ» рассматривались как синонимы, последние были представлены указами именными, т.е. подписанные императором, а также указами, объявленными каким-либо государственным органом и утвержденные монархом. После 1906 года законами стали называть акты, обсужденные и принятые в Государственной думе, Государственном Совете и одобренные императором.

Кроме того, следует отметить, что в условиях самодержавной монархии строго разграничить законодательные акты и акты управления невозможно, также не удастся выстроить четкую иерархию нормативных актов, ввиду большого количества форм закона, несовершенства законодательных процедур, постоянно меняющегося круга лиц и органов, имеющих право принимать такие акты.

Для целей настоящего исследования будем классифицировать закон на основании формальных его признаков: письменной формы, особой процедуры принятия и подписи императора. К подзаконным актам дореволюционного периода будут относиться акты, принятые органами управления самостоятельно, без промульгации главы государства.

Еще более сложной и неоднородной представляется система нормативных правовых актов советского периода, особенно первоначального этапа его существования. Оценивая советское нормотворчество 1920-х – начала 1930-х годов, следует отметить отсутствие системности и строго выраженной иерархии актов. Практически невозможным является выделение собственно законов и подзаконных актов. Исходя из современного понимания и объема нормотворческих функций государственных органов, можно предположить, что нормативные акты, принимаемые Всероссийским Съездом Советов, ВЦИК,

являются законами. Акты, издаваемые СНК, можно отнести к подзаконным, поскольку СНК как орган исполнительной и распорядительной власти принимал акты, конкретизирующие и развивающие положения законов. Однако перенос современных представлений о системе нормативных актов не всегда оказывается оправданным. Особую сложность представляет анализ декретов, которые, согласно конституциям 1918 и 1924 годов, могли издаваться различными органами (ВЦИК, СНК, Президиум ЦИК, наркоматы).

Таким образом, говоря о нормативном правовом акте как научном источнике, будем понимать акты, исходящие от органов государственной власти, признанные таковыми в отдельные исторические периоды, с учетом указанных методологических оговорок.

Другую часть опубликованных источников составляет судебная практика, как правило, высших судебных органов. Так, в работе использованы решения Правительствующего Сената и его департаментов, начиная с момента его создания, Верховного тайного совета, Кабинета министров, Государственного Совета, а после – Верховных Судов СССР и РСФСР.

К третьей группе опубликованных источников относятся документы официального делопроизводства. К делопроизводственным источникам относятся отчеты Министерства юстиции и министра юстиции, материалы Второго отделения императорской канцелярии, Комиссии для составления законов, Комиссии для окончания работ по преобразованию судебной части, Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, официальные отчеты о деятельности Верховного Суда РСФСР, специализированных судов, протоколы заседаний политбюро и оргбюро РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, стенографические отчеты заседаний органов государственной власти, материалы официальной статистики как дореволюционного периода, так и советской эпохи.

К четвертой группе опубликованных источников относится периодическая и ведомственная печать, прежде всего конца XIX – начала XX века, первых революционных лет, а также относящаяся ко времени «перестройки» и «гласности» конца 1980-х – начала 1990-х годов. Указанные периоды интересны

исследователю с точки зрения судьбоносного характера в развитии самого государства, а не только организации судебной власти, это те повороты истории, в которых общественное мнение могло повлиять и изменить наметившийся курс реформ. Материалы прессы интересны с точки зрения официальной и общественной реакции на функционирование судебной власти и оценки ее эффективности. Характер источников, относящихся к периодической печати, зависит от общественно-политического направления того или иного издания. Подвергая такой источник, научной критике, можно получить ценнейшую информацию о реальном положении вещей. В диссертационном исследовании была использована как юридическая периодика, так и пресса других направлений.

Обособленную группу источников составляют архивные материалы. Архивные источники играют важную роль в настоящем исследовании, позволяя приблизиться к пониманию подлинного функционирования изучаемых правовых институтов. Попытка проследить эволюцию судебной системы и ее высших органов только лишь на основе анализа законодательства может привести к искажению реально существовавшего порядка вещей. Понимание того, каким образом тот или иной нормативный акт действовал, применялся, обсуждался, критиковался, поможет выстроить наиболее объективную картину действительности, что невозможно без «первичных» источников.

Хронологические рамки исследования и предлагаемая периодизация предопределили выбор архивохранилищ, документы из которых были использованы в работе. Так, из Российского государственного архива древних актов были привлечены рукописные бумаги Екатерины II о состоянии и возможном реформировании сферы верховного правосудия (РГАДА. Ф. 10). Из фондов Российского государственного исторического архива наиболее востребованными оказались документы, содержащие сведения о подготовке и реализации судебной реформы 1864 года, в части организации и деятельности Кассационных департаментов Сената (РГИА. Ф. 1405 – фонд Министерства юстиции, Ф. 1354 – Общие собрания и соединенные присутствия Кассационных

департаментов Сената, Ф. 1275 – фонд Совета Министров и др.). Советская эпоха представлена несколькими архивами. Официальные документы государственных органов прежде всего Верховных Судов СССР и РСФСР, сосредоточены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. А. 353 – фонд Министерства юстиции РСФСР, А 428 – фонд Верховного Суда РСФСР, Ф. 9474 – фонд Верховного Суда СССР и ряд других). Однако для полноты представлений о развитии исследуемых государственных и правовых институтах советской эпохи необходимо было обратиться к материалам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 17 – фонд Центрального комитета ЦК КПСС, Ф. 153 – фонд П.И. Стучки и др.). Вопросы организации и деятельности высших судов практически не представлены в региональных архивах, но для исследования определенных проблем в редких случаях понадобилось обращение к таким фондам. Так, для реконструкции функционирования системы земельных и дисциплинарных судов были использованы материалы, хранящиеся в Государственном архиве Курской области (ГАКО. Ф. Р 998 – Курская окружная земельная комиссия, Ф. Р 774 – Курский губернский дисциплинарный суд). Значительная часть из указанных архивных документов вводится в научный оборот впервые.

В целом эмпирическая база настоящего исследования достаточно обширна и позволяет решить поставленные задачи.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1711 года, когда указом Петра I был учрежден Сенат, получивший статус высшего суда империи, до 1991 года, прекращения функционирования Верховного Суда СССР и начала процесса слома прежней судебной системы и построения новой на иных базовых принципах. Установление довольно широких хронологических границ обусловлено существующим запросом в историко-правовой науке на комплексные, «сквозные» исследования, позволяющие рассмотреть развитие института в динамике. Часто историко-правовые исследования являются «заложниками» не совсем обоснованной экстраполяции выводов, полученных на

основе материалов узкого временного отрезка, которые искажают общий ход развития высших судебных органов. Многие из данных штампов и трактовок до сих пор еще не подверглись серьезной проверке и пересмотру. Определение столь значительного хронологического отрезка, на наш взгляд, позволит наиболее полно осветить процесс становления и развития верховного правосудия, проследить эволюцию высших судебных органов, их трансформацию в переломные моменты.

Теоретической основой для проведения диссертационного исследования послужили идеи и концепции, разработанные в современной общей теории государства и права, истории государства и права, ряде отраслевых юридических наук, истории правосудия, представленные в работах отечественных и зарубежных ученых – С.С. Алексеева, А. Барака, А.Б. Венгерова, Б.В. Виленского, В.Г. Графского, Р. Давида, А.А. Дорской, Н.Н. Ефремовой, В.В. Захарова, И.А. Исаева, С.В. Кодана, Н.А. Колоколова, М.В. Немытиной, В.С. Нерсесянца, Д.А. Пашенцева, Д.О. Серова, А.С. Смыкалина, В.Н. Синюкова, Ю.П. Титова, В.Е. Чиркина, О.И. Чистякова, С.В. Юшкова.

Представление о судебной власти и ее основных институтах невозможно без осмысления работ отечественных ученых различных исторических эпох: Н.С. Бондаря, С.В. Десницкого, Х.И. Гаджиева, А.Д. Градовского, И.В. Гессена, Г.А. Джаншиева, М.И. Клеандрова, А.Ф. Кони, М.Н. Коркунова, Н.В. Крыленко, О.Е. Кутафина, В.М. Лебедева, Т.Г. Моршаковой, В.И. Сергеевича, Е.А. Скрипилева, П.И. Стучки, В.М. Сырых, Б.Н. Чичерина.

При подготовке диссертации активно использовались теоретические концепции, разработанные отечественными учеными-процессуалистами, представленные в трудах Е.А. Борисовой, Е.В. Васьковского, Л.А. Воскобитовой, А.Х. Гольмстена, Л.В. Головко, Д.Я. Малешина, М.С. Строговича, И.Я. Фойницкого, М.А. Чельцова-Бебутова.

Научная новизна работы обусловлена сформулированными выше целями и задачами и состоит в том, что в ней с позиций современных

требований историко-правовой науки впервые представлен системный анализ формирования и развития сферы верховного правосудия в России в XVIII – конце XX века, что позволило сформулировать историко-правовые модели организации высших судебных органов.

Становление и развитие высших судебных органов рассматривается через призму историко-теоретических моделей как сложных познавательных конструкций, описывающих особенности функционирования сферы верховного правосудия в конкретный период.

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что на основе широкого анализа научной литературы и комплекса источников впервые исследуется процесс формирования и развития сферы верховного правосудия в проблемно-хронологическом аспекте, в своем становлении, приобретении определенных признаков и форм, эволюции изменения представлений о миссии высших судов, способах функционирования в определенных исторических условиях.

Организация верховного правосудия представлена в контексте судебных преобразований и с позиций современных методологических подходов. В работе обосновывается авторская периодизация развития сферы верховного правосудия, представлено своеобразие ее моделей и особенности их функционирования.

По результатам проведенного исследования **на защиту выносятся следующие положения,** теоретическое обоснование которых содержится в настоящей работе.

1. Одной из важнейших характеристик организации судебной власти является «модель правосудия», под которой понимается комплекс объективно обусловленных существенных черт судоустройственных и судопроизводственных аспектов организации судебной власти, представленных в наиболее общем структурно-функциональном виде.

Комплексный методологический инструментарий позволил выделить два уровня типовых моделей организации высших судебных органов в России в

различные исторические периоды. Первый уровень – функциональный, предполагающий формулирование моделей относительно основных полномочий суда высшего звена. Второй уровень – процессуальный, связанный с институциональной ролью верховного суда в отправлении правосудия.

2. В результате исследования были сформулированы функциональные модели организации высших судебных органов в России. В качестве критерия типологизации функциональных моделей выступает доминирующая функция верховных судов, а именно – отправление правосудия и исправление судебных ошибок или регулятивная функция, по формированию судебной практики, обеспечении единообразия правоприменения. Указанный набор полномочий присутствует в каждом высшем суде, отличие в данном случае устанавливается по их соотношению.

Первая модель подразумевает превалирование функции отправления правосудия, т.е. верховный суд осуществляет исправление судебных ошибок, допущенных нижестоящими судами. Ее условно можно назвать ревизионной. Основной чертой данной модели является беспрепятственное обжалование почти всех судебных решений, прошедших предыдущие инстанции. Указанная особенность детерминирует следующие «эффекты» модели: краткий, технический характер решений суда, которые не формируют судебной практики непосредственно, структура верховного суда с большим количеством судей.

Вторая модель – регуляторная – подразумевает резкое ограничение допуска к верховному правосудию. Ее основная черта – это наличие системы «фильтров», которую должно пройти дело для того, чтобы быть рассмотренным в верховном суде. Главная задача верховного суда состоит в том, чтобы устранить разногласия, которые обнаружились в процессе правоприменения. Результатом такой работы является унификация судебной практики, как следствие, создание правил, обязательных для нижестоящих инстанций. Высшая судебная инстанция приобретает функции регулирующего, а не только контролирующего органа. Также возможно выделить смешанную модель, сочетающую в себе черты регуляторной и ревизионной.

3. Для полного и всестороннего анализа становления и эволюции высших судебных органов в России в рамках диссертационного исследования выделены и концептуализированы процессуальные модели, определяющие характер и значение высших судов в отправлении правосудия. Основным критерием для типологизации выступает соотношение звеньев и инстанций в рамках верховного суда. На этом основании дифференцируются: моноинстанциональная модель, характеризующаяся наличием одной инстанции в верховном суде (например, кассационной или надзорной), и полиинстанциональная модель, при которой верховный суд интегрирует в себе несколько судебных инстанций (первую, апелляционную, кассационную, надзорную), осуществляя правосудие в рамках единой институциональной вертикали. Избранная процессуальная модель также влияет на структуру и организацию высших судебных органов.

4. Диссертантом предложен авторский подход к периодизации сферы верховного правосудия. При определении точки отсчета, начиная с которой можно говорить о верховном правосудии, учитывалось два взаимосвязанных обстоятельства: появление обособленной судебной системы и создание в ней высшего судебного звена.

Эволюция верховного правосудия в России неразрывно связана с развитием самой судебной системы, ее постепенным обособлением. Частое реформирование судоустройства и судопроизводства в нашей стране сопровождалось изменением функций высшей инстанции и ее миссии. В качестве основного критерия выделения этапов становления и развития верховного правосудия предлагаем определение новых, качественно отличающихся от предыдущего периода функций высших судебных органов, их статуса и роли в государственном механизме. Предложенная периодизация не всегда совпадает с основными судебными преобразованиями в нашей стране, поскольку они не обязательно сопровождались реформированием сферы верховного правосудия.

1711–1763 годы. Период формирования обособленной судебной системы и учреждения Сената в результате реформ Петра I вплоть до первых судебных преобразований Екатерины II. В этот период эволюция Сената как высшей судебной инстанции происходит во взаимосвязи с двумя факторами: с одной стороны, идет развитие самого Сената, постепенно формируется набор полномочий, характерных для высшего суда, но с другой – на протяжении всего периода Сенат не выступает единственной высшей судебной инстанцией, постоянно конкурируя с иными органами (монарх, Верховный тайный совет, Кабинет министров и др.). Сфера верховного правосудия этого периода характеризуется непостоянством, запутанностью, неустойчивостью, как в институциональном, так и в процессуальном аспектах.

1763–1864 годы. В данный период происходит усиление роли Сената в качестве высшей инстанции, который становится во главе обновленной судебной системы. Идет дальнейшее формирование его полномочий, среди которых закрепляются рассмотрение наиболее важных дел по первой инстанции, пересмотр решений, толкование законов. Происходит последовательная структурная реорганизация Сената, важным следствием которой стала постепенная утрата им управленческих функций и закрепление за ним преимущественно судебных полномочий. В этот период не удается исключить из сферы верховного правосудия иные органы, обладающие полномочиями высшей инстанции.

1864–1917 годы. Создание и эволюция Кассационных департаментов Сената, принципиально новой модели верховного суда, основанной на моноинстациональности. Кассационный Сенат должен был действовать лишь в одной инстанции – кассационной, но со временем иные структурные подразделения Сената приобрели функции первой и апелляционной инстанций. Наличие иных полномочий не были определяющими и не подменяли его основной задачи. Из сферы верховного правосудия максимально были исключены иные органы.

1917–1923 годы. Данный период характеризуется становлением новой судебной системы и апробацией нескольких моделей организации верховного правосудия. Первая модель, «административная», реализованная в форме высшего судебного контроля, подразумевала судебный контроль и пересмотр решений судов со стороны Наркомата юстиции. Вторая модель была реализована в системе революционных трибуналов и представляла собой трехзвенную структуру во главе с Верховным революционным трибуналом при ВЦИК. Третья модель, «независимая», внутри судебной системы в виде обособленного Верховного судебного контроля – органа, состоящего из судей, сформированного путем выборов из судейского сообщества, – не была реализована.

1923–1938 годы. Этот период связан с созданием и первым этапом функционирования Верховного Суда РСФСР, а после Верховного Суда СССР, в течение которого происходит формирование сферы верховного правосудия советского периода, закрепление институционального и функционального статуса верховных судов. Во-первых, происходит децентрализация кассационной инстанции и передача соответствующих функций из Верховного Суда РСФСР в нижестоящие суды. Во-вторых, в этот период завершается оформление надзорных функций верховных судов. В-третьих, верховные суды получают необходимый инструментарий по обеспечению единообразия судебной практики посредством принятия Постановлений Пленумов и контроль за их выполнением. В этот период происходит оформление полиинстанциональной модели верховного правосудия, при которой верховный суд выполнял функции нескольких инстанций.

1938–1957 годы. Период характеризуется заметным перераспределением полномочий между Верховным Судом СССР и верховными судами республик в пользу общесоюзного органа, наблюдается сверхцентрализация судебной власти в руках Верховного Суда СССР. Верховный Суд РСФСР оказался в роли ординарной инстанции в судебной системе, из его структуры были исключены

Пленум и соответствующая функция по обеспечению единообразия судебной практики.

1957–1991 годы. «Возращение» Верховного Суда РСФСР к полиинстанциональной модели, оформленной в 1920–1930-е годы, при которой значительное место в деятельности высшей инстанции занимает отправление правосудия: рассмотрение дел по первой, кассационной и в надзорной инстанции. В этот период также происходит развитие полномочий ВС РСФСР по изучению и обобщению судебной практики и дача на их основе руководящих разъяснений судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении дел, а также осуществление общего контроля за выполнением всеми судами республики Постановлений Пленума ВС РСФСР.

5. Изучение эволюции организации и деятельности высших судебных органов в России в различные исторические периоды позволяет сформулировать новую правовую дефиницию – «сфера верховного правосудия», которая включает в себя как совокупность судебных и иных государственных институтов, осуществляющих функции по рассмотрению и вынесению окончательных решений по делу в последней инстанции для достижения целей правосудия, так и целый ряд механизмов, обеспечивающих единообразное применение законов и формирование судебной политики.

6. Доказывается тезис о преемственности формы актов высших судов, посредством которых обеспечивается единообразие судебной практики – разъяснений Общего собрания Правительствующего Сената (решений кассационных департаментов) и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР (РСФСР). В условиях российской правовой системы, где основным источником права является нормативный правовой акт, судебной власти требуется проведение обобщения складывающейся практики, которое будет выступать ориентиром для нижестоящих судов при разрешении аналогичных дел, что особенно востребовано в условиях динамики правоприменения и статичного законодательства, регулирующего отдельную сферу общественных отношений. Также нельзя отрицать патерналистического начала в устройстве и

организации верховного правосудия, что предопределяет ментальное наитие равняться на вышестоящий властный субъект, определяющий содержательную политику деятельности.

7. На основе анализа законодательства и практики его применения выявлено, что становление Сената с момента его учреждения в качестве высшего суда шло в русле постепенного формирования и уточнения полномочий, характерных для верховных судов: пересмотр решений нижестоящих инстанций и самостоятельное принятие окончательного решения, рассмотрение дел по первой инстанции, ревизирование приговоров и толкование законов. Появление указанной функции было связано с тем, что большинство нормативных актов принималось при участии Сената, поэтому к нему обращались за аутентичным толкованием норм, а впоследствии Сенат принимал к рассмотрению дела, разрешение которых было невозможно нижестоящими судами ввиду наличия пробелов в законодательстве.

8. В диссертации обосновывается тезис о том, что в сферу верховного правосудия XVIII – начала XIX века, кроме Сената, входили органы государственной власти, не являющиеся судебными, а лишь исполняющие отдельные полномочия высших судов. К ним относились: Верховный тайный совет, Кабинет министров, Государственный Совет, Комитет министров и ряд других. Появлявшиеся на протяжении XVIII века Верховный тайный совет и Кабинет министров имели четко выраженное политическое значение и не повлияли (или мало повлияли) на общий вектор развития системы судоустройства в целом, и верховного – в частности. Государственный Совет и Комитет министров наделялись функциями высших судебных инстанций, чтобы устранить недостатки работы Сената, нуждавшегося в реформировании. На данном этапе законодатель предпочел «дробить» функции верховного суда между вновь созданными органами вместо того, чтобы передать их архаичному Сенату.

9. Эволюция полномочий монарха в сфере верховного правосудия на протяжении XVIII – начала XX века шла по пути постепенного самоограничения

и отказа от судебных функций. С одной стороны, в силу самодержавной российской традиции, монарх выступал главой судебной власти, но, с другой стороны, постепенное обособление судебных органов со временем исключало императора из участников процесса. Полное отстранение монарха от сферы верховного правосудия произошло в ходе судебной реформы 1864 года, когда была закреплена окончательность решений Кассационного Сената. При этом в массовом сознании фигура императора воспринималась как последняя инстанция, ассоциирующаяся со справедливостью и милосердием, поэтому на законодательном уровне постоянно приходилось подтверждать неучастие монарха в отправлении правосудия.

10. Обосновывается вывод о том, что в процессе подготовки судебной реформы 1864 года для организации высшей судебной инстанции в России за основу была взята французская модель кассационного суда. Кассационный Сенат строился на принципах «чистой кассации», «сплошной кассации» и «единства кассации». Чистая кассация подразумевала невозможность высшего суда самостоятельно принимать решение по делу, без передачи его в соответствующий нижестоящий суд. Сплошная кассация предполагала право кассационного обжалования большинства решений при соблюдении формальных условий. Единство кассационного суда предусматривало закрепление кассационных полномочий исключительно за Кассационными департаментами Сената, без передачи иным судебным органам и инстанциям. Анализ организационной и процессуальной деятельности Кассационных департаментов Сената показал, что последовательное проведение указанных принципов привело к большому количеству дел в высшей инстанции, что стало причиной перманентных преобразований в сфере верховного правосудия в конце XIX – начале XX века и частичной корректировки заявленных принципов.

11. Становление верховного правосудия в первые послереволюционные годы проходило в условиях поиска оптимального его варианта, отвечающего принципам и потребностям молодого Советского государства. Основные дискуссии разворачивались вокруг следующих двух позиций: передача функций

высшей судебной инстанции в Наркомат юстиции в форме высшего судебного контроля или же создание относительно независимого верховного судебного контроля, выборного органа, состоящего из судей. Со временем победила третья точка зрения, предполагавшая трехзвенную судебную систему с судами первой, проверочной и высшей инстанции, существовавшей в структуре революционных трибуналов. С одной стороны, судебные преобразования 1920-х годов и создание Верховного Суда РСФСР привели к становлению модели организации правосудия, структурно схожей с той, которая существовала в России до революции. С другой стороны, Верховный Суд изначально наделялся гораздо большими полномочиями: рассмотрение дел в первой, кассационной, надзорной инстанциях, функциями судебного надзора за нижестоящими судами, а также полномочиями по обеспечению единообразия судебной практики посредством принятия Постановлений Пленумов. В результате высшая судебная инстанция на весь советский период приобрела черты полиинстанциональности.

12. Специализированное правосудие в 1920–1930-е годы было подвержено тем же процессам, что и общие суды. Параллельно в структуре специализированных судов были апробированы различные подходы к организации верховного правосудия, которые можно классифицировать в трех вариантах. «Административный» вариант предполагал передачу функций высшей инстанции исполнительному органу (Народный комиссариат земледелия выступал высшей инстанцией для земельных комиссий). Второй вариант предусматривал создание обособленной специализированной юстиции во главе с высшей инстанцией (Высшая арбитражная комиссия при Совете Труда и Обороны (СТО) для арбитражных комиссий, Высший дисциплинарный суд в системе дисциплинарных судов). Третий вариант включал в себя те специализированные суды, для которых высшей инстанцией выступал Верховный Суд с созданием в его структуре специальной коллегии или без таковой (особые трудовые сессии народных судов, военные трибуналы, военно-транспортные суды).

Победившая в конце 1920-х годов тенденция к унификации судебной системы привела к упразднению большинства специализированных судов – они были либо реорганизованы с передачей дел в общие суды, либо переподчинены Верховному Суду.

13. Доказывается тезис о том, что эволюция структуры и функций Верховного Суда РСФСР являлась результатом полиинстанционального характера высшего суда. Анализируя общетеоретические модели организации и деятельности высших судов, формулируется вывод, что данная особенность отечественного верховного правосудия не является типичной, скорее полиинстанциональность – это уникальная черта российской модели. Верховный Суд РСФСР изначально был наделен функциями, равными по своему значению, с возможной реализацией полномочий всех инстанций: первой, кассационной и надзорной. Вместе с тем основной задачей высшего суда являлось обеспечение единообразия судебной практики через принятие Постановлений Пленумов и издания руководящих разъяснений нижестоящим судам.

14. Анализ Концепции судебной реформы 1991 года и проектов законов, регулирующих судебную сферу, говорит о наличии противоречий в среде реформаторов относительно организации судебной власти и верховного правосудия. Идея «федеративного дуализма» судебной системы, закрепленная в Концепции, не прослеживается в иных актах и их проектах, что говорит о заведомом отказе от данной траектории реформирования.

15. Аргументируется вывод о преемственности функциональной модели организации верховного правосудия советского образца при построении обновленной судебной системы российского государства в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Отечественный законодатель взял за основу регуляторную модель верховного правосудия, определив задачей верховных судов обеспечение единообразия судебной практики. При этом из советской эпохи перешла полиинстанциональность верховных судов, которая воплотилась в создании нового органа верховного правосудия – Высшего арбитражного суда.

Теоретическая значимость работы обусловлена выбором темы исследования и заключается в предложенных познавательных выводах, способствующих расширению представлений о структуре судебной власти в различные исторические периоды и организации верховного правосудия. Наряду с этим теоретические выводы и предложения могут использоваться в научном анализе состояния современного верховного правосудия и путей его развития.

В диссертационной работе рассмотрен ряд проблем, оставленных без внимания предыдущими исследователями. Изучен процесс становления и развития сферы верховного правосудия через призму его реформирования в различные исторические периоды. Указанные выводы обосновываются и подтверждаются разнообразным фактическим материалом, используемым в исследовании.

Сформулированные в результате исследования историко-правовые модели высших судебных органов позволяют преодолеть описательный характер в изучении темы и перейти к глубокому системному анализу эволюции высших судов России. Проведенное исследование в рамках этой типологии, подкрепленное конкретным историко-правовым материалом, способствовало получению новых значимых научных результатов, вносящих вклад в историю права и государства.

Полученные результаты также могут послужить основой для смежных историко-правовых исследований государственно-правовых институтов.

Практическое значение исследования обусловлено возможностью использования исторического опыта в правовой модернизации сегодняшней России при повышении эффективности судебной власти, с тем чтобы обеспечить как качественное правосудие, так и реализацию конституционного принципа независимости суда.

Изложенные в диссертации выводы и предложения имеют концептуальную и научно-практическую значимость и могут с учетом новых реалий быть использованы в законотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности для совершенствования существующих

организационно-правовых форм верховного правосудия.

Собранный фактический материал может быть использован в общетеоретических и отраслевых научных исследованиях, затрагивающих вопросы юридического образования и дальнейшей стажировки юристов, при разработке учебных программ, учебников и учебно-методических пособий по отечественной истории, истории государства и права, в процессе преподавания в юридических вузах историко-теоретических и отраслевых профессиональных дисциплин.

Структура диссертационного исследования обусловлена его целями и задачами. Диссертация состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Обоснованность результатов работы предопределена логикой научного познания и применением системного анализа в качестве базового метода исследования. Выводы автора верифицированы посредством изучения широкого круга источников, а также использованием комплекса научных методов, соответствующих предмету исследования.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основное содержание и базовые положения диссертации получили освещение в научных публикациях, а также в докладах и сообщениях на двенадцати научных конференциях, в том числе семи международных, и изложены в 37 публикациях, общим объемом более 34,6 п.л., в том числе имеется 22 публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных в перечне ВАК, одной публикации в издании, индексируемом в Web of Science (Q4), Scopus (Q2).

Глава I. Теоретико-правовые основы и историография изучения организации высших судебных органов в России

§ 1.1. Модели организации высших судебных органов: теоретико-правовые конструкции

Исследование процессов становления и эволюции судебной системы необходимо для познания ее сущности, структуры, социального назначения. При этом только историческая последовательность не может быть единственной формой изложения материала, а следовательно, формой познания. Без понимания сущности правового института невозможно научное освещение его истории – логические теоретические конструкции определяют концептуальный подход к познанию правового института в его историческом развитии. С другой стороны, без представления об истории правового института нельзя глубоко осмыслить его сущность. Теория вырабатывает свои категории и понятия на основе исторических обобщений, раскрывая в них логику становления и развития правовых институтов. В процессе познания происходит постоянный переход логического (теоретического) в историческое и наоборот.

Только в диалектическом единстве истории и логики рождается подлинно научное знание, которое позволяет не только объяснить прошлое, но и понять современные проблемы, и даже прогнозировать направления дальнейшего развития судебной системы. Этот подход превращает изучение права из простого анализа норм в глубокую интеллектуальную деятельность, направленную на постижение сути конкретного правового института.

Судебная власть на протяжении долгих периодов своего развития не оставалась неизменной. Эволюция судебной власти происходила в контексте исторических условий отдельных государств, специфики их развития и функционирования на различных этапах. Однако при всем многообразии форм организации судебной власти и процессуальных особенностей представляется возможным выделить определенные закономерности и типовые черты. Это позволяет предпринять попытку моделирования организации судебной власти.

Историко-правовая модель – это теоретическая конструкция, представляющая собой целостное, систематизированное и идеализированное описание правового явления или института в конкретный исторический период, выявляющее ее сущностные, системообразующие черты и закономерности развития. Историко-правовая модель, как любая научная модель, включает несколько уровней: нормативный, институциональный и функциональный.

Концепция историко-правовой модели применительно к организации судебной власти наиболее близко соотносится с понятием модель правосудия.

Термин «модель правосудия» не является общепризнанным, не все ученые вкладывают в него один и тот же смысл. Однако несогласованность мнений исследователей не влияет на частое использование *понятия* «модель правосудия» в научных работах, посвященных правосудию.

Для целей настоящего исследования обобщим имеющиеся точки зрения и сформулируем собственное определение понятия «модель правосудия», включив в него вопросы, связанные с организацией судебной власти. Под моделью правосудия будем понимать комплекс объективно обусловленных существенных характеристик судоустройственных и судопроизводственных аспектов организации судебной власти, представленных в наиболее общем структурно-функциональном виде.

Придерживаясь данного определения, возможно выделить ряд ключевых черт, присущих модели правосудия. Так, модель правосудия (в организационном и процессуальном смысле) формируется в обществе и отражается в системе государственно-правовых институтов и нормативных предписаний. Следовательно, она не лишена свойств «подвижности», она не статична. В своем становлении и развитии она подчинена общим закономерностям социально-экономического и политического развития страны, сопряжена с характерной для государства правовой системой, основана на традициях и историческом опыте, подвержена определенным в конкретном обществе пределами иностранного заимствования. Именно поэтому для исследователя крайне важно при теоретизации и абстрагировании в процессе создания очередной «модели

правосудия» рассматривать ее в контексте всей совокупности названных факторов.

Проведенный историко-правовой анализ организации и функционирования высших судебных органов России позволяет ввести в научный оборот новое понятие – «сфера верховного правосудия» – и сформулировать его определение. Сфера верховного правосудия – это комплексный институт, объединяющий, с одной стороны, систему судебных и иных государственных органов, наделенных прерогативой принятия окончательных судебных актов, а с другой – совокупность правовых механизмов, призванных гарантировать единообразие судебной практики и осуществлять целенаправленное формирование судебной политики.

Наличие высшей судебной инстанции характерно для всех без исключения судебных систем современного мира. При этом организация судебной власти могут зиждиться на диаметрально противоположных принципах и подходах, но наличие высшего судебного звена, находящегося на вершине судебной иерархии, является своего рода универсальным признаком любого судоустройства. В ряде случаев можно говорить о наличии нескольких высших судов одного уровня по горизонтальному принципу, однако это не умаляет признака обязательного наличия высшего судебного органа.

Указанная универсальность в построении судебной власти различных государств, не характерная для других аспектов судоустройства даже «близких» по своим принципам судебных систем, на наш взгляд, не случайна и объясняется рядом причин.

Во-первых, это иерархичность судебной системы. Основная цель отправления правосудия – это достижение справедливости, восстановление нарушенного права, что предполагает возможность обжалования решений нижестоящих инстанций с целью их проверки. При этом процесс пересмотра не может быть бесконечным, необходимость поставить окончательную точку также служит интересам достижения общей цели – справедливого решения. Это обуславливает пирамидальную структуру судебной системы: большое

количество судов первой инстанции, меньшее промежуточных инстанций и всего одна высшая, наиболее авторитетная и компетентная.

Во-вторых, единство судебной системы. Данный признак предполагает взаимосвязь всех ее звеньев. При этом связи, которые существуют внутри системы, должны быть сильнее, чем связи ее элементов с объектами, находящимся вне системы. Для судебной системы, все ее звенья должны быть связаны посредством единообразного понимания и применения норм права. Такие функции должны принадлежать единому органу, возглавляющему судебную систему и обладающему не только авторитетом, но и специальным статусом и полномочиями в сфере обеспечения единообразия судебной практики. Важно, что этот орган должен быть один, иначе единообразия в какой-то момент можно и не достигнуть.

Разумеется, говоря о построении судебных систем в различные исторические эпохи, необходимо отметить, что в отдельных государствах на их структуру влияют множество факторов: традиции, политическая обстановка, уровень социально-экономического развития, форма правления, форма государственного устройства, принадлежность к определенной правовой семье (системе) и др.

В научной литературе уже были попытки дифференцировать высшие судебные органы, с тем чтобы выявить их схожие признаки и в итоге сформулировать некие идеальные модели. Остановимся на характеристике некоторых таких теорий.

Попытку сформулировать модель организации верховного правосудия была предпринята известным израильским юристом, судьей Аароном Бараком. Его модели направлены на «описание природы деятельности верховного судебного органа государства»[2]. Основным критерием разграничения моделей А. Барак видит в степени использования судьей (или судом) права судейского усмотрения. Он предлагает три гипотетические модели: декларативную, политическую и модель законодательствования. Согласно первой модели,

[2] См. подробнее: Барак, А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. С. 304.

декларативной, верховный суд и его судьи сосредоточены на разборе дел и принятии правосудного решения, поэтому они декларируют право, находят то правило, которое следовало применить в конкретном деле. При распространении данной модели роль судейского усмотрения крайне мала или вовсе отсутствует. В противовес декларативной модели А. Барак формулирует политическую модель. Для такой модели разрешение спора – это не основная, второстепенная роль верховного суда. Судья является лицом, творящим право и применяющим его. Судебное усмотрение в этой модели раскрывается в полную силу. Судьи не просто творят право, но и формируют отдельную судебную политику, которая может совпадать, а может не совпадать с официальной политикой законодательной и исполнительной власти.

В качестве «золотой середины» А. Барак называет модель законодательствования, или модель ограниченного судейского усмотрения. Согласно версии А. Барака при такой модели судья позволяет себе правотворчество лишь в случае пробельности законодательства, «в щелях права»[3]. Судейское усмотрение в данном случае имеет свои пределы. Важно отметить, что сам А. Барак видит некий идеал в третьей модели. То есть, по его мнению, верховные суды должны сочетать в себе как минимум две функции – отправление правосудия и формирование судебной политики, путем активного, но ограниченного использования судейского усмотрения.

Еще одна попытка сформулировать модели верховного правосудия принадлежит классику отечественной юриспруденции профессору Л.В. Головко. Он предлагает классифицировать высшие судебные инстанции в зависимости от особенностей процесса обжалования решений в рамках континентальной и англосаксонской правовых семей. По мнению Л.В. Головко, для континентальной модели характерно наличие высшей судебной инстанции, которая прежде всего действует в интересах сторон, следствием чего является принятие к рассмотрению большинства дел, об обжаловании которых заявляют участники процесса. В англосаксонских странах верховный суд действует в

[3] Там же. С. 308.

интересах правосудия, принимая только небольшое количество дел. Критерием отбора в данном случае служит наличие в споре фундаментальной правовой проблемы. Такое отношение к своим функциям объясняется еще и тем, что рассмотрение высшим судом дело станет прецедентом, поэтому должно содержать решение существенной правовой проблемы[4].

Представленные модели типологизации верховных судов имеют много общего. В них в первую очередь речь идет о доминирующей функции верховного суда – отправление правосудия и исправление судебных ошибок, или регулятивная функция, – по формированию судебной практики, обеспечению единообразия и формированию судебной политики.

Попытаемся сформулировать модели организации высших судебных органов, претендующие на универсальный характер. Представляется, что такое возможно для современного мира, где институционализация судебной власти уже завершена и ее функционирование обладает схожими признаками, поддающимися определенной типологизации.

Все функции судов высшей инстанции можно условно разделить на две группы.

Первая группа состоит из полномочий, которые можно охарактеризовать как отправление правосудия. То есть верховный суд осуществляет исправление судебных ошибок, допущенных нижестоящими судами, путем вынесения правосудных решений. Второй набор функций связан с унификацией судебной практики, вследствие чего верховным судам дано право создания правил, к которым необходимо обращаться нижестоящим судам при разногласиях в процессе правоприменения.

Указанный набор полномочий присутствует в каждом высшем суде, отличие в данном случае устанавливается по их соотношению.

Первая модель подразумевает, что преобладает функция отправления правосудия. Ее условно можно назвать «ревизионной» или «французской

---

[4] См. подробнее: Судоустройство и правоохранительные органы: учебник / под ред. проф. Л.В. Головко. М.: Городец, 2020. С. 358-359.

моделью», поскольку именно французский Кассационный суд работает на этих принципах.

Для данной модели характерно поэтапное прохождение дел через все судебные инстанции, включая высшую. Для принятия дела к рассмотрению в верховном суде требуется соблюсти формальные требования к кассационной жалобе. Таким образом, стадия кассации перестает быть экстраординарной и превращается в своего рода обязательную. Для примера, Кассационный суд Франции в год рассматривает несколько десятков тысяч дел[5]. Следствием такой практики является достаточно обширная по количеству дел и членов высшая судебная инстанция. Действительно, чтобы рассмотреть большое количество кассационных жалоб, необходим достаточный штат суда. Так, в современном Кассационном суде Франции около 350 судей (т.н. советники), которые объединены в шесть палат[6]. Прохождение через кассационную инстанцию большого количества дел предопределило структуру судебного решения. Это краткие по объему документы, представляющие собой ответы на доводы кассационной жалобы, с минимальной мотивировочной частью или вообще без таковой.

Форма судебного решения во многом определяется ролью суда в той или иной правовой семье. Для континентальной правовой семьи, где суд не обладает правом создавать новую норму, а лишь интерпретирует ее, судья может ограничиться краткой ссылкой на нормативный акт, без подробного анализа позиций и доктрин. Для ревизионной модели также характерна сформировавшаяся на протяжении многих лет техника кассации, которая предполагает четкое изложение стороной позиций, по которым происходит обжалование, и краткое резюме судьи на них. Композиционная форма решений Кассационного суда Франции – это результат длительного исторического развития, на который повлияли несколько факторов: и принадлежность к континентальной правовой семье, и практика «сплошной кассации» с большим

[5] Официальный сайт Кассационного Суда Франции // https://www.courdecassation.fr/la-cour-de-cassation/reperes/audience-solennelle-de-debut-dannee-judiciaire-2023
[6] См.: там же.

количеством дел в высшей инстанции. Однако представляется, что удержание судебных решений в такой форме имеет и объективную причину. Обилие доводов, анализ разных позиций, использование мотивировок, основанных на юридических фактах, истории права, правовой политике, соображениях сравнительно-правового характера, нередко могут привести к различным итоговым выводам. Именно поэтому судьи избегают длинных формулировок и следуют формуле «только доводы и ничего кроме»[7].

Из специфики формы такого судебного решения вытекает еще одна особенность данной модели верховного правосудия. Это сложный процесс формирования судебной практики и правовых позиций высших судов. Краткое по своему содержанию решение не может служить ориентиром для нижестоящих судов по аналогичным делам. Для формирования правовой позиции суда требуется ни одно, а несколько решений по схожим делам для того, чтобы стать правилом.

Итак, подытожим характеристику функциональной ревизионной модели. Ее краеугольным камнем является институт сплошной кассации, то есть, беспрепятственное обжалование почти всех судебных решений, прошедших предыдущие инстанции. Данная основная черта детерминирует следующие «эффекты» указанной модели: краткий, технический характер решений суда, которые не формируют судебной практики сразу, а лишь постепенно, когда будет принято несколько подобных решений; структура верховного суда с большим количеством судей, которые рассматривают несколько десятков тысяч дел в год. Основными чертами ревизионной модели обладал функционирующий в России в пореформенный период Кассационный Сенат. Заимствованный из Франции институт единой и сплошной кассации во второй половине XIX века получил распространение в России, однако при желании законодателя четко следовать «идеалам» ревизионной модели конкретные исторические реалии вносили коррективы в ее апробацию. В результате к 1917 году французская

[7] Touffait Adolphe. Conclusions d'un praticien. // Revue internationale de droit comparé, 1978. Vol. 30 N°1, Janvier-mars. pp. 473-486

ревизионная модель видоизменилась, приобрев черты противоположной модели. Данному процессу посвящен соответствующий параграф.

Другая модель подразумевает прежде всего иной подход в вопросе допуска к верховному правосудию. Здесь главная задача верховного суда состоит в том, чтобы устранить разногласия, которые обнаружились в процессе правоприменения. Результатом такой работы является унификация судебной практики, как следствие – создание правил, обязательных для нижестоящих инстанций. Таким образом, высшая инстанция приобретает функции регулирующего, а не только контролирующего органа. Такую модель условно можно назвать «регуляторной».

Такая модель характерна в том числе для стран англосаксонской правовой семьи, поскольку прецедентный характер права предопределяет активную роль суда в формировании права вообще. Однако в данном случае принадлежность к англосаксонской правовой семье не является определяющим фактором. Для многих стран континентального права характерна именно регуляторная модель верховного правосудия.

Ее основная черта – это наличие системы «фильтров», которую должно пройти дело, для того чтобы быть рассмотренным в верховном суде. Приведем пример такого фильтра в организации верховного правосудия в Германии, а конкретно – Верховного суда ФРГ[8]. Действовавший до 2002 года закон предполагал, что Верховный суд ФРГ принимал к рассмотрению жалобу, где цена иска превышала 60 тыс. марок (или 30 тыс. евро), а также дело имело принципиальное значение для судебной практики. По данной категории дел Верховный суд мог полностью пересмотреть дело, исправить ошибки и тем самым предотвратить возможные разногласия в правоприменении. В остальных случаях дела рассматривались верховными судами земель и не попадали в федеральный верховный суд.

[8] В данном случае не будем анализировать работу федеральных специализированных высших судов ФРГ.

С 2002 года гражданское процессуальное законодательство определяет, что пересмотр решения судов апелляционной инстанции возможно, если суд апелляционной инстанции разрешает такой пересмотр или если в Верховном суде обжалуется отказ в таком пересмотре. Основаниями разрешения в порядке ревизии (так именуется кассация в германском процессуальном праве) является только принципиальное значение дела или необходимость развития права в данной сфере или обеспечение единообразия правоприменительной практики.

В данном случае реформа системы «фильтров» в Верховном суде ФРГ[9] говорит о том, что пересмотр должен служить общественным интересам, а защита прав граждан отойдет на второй план. Аналогичный подход установлен и для уголовного судопроизводства[10].

В этом контексте является проблемой отнесение конкретного дела к категории принципиальных. В Германии и других аналогичных моделях это всегда дискреция суда.

В практике Верховного суда Германии дело считается, имеющим принципиальное значение тогда, когда оно поднимает значимый правовой вопрос, требующий разъяснения, который может возникнуть в неопределенном множестве случаев и поэтому затрагивает абстрактную заинтересованность общества в единообразном развитии права[11]. Одним из оснований может являться предпосылка того, что конкретное дело служит поводом для выработки единой методики толкования норм права или восполнения правовых пробелов.

Таким образом, даже грубая судебная ошибка не должна являться основанием для ревизионного пересмотра в Верховном суде ФРГ, поскольку узкое толкование процессуального закона говорит о принятии жалобы к

---

[9] Германия не выступает родоначальницей такой системы, более того, на этот «статус» претендуют другие страны. Для ее описания выбрана Германия потому, что представленный порядок функционирования верховного правосудия является одним из возможных образцов для сравнения российского опыта в данной сфере, поскольку у обеих стран имеется сходство исторических традиций в формировании правовых систем.

[10] Горбань, В.С., Савенков, Д.А. Судоустройство: состояние и современные тенденции развития системы судов общей юрисдикции в Германии (научный комментарий к закону ФРГ «О судоустройстве»). Саратов: Амирит, 2019. С. 102.

[11] Хюбш, Г. Обеспечение единообразия правоприменительной практики в национальной судебной системе // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры. М., 2005. С. 45-47.

рассмотрению лишь в том случае, если она выходит за рамки отдельного дела и затрагивает общественные интересы, если они существенны и способны подорвать доверие к системе правосудия в целом. Надо отметить, что такая позиция подвергается критике и отказные решения не раз подлежали контролю в Федеральном Конституционном суде ФРГ. Однако даже «заступничество» Конституционного суда не меняет общего механизма указанной модели: не все дела подлежат пересмотру в верховных судах.

Соответственно, ключевой задачей верховного правосудия является не исправление ошибок, допущенных нижестоящими инстанциями, а обеспечение единообразия судебной практики, формирование «пластов» позиций, которым будут обязаны следовать нижестоящие суды.

Такое позиционирование верховного правосудия в рамках данной модели предопределяет структуру верховных судов. Как правило, они малочисленны. Так, в рассматриваемом Верховном суде ФРГ – 153 судьи[12]. Решения Верховного суда, подробные, аргументированные, четко структурированы, содержат мотивировочную и резолютивное части. Одного такого решения достаточно для того, чтобы сложилась судебная практика, оформилась позиция суда. Число решений в год составляет около 3-3,5 тыс. дел[13].

Становление указанной модели исторически предопределило переход высших судов от роли «последней инстанции» к роли стратегического регулятора, проводника государственной политики, а в отдельных случаях – самостоятельного актора по ее формированию.

Кроме указанных моделей, сформулированных на основе статичного критерия – выявления доминирующей функции и анализа структуры высшего суда, можно предложить использовать иной критерий – процессуальный. В

---

[12] По состоянию на 1 января 2024 года – официальный сайт Верховного суда ФРГ // https://www.bundesgerichtshof.de/DE/DasGericht/Organisation/organisation_node.html;jsessionid=AC767BA714289698979D17D3BEAFCD11.internet942 (дата обращения – 24.01.2024).

[13] См., например, статистику за 2021 г. – 3526 дел, за 2022 г. – 3025: https://www.bundesgerichtshof.de/SiteGlobals/Forms/Suche/Servicesuche_Formular.html;jsessionid=C380E5B4F3848DB18FA58A6B5A549189.internet982?nn=10584348&resourceId=10585784&input_=10584348&pageLocale=de&templateQueryString=Die+Statistik&submit.x=0&submit.y=0 (дата обращения – 30.01.2024).

данном случае можно говорить о двух вариантах (моделях): если в верховный суд функционирует в рамках одной единственной инстанции (кассационной или надзорной), завершая собой судебную иерархию, или верховный суд имеет в своем составе несколько самостоятельных инстанций. Моноинстанционная модель предполагает наличие в верховном суде одной инстанции, которая является высшей, без возможности пересмотра дела. Полиинстанционная модель говорит о присутствии в верховном суде как звене судебной системы нескольких инстанций, связанных с друг другом процессуально, с возможностью перехода дела из одной нижестоящей в другую вышестоящую.

Верховный суд, построенный по принципу моноинстанциональности, будет отличаться относительно простой структурой, наличием нескольких судебных коллегий (гражданской, уголовной, административной и др.), которые выполняют одну и ту же функцию – окончательного принятия решения по делу. Полиинстанциональный верховный суд предполагает гораздо более сложную организацию, отражающую весь спектр инстанционального взаимодействия: коллегии по рассмотрению дел в первой инстанции, апелляционной, кассационной; также возникает необходимость в сложной системе внутреннего регламентирования и распределения дел.

Говоря о соотношении двух уровней моделей: ревизионной – регуляторной и моноинстанциональной – полиинстанциональной, можно проследить связь. Чем более последовательно верховный суд проводит в жизнь одну функцию (либо регуляторную, либо ревизионную), тем чаще в его составе наличествует одна инстанция, если для верховного суда ключевая функция не явно доминирует, то в таком случае возникает необходимость множить количество инстанций. Так, например, трансформация Верховного Суда РФ в последние десятилетия говорит о том, что он постепенно сосредотачивается на регуляторной функции, отказываясь от простого пересмотра дел, что ведет к сокращению количества инстанций. Так, по первой инстанции в рамках уголовного и гражданского процессов за Верховным Судом не сохранилось юрисдикции, в арбитражном процессе, она крайне незначительна.

Важно отметить, что представленные теоретические модели носят универсальный или усредненный характер, в чистом виде они не существуют ни в одной судебной системе мира. На организацию и деятельность высших судов в конкретной стране всегда влияет совокупность факторов. Модель высших судов является сложной аналитической конструкцией, важнейшей характеристикой которой выступают особенности становления и исторического развития высших судебных органов.

В каждой национальной модели организации верховного правосудия обязательно присутствуют свои особенности и характерные черты, которые способны значительно изменить первоначальную теоретическую модель, до такой степени, что она окажется ближе по своим качествам к противоположной, сложив некий «средний вариант». На наш взгляд, именно такое видоизменение произошло с высшей судебной инстанцией в России. Ее построение по «французской», «ревизионной» модели во второй половине XIX века сразу же приобрело национальные особенные черты. И последующая ее трансформация в Верховный Суд РСФСР (СССР) и закрепление за ним функций, не свойственных высшим судам, предопределили уникальный характер модели организации высших судов в нашей стране: наличие в составе суда всех инстанций от первой до кассационной, надзорное производство, усиление регуляторной функции, фактический диктат Верховного Суда в вопросах правоприменения.

§ 1.2. Историография вопроса организации и деятельности высших судов в России: этапы, концепции и современное состояние научного знания

Отечественная историко-правовая наука располагает богатым массивом материала по вопросам организации судебной системы в различные исторические периоды. Это наследие представлено как работами дореволюционного правоведения, так и советской юридической школой. При этом значительная часть научного потенциала создана в последние три десятилетия. Разумеется, тематику организации и деятельности высших

судебных органов невозможно рассматривать в отрыве от изучения всей системы правосудия, структуры судебной власти, процессуального права. Именно поэтому в орбиту исследования попадали труды, прямо или косвенно позволяющие институционализировать сферу верховного правосудия. В настоящем историографическом обзоре попытаемся остановиться на работах, наиболее близких теме, включающих историю становления и развития высших судебных органов в России, обобщающих теоретические подходы к организации верховного правосудия и определяющих эволюцию полномочий верховных судов.

Представляется, что для полного и всестороннего историографического анализа мы применим «лествичный» принцип изложения материала. С одной стороны, в отечественной историко-правовой науке уже сложилась периодизация историографии истории судебной системы. Первый период хронологически относится к дореволюционной эпохе и включает в себя труды с XVIII века по 1917 год, второй период охватывает советскую эпоху и представлен работами ученых 1920-1980-х годов, и, наконец, третий период составляют труды постсоветских и современных ученых, научные исследования которых посвящены становлению и развитию сферы верховного правосудия в нашей стране. Кроме того, целесообразным представляется рассмотреть имеющуюся зарубежную историографию. В то же время структура диссертационного исследования, избранный хронологический принцип изложения материала предполагают изучение дореформенной системы правосудия в рамках 1700-1864 годов, пореформенного с 1864 по 1917 годы и советского периода с 1917 по 1991 год. Лествичный принцип подразумевает, что в рамках каждого из указанных периодов – дореформенного, пореформенного и советского – будет представлена (где это возможно) дореволюционная, советская, современная и зарубежная историография.

Первый период связан с образованием Сената и его развитием в качестве высшей судебного органа в 1711-1864 годы. Дореволюционная историография указанной тематики главным образом содержит фундаментальные труды,

изданные к крупным юбилеям государственных органов. Речь, прежде всего, идет о работе профессора Варшавского университета Василия Александровича Гагена «Очерки истории Сената в XIX столетии»[14], а также о пятитомном труде «История Правительствующего Сената за 200 лет» коллектива авторов[15].

Они носят официальный характер, отличаются пафосным изложением, почти не содержат оценочных выводов, но при этом в них обобщен богатейший фактологический материал, базирующийся на источниках, которые могли быть утрачены к настоящему времени.

Раскрывая историографию указанного периода, важно назвать научные труды А.Н. Филиппова, посвященные взаимодействию органов, составляющих сферу верховного правосудия в XVIII столетии[16]. Известный дореволюционный историк права Александр Никитич Филиппов на основе документов официального делопроизводства Сената, Верховного Тайного совета и Кабинета министров проанализировал, в том числе и деятельность указанных органов в качестве высших судебных инстанций, впервые сделал вывод о не бессистемной характере их взаимодействия и постепенном закреплении статуса высшей судебной инстанции за Сенатом. В эту же группу стоит отнести труд Б.Л. Вяземского «Верховный тайный совет» 1909 года[17].

Указанные работы при наличии многих достоинств все же имели целью описать всю полноту государственной деятельности перечисленных органов власти, при этом анализ именно судебных функций состоял в общем спектре полномочий. Сфера верховного правосудия дореформенной России не была предметом специальных научных исследований.

---

[14] Гаген, В.А. Очерки истории Сената в XIX столетии. СПб.: Сенатская типография, 1911. – 283 с.

[15] История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб.: Сенатская типография, 1911. Т. I. – 736 с.; История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб.: Сенатская типография, 1911. Т. II. – 860 с.; История Правительствующего Сената за 200 лет Т. III. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1911. – 712 с.; История Правительствующего Сената за 200 лет Т. IV. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1911. – 529 с.

[16] Филиппов, А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев: Типография Маттисена, 1895. – 493 с.; он же. К вопросу о Верховном тайном совете. М.: Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И.Н. Кушнеров и Ко, 1896. – 62 с.; он же. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев: Типография К. Матисена, 1898. – 45 с.

[17] Вяземский, Б.Л. Верховный тайный совет. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. – 424 с.

Дореволюционные историки и юристы обращались к данной проблематике в рамках больших исследований по российской государственности, истории органов государственной власти, судебной системы в целом[18]. При этом труды К. Троцины, Ф.М. Дмитриева, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского и др. носят системный характер, основаны на богатом эмпирическом материале, содержат ценнейшие выводы о процессе становления отечественной судебной системы в XVIII – начале XIX века, в том числе о высших судебных инстанциях.

К специальным трудам, посвященным организации верховного правосудия в период XVIII – первой половины XIX века, можно отнести статью П.И. Иванова «Сенат при Петре Великом», опубликованную в журнале Министерства юстиции за 1859 год[19]. Статья имела своей целью осветить всю совокупность полномочий Сената в первый период его существования, включая и судебные функции. Похожая по стилистике и научному изложению стала работа И.С. Петровского «О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование»[20].

В 1910 году вышло в свет монографическое историко-правовое исследование П. Голицына «Первый век Сената», имеющее целью представить не только описательную историю данного учреждения, но и сформулировать основные факторы, повлиявшие на эволюцию его статуса как государственного органа[21].

---

[18] Троцина, К. История судебных учреждений в России. СПб: Типография Эдуарда Веймара, 1851. – 387 с.; Дмитриев, Ф.М. История судебных инстанций и гражданского и апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М.: Тип. Мамонтова, 1859. – 580 с.; Кавелин, К.Д. Основные начала русского судоустройства от Уложения 1649 г. до Учреждения о губерниях 1775 г. М.: Либроком, 2011. – 110 с.; Градовский, А.Д. Собрание сочинений в 8 т. Т. VIII. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1903. – 563 с.; он же. Собрание сочинений. В 8 т. Т. V. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. – 561 с.; Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т.2. СПб.: Сенатская типография, 1910. – 573 с. и др.

[19] Иванов, П.И. Сенат при Петре Великом // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – Т.1. – Кн. 1. С. 34-70.

[20] Петровский, И.С. О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. – 349 с.

[21] Голицын, П. Первый век Сената. СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1910. – 206 с.

В указанных работах была предпринята попытка проанализировать место, роль и значение Сената в качестве вышей судебной инстанции на основе принципов русской исторической школы. Авторами делается вывод о безусловном положительном характере всех государственных преобразований в судебной сфере и поступательном развитии Сената как органа управления и суда.

Из специальных работ, раскрывающих деятельность верховного правосудия во второй половине XVIII века и продолжающих тему Сената, можно назвать очерк С.М. Соловьева «Сенат в начале царствования императрицы Екатерины II»[22] и статью В.С. Иконникова «Правительствующий Сенат при Екатерине Великой»[23]. Так же как и их предшественники, указанные авторы опирались на большой круг источников, их работы насыщены фактами и примерами. Вместе с тем Сенат рассматривается как громоздкий орган, сочетающий в себе совокупность разнообразных полномочий, среди которых анализу подвергаются и судебные функции.

Произведенная Екатериной II реформа Сената и выделение его судебных департаментов также нашли отражение в трудах отечественных историков права. Во-первых, это работа Н.М. Коркунова «Два проекта преобразований Сената второй половины царствования Екатерины II (1788 и 1794 годов))»[24], во-вторых, В.М. Грибовского «Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины второй». Указанные труды также написаны на основе не дошедших до нас (или дошедших частично) источников, но при этом характер изложения материала отличается глубиной анализа и развернутыми выводами, что дает представление о направлении движения

---

[22] Соловьев, С.М. Сенат в начале царствования императрицы Екатерины II. Сочинения С.М. Соловьева: в 3 т. / сост. и коммент. А. А. Егорова и С. Г. Горяйнова. Т.1. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. –540 с.

[23] Иконников, В.С. Правительствующий Сенат при Екатерине Великой // Русский Архив. – 1888. Кн. 1. С. 17-42.

[24] Коркунов, Н.М. Два проекта преобразований Сената второй половины царствования Екатерины II (1788 и 1794 годов) // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 5. С. 139-171; Грибовский, В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины второй. Материалы для истории Высшего суда и надзора в первую половину царствования. СПб.: Тип. СПб.: Т-ва Печат. и Изд. дела "Труд", 1901. – 348 с.

преобразований организации высшей судебной инстанции в период реформ Екатерины II.

Изменения в судебной системе начала XIX века представлены в работах дореволюционного правоведа В.Г. Щеглова, посвященные Государственному Совету[25]. В своих историко-юридических очерках Владимир Георгиевич дает краткое описание деятельности всех высших государственных органов, обладающих полномочиями высших судов на протяжении XVIII–XIX веков. В основу трудов В.Г. Щеглова были положены значительные архивные материалы канцелярий Государственного Совета и иных высших органов государственного управления. Собственно, истории становления государственного аппарата в лице его центральных органов посвящены его работы.

Научная литература первой половины XIX века подходила к анализу полномочий и организации верховного правосудия с критической точки зрения, в контексте назревания глобальной судебной реформы.

В целом в дореволюционной историографии верховное правосудие не рассматривалось как отдельный институт – освещению подвергались лишь отдельные его элементы в рамках общих исследований, посвященных судоустройству.

Однако нельзя не отметить, что при преобладании описательного характера изложения дореволюционные авторы заложили основы изучения заявленной проблематики, собрав и обобщив огромный массив эмпирического материала, а также сформировали основные историографические направления, которые получат развитие в дальнейшем, но уже на новом методологическом уровне.

Советская историография, посвященная истории судебной системы и ее высших инстанций периода XVIII – начала XIX века, отличалась еще большей фрагментарностью, фактически тематика верховного правосудия до судебной

[25] Щеглов, В.Г. Государственный Совет в первый век его образования и деятельности: Историко-юридический очерк. М.: ЛЕНАД, 2016. – 200 с.; он же. Государственный Совет в России за первый век его образования и деятельности (3- марта 1810 – 1910 года). Ярославль: Демидовский юридический лицей, 1903. – 187 с.

реформы 1864 года не освещалась в научной литературе. Советская научная литература была в большей степени ориентирована на историко-экономические аспекты изучения эпохи Петра I и Екатерины II, именно поэтому вопросы судоустройства и судопроизводства не были в приоритете. Вместе с тем следует назвать ряд трудов советских историков и правоведов, в которых развитие институтов судебной системы представлено с учетом господствующей методологии сложившейся новой науки истории государства и права.

Утвердившаяся в 1940-1950-е годы наука история государства и права, контуры которой представляли совокупность трех важнейших составляющих: общественное устройство, государственное устройство и право, долгие годы оставалась единственной платформой, на которой шло изучение отечественной судебной системы. При этом право и правовые институты стали рассматриваться как временная «надстройка» к постоянному экономическому «базису».

Изучение институтов судебной системы происходило преимущественно в рамках исследований иных государственных органов. Диалектический марксизм и связанный с ним принцип историзма диктовали обязательное «погружение» исследователя в контекст изучаемой эпохи, поскольку считалось, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты сами из себя, они коренятся в материальных условиях жизни. Заслугой авторов советского периода можно считать обращение к малоизученным источникам, их тщательная проработка, ввод в оборот новых правовых памятников[26].

Среди работ этого периода следует указать учебники по дисциплине «История государства и права», содержащие краткие сведения о структуре судебной системы XVIII – начала XIX века[27].

---

[26] Воскресенский, Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. I. Редакция и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / под ред. Б.И. Сыромятникова. М.;Л.: АН СССР, 1945. – 602 с. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общей редакцией чл-кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984-1994.

[27] Юшков, С.В. История государства и права СССР. М.: Госюриздат, 1950. – 672 с.; История Советского государства и права: В 3 кн. / АН СССР, Ин-т государства и права / отв. ред. А.П. Косицын. М.: Наука, 1968; История государства и права СССР: [Учебник для вузов по спец. "Правоведение"] / под ред. Г.С. Калинина, Г.В. Швекова. М.: Юрид. лит., 1981.

В целом можно констатировать, что в советский период актуальность изучение судебной системы российского государства заметно снизилась. Произошло это по причине того, что строители советской судебной системы не обращались к опыту отечественного судоустройства. Поэтому его изучение было отложено на достаточно длительный период.

При этом можно выделить небольшое количество работ, посвященных высшим судебным органам XVIII – первой половины XIX века. В 1941 году в Историческом журнале выходит статья Г.Н. Анпилогова «Сенат при Петре I»[28], в которой автор, в целом критикуя дореволюционных ученых с позиции марксистко-ленинской методологии, все же повторил выводы своих предшественников о закреплении за Сенатом статуса верховного органа управления, для которого исполнения судебных функций рассматривалось как второстепенное. Поэтому данная статья, богатая первоисточниками, почти не содержит анализа судебных полномочий Сената и не определяет его в качестве высшей судебной инстанции.

Возможно, первой специальной системной научной работой по истории суда и судебного процесса советского периода было учебное пособие для студентов М.А. Чельцова-Бебутова[29], содержащее подробное описание системы уголовной юстиции от зарождения и до революции 1917 года.

Отдельно следует остановиться на обобщающем труде Н.П. Ерошкина, посвященном эволюции центральных и местных органов государственной власти с образования российского государства и до революции 1917 года[30].

Несмотря на тенденциозность указанных трудов, в них представлен огромный массив информации, позволяющий интерпретировать его в современных исследованиях.

---

[28] Анпилогов, Г.Н. Сенат при Петре I // Исторический журнал. 1941. № 4. С. 40-49 (режим доступа: https://www.prlib.ru/item/416512, дата обращения – 1.09.2024 г.)

[29] Чельцов-Бебутов, М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т. 1: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М.: Госюриздат, 1957. – 839 с.

[30] Ерошнин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: «Высшая школа», 1983. – 352 с.

Довольно большой интерес вызывали у авторов поздней советской эпохи периоды судебных реформ XVIII – начала XIX века. В орбиту исследовательского интереса попадали судебные преобразования Петра I, Екатерины II, Александра I[31]. Важно отметить, что анализ характера реформ, их ход и содержание рассматривались через призму марксистко-ленинской теории о борьбе классов, согласно которой судебные учреждения обеспечивали интересы господствующих слоев. Именно поэтому судебные преобразования, даже при наличии в них прогрессивных черт, подвергались жесткой критике, причем степень неудовлетворенности судебной системой напрямую зависела от официально принятой трактовки деятельности правящего монарха. Так, положительная оценка личности и вклада Петра I в отечественной истории экстраполировалось на результаты его преобразований в судебной сфере. Сугубо отрицательное восприятие всей внутренней политики Екатерины II сказывалось и на критике результатов ее судебной реформы[32]. Можно отметить ряд диссертационных исследований, посвященных высшим судебным инстанциям указанного периода[33].

Также судебная система первой половины XIX века описывалась в немногочисленных трудах, посвященных причинам и предпосылкам судебной реформы 1864 года[34].

Таким образом, советская историческая и историко-правовая наука на основе иных методологических установок продолжила изучение судебной

---

[31] Омельченко, О.А. К истории судебной политики «просвещенного абсолютизма» в России // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве.М., 1989. – С. 68-98; он же. Конституция «просвещенного абсолютизма» в России (неизвестные законодательные проекты Екатерины II) // Советское государство и право. – 1989. – № 8. – С. 136-142; Ефремова Н.Н. Основные этапы развития судебной системы России в XVIII веке // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. М..1989. С. 94-99; Вдовина, Л.Н. Право и суд // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2.

[32] См., например: Анисимов, Е.В. Внутренняя политика Верховного тайного совета: дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975. – 222 с.; Павлова-Сильванская, М.П. "Учреждение о губерниях" 1775 г. и его классовая сущность: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1964. – 461 с.

[33] Шавров, А.В. Сенат в системе юридических учреждений Российской империи, 1861-1904 гг.: дисс. … канд. юр. наук. М., 1986. – 211 с.

[34] Шувалова В.А. Подготовка судебной реформы 1864 года в России: автореф. дисс. … канд. юр. наук. М., 1965. – 18 с.; Виленский, Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1963. – 148 с.

системы в условиях судебных реформ либо в рамках более общих исследований. Согласно принятой в стране идеологии, резкой критике подверглись государственная политика в сфере организации судебной власти, причины и механизмы проведения судебных преобразований, деятельность отдельных судебных инстанций, включая высшую, как проводницу воли господствующего эксплуататорского класса.

Постсоветская и современная историко-правовая наука пережила целый бум исследовательского интереса к институтам судебной власти дореформенной России, который был обусловлен поиском новых форм организации судебной власти в стране, с одной стороны, и снятием жестких методологических рамок и идеологизированности оценок исследований – с другой.

Отдельные работы, посвященные истории судебной системы, появились еще на рубеже эпох во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов, а в последующем научный интерес к данной проблематике лишь возрастал.

Среди авторов, первыми, обратившихся к указанной тематике в позднесоветский и постсоветский период, можно назвать Н.Н. Ефремову, О.А. Омельченко, А.Б. Каменского и др[35]. В их работах в полной мере отразились позитивные черты советской исторической школы – фундаментальность, основательная работа с источниками и с научной литературой, но при этом научные выводы и концепции были представлены вне устоявшихся методологических стандартов марксистского подхода к развитию истории. Именно поэтому представленные труды до сих пор не утрачивают своей научной актуальности и значимости. Касательно рассмотрения проблем организации верховного правосудия или отдельных высших судебных органов, то их освещение происходит, как и ранее, фрагментарно, в рамках общих теорий общественного и государственного развития.

[35] Ефремова, Н.Н. Судоустройство в России в XVIII – первой половине XIX века (историко-правовое исследования. М.: Наука, 1993. – 190 с.; Омельченко, О.А. "Законная монархия" Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. – 428 с. Каменский, А.Б. «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII в. СПб.: Лениздат, 1992. – 448 с.

В 2000-х годах стали появляется работы, посвященные заметным вехам в становлении отечественной судебной системы в целом. Среди наиболее значимых можно назвать труды новосибирского ученого Д.О. Серова и нижегородского исследователя Т.Л. Мигуновой, посвященные судебным реформам Петра I и Екатерины II соответственно[36].

В работе Д.О. Серова Сенату как органу правосудия отводится целая глава, которая раскрывает характер деятельности Сената как высшей судебной инстанции в 1717-1725 годах, делается вывод о только зарождающимся статусе Сената как высшего органа правосудия. Т.Л. Мигунова свое исследование сосредоточила в основном на реализации судебной реформы Екатерины II на местах, в губерниях, поэтому деятельность Сената рассматривалась ею через призму административных преобразований в рамках «субординации судебных учреждений».

Подробный анализ организации судебной системы в России в первой половине XIX века представил В.В. Захаров в своих работах, посвященных развитию гражданского процесса в дореволюционный период[37]. История уголовного судоустройства и судопроизводства освящена в работах Т.Ю. Амплеевой[38].

Среди современных работ, затрагивающих проблему высших судебных органов в России в XVIII – XIX веках, можно назвать исследование Д.В. Соколова об эволюции Сената как органа управления, контроля и суда[39], А.В. Калиниченко о месте Сената в системе судебной власти Российской

---

[36] Серов, Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: «Зерцало», 2009. – 488 с.; Мигунова, Т.Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия…». Административно-судебная и правовая реформа Екатерины II. М.: NOTA BENA, 2008. – 560 с.

[37] Захаров, В.В. Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их практической реализации: историко-правовое исследование. М.: Юрлитинформ, 2010. – 399 с.

[38] Амплеева, Т.Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX-XIX вв.). Кн. 2: Императорская Россия. М.: б.и., 2009. – 200 с.

[39] Соколов, Д.В. Эволюция структуры и функций Правительствующего Сената в Российской империи (1711-1917 гг.). М.: Юрлитинформ, 2020. – 184 с.

империи[40], а также работу К.Г. Боленко, посвященную малоизученному аспекту заявленной тематики – Верховному уголовному суду[41].

Отдельно следует упомянуть коллективную монографию в девяти томах «История суда и правосудия в России», представляющую собой комплексное научное исследование о становлении и развитии отечественного судоустройства и судопроизводства с момента образования российского государства и до современности[42].

Кроме того, важно отметить возросший интерес к деятельности Сената как высшей судебной инстанции и других органов, выполняющих схожие функции, на уровне диссертационных исследований, среди наиболее близких по тематике можно назвать работы Е.Н. Савельевой, Г.Г. Манаева[43].

Среди иностранных авторов, в сферу научных интересов которых входило исследование истории российской судебной системы, назовем тех, чьи труды имеют наиболее близкое отношение к тематике диссертации. Это, прежде всего, высоко оцененная отечественными историками права монография шведского ученого К. Петерсона «Административная и судебная реформа Петра Великого: шведские образцы и процесс их адаптации», в которой автор проследил шведское влияние на российское процессуальное законодательство и судебное устройство[44]. Применительно к судебным преобразованиям Петра I также следует указать статью известного американского специалиста по истории России Р. Уотмана «Петр Великий и судопроизводство»[45]. Определенного интереса заслуживает монография американского историка-русиста Линдси

---

[40] Калиниченко, А.В. Сенат в системе судебной власти Российской империи: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. – 230 с.

[41] Боленко, К.Г. Верховный уголовный суд в системе Российского правосудия (конец XVIII – начало XIX века). М.: Новый хронограф, 2013. – 528 с.

[42] История суда и правосудия в России: [коллективная монография: в 9 т.] / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

[43] Манаев, Г.Г. Московские департаменты Правительствующего Сената в системе государственного управления Российской империи в первой четверти XIX века: дисс. … канд. ист. наук. М., 2010. – 202 с; Савельева, Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: дисс. … ист. наук. М..2004. – 189 с.

[44] Peterson, C. Peter the Great’s Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the process of Reception. Lund, 1979. – 448 p.

[45] Wortman, R. Peter the Great and Court Procedure // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol.8. № 2. P. 303-310.

Хьюза «Россия в эпоху Петра I», в которой дан обзор преобразований императора в судебной сфере[46]. Также следует указать работу датского ученого Ханса Баггера «Реформы Петра Великого»[47], представляющую собой обзор зарубежной историографии петровской эпохи. Примечательно, что автором учреждение Сената понимается как часть общих преобразований аппарата управления, данный орган не ассоциировался у западных ученых с высшим судом империи.

Зарубежная историография исследуемой тематики часто строилась вокруг проблем управления и власти – вопросов, которым в 1950-1970-е годы уделялось большое внимание в общественных науках. Решающее значение на сферу интересов западных историков этого периода имела политическая социология М. Вебера и разработанная им концепция бюрократии и более поздняя теория элит. Именно на основании указанных позиций зарубежные авторы стремились представить историю управления и реформ в России. Широкое распространение на Западе получили вопросы мировоззрения и политической культуры российского чиновничества. Зарубежные авторы представили чиновника «нового типа», возникшего на рубеже 1840-1850-х годов, просвещенного и прогрессивного, которые добились серьезного влияния в правление Александра II, что предопределило ход его реформ. Так, один из самых известных из иностранных русистов Р. Уортман в своей монографии о становлении правового сознания в России описывает юридически-этический тип чиновника, принявшего участие в подготовке, а позже реализации судебной реформы 1864 года[48].

Зарубежные авторы представляли историю России XVIII – начала XX века как противостояние двух моделей управления. Первая подразумевала идею реализации полицейского государства, которое было утверждено в России при Петре I вместе с установлением самодержавия, в задачу которого входило создание регулярного государства. Вторая модель, которая сформировалась в

[46] Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven-London, 1998. – 602 p.
[47] Баггер, Х. Реформы Петра Великого / пер. с дат. В. Е. Возгрина. М.: Прогресс, 1985. – 199 с.
[48] Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976. XI.

начале XIX века под влиянием германской школы права, подразумевала «власть закона» и эволюцию российского государства в сторону правового. Государство и общество должны иметь общий статус, а их взаимоотношения должны регулироваться посредством закона. Немногочисленные зарубежные исследования, посвященные истории российской государственности, строились вокруг указанных двух концепций, через призму которых рассматривались вопросы, связанные с организацией судебной власти.

Таким образом, в зарубежной историографии не было предпринято комплексного исследования судебной системы XVIII – первой половины XIX века и ее высшей судебной инстанции. Перечисленные работы имели своей целью раскрыть либо отдельные периоды становления и развития судебных органов, либо проанализировать эволюцию государственных институтов в целом.

Следуя лествичному принципу, перейдем к характеристике историографии следующего периода становления и развития сферы верховного правосудия с 1864 по 1917 год. Это период действия Судебных уставов 1864 года с их последующими обновлениями. За полтора столетия, отделяющих нас от самой великой судебной реформы, исследователями разных лет была сформирована обширная научная библиотека трудов, посвященных этому периоду. Представить весь массив научных работ по данной теме достаточно затруднительно, поэтому сконцентрируемся лишь на тех, которые напрямую связаны с темой диссертационного исследования.

В историографии данного аспекта можно определить три периода: дореволюционный, советский и современный, которые отличаются между собой выбором «фокуса» рассматриваемой проблематики и методологическими принципами ее изучения.

Дореволюционная научная литература, посвященная судебной реформе 1864 года и ее основным институтам, также не отличалась однородностью. При обилии взглядов ученых, юристов, современников реформы их (достаточно условно) можно разделить на два «лагеря» – представителей более умеренных

взглядов на ход и содержание реформы и их оппонентов, предлагающих более радикальное мнение на те же процессы. Полярные мнения высказывались на страницах периодической печати того времени, постепенно формируя направленность самих изданий, что окончательно оформилось к 1880-м годам.

Авторами первых работ, посвященных преобразованию сферы верховного правосудия во второй половине XIX века, были не только и не столько ученые-правоведы, но и практикующие юристы, государственные и общественные деятели. Первые работы по указанной тематике отличались эмоциональной полемичностью изложения, дискуссионным характером, стремлением прийти к идеальному варианту. Это объясняется тем, что первые работы принадлежали перу современников, для которых организация верховного правосудия была не научной проблемой, а реальностью, имеющей практическую и социальную значимость. Именно поэтому труды юристов указанного периода представляли собой анализ действующего законодательства (или его проектов) с формально юридических позиций. При этом часто авторы пытались спрогнозировать и разобрать причины тех или иных негативных явлений функционирования судебной системы и предложить пути решения.

Вопросы организации верховного правосудия, а конкретно Кассационных департаментов Правительствующего Сената, освещались в работах общего характера, посвященных судебной реформе и ее институтам. Здесь прежде всего следует назвать труды М.А. Филиппова, Г.А. Джаншиева, И.В. Гессена, А.Ф. Кони, Н.А. Буцковского, Н.А. Давыдова, Н.Н. Полянского и др.[49]

Кроме того, поскольку проблемы организации верховного правосудия тесто связаны с вопросами судопроизводства, движения дел по инстанциям, то

[49] Филиппов, М.А. Судебная реформа в России. Т. 1. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1871. – 623 с.; он же. Судебная реформа в России. Т. 2. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1875. – 332 с. Джаншиев, Г.А. Эпоха великих реформ. М: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. – 820 с.; Буцковский, Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб.: Типография Скарятина, 1874. – 616 с; Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных уставов. 1864-1914. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 295 с.; Гессен, И.В. Судебная реформа. СПб.: Тип. П.П. Гершунина, 1905. – 325 с.; Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. 1. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915. – 403 с.; Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. II. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915. – 316 с.

определенные сведения можно почерпнуть из работ, посвященных уголовному и гражданскому процессам пореформенной России классиков отечественной юридической мысли. Среди них труды: И.Я Фойницкого, Е.А. Васьковского, С.В. Познышева, А.Х. Гольмстена и др.[50]

Труды, непосредственно посвященные Кассационным департаментам Сената, отличаются еще большей публицистической направленностью и полемичностью изложения, многие из них появлялись в периодической печати того времени[51]. Определенный всплеск научного и публицистического интереса Кассационный Сената пережил во второй половине 1870-х годов, в преддверии подготовки первой серьезной реформы высшего суда империи. Свои предложения по совершенствованию его организации, структуры, порядка работы были сформулированы известными юристами того времени – К.К. Арсеньевым, А.Ф. Кони, Н.Ф. Селивановым[52]

Следует признать, что дореволюционные авторы оставили после себя огромное научное наследие, к которому обращаются уже несколько поколений исследователей. При всей разности подходов, оценок, суждений дореволюционная историография единодушно признает поэтапное «саморазвитие» институтов, созданных в ходе судебных преобразований второй половины XIX века, давая оценку их деятельности через призму опыта их функционирования. Революционные события 1917 года не дали отечественным юристам периода рефлексии, чтобы проанализировать судебную систему второй половины XIX – начала XX века «на расстоянии», поэтому большинство работ

---

[50] Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства в 2-х т. Т. I. СПб.: Альфа, 1996. – 609 с.; он же. Курс уголовного судопроизводства в 2-х т. Т. II. СПб.: Альфа, 1996. – 606 с.; Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Изв-во «Зерцало», 2003. – 464 с.; Познышев, С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Универ. тип., 1913. – 173 с.; Гольмстен, А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А.Х. Гольмстен. – СПб., 1913. – 411 с.

[51] Сергеевич, В.И. Мнение Цинка в пользу кассационного суда (к вопросу о кассационном суде) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CXXI. – 1864. – С. 41-50; Мальчевский, К.А. К вопросу о устранении медлительности в производстве кассационных дел (ответ Судебному Вестнику и г. Бобрищеву-Пушкину). М.: Университетская типография, 1878. – 27 с.

[52] Арсеньев, К.К. Реформа кассационного суда и кассационного производства // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Кн.4. С. 42-144; Селиванов, Н.Ф. Юридическая хроника // Журнал гражданского и уголовного права. – 1885. – Кн.5 – С. 116-120.

носят нарративный характер, с преобладанием формально-юридического подхода в описании.

Советская эпоха представлена немногочисленными специальными работами, посвященными судебной реформе. Это труды профессора Б.В. Виленского[53] и диссертационное исследование В.А. Шуваловой[54]. Большое внимание указанные авторы уделили вопросам подготовки судебной реформы 1864 года, ее причинам социально-экономического характера, а также «судьбе» реформы и ее институтов в период так называемой, контрреформы 1880-х годов. Высшей судебной инстанции в указанных работах уделяется недостаточно внимания: Б.В. Виленский дает емкую, но достаточно краткую характеристику Сената как высшего кассационного суда.

В завершении советского периода к эпохе судебной реформы обратился М.Г. Коротких, который предпринял попытку проанализировать правовую природу институтов судебной власти и избранные для них в ходе преобразований формы[55].

Изучение собственно судебной системы второй половины XIX – начала XX века в советские годы в рамках самостоятельных исследований не проводилось. Для советской историко-правовой науки данные темы не являлись определяющими, а опыт дореволюционной системы судоустройства и судопроизводства оказался не востребован новыми государственными строителями.

Самые общие сведения о судебной системе в России второй половины XIX – начала XX века можно было встретить в университетских учебниках по истории государства и права, а также исторические экскурсы содержались в учебной литературе по организации судебных и правоохранительных органов

---

[53] Виленский, Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. – 400 с.

[54] Шувалова, В.А. Подготовка судебной реформы 1864 года в России: автореф. дисс. … канд. юр. наук. М., 1965. – 18 с.

[55] Коротких, М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 183 с.

СССР (РСФСР)[56], а сама судебная реформа оценивалась в духе ленинской концепции о побочном характере реформ Александра II, ставших необходимыми вследствие революционной борьбы.

Современный период изучения проблем организации судебной власти в России второй половины XIX века характеризуется методологическим плюрализмом и расширением проблематики историко-правовых исследований. Научному интересу и обращению историков права к судебной реформе 1864 года немало способствовала начавшаяся в 1990-е годы новейшая судебная реформа, для которой преобразования XIX столетия стали ориентиром. Отличительной чертой рассматриваемого этапа можно считать активное обращение к проблемам судоустройства и судопроизводства. Анализу исследователей были подвергнуты большинство институтов судебной власти, созданные в ходе судебных преобразований, оценка их деятельности, эволюция, причины и следствия их трансформаций.

Важно отметить, что поиск оптимальной модели организации верховного правосудия в начале 1990-х годов побудил исследователей обратиться к опыту функционирования Кассационного Сената. Однако выбранная преимущественно советская модель Верховного Суда предопределила изучение Сената исключительно в фарватере научных исследований, без практического использования опыта.

Современные авторы рассматривают Кассационные департаменты Сената в рамках работ, посвященных организационно-правовым основам судоустройства и судопроизводства в пореформенный период, что получило освещение в трудах А.А. Демичева, С.В. Лонской, М.В. Немытиной, К.П. Краковского, иных изданиях[57].

---

[56] Голунский, С.А. Судоустройство СССР: Учебник для юрид. школ. М.: Юрид. изд-во, 1946. – 195 с.; Суд и правосудие в СССР: [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / отв. ред. заслуж. юрист. РСФСР, проф. М.П. Шаламов. М.: Юрид. лит., 1974. – 358 с.

[57] Демичев, А.А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864-1917 гг.). М.: Юрлитинформ, 2007. – 318 с.; Лонская, С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864-1917 гг.): монография. М.: Юрлитинформ, 2013. – 168 с.; Краковский, К.П. «Щегловитовская юстиция» в России. М.: Юрлитинформ, 2014. – 200 с.; Немытина, М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. – 251 с.; Великая реформа: к 150-летию Судебных

Отельного упоминания заслуживает фундаментальный труд А.Н. Верещагина «Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки истории и деятельности верховного суда Российской империи», в котором автор, опираясь на работы дореволюционных юристов и богатую эмпирическую базу, по сути, впервые представил путь становления и развития Кассационных департаментов Сената от идеи их создания в ходе обсуждения проектов реформы 1864 года до упразднения в 1917 году[58]. Во взаимосвязи с указанным трудом важно отметить статью-рецензию К.П. Краковского, который вступил с автором в заочную полемику о правовой природе высшей судебной инстанции в пореформенный период[59].

Зарубежная историография периода второй половины XIX века также весьма обширна. Первые значимые работы вышли из-под пера современников эпохи. Отметим труды Э. Лера, К Кардонна и главы, посвященные России, из восьмитомной «Истории XIX века» за авторством Э. Омана[60]. Указанные труды объединяет высокая оценка судебной реформы 1864 года, ее содержание, «разумность» и «благородство», но при этом все заслуги в эффективности судебных преобразований в России иностранные авторы приписывают последовательному использованию западноевропейских образцов при конструировании судебных учреждений и судебного процесса. Лависс Э. выдвинул идею о том, что две центральные реформы Александра II – аграрная и судебная – базировались на противоположных идеологических течениях. Крестьянская реформа была проведена в духе славянофильства, поскольку в

уставов. В 2 т. Т.I: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. – 544 с.; Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. В 2 т. Т.II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головко. М.: Юстицинформ, 2014. – 340 с.;

[58] Верещагин, А.Н. Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки истории и деятельности верховного суда Российской империи. М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.

[59] Краковский, К.П. Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина «Кассационный Сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146-159.

[60] Lehr E. La Nouvelle Organisation Judiciaire de la Russie d'apres L'oukase du 26 November 1864. Paris, 1875. – 46 p.; Cardonne C. de L'Impereur Alexander II. Paris, 1883; Лависс, Э. История XIX века [Электронный ресурс] / Э. Лависс и А Рамбо. Версия 2.0. М.: Бизнессофт, 2005. (Электрон. опт. диск (CD).

патриархальной крестьянской среде было сильное влияние обычного права, тогда как судебная реформа основывалась на идеях западничества и взяла за основу институциональные европейские образцы судебной власти[61].

Другой отличительной особенностью работ зарубежных авторов конца XIX – начала XX века является то, что они часто ограничивались анализом действующего законодательства, с формально юридических позиций, не углублялись вопросы реализации норм права, не рассматривали реальную деятельность судебных органов. Так, в названной работе Э. Лера 1875 года дается анализ Кассационного Сената, приводится численный состав сенаторов обоих департаментов, но при этом в разделе не указывается на уже имевшиеся к этому времени проблемы, связанные с большим количеством дел, не исследуются их причины[62].

Специальные труды, посвященные судебной реформе и ее институтам, относятся в западной историко-юридической (или исторической) литературе к более позднему времени. Наиболее известными среди них являются работы Р. Уортмана[63], Ф. Кайзера[64], У. Пинтнера[65].

Работы зарубежных авторов, посвященные судебной системе России этого периода, характеризуются следующими признаками. Во-первых, при их написании авторы опирались главным образом на русскую юридическую литературу второй половины XIX века, а следовательно, восприняли содержащуюся в ней общественно-политическую позицию. Во-вторых, сами исследования строятся под влиянием веберовской теории бюрократии, что предопределило источниковую базу, стиль изложения и оценки эффективности

---

[61] Лависс, Э. История XIX века [Электронный ресурс] / Э. Лависс и А Рамбо. Версия 2.0. М.: Бизнессофт, 2005. (Электрон. опт. диск (CD).

[62] Lehr E. La Nouvelle Organisation Judiciaire de la Russie d'apres L'oukase du 26 November 1864. Paris, 1875. P. 27-28.

[63] Уортман, Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России: развитие правового сознания в императорской России / пер. [с англ.] М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 515 с.

[64] Kaiser, F.B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. – Leiden: Brill, 1972. – XV, 552 s.

[65] Pintner, W. Reformability in the age of reform and countreform, 1855-1894 // Reform in Russia and the USSA: Past and prospects / Ed.R.O. Crumney. Urbana, 1989. P. 89-90.

реформы. В-третьих, современные зарубежные авторы видят прогрессивный характер реформы и ее институтов только в заимствовании западноевропейского опыта. Ф. Кайзер указывал на несовместимость российских социально-политических реалий и передовых институтов судебной власти (в том числе Кассационного Сената), а У. Пинтнер считает, что реализация реформы создала «напряжение» между судебной системой и самодержавием, что в конечном итоге привело к контрреформе.

В целом западная историография не представлена специальными трудами, посвященными вопросам судоустройства, в фокусе иностранных исследователей оказались вопросы постепенного становления новой социальной группы юристов, которые определили сначала облик судебной реформы, а затем трансформации ее институтов.

Еще один аспект исследуемой нами проблематики – организация верховного правосудия в советский период, создание и деятельность Верховного Суда РСФСР (СССР) – также не подвергался системному изучению ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Историография истории становления и функционирования Верховного Суда РСФСР советского периода неоднородна с точки зрения формата работ. Особый интерес для настоящего исследования представляют труды первых идеологов и строителей судебной системы молодого советского государства. Это в первую очередь работы Н.В. Крыленко, П.И. Стучки, Д.И. Курского, Я Бранденбургского, А.Я. Вышинского[66]. В них на основе глубокого понимания текущей ситуации и убежденности в верности выбранных ориентиров представлен трудный поиск оптимальных форм организации суда и верховного правосудия. На основе работ Н.В. Крыленко и П.И. Стучки можно проследить сложный процесс осмысления и создания Верховного Суда РСФСР как

[66] Крыленко, Н.В. Как устроен и работает советский суд. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 43 с.; он же. Суд и право в СССР. М.,Л.: Государственное издательство, 1927. – 164 с.; Бранденбургский, Я. Почему мы упразднили Высший Судебный Контроль // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 3. – С. 57-58; Курский, Д. И. Избранные статьи и речи. М.: Госюриздат, 1958. – 330 с.; Стучка, П.И. Мысли о нашем правосудии // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 14. – С. 1313-315; Вышинский, А.Я. Марксистско-ленинское учение о суде и советская судебная система. М.: Сов. законодательство, 1934. – 48 с.

альтернативы административного контроля со стороны Наркомюста. В указанных трудах представлен глубокий анализ причин и последствий формирования полномочий и функций верховного правосудия, прослежен процесс появления уникальных процедур обжалования решений, описано окончательное закрепление за Верховным Судом статуса единой высшей судебной инстанции. Несмотря на то, что указанные работы весьма тенденциозны, написаны в духе революционного времени, на основе марксистского понимания права, они представляют бесценный интерес для историков и юристов, поскольку позволяют последовательно проследить оформление пирамидальной структуры судебной системы РСФСР с Верховным Судом во главе.

Также немаловажную роль играют официальные издания, посвященные юбилейным датам создания верховных судов РСФСР и СССР[67]. Такие труды базировались на обширном эмпирическом материале, с привлечением статистических данных, не доступных широкому кругу исследователей. Кроме того, такие издания содержали развернутую историческую справку становления советской судебной системы, а также оценку места и роли в этом процессе Верховного Суда. В подготовке юбилейных изданий принимали участие известные ученые-юристы, а также действующие судьи, которые давали аналитические обзоры разных направлений деятельности верховных судов, что предопределило безусловную научную значимость указанных трудов. При этом они также отражали официальную позицию власти, характерную для определенного времени, умалчивали или недостаточно полно освещали отдельные вехи в истории высших судов, что ставит перед исследователем проблему критического осмысления представленного материала.

Во многом на официальной позиции указанных трудов были основаны немногочисленные учебники для юридических вузов и факультетов по

[67] См., например: Десять лет Верховного суда Союза ССР, 1924-1934. – М.: Советское законодательство, 1934. – 25 с.; Верховному Суду СССР – 40 лет. Сборник статей и других материалов, посвященных юбилею Верховного Суда СССР / под общ. ред. А.Ф. Горкина. М.: Известия, 1965. – 96 с.; Высший судебный орган СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М.: Юрид. Лит., 1984. – 272 с.

судоустройству, содержащие главы о Верховных судах республик и СССР, а также о характере их процессуального и иного взаимодействия[68].

Специальным исследованием становления и развития советской судебной системы можно считать труд М.В. Кожевникова «История советского суда»[69]. Собственно высшим судебным инстанциям посвящены труды Т.Н. Добровольской[70], Н.Ф. Чистякова[71] (Верховному Суду СССР), С.В. Бородина[72] (верховным судам союзных республик), Д.И. Леошкевича[73] (Верховному Суду Молдавской ССР). Перечисленные работы представляют собой анализ действующего законодательства в области организации и деятельности указанных судов, содержат материалы правоприменительной практики, чем представляют особый интерес для исследователя.

В постсоветской и современной историографии тема организации судебной власти советской эпохи была не так популярна, как исследования по второй половине XIX века. После преодоления кризиса «покаяния» за неверность выбранного пути в 1917 году и последующее развитие событий, в том числе в сфере организации судебной власти, пришли более взвешенные оценки указанного периода. Правоведы вновь обратились к тематике судоустройства, в том числе на уровне диссертационных исследований. Современная историко-правовая наука сохранила ориентацию на освещение общих вопросов истории суда, что проявилось в работах А.С. Смыкалина, А.Я. Кодинцева, В.В. Захарова, Е.В. Штепа, А.В. Бондаренко и др.[74]

---

[68] Фролов, Ю.А. Советская судебная система: (Судебное пособие по курсу "Судоустройство"). Киев : [б. и.], 1970 – 79 с.; Агеева, Г.Н. Основы (принципы) организации советской судебной системы: (Учеб. пособие). М.: [б. и.], 1975. – 54 с.

[69] Кожевников, М.В. История советского суда. 1917-1956 гг. М.: Госюриздат, 1957. - 383 с.

[70] Добровольская, Т.Н. Верховный Суд СССР. М.: Юридическая литература, 1964. – 164 с.

[71] Чистяков, Н.Ф. Верховный Суд СССР. М.: Наука, 1984. – 184 с.

[72] Бородин, С.В. Верховный суд союзной республики. М.: Госюриздат, 1960. – 112 с.

[73] Леошкевич, Д.И. Верховный Суд Молдавской ССР как высший судебный орган союзной республики. Кишинев: Кишиневский государственный университет, 1969. – 143 с.

[74] Кодинцев, А.Я. Государственная политика в СССР в 30-50- е годы XX века в сфере юстиции. Куртамыш: ГУП «Куртамышская типография», 2008. – 590 с.; Смыкалин А.С. Советский суд в довоенное время // Российская юстиция. – 2002. – № 2. – С. 39-42; Захаров, В.В. Организация и деятельность кассационного трибунала в РСФСР в 1919 году // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 4. – С. 82-96; Штепа, Е.В. Организационно-правовые основы создания Верховного суда РСФСР // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 3. – С. 58-62; 17; он же. Правовое

При этом тематика верховного правосудия не рассматривалась в проблемно-хронологическом ключе в рамках комплексного историко-юридического исследования.

Зарубежная историография, посвященная Советскому государству, достаточно обширна, однако судебной системе уделено в ней не достаточно внимания. Одной из самых известных является работа канадского историка П. Соломона «Советская юстиция при Сталине». Несмотря на указанные в заглавии хронологические рамки, фактически исследование затрагивает период с провозглашения первых декретов о суде. Как и у предшественников, научная концепция П. Соломона базируется на социологическом подходе, анализу подвергаются корпорация судей и в целом юридическое сообщество. Труд П. Соломона содержит ряд небесспорных выводов и оценок и представляет собой анализ системы судоустройства и судопроизводства по уголовным делам, основанный на значительном эмпирическом материале.

Характеризуя степень научной изученности темы организации верховного правосудия в историко-правовой науке, можно сделать вывод о том, что при наличии большого количества работ, посвященных истории судебной системы, проблема верховного правосудия оказалось изучена неравномерно и нецелостно, некоторые ее аспекты либо вообще не анализировались в научной литературе, либо изучались вне системного представления о сфере верховного правосудия.

Настоящее положение позволяет рассматривать тему высших судебных органов в России в качестве самостоятельной научной проблемы, в том числе в рамках историографического осмысления. В этом процессе могут быть преодолены отдельные искажения и восполнены некоторые пробелы отечественной и зарубежной историографии.

положение Верховного Суда в судебной системе РСФСР: 1923-1991 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2013. – 173 с.; Бондаренко, А.В. Судебная система РСФСР в условиях НЭПа: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – 156 с.

§ 1.3. Периодизация проблемы становления и развития высших судебных органов в России

Завершая разбор теоретико-методологических основ настоящего диссертационного исследования, необходимо остановиться на его периодизации, более детальном обосновании избранных хронологических рамок исследования.

Периодизация является методом исторической науки. Как известно, специально-исторические методы достаточно избирательно используются в историко-правовых исследованиях. Среди них – хронологический метод, подразумевающий изложение материала в его хронологической последовательности, а также дихронный метод (или метод периодизации), предполагающий изучать историческое явление или процесс, дробя его на стадии, которые, в свою очередь, также рассматриваются в контексте хода исторических событий.

Периодизация – это разделение исторического процесса на отдельные периоды с определением общих черт и особенностей каждого из них. Периодизация позволяет упорядочить исторический материал, описать исторические процессы более точно и систематизировать их для изучения и анализа.

Важным компонентом метода периодизации является определение критерия периодизации. В методологии он отождествляется с качественными изменениями основного (ведущего) элемента того явления, которое подвергается периодизации. Выбор критерия периодизации зависит от целей и задач исследования и от того, какие аспекты необходимы для анализа. Критерии периодизации помогают систематизировать и упорядочить исторический материал, выявить причинно-следственные связи и общие закономерности развития исторических процессов.

Становление и развитие высших судебных органов в России представляет собой динамичный процесс, который прошел несколько стадий.

С какого времени можно говорить о существовании судебной системы в России? Если обратиться к общенаучному понятию «система», то при всем обилии подходов и мнений ученых к определению данного термина, можно выделить ряд универсальных признаков, присущих любой системе. К ним относятся – целостность, наличие связей и иерархичность, то есть, систему отличает наличие множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство[75]. При этом связи, которые существуют внутри системы, должны быть сильнее, чем связи ее элементов с объектами, находящимся вне системы. Соответственно, под судебной системой следует понимать совокупность специализированных органов, осуществляющих правосудие (единство) и находящихся во взаимосвязи между собой (целостность), в том числе иерархического характера (иерархичность). Таким образом, становление судебной системы связано с появлением обособленных органов, функцией которых является отправление правосудия и составляющих определенный порядок. Существовавшие в эпоху Киевской Руси суд князя, вече, вотчинный и церковный суд роднило между собой только наличие судебных функций, которые ни для одного из названных субъектов не являлись основными, чего недостаточно для формирования системы, поскольку слабо прослеживается критерии целостности и единства. Не сложилась судебная система, в строгом значении этого слова, и в эпоху Московского царства, где в качестве судебных органов выступали приказы. В допетровский период можно говорить о системе административно-судебных органов, замыкавшейся на Боярской Думе и монархе. Организацию судебной власти XVI-XVII веков можно охарактеризовать скорее как «бессистемную», поскольку все существовавшие центральные органы управления в том числе обладали и судебными полномочиями, при этом отсутствовал четкий порядок прохождения дел по инстанциям. В качестве примера зарождения иерархичности в системе органов, исполняющих судебные функции, можно назвать появившийся в середине XVII века запрет на обращение к царю, минуя

[75] Большой Российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1437.

иные инстанции – «в приказе не бив челом»[76]. Весь красочно, но вместе с тем научно точно описал российское судоустройство XVII века К.Д. Кавелин, по словам которого «период времени от Уложения [Соборного Уложения – прим. Т. Ильина] до единодержавия Петра Великого по справедливости может быть назван цветом древнего юридического быта, венцом самостоятельного развития начал, которые лежали непосредственно в народном обычае»[77]. По словам исследователя, в каждой части российского государства были свои обычаи и свои органы «суда», названные им «историческими».

На наш взгляд, формирование обособленной системы судебных органов следует вести от начала XVIII века. В процессе преобразований, осуществленных Петром I, была создана структура судебных органов, обладающая признаками системности. Петр I пошел по пути формирования собственно судебных органов, обладающих судебными функциями.

С появлением судебной системы появляется один из главнейших ее атрибутов – высшая судебная инстанция – Сенат. Именно Сенат считаем целесообразным рассматривать не только как вершину системы правосудия в России в XVIII веке, но и как ядро системы верховного правосудия, поскольку именно этот орган государственной власти сочетал в себе набор функций, максимально приближенных к полномочиям высшего суда.

Таким образом, отправной точкой генезиса высших судебных органов в России служит совокупность двух факторов: институциональное обособление судебной системы и становление в ее структуре высшего звена. Далее при выделении периодов будем исходить из критерия функционального назначения, статуса и места высшего судебного органа (или органов) в системе государственной власти. При этом предложенные этапы не всегда совпадают с периодами общепризнанных судебных реформ, поскольку последние не всегда сопровождались преобразованиями именно высшего судебного звена. Важно, что каждый новый этап функционирования верховных судов должен

[76] Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. С. 104-105.
[77] Кавелин, К.Д. Основные начала русского судоустройства от Уложения 1649 г. до Учреждения о губерниях 1775 г. М.: Либроком, 2011. С. 5.

качественно отличаться от предыдущего, приобретать черты иной модели организации высших судебных органов.

Первый период мы хронологически определяем 1711-1763 годами. Его основная характеристика – институциональное становление обособленной высшей судебной инстанции. В результате петровских реформ учреждается Правительствующий Сенат, который приобретает этот статус. В этот период, с одной стороны, происходит постепенное оформление судебных полномочий Сената, свойственных высшим инстанциям; с другой стороны, его юрисдикция не была исключительной, а постоянно оспаривалась иными органами. Так, полномочиями высшей судебной инстанции обладали монарх, Верховный тайный совет, Кабинет министров и ряд других органов. Как верховный суд Сенат первоначально создавался в качестве последнего арбитра в разрешении спора, а потому тяготел к ревизионной модели (проверке решений нижестоящих инстанций), но его последующее функционирование в этом качестве показало, что он не обладал достаточным ресурсом, чтобы отвечать таким требованиям. В это время также происходит «растягивание» полномочий Сената как высшей судебной инстанции, происходит подмена понятий и размытие полномочий. Часть передается вниз (например, Юстиц-коллегии), часть – по горизонтали – временно существующим органам (Верховному тайному совету или Кабинету министров). Именно для этого периода уместно употребить термин «сфера верховного правосудия», поскольку на отдельных этапах нет явной высшей судебной инстанции, а процесс принятия решений характеризуется непостоянством, запутанностью, неустойчивостью как в институциональном, так и в процессуальном аспектах.

Второй период хронологически можно определить 1763-1864 годами. Его верхней границей выступает реформа Сената Екатерины II. Сенат был разделен на департаменты с выделением судебных департаментов. С этого периода происходит обособление судебных функций Сената и усиление его роли как центрального элемента судебной системы. Закрепляется комплекс ключевых полномочий: рассмотрение дел по первой инстанции, пересмотр и ревизия

судебных актов, толкование законов. Структурные преобразования начала XIX века также способствовали постепенной утрате административно-управленческих функций и концентрации на судебных. На этом этапе Сенат функционирует преимущественно как апелляционная инстанция (ревизионная модель), полномочия, характерные для регуляторной модели, – принятие решений по наиболее важным делам, требующих толкования или разъяснения правоприменения, переходит к иным органам (Совету Министров, Государственному Совету). Таким образом, этот период также характеризуется наличием целой сферы верховного правосудия с большим количеством органов, которые обладают полномочиями высшей судебной инстанции.

Третий период хронологически относится к 1864-1917 годам и связан с генезисом и эволюцией совершенно новой модели организации высших судебных органов. В ходе преобразований 1860-х годов учреждается Кассационный Сенат (Кассационные департаменты Сената). В основе нового учреждения была заложена моноинстанциональная модель, где доминирующей и системообразующей функцией является обеспечение единства судебной практики через кассационный пересмотр в одной инстанции. На данном этапе достигается максимальное исключение несудебных органов из сферы верховного правосудия, даже возможность самодержавного монарха влиять на принятие решений ставится под сомнение. Однако функционирование Кассационного Сената, основанного на идее единой кассации, довольно быстро продемонстрировало серьезные сбои. Возможность кассационного обжалования всех дел и закрепление этих полномочий только за Сенатом привели к хроническому увеличению нагрузки на высшую инстанцию. Проблему пытались решать с помощью увеличения количества судей и введения системы фильтров для поступления дел в Сенат, однако до конца периода указанная проблема сохранялась. Но при этом Сенат смог не увязнуть в банальном пересмотре дел, а сохранил и достойно реализовывал другую функцию по формированию судебной практики и обеспечению ее единства.

Четвертый период охватывает первые революционные годы до образования Верховного Суда РСФСР с 1917 по 1923 годы. Данный этап характеризуется плюрализмом моделей в организации сферы верховного правосудия. За короткий период были апробированы нескольких конкурирующих концепций: административная модель (возложение функций высшего судебного контроля на внесудебный орган Наркомат юстиции), ведомственная модель (трехзвенная система революционных трибуналов во главе с Верховным трибуналом при ВЦИК), независимая судейская модель (проект обособленного Верховного судебного контроля, формируемого судейским сообществом (не была реализована). Важной характеристикой данного этапа стало то, что при полном отказе от опыта предыдущего развития новая власть, действуя в рамках своих программных целей, смогла предложить и апробировать несколько вариантов организации сферы верховного правосудия и выбрать оптимальный для решения конкретных задач. Результатом этого проекта стал созданный в 1923 году Верховный Суд РСФСР в качестве кассационной инстанции, которой были приписаны функции судебного надзора за нижестоящими судами, подразумевавшего как процессуальный, так и административный контроль.

Пятый период включает в себя 1923-1938 годы и связан с институционализацией советского верховного суда. Создание Верховного Суда СССР и РСФСР ознаменовало формирование полиинстанциональной модели**.** Помимо судебных функций (включая первую инстанцию), закрепился уникальный инструментарий для обеспечения единообразия практики: разъяснения Пленумов и надзор. На данном этапе ВС СССР были присущи также функции конституционного и общего надзора.

Шестой этап охватывает 1938-1957 годы, которые приходятся на сложный период в истории нашей страны. Произошла сверхцентрализация судебной власти в пользу Верховного Суда СССР. Верховный Суд РСФСР был низведен до роли ординарной инстанции, лишившись прерогативы издавать руководящие разъяснения (был упразднен его Пленум). Жесткая централизация в осуществлении судебного надзора должна была сконцентрировать судебную

практику в руках ВС, а также сделать надзорную стадию процесса (пересмотр вступивших в законную силу решений) неординарной, приблизив тем самым Верховный Суд к классическим образцам высших инстанций. Однако у этого процесса была также обратная сторона, связанная с укреплением тоталитарного режима и концентрацией всей власти в центральных органах управления, поэтому Верховный Суд на десятилетия превратился в орган, осуществляющий политику репрессий.

Седьмой период приходится на 1957-1991 годы и связан с реставрацией полиинстанционной модели. Верховному Суду РСФСР были возвращены утраченные полномочия. Его деятельность вновь стала строиться на сочетании функций первой, кассационной и надзорной инстанций. Восстановленное право дачи разъяснений Пленумом завершило оформление классической для советского периода полиинстанционной модели, где высший суд сочетал непосредственное отправление правосудия с нормотворческими (регулятивными) функциями.

Таким образом, эволюция высшего судебного органа в России представляет собой нелинейный процесс перманентного поиска баланса между его судебными и регулятивными началами, а также между централизацией и децентрализацией судебной власти. Предложенная периодизация позволяет проследить, как менялась функциональная парадигма его деятельности – от аморфного органа в системе слитной власти до сложного полифункционального института.

Глава II. Формирование и развитие сферы верховного правосудия в России в XVIII – первой половине XIX века

§ 2.1. Организационно-правовые основы формирования и развития сферы верховного правосудия в России в XVIII веке

История Правительствующего Сената начинается в 1711 году. Его появление в механизме государственного управления дореволюционный российский историк права В.И. Сергеевич объяснил следующим образом: «Сенат … – это учреждение совершенно оригинальное, свое, русское, созданное Петром из Боярской Думы, на основании тех потребностей и нужд, которые сам Петр испытал в деле управления государством»[78]. В царском указе от 2 марта 1711 года были перечислены функции Сената, среди которых была и судебная – «суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать лишением чести и всего имения, то ж и ябедникам да последует»[79]. Однако судебные функции, в том числе в качестве высшей судебной инстанции, на протяжении всего XVIII века не рассматривались в качестве основных ни самими сенаторами, ни другими правительственными учреждениями. Сенат считал себя органом верховного управления, буквально толкуя норму петровского указа о замещении императора во время его «отлучек». Поэтому, как и в деятельности самого императора, отправление правосудия имело второстепенное значение в работе Сената. Вместе с тем сам Петр хотел видеть Сенат в качестве активной судебной инстанции. Так, в «присяге» сенаторов петровской эпохи после клятвы в верности государству и государю сенаторы клянутся в справедливом отправлении суда, и только в третью очередь – в добросовестном исполнении административных функций[80].

---

[78] Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 883.

[79] Именной, данный Сенату от 2 марта 1711 г. «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, устройство государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. IV. № 2330.

[80] Петровский, И.С. О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. С. 249.

«Смещение» полномочий в Сенате связано с тем, что Петр I допускал разделение административных и судебных органов низших инстанций (и даже создал обособленный суд), но для высшей инстанции в таком разделении не видел необходимости, поскольку Сенат был органом, «заменяющим» государя, а значит – обладающим всей целостностью его власти.

Важно отметить, что определенную роль в оттеснении полномочий в сфере суда на второй план сыграла организационная структура Сената: первоначально в нем не было создано специального подразделения, осуществляющего судебные функции, они исполнялись общим собранием Сената. По подсчетам исследователя Д.О. Серова, в период с 1719 по 1725 год Сенатом было вынесено всего 25 судебных решений[81]. Кроме того, исследователь приводит случаи, когда сенаторы прямо уклонялись от выполнения судебных функций, отдавая предпочтение делам управления. Характеризуя Сенат петровского времени, можно заключить, что его высокий статус подразумевал за ним исполнение функций высшей судебной инстанции. Но при этом он мог по жалобе принять к производству дело и рассмотреть его по существу, минуя нижестоящие суды.

Такая неопределенность в процессуальном порядке движения дел быстро привела к тому, что в Сенат стали поступать множество дел от просителей, справедливо полагающих, что решение столь статусного органа будет выступать дальнейшей гарантией его исполнения. Реакцией Сената стало принятие указа, который перераспределял судебные дела в Расправную палату. В указе говорилось, что все имеющиеся на момент его издания дела, если они не были рассмотрены в нижестоящих инстанциях, следует передать на рассмотрение и «впредь из губерний и приказов несовершенных дел отнюдь не иметь»[82].

Таким был Сенат в первые годы своего существования. Однако его статус и содержание деятельности на протяжении XVIII века не оставались неизменными. Рассматривая эволюцию Сената как органа верховного

[81] См. подробнее: Серов, Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 247-248.

[82] Сенатский от 4 сентября 1713 года «О взятиии в Расправную палату на рассмотрение тяжебных дел по жалобам на неправильное решение губернаторов и судей, о побуждении со стороны оной палаты, чтобы губернаторы и судьи решили дела безволокитно и о присылке месячных ведомостей в Сенат о вершенных делах, начавшихся по доносам фискалов» // ПСЗ-I. Т. V. № 2710.

правосудия, представляется целесообразным выделить три периода функционирования данного органа в судебной сфере. Первый этап хронологически датируется с 1711 по 1726 годы и связан со становлением Сената в качестве высшей судебной инстанции. Следующий условно выделяемый период относится к 1726-1763 годам и связан с институциональным изменением места и роли Сената в общей системе органов власти российского государства, а также дальнейшим развитием его функций как высшего судебного органа империи. Наконец, последний период приходится на 1763-1805 годы, главной его характеристикой является закрепление за Сенатом статуса высшей судебной инстанции с развитой системой функций.

Перед тем как мы перейдем к характеристике эволюции Сената как высшей судебной инстанции, важно отметить тот факт, что Сенат на протяжении XVIII века *никогда не был* единственной высшей судебной инстанцией. Как раз предложенное нами деление на периоды связано с приобретением им набора судебных функций, присущих высшим судебным органам, и постепенным оттеснением из этой сферы других институтов, которые в разной степени также были наделены подобными полномочиями. К таким институтам прежде всего следует отнести самого монарха – императора, являющегося главой судебной власти.

Оценивая полномочия монарха в судебной сфере (как высшей инстанции) на протяжении XVIII столетия, можно отметить следующее. Весьма заметно стремление глав государства передать судебные полномочия другим органам власти, а самому максимально отстраниться от выполнения данных обязанностей. С этим связана, на наш взгляд, идея профессионализации суда и судей. В первой половине XVIII столетия начинает формироваться представление о судебных органах, состоящих из профессиональных судей, но при этом еще действовавших неразрывно с администрацией[83]. Однако полностью данный тезис будет реализован лишь во второй половине XIX века.

[83] См. подробнее: Серов, Д. О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 96

Однако в условиях существования самодержавной монархии нельзя исключать сферу верховного правосудия из верховенства императорской власти. Этому также благоволил менталитет русского человека, который, по словам А.Д. Градовского, «не решался остановиться, не дойдя до самого Государя»[84].

Кроме монарха в сфере верховного правосудия XVIII века действовали и другие органы, последовательно сменявшие друг друга. К ним относятся Верховный тайный совет, Кабинет трех министров и ряд других. Опыт их взаимоотношений с Сенатом в том числе и есть его формирование как высшей судебной инстанции в России указанного периода. Данным институциям в настоящей работе будут посвящены отдельные параграфы.

Конечно, для развития судебных полномочий Сената XVIII век не был единообразным. В это время Сенат пережил несколько этапов своего становления как высшего судебного учреждения государства. При этом данные изменения были продуктом не постепенного поступательного развития его полномочий, а разрозненной политики, проводимой верховной властью в эпоху дворцовых переворотов. Поскольку Сенат был наделен Петром I статусом органа верховного управления, то в последующие царствования он постоянно был объектом реформирования. Кажется, что у каждого из правителей XVIII века было собственное видение на место и роль Сената в системе органов государственной власти. С изменением статуса Сената на протяжении XVIII века не оставались неизменными и его судебные полномочия. При всей сложности и объеме судебных функций, которые исполнял Сенат в качестве верховного суда в указанный период, представляется возможным классифицировать их следующим образом: рассмотрение отдельных категорий дел по первой инстанции, толкование законов, полномочия Сената как апелляционной инстанции, а также ревизирование приговоров.

Круг дел, которые рассматривал Сенат в качестве первой инстанции, не был четко определен, и категориально его можно очертить как дела, представляющие особую важность для государства. Так, обязательному

[84] Цит. По: Вяземский, Б.Л. Верховный тайный совет. СПб., 1909. С. 350.

рассмотрению в Сенате подлежали дела о казнокрадстве, расследование по которым проводилось центральными органами, преступления по должности и менее значительные политические преступления. Кроме того, по указанию монарха, Сенат мог принять к рассмотрению любое дело. Опираясь на обширные архивные данные, исследователь Д.О. Серов делает вывод о преобладании в первоначальный период деятельности Сената дел, рассмотренных им по первой инстанции, при этом количество дел, поступивших на разрешение Сената по указанию государя, было незначительно[85].

В последующие царствования Сенат сохранил за собой право суда первой инстанции. Круг таких дел оставался тем же, однако он мог быть расширен за счет передачи дел из Верховного тайного совета или в последующем из Кабинета. Выполняя указанные функции, Сенат мог обязать участников процесса явиться на заседание, избрать меру пресечения, а также давать указания правительственным учреждениям по поводу отдельных лиц, в которых было заинтересовано правосудие[86].

При этом в период действия в России Верховного тайного совета и Кабинета (то есть, 1726-1741 годы) Сенат практически утратил функции высшей судебной инстанции и в судебной иерархии был подчинен Совету или Кабинету соответственно. Более того, законодательно были предусмотрены процедуры обжалований решений Сената в этих органах. Основной причиной жалоб на Сенат являлось затяжное делопроизводство. Но при этом исследователи данного периода говорят об активной деятельности Сената, поскольку иные высшие судебные органы стремились отстраниться от выполнения данных обязанностей и передать их Сенату[87].

Законодательно судебные полномочия Сената в этот период были оформлены указом от 7 марта 1726 года, после учреждения Верховного тайного совета. В указе сделана попытка разграничения подсудности между двумя

---

[85] См. подробнее: Серов, Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 248-249.
[86] См. подробнее: Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев: Типография Маттисена, 1895. С. 112-115, 334-339.
[87] См.: там же. С. 113-115.

органами[88]. Наиболее важные дела должны были докладываться Сенатом в Верховный тайный совет, менее важные – рассматриваться самостоятельно. Однако несовершенство трактовок нормативного акта породит большие проблемы в процессе правоприменения по вопросу подсудности дел. Этот период судебной деятельности Сената скорее можно охарактеризовать как деятельность апелляционной инстанции. Так, согласно распоряжению Верховного тайного совета, а после – указу от 7 марта 1726 года, Сенату отходили функции разбора жалоб на неправосудные решения коллегий и иных судов империи[89]. В этот период была сохранена процедура подачи челобитных в Сенат через рекетмейстера. Рекетмейстер (позже рекетмейстерская контора) должен был представить Сенату краткое содержание дела на основании запроса подлинника дела из соответствующего учреждения. Итоговое решение Сената обыкновенно выглядело следующим образом: «В Сенате, слушав выписки учиненной и засвидельствованной у рекетмейстерских дел из взятого из N-ной коллегии (или канцелярии), по челобитию N в неправом той коллегии (или канцелярии) решении дела о …, приговор оставить/отменить». Иногда в тексте самой челобитной содержалась просьба дело окончательно рассмотреть в Сенате. Также исследователи Сената эпохи дворцовых переворотов указывают на то, что в это время часто пренебрегается обязательность участия рекетмейстера в подаче апелляции[90]. Это было связано в первую очередь с тем, что часто жалобы приходили в Сенат по поручению из Верховного тайного совета и Сенат самостоятельно запрашивал материалы из учреждения, решение которого обжаловалось.

В период правления Елизаветы Петровны Сенат был полностью восстановлен в своих правах, данных ему Петром I. На Сенат были вновь возложены функции высшей судебной инстанции. Однако по замечанию А.Е. Преснякова, «судебные функции Сената были заслонены его

[88] Именной от 7 марта 1726 г. «О должности Сената» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4847.
[89] Протоколы Верховного тайного совета. 1726-1730. М., 1856. С. 6.
[90] Филиппов, А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев: Типография Маттисена, 1895. Ч. 1. С. 465-466.

правительственной ролью, административной и финансовой»[91]. В связи с этим его судебные функции вновь приобрели второстепенный характер, что, в свою очередь, породило изрядную медлительность в производстве дел.

Стремясь преодолеть основные недостатки в деятельности Сената как суда первой инстанции, Екатерина II попыталась законодательно более четко определить его компетенцию в указанной сфере. Важно отметить, что преобразование Сената и его деятельности происходило в русле общей концепции реформирования судебно-административной системы.

Характеристика данного период будет не полной, если не остановиться на структурных изменениях, которые произошли в Сенате во второй половине XVIII века. Екатерина II провела масштабную судебную реформу, в результате которой произошло перераспределение высших судебных полномочий в стране[92]. В 1763 году Сенат был разделен на шесть департаментов (четыре в Петербурге и два в Москве). Окончательное решение принималось единогласно на Общем собрании петербургских департаментов. Для московской части Сената также было предусмотрено Общее собрание департаментов, но оно служило лишь дополнительной инстанцией к уже упомянутому Общему собранию в Петербурге[93]. Положение закона о единогласном принятии решений в Сенате долгие годы вызывало споры в среде самих сенаторов и других высших должностных лиц. Из-за разногласий, возникающих при рассмотрении дел в Сенате, отдельные прошения и жалобы не разрешались годами. Кроме того, некоторые дела не могли быть разрешены ввиду пробелов в законодательстве. В 1768 году Екатерина предприняла попытку разобраться с обеими проблемами, тормозящими отправления правосудия в Сенате. Императрица предложила проект указа, предполагающего учреждение особой инстанции, рассматривающей дела, которые по различным основаниям не могут быть

---

[91] История Правительствующего Сената за 200 лет Т. 2. С. 310.

[92] В данном контексте мы не будем останавливаться на всех мероприятиях судебной реформы Екатерины II, ограничимся лишь теми из них, которые относятся к высшей судебной власти в стране. В остальном см. подробнее: Мигунова Т.Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия…». Административно-судебная и правовая реформа Екатерины II. М., 2008.

[93] Манифест от 15 декабря 1763 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11989. П. 5-6.

разрешены в Сенате[94]. Однако данный проект не получил силу закона, а затяжное рассмотрение дел в Сенате по-прежнему решалось при вмешательстве монарха. Не решенная при Екатерине II проблема рассмотрения дел в Сенате перешла по наследству ее сыну. Павел I, став императором, был вынужден создать дополнительные департаменты Сената, с тем чтобы последние завершили дела, ведение которых началось еще при Екатерине[95]. Так, в целях оптимизации работы Сената была преобразована структура департаментов, уточнены их отдельные полномочия. Первый департамент ведал «делами казенными и интересными». Второй – гражданскими делами. Третий и Четвертый – «делами исполнительными». Пятый – уголовными делами и должностными преступлениями. Одновременно для ускорения производства дел были внесены изменения в порядок рассмотрения дел. Теперь решения Общего собрания департаментов Сената принимались не единогласно, а большинством голосов. В случае равенства голосов дело поступало на рассмотрение императора[96].

Следующей функцией Сената как высшего суда являлось рассмотрение дел в порядке апелляции. Характеризуя эту функцию, важно отметить, что на протяжении XVIII века под апелляцией понималась любая жалоба на решение нижестоящего суда – как на существо решения, так и на нарушение процедуры рассмотрения.

Законодательно были установлены некоторые правила, закрепляющие за Сенатом роль высшего судебного органа. Так, указом от 19 декабря 1718 года запрещалось обжаловать решения Сената, что каралось смертной казнью[97]. Указ о «Должности Сената» от 1718 года и в последующих редакциях предписывал обязательное разрешение монарха на апелляционное рассмотрение дела. Исключение составляли случаи долгого отсутствия императора в столице. Для

[94] Сборник РИО. Т. 42. Бумаги императрицы Екатерины II. Т. 5. СПб., 1885. С. 442-443.
[95] Высочайшая резолюция на доклад генерал-прокурора от 13 декабря 1796 г. «О распределении дел между департаментами Сената для скорейшего оных производства, об учреждении трех временных департаментов для окончания нерешенных дел и о прибавке в Сенате чиновников по прилагаемому штату» // ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17639.
[96] См.: ПСЗ-I. Т. XXIV. №№ 17600, 17615, 17630, 17655, 17760, 18077; Т. XXVI. №№ 19444, 19649.
[97] Законодательные акты Петра I. С. 378-379.

организации приема жалоб на деятельность судебных органов в 1722 году при Сенате была учреждена должность рекетмейстера[98]. Позже вокруг него в структуре Сената была сформирована рекетмейстерская контора. Ее обязанности были определены тремя взаимосвязанными актами – «Наказом рекетмейстеру», а также инструктивными дополнениями к нему[99]. Основная задача данного структурного подразделения Сената состояла в досудебном рассмотрении жалоб, поданных в Сенат. При этом рекетмейстерская контора не несла в себе чисто судебных функций, но имела право при рассмотрении жалобы на затягивание процесса направлять должностных лиц в коллегии и иные учреждения для «ускорения» движения дела. Завершало оформление Сената как высшего судебного органа законодательное закрепление запрета подавать жалобы в Сенат, минуя процедуру рассмотрения дел в нижестоящих инстанциях. Процесс рассмотрения апелляционной жалобы в Сенате законодательно регламентировался в самых общих чертах. Так, рекетмейстер, убедившись, что дело было рассмотрено в нижестоящих инстанциях, запрашивал его для составления выписки, которую представлял Сенату. Дело рассматривалось Сенатом на общем собрании с приглашением челобитника, заинтересованных сторон, свидетелей и других лиц. Сенат мог изменить решение нижестоящей инстанции либо оставить его без изменений.

С появлением на политической арене новых органов верховной власти – Верховного тайного совета и Кабинета министров – функции апелляционной инстанции оставались за Сенатом. Однако отсутствие строго определенной компетенции, в том числе и в судебной сфере, вызывало путаницу и дополнительную волокиту в разборе дел в Сенате. Так, в период с 1726 по 1741

---

[98] Именной, данный Сенату от 12 января 1722 г. «О обязанности сенатских членов, о заседании президентов воинских коллегий, иностранных и берг-коллегий в Сенате, о бытии при Сенате генерал и обер-прокуроров, рекетмейстеру, экзекутору и герольдмейстеру, а в каждой коллегии по прокурору, о выбирании кандидатов к оным местам и о чинении при сем выборе и баллотировании присяги по приложенной форме» // ПСЗ-I. Т. VI. № 3877.

[99] Наказ рекетмейстеру от 5 февраля 1722 г. // ПСЗ-I. Т. VI. № 3900; Именной, объявленный из Сената «О донесении генерал-рекетмейстера Его императорскому величеству о челобитниках, не получающих никакого решения по поданным им просьбам» от 17 апреля 1722 г. // ПСЗ-I. Т. VI. № 3968; Именной, объявленный из Сената от 19 апреля 1722 г. «О ходатайстве рекетмейстеру по жалобам на помещиков в помешательстве в отыскании руд» // ПСЗ-I. Т. VI. № 3972.

год часты были случаи подачи апелляционных жалоб напрямую в Совет или Кабинет, в обход рекетмейстера, что негативным образом сказывалось на делопроизводстве Сената, поскольку полученные Советом или Кабинетом жалобы чаще всего перенаправлялись в Сенат, в результате последний часто рассматривал дела, не относящиеся к его компетенции. В последующем данную пагубную тенденцию пытали преодолеть, для чего в 1730 году последовало принятие актов, подтверждающих порядок прохождения жалоб через рекетмейстера в Сенат[100]. Также была усовершенствована процедура рассмотрения апелляционных жалоб в Сенате. Указ от 30 июля 1730 года обязывал коллегии и иные органы, на решения которых подана жалоба в Сенат, в течение двух-трех дней передать подлинные материалы этих дел рекетмейстеру, который, как и ранее, должен был сделать выписку. Сенату разрешалось в случае отсутствия или изменения места жительства челобитника рассматривать дело исключительно по бумагам, не приглашая на свои заседания заинтересованные стороны[101].

Судебная реформа Екатерины II внесла некоторые коррективы в исполнение Сенатом функций апелляционной инстанции. Во-первых, организационные преобразования, осуществленные императрицей, создали уголовную и гражданскую юрисдикцию в виде судебных палат, решения которых можно было обжаловать в соответствующем департаменте Сената. С этого времени можно говорить о дифференциации порядка обжалования уголовных и гражданских дел. Для гражданских дел сохранился порядок, весьма схожий с обжалование решений в предшествующий период: после гражданской судебной палаты в Сенат через рекетмейстера. Главной его особенностью выступал принцип диспозитивности обжалования, то есть, намерение

[100] Манифест о неподаче Ее императорскому величеству просьбы ни о каких делах мимо учрежденных мест и о назначении куда именно их подавать стоит от 25 апреля 1730 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5546; Именной в дополнение рекетмейстерской инструкции от 30 июля 1730 г. «О докладывании в Сенат апелляционных дел в подлинных экстрактах, учиненных в коллегиях и о недопущении тяжущихся к рукоприкладству» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5600.

[101] См.: Именной в дополнение рекетмейстерской инструкции от 30 июля 1730 г. «О докладывании в Сенат апелляционных дел в подлинных экстрактах, учиненных в коллегиях и о недопущении тяжущихся к рукоприкладству» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5600.

рассмотрения дела в Сенате, исходящее от сторон. Иначе обстояло дело с пересмотром приговоров уголовной судебной палаты. По некоторым категориям уголовных дел решения направлялись в Сенат ex officio, в порядке ревизии, который не требовал волеизъявления сторон и являлся обязательным. Круг таких дел был определен не четко и часто зависел от воли императрицы. Также на ревизию в Сенат поступали приговоры о смертной казни, политической смерти, дела, касающиеся несовершеннолетних преступников, обвиняемых в тяжком преступлении, все приговоры дворянству и ряд других. Статья 107 «Учреждения о губерниях» предписывала передавать в Сенат только те уголовные дела указанной категории, которые при утверждении их наместником (что являлось обязательным) вызовут сомнения или несогласие[102].

При Екатерине II был усовершенствован механизм апелляционного обжалования в Сенате. Одной из причин долгого разбирательства дел был установленный еще при Анне Иоанновне в 1730 году порядок, согласно которому перед рассмотрением жалобы (челобитной) делались выписки из заседания по делу нижестоящей инстанции. По замечанию самой императрицы, выписки часто составлялись некачественно и содержали однотипную информацию: «по одному делу и одной персоне о той же самой материи, о чем прежде челобитие было, поданы многие прошения, которые в выписках, по просьбе челобитников, неминуемо включены бывают»[103]. Обновленный порядок рассмотрения апелляций в Сенате выглядел следующим образом: при подаче апелляции в Рекетмейстерской конторе по делу должны были составляться экстракты, то есть, выдержки из судебных дел, раскрывающие существо обжалуемого вопроса. Экстракты подписывали сторона, подающая жалобу, а также орган, который рассматривал дело в предыдущей инстанции. В случае несогласия с составленным экстрактом могли быть внесены «особые мнения»

[102] Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи от 7 ноября 1755 г. // ПСЗ-I. Т. XX. № 14392.
[103] Цит по: Грибовский, А.Д. Высший суд и надзор в первую половину царствования Екатерины II: историко-юридическое исследование. СПб., 1901. С. 144.

при подписании документа[104]. Дело целиком Сенат мог затребовать в исключительных случаях.

Также для преодоления волокиты в рассмотрении дел в Сенате предписывалось при объявлении решений нижестоящих судов четко разъяснять сторонам сроки и возможность апелляционного обжалования. Апелляция подавалась по месту постановления решения[105]. Сроки апелляции устанавливались следующие: один год для проживающих на территории Российской империи, два года – для приезжих иностранцев. В течение этого срока необходимо было заявить о намерении обжаловать решение в суд, его постановивший. Получив соответствующее заявление, нижестоящие инстанции составляли экстракт и отправляли его в Сенат. В Сенате Рекетмейстер, получив его, дожидался поступления самой апелляционной жалобы, а после начинал готовить дело к докладу.

Отметим, что такой порядок апелляционного обжалования был установлен еще в самом начале царствования Екатерины II в 1762 году, еще до основных преобразований судебной системы в целом.

Исследователи расходятся во мнении: подобными преобразования Екатерина полагала решить проблемы, существующие в судебной сфере окончательно, или все же это были косметические меры, устраняющие наиболее насущные проблемы, до более глубоких реформ всей системы управления, администрации и суда.

Грибовский А.Д. утверждает, что введенный Екатериной порядок обжалования не был эффективным, поскольку структура органов власти и судов на местах, а также менталитет региональных чиновников не могли способствовать разрешению судебных дел. Он приводит пример жалобы ладожского купца Охряева. Сенат трижды посылал запрос в Новгородскую

---

[104] Именной «О правилах производства апелляционных дел» от 30 июля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11628.
[105] Там же.

губернскую канцелярию, но его запросы попросту игнорировались[106]. Таким образом, потребность в четкой стройной судебной системе с понятным набором функций становился все очевиднее.

Представляется, что Екатерина II, вооружившись передовыми идеями просвещения, готовилась к проведению серьезных преобразований в судебной сфере, а не только верховного правосудия. Судебные преобразования Екатерины II ценны тем, что к процессу реформирования она подходила, по славам А.Д. Грибовского, «как бы с изнова»[107], поскольку преемники Петра I не имели четкой программы действий в вопросе построения судебной системы и тот багаж, который скопился к ее правлению имел импульс, заданный еще петровскими реформами и дальнейшим поступательным развитием. «Воцарение Екатерины застало Россию изнемогавшей под бременем административного произвола и судейской неправды. Эти застарелые пороки тогдашнего государственного порядка требовали коренных преобразований, что сознавалось Екатериной II»[108].

Реформаторская деятельность Екатерины II в судебной сфере была направлена на создание стройной, обособленной институциональной системы судебных учреждений, которая не смогла появиться в период реформ Петра I и его преемников. Одним из критериев эффективности судебной реформы императрица видела в отделении суда от администрации[109].

Итогом судебной реформы 1775 года стало установление на длительный период таких ценности правосудия, как сословное процессуальное равенство, структурное разделение органов суда и администрации, выборность судей, дифференциация судов по специализации, прокурорский надзор за судебной деятельностью. Однако проведенная Екатериной II реформа в основном касалась организации суда в регионах и слабо затрагивала верховное правосудие. С одной

---

[106] Грибовский А.Д. Высший суд и надзор в первую половину царствования Екатерины II: историко-юридическое исследование. СПб., 1901. С. 138-139.
[107] Там же. С. III.
[108] См.: там же.
[109] Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи от 7 ноября 1755 г. // ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Преамбула.

стороны, может показаться, что все необходимые преобразования в Сенате (как высшей судебной инстанции) были проведены еще до реформы 1775 года, тем более что судебные преобразования в губерниях осуществлялись в совокупности с административными и это дало основание называть реформу 1775 года «административно-судебной»[110].

С другой стороны, мы находим подтверждение того, что в ближнем окружении императрицы и при ее непосредственном участии разрабатывалась реформа верховного правосудия. Ее содержание и степень радикальности варьировались от авторства и времени составления проектов. Судебная политика Екатерины II имела целью не только придать цивилизованные черты отечественному правосудию, но и решить системную задачу модернизации государства на основе достижений социально-правовой мысли того времени.

В рамках этой стратегии произошло преобразование Сената в 1763 году, Сенат был разделен на шесть департаментов (четыре в Петербурге и два в Москве), с более четкими функциями. Результатом этой реформы стало преодоление нерациональной организации дел в Сенате, при которой все сенаторы занимались всеми делами, без формальной специализации и распределения полномочий. Именно поэтому судебные функции часто отходили на второй план по сравнению с делами управления. Начиная с 1763 года, один петербургский и один московский департамент были сосредоточены на отправлении судебных полномочий. С этого момента целесообразнее говорить о том, что высшей судебной инстанцией в стране стали два судебных департамента Сената. Однако нельзя не отметить, что иные департаменты в рамках своей компетенции также могли выполнять функции высшего суда (например, третий департамент ведал делами территорий, находящихся на особом положении – Эстляндии, Лифляндии, Малороссии, Выборгской губернии, – включая судебные).

---

[110] См., например: Т.Л. Мигунова Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой: дисс. … докт. юрид. наук. Владимир, 2008.

Реформаторская деятельность императрицы была продолжена в рамках работы Уложенной комиссии 1767 года. В написанном к открытию Комиссии Наказе, задающем вектор всех преобразований, вопросы судоустройства и судопроизводства почти не затрагивались. Но в активной фазе работы над новым проектом уложения была создана частная (специальная) Комиссия о правосудии (т.н. «юстицкая»), которая просуществовала до 1771 года, а ее законотворческая работа отразилась в важнейших актах последней трети XVIII века. Исследователь И.П. Слободянюк полагает, что специальная Комиссия о правосудии представила проект реформ, который не отличался радикальностью, а лишь корректировал существующую практику. 3 октября 1767 года частная Комиссия предложила свой проект законов, согласно которому судебный процесс подразделялся на уголовный и гражданский и соответственно разделялась юрисдикция судов: «План порядку суда уголовного» и «План порядку суда гражданского»[111]. Оба проекта сохраняли прежние формы суда, но более детально регламентировали порядок прохождения инстанций. Также представленные проекты «вписывали» структурно преобразованный Сенат в обновленную судебную систему как высшую судебную инстанцию.

По словам И.П. Слободянюк, основная законопроектная работа прошла в другой специальной комиссии – о порядке государства. На ее многочисленных заседаниях, посвященных вопросам государственного и административного устройства, обсуждались проблемы организации судебной сферы. Итогом работы стал проект, обсужденный 14 марта 1769 года. В целом данный проект очертил контуры будущей судебной реформы. Его основными принципами стали разделение административных и судебных функций между разными органами государственной власти, а также перенос основной массы рассматриваемых дел в губернские судебные учреждения. Комиссия предложила четкую четырехзвенную структуру судебной системы: уездные судные приказы, провинциальные судные приказы, губернские апелляционные

[111] См. подробнее: И.П. Слободянюк Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма» // История судебных учреждений России: Сб. обзоров и рефератов. М., 2004. С. 102.

надворные суды и Сенат в качестве высшей судебной инстанции. Характер движения дел по инстанциям и функции самого Сената говорят о том, что он выступает высшей апелляционной и надзорной инстанций.

Анализируя данный проект, можно заметить неразрешенность еще одного спорного вопроса: учитывать ли сословный принцип при построении судебной системы. По мнению И.А. Исаева, одной из заметных характеристик абсолютизма является стремление «рационально регламентировать правовое положение каждого из существующих сословий»[112]. Такая регламентация может происходить как в политическом, так и в правовом ключе, с целью максимально определить правовой статус каждой социальной группы и регулировать ее социальные действия. В этом процессе заметную роль играют судебные учреждения.

По словам О.А. Омельченко, учреждение сословных судов и внутрисословной подсудности было единственным верным решением политики просвещенного абсолютизма как «своего рода политический паллиатив, согласующий идейно-правовую декларацию и социальную реальность»[113]. Согласимся с автором, поскольку проводимая социальная политика, усиливающая правовые различия отдельных сословий: отказ от крестьянской реформы и распространение крепостного права, введение гильдейского сбора, провозглашение дворянской вольности – не могла завершиться созданием единого бессословного суда. Наоборот, наличие у каждого сословия своих «корпоративных» прав и обязанностей диктовало необходимость их защиты и охраны в рамках внутрисословного судопроизводства. В этом отношении бессословным оставалась высшая судебная инстанция – Сенат.

Законопроектная деятельность в отношении Сената и сферы верховного правосудия в целом продолжалась и после проведения административно-судебной реформы 1775 года.

---

[112] Исаев, И.А. История России: Правовые традиции. – М.: Юкис: ТОО "Стройсервис", 1995.С. 72.

[113] Омельченко, О.А. К истории судебной политики «просвещенного абсолютизма» в России // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве. М., 1989. С. 80.

Наиболее известными проектами реформирования, разработанными при Екатерине II (и даже при ее непосредственном участии), были образование Главной расправной палаты и учреждение Генерального суда. Несмотря на определенный интерес исследователей к этим проектам и их упоминания в работах, основные материалы по ним остаются неопубликованными. Первым обратился к ним М.Н. Коркунов. Во многом мы имеем представление о них по публикации М.Н. Коркунова 1899 года[114]. Однако Николай Михайлович использовал не текст конца XVIII века, а его копии, которые обнаружил в бумагах Комитета 6 декабря 1826 года. Сопоставив материалы М.Н. Коркунова и оригиналы документов, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), можно сделать выводы об основных проблемных вопросах реформирования судебной сферы. Примечательно, что оба проекта были посвящены преобразованию именно верховного правосудия[115].

Первый проект, хронологически относящийся к 1787-1788 годам, затрагивает вопрос о статусе и функциональной роли Сената[116]. Он подразумевал деление Сената на четыре департамента, где первый занимался вопросами управления и законотворчества, второй являлся судебным и выступал вышестоящей инстанцией к уголовным судебным палатам. Таким образом, его юрисдикция ограничивалась только уголовными делами. Предполагалось, что по преступлениям высших чиновников второй департамент мог выступать первой инстанцией. Третий департамент Сената должен был разрешать жалобы, которые поступали на решения гражданских судебных палат. Четвертый департамент получал полномочия в различных экономических сферах деятельности государства: налоговой, таможенной, казначейской и т.д.

Таким образом, Сенат должен был остаться органом государственной власти «широкого профиля». В самом проекте говорилось: «Сенат не есть место

---

[114] Впервые попытку рассказать о них широкой публике сделал Н.М. Коркунов. См.: Коркунов Н.М. Два проекта преобразований Сената второй половины царствования Екатерины II (1788 и 1794 годов) // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 5. С. 139-171.

[115] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 10. Оп. 2. Д. 320. Черновые записки Екатерины II о сенатской реформе.

[116] Коркунов, Н.М. Два проекта преобразований Сената второй половины царствования Екатерины II (1788 и 1794 годов) // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 5. С. 139.

судебное, но хранилище императорского величества изданного узаконения»[117]. Проект предписывает Сенату решать дела по точной силе и «точному слову» закона. В случае недостижения единогласия дело могло быть рассмотрено общим собранием Сената[118]. Примечательно, что Екатерина II в своих проектах все меньше видела в Сенате именно судебную функцию, предопределив ему роль органа, с гораздо большими полномочиями.

Роль высшего суда отводилась состоящему при Сенате, но в целом самостоятельному органу – Главной судебной расправе. По замыслу реформаторов, она должна была состоять из трех частей: Высший (Вышний) совестный суд, Верховный (Верхний) уголовный суд, Надзирание прав и правосудия[119]. Наименование и нумерация частей (позже департаментов) в последующих редакциях были изменены. Также мы не находим четкого понимания разграничения полномочий между этими органами.

Первый департамент носил название Надзирание прав и правосудия (в различных документах порядковый номер этого департамента отличается). Создавался с целью контроля за исполнением законов и решений центральных органов государственной власти в регионах. Имел возможность налагать штрафы на должностных лиц в случае неисполнения ими закона, привлекать их к суду. Важно, что Надзирание прав и правосудия мог ходатайствовать перед Сенатом и монархом о необходимости внесения изменений в законодательство или принятия нового акта для урегулирования спорных ситуаций. Во главе данного департамента стоял «законоведец», который также «по должности» являлся председателем всей Главной расправной палаты[120].

По словам О.А. Омельченко, должность законоведца не имела аналогов в российском государственном аппарате второй половины XVIII века и была «сконструирована» Екатериной II, а за основу был взят лорд канцлер из

[117] Там же. С. 147.
[118] Там же. С. 157.
[119] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 329. Л. 3-9.
[120] РГАДА. Ф. 10. Оп.1. Д. 17. Л. 178-179.

«Комментариев» Блэкстона[121]. Законоведец назначался императрицей из приближенных людей, по должности входил в состав Сената, где представлял Главную расправную палату и департамент.

Второй департамент именовался Верхний уголовный суд. Его полномочия и роль в судебной системе также не до конца ясны, судя по имеющимся источникам. С одной стороны, верхний уголовный суд должен был выступать в качестве высшей судебной инстанции в системе судов уголовной юстиции, замкнув на себе сословные уголовные суды (губернские и уездные, верхние и нижние расправы и уголовные судебные палаты), образуя отдельную судебную ветвь уголовного правосудия.

С другой стороны, юрисдикция Верхнего уголовного суда была ограничена. Так, по преступлениям, за которые была предусмотрена смертная казнь или лишение права состояний, суд только исследовал доказательства, а далее передавал материалы дела в Сенат для постановления приговора. В иных случаях Верхний уголовный суд действовал как суд и самостоятельно выносил окончательные решения.

Третьим департаментом Главной расправной палаты должен был стать Высший совестный суд, который завершал систему совестных судов. Он получал право, пользуясь современной терминологией, расширенного толкования закона, применение аналогии и закона, и права, «ибо закон не мог всего предвидеть и изъяснить»[122].

Особо отметим, что каждый из трех департаментов Главной расправной палаты состоял из постоянных членов, а также выборных представителей от дворян, мещан и поселян от каждой губернии.

Важной составляющей данного проекта являлось установление принципа законности для всех сословий и должностных лиц («граждан»), обязательность решений суда и их правовая охрана, утверждался принцип признания виновным только по приговору суда. При этом проект четко основывался на началах

---

[121] См.: Омельченко, О.А. Конституция «просвещенного абсолютизма» в России (неизвестные законодательные проекты Екатерины II) // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 140.
[122] РГАДА. Ф. 10. Оп.1. Д. 17. Л. 166-168.

сословной монархии, с законодательным закреплением прав и обязанностей за каждой социальной группы.

Возвращение Екатерины II к проблеме организации верховного правосудия происходит в 1794 году. В бумагах императрицы, относящихся к этому периоду, присутствуют ссылки на предыдущий проект, что позволяет говорить о завершающей стадии работы над ним[123]. В более поздней версии Главная судебная расправа состоит из трех департаментов: Высшнего совестного суда, Генерального суда, Надзирания прав и правосудия. В целом все структурные единицы сохранили свои основные полномочия. Верхний уголовный суд был переименован в Генеральный суд. Он должен был выступать судом первой инстанции в отношении «дел и особ, кои судимы не могут быть в губернии»[124]. К таким лицам проект относил губернаторов, вице-губернаторов, обер-прокуроров, председателей коллегий и палат. В юрисдикцию Генерального суда входили государственные и иные уголовные преступления высшего чиновничества. Проект предполагал наделить Генеральный суд активной ролью в судебном процессе, граничащей с ролью следствия. Таким образом, императрица хотела замкнуть в одном органе все стадии процесса в отношении высших должностных лиц.

Исследователь К.Г. Боленко на основании анализа архивных документов, относящихся к разработке законодательства о Верховном уголовном суде, полагает, что Генеральный суд и Верхний уголовный суд, ранее представлявшие собой одно и то же учреждение, в последующем были разделены[125]. Верховный уголовный суд остался одним из департаментов Главной расправной палаты, преимущественно со следственными функциями, а Генеральный суд был выделен в самостоятельный орган с судебными полномочиями в отношении государственных преступлений высших должностных лиц.

---

[123] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 329.
[124] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 329. Л. 5.
[125] См. подробнее: Боленко К.Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия (конец XVIII – начало XIX века). М.: Новый хронограф, 2013. С. 137-139.

Анализ проектов преобразования верховного правосудия Екатерины II позволяет сделать несколько выводов. Несмотря на завершенный характер проектов, каждый из них все же оставался «черновым» вариантом. В них отразилась общая государственно-правовая политика России второй половины XVIII века, основанная на идеях Просвещения о необходимости переосмысления роли и значения органов власти в государстве и признании прав за гражданами. Одним из гуманистических принципов, объявленных в «Наказе», был принцип строгой подзаконности деятельности суда. Тем не менее провозглашение этих начал не исключало сохранения и правового закрепления принципа сословности, который на многие десятилетия стал основой для построения судебной системы. Только для высшей инстанции – Сената – был допущен бессословный характер.

Попытка передачи функций высшей судебной инстанции от Сената в Главную расправную палату не была реализована в виду, как нам представляется, нескольких причин. Во-первых, громоздкий и неопределенный набор полномочий каждого из департаментов еще более усложнил и «затянул бы судебное разбирательство. При этом, возможно, что проект был бы доработан. Во-вторых, должно быть, у Екатерины II был замысел реформирования верховного суда в комплексе с изменениями и принятием новых норм материального и процессуального права (прежде всего, уголовного уложения). Профессиональный, обособленный верховный суд должен был обеспечить надлежащие правоприменение новых материальных и процессуальных «кодексов». Но поскольку в полной мере воплотить замысел реформ не удалось, то верховный суд также остался проектом.

Органом верховного правосудия остался Сенат, который, как было отмечено ранее, все больше сосредотачивался на судебных функциях. При этом именно при Екатерине Сенат расширил свои полномочия в вопросах нормотолкования. С одной стороны, в период правления Екатерины II заметно ее личное участие в отправлении верховного правосудия, что проявлялось в формировании специальных судов с привлечением работы в них и сенаторов,

истребовании приговоров из Сената (или вместо Сената) и т.д. Но, с другой стороны, Сенату была предоставлена определенная свободы в вопросах правоприменения. В случае если закон не давал четкого ответа на разрешаемое дело, Сенат мог либо инициировать принятие соответствующего акта, либо действовать в «духе» имеющихся законов. Однако данное полномочие Сената отличалось от подобной компетенции современных высших судебных инстанций или органов конституционного контроля. Такая возможность Сената происходила скорее от его первоначальной и главной функции – управления и сосредоточения в своих руках законотворческих полномочий. В более ранние периоды (1726-1741 годы) в случае пробела в законодательстве Сенат принимал решения со следующими формулировками «до генерального впредь … определения» или «впредь до будущего определения». Такие решения обязывали Сенат, собрав соответствующий материал, разработать законопроект[126]. По меткому замечанию А.Е. Преснякова, «Сенат в малейших сомнениях мог перейти от роли судьи к роли законодателя»[127]. Исследователь, скорее всего, имел в виду именно то единство, которое олицетворял собой Сенат в сфере верховной власти.

Обычной, но не часто используемой формой решения Сената по конкретному делу (по первой или апелляционной инстанции) было издание отдельного сенатского указа, разрешающего частную жалобу. Такие указы не публиковались, а лишь рассылались в нижестоящие инстанции (не только судебные) для последующего правоприменения по схожим делам. Как уже было сказано, сенаторы не всегда прибегали к этому способу, поскольку существовал запрет на принятие соответствующих сенатских указов, а разрешалось это только в случае отсутствия нормы в действующем законодательстве.

Еще одной функцией Сената в рассматриваемую эпоху было толкование законов. В данном случае мы воспользовались современной формулировкой этого полномочия, понимая под толкованием разъяснение смысла акта. Для

---

[126] См. подробнее: Филиппов, А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев: Типография Маттисена, 1895. С.357-358.

[127] История Правительствующего Сената за 200 лет Т. 2. С. 639.

XVIII века применительно к Сенату эту деятельность для него следует понимать буквально. Ввиду незначительного количества юридически грамотных лиц и недостаточного распространения законодательных актов часто требовалось простое пояснение в вопросах правоприменения. Обращения, поступающие в Сенат по подобным вопросам, можно разделить на три группы – незнание законов, непонимание, как применять закон на практике, и наличие пробела в законодательстве. Функция Сената как толкователя законов объясняется также еще и тем обстоятельством, что большинство принимаемых актов проходило через Сенат, именно поэтому казалось логичным обращаться за разъяснением именно к Сенату, то есть, органу, непосредственно участвующему в принятии акта. А.Н. Филиппов отмечает достаточно высокий авторитет Сената в данной сфере даже в период ослабления его значения при Екатерине I и Анне Иоанновне[128].

В завершение подведем итог нашим изысканиям о становлении и развитии Сената в качестве высшей судебной инстанции в XVIII столетии. За почти столетний период существования Сенат аккумулировал в себе ряд функций, позволяющих говорить о закреплении за ним статуса верховного суда. При всей непоследовательности государственной политики в отношении Сената на протяжении XVIII века усиливалось его институционное верховенство, проявляющееся в постепенном установлении обязательности прохождения низших инстанций.

На протяжении XVIII – начала XIX века шел процесс формирования сферы верховного правосудия. Первоначально основной целью высшей судебной инстанции (Сената) было исправление ошибок, допущенных нижестоящими инстанциями. Высшая судебная инстанция долгое время не могла исключить данную функцию, поскольку она являлась необходимым условием относительно стабильного функционирования системы правосудия в целом. Кадровый состав судов нижестоящих инстанций, отсутствие профессиональных юристов, судей,

[128] См. подробнее: Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев: Типография Маттисена, 1895. С. 356.

прокуроров, низкий уровень квалификации на протяжении XVIII – начала XIX века не способствовали вынесению качественный решений. Наличие высшей судебной инстанции в данном случае должно было компенсировать этот недостаток судебной системы.

Кроме того, Сенат принимал на себя функции, прямо не связанные с правосудием, но укрепляющие его авторитет в данной сфере (толкование законов, восполнение пробелов в законодательстве и др.). Однако в условиях отсутствия разделения властей и сосредоточения в руках Сената большого объема разнородных полномочий при выполнении судебных функций Сенат постоянно испытывал последствия такого сочетания.

§ 2.2. Сенат как высшая судебная инстанция в первой половине XIX века

С воцарением Александра I для Сената начинается следующий период становления в качестве высшей судебной инстанции. Напомним, что в предшествующие периоды судебные полномочия не рассматривались самим Сенатом в качестве основных. Сенат всегда стремился сосредоточить в своих руках все функции верховного управления, периодически напоминая, что именно такую задачу ставил перед ним его создатель – Петр I. Судебные полномочия в этом отношении играли второстепенную роль, обеспечивая выполнение основной функции – управления. Начиная с внутренней реформы Сената в 1763 году собственно функции высшей судебной инстанции перешли судебным департаментам в Санкт-Петербурге и Москве, число которых увеличивалось. В целом Сенат продолжал оставаться довольно громоздким органом со множеством разнообразных функций. Сенат мог толковать законы, следить за их применением, исправлять «ошибки» нижестоящих судов. Такое сочетание управленческих и судебных функций способствовало формированию идеи о Сенате как последнем оплоте справедливости, что «где-то высоко в столице, выше всех мест империи есть стоящее коллегиальное учреждение,

которое всякое нарушение закона может отменить, всякую неправду пресечь»[129]. Первоначально Александр I разделял данную точку зрения. 5 июня 1801 года был принят указ, имевший своей целью вернуть Сенату полноту функций прежде всего в сфере управления[130]. Согласимся с интерпретацией данного указа А.Д. Градовским, который отмечал, что реставрация Сената повлекла бы за собой восстановление всей системы центральных и местных органов власти, созданных Петром I, что, конечно же, было невозможно после многочисленных преобразований XVIII столетия[131]. К тому же развитие российского государства требовало обновления системы управления, отказа от архаичного представления о самодержавной власти и ее основных институтах. Именно в этот период была предпринята попытка реализовать наиболее передовой принцип организации верховной власти того времени – теорию разделения властей. В предстоящей реформе управления Сенату была отведена роль главы судебной власти. Он окончательно превратился в высший суд в стране.

В 1802 году было проведено преобразование положения и устройства Сената. В указе говорилось, что: «1) Сенат есть верховное место империи, которое имеет себе подчиненными все присутственные места, хранилище законов, печатей о повсеместном соблюдении правосудия; поэтому верховная ревизия по делам гражданским, уголовным и межевым принадлежит беспристрастному и нелицемерному его правосудию; 2) власть Сената ограничивается единственно властью императорского величества, иной же высшей власти он над собою не имеет; 3) единое лицо императорского величества председательствует в Сенате и 4) указы Сената исполняются всеми, как собственные императорского величества; один государь или его именной

[129] История Правительствующего Сената за 200 лет Т. 3. СПб., 1911. С. 450.
[130] Именной, данный Сенату «О сочинении Сенату особого доклада о правах и обязанностях его для утверждения оных силою закона на незыблемом основании» от 5 июня 1801 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (далее – ПСЗ-I). Т. XXVI. № 19908.
[131] См. подробнее: Градовский, А.Д. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. СПб., 1903. С. 286.

указ могут остановить сенатские повеления»; 6) Сенат определяет чиновников на места, также определяет в чины[132].

По мнению И.А. Исаева, в 1802 году была предпринята последняя попытка вернуть Сенату управленческие функции, подчинив ему губернаторов. Но начиная с 1802 года, он утвердился как высший судебный орган империи[133].

Таким образом, формально Сенат продолжал оставаться верховным органом управления, осуществляя контроль и надзор за прочими государственными учреждениями, включая судебные. Однако с самого начала происшедших преобразований Сенат был отстранен от важнейших государственных функций. Так, учреждая в России Министерства, Александр I поручил Сенату «окончить все дела ведомства министров, которые в оные поступали»[134]. При этом, на наш взгляд, можно согласиться с мнением ряда исследователей о том, что Александр I и один из разработчиков реформы управления М.М. Сперанский первоначально видели Сенат органом верховного контроля над всей администрацией, высшим органом административной юстиции в стране[135]. Этим можно объяснить сохранение за Сенатом статуса «верховного места империи» и расширение именно контролирующих функций по отношению к органам государственной власти, включая суды. Однако данные идеи не были реализованы. С 1802 года можно говорить о продолжении институционализации Сената в качестве высшего суда и преобладании за ним судебных функций в противовес управленческим. Основываясь на обширных статистических данных, авторы юбилейного труда к 200-летию Сената указали, что среди всех, рассмотренных в Сенате с начала XIX века и до реформ 1860-х годов, первое место по численности занимали «дела судебные»[136].

Нельзя обойти вниманием проект преобразований, разработанный М.М. Сперанским «План государственного переустройства. Введение к

---

[132] Именной, данный Сенату «О правах и обязанностях Сената» от 8 сентября 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20405.
[133] Исаев, И.А. История России: Традиция государственности. – М.: ЮКИС, 1995. С. 70.
[134] Манифест «об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20406.
[135] См. подробнее: Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 19-23.
[136] См. подробнее: История Правительствующего Сената за 200 лет Т. 3. СПб., 1911. С. 510.

уложению государственных законов» 1809 года. Основой нового государственного устройства должен был стать, по мнению М.М. Сперанского, принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Для целей настоящего исследования остановимся на характеристике той части проекта, который затрагивал преобразования в судебной сфере. По замыслу М.М. Сперанского, судебная система должна была состоять из четырех инстанций (степеней): волостной суд (предтеча мирового суда) для разбора маловажных дел, окружной суд (в качестве первой инстанции по большинству дел), губернский суд (как апелляционная инстанция) и Сенат в качестве высшей судебной инстанции[137].

В составе Сената учреждались по два департамента уголовных и гражданских в Москве и Санкт-Петербурге. Сенаторы должны были избираться в губернских думах. При поступлении дела глава Сената (президент) создавал комиссию из трех сенаторов для предварительного рассмотрения дела и принятия решения о возможности его дальнейшего движения. После дело подготавливалось для слушания в конкретном департаменте. Подготовкой занимался рекетмейстер, который организовывал дополнительный сбор материалов по делу. Если рекетмейстер приходил к выводу, что в деле допущена судейская ошибка со стороны губернского суда, то дело возвращалось в этот суд для повторного рассмотрения. По замыслу М.М. Сперанского собственно рассмотрение дела в Сенате (его департаментах) состояло из двух этапов: производство и суждение. Копии «суждения» передавались обеим сторонам для ознакомления. Заседания Сената должны были проходить открыто, а решения подлежали обязательному опубликованию. Также проектом предусматривалось, что Сенат может выступать как первая инстанция по делам государственной важности.

Проект реформирования судебной системы М.М. Сперанского, во-первых, следует рассматривать лишь в совокупности с преобразованиями других сфер

[137] Сперанский, М.М. Введение к уложению государственный законов 1809 года. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. М.: Издание «Русская мысль», 1905. – 359 с.

государственной власти – законодательной и исполнительной. Особенно это проявляется в процедуре формирования судов посредством выборов вновь созданными органами управления губерниями – губернскими думами. Во-вторых, обновленный вариант судебной системы должен был преодолеть основные недостатки существующей системы – волокиту и многоинстанциональность. Последовательное прохождение дел по четырем степеням судов, с четкой подсудностью и полномочиями каждой должно было способствовать скорому и правому суду. При этом, понимая, что часть волокиты происходит именно в рамках высшей инстанции, М.М. Сперанский предлагал наделить верховный суд империи – Сенат – по сути кассационными функциями, то есть, сделать главным его полномочием не исправление ошибок нижестоящих инстанций, а рассмотрение тех дел, разрешение которых невозможно без толкования норм права и правильного правоприменения. Проект был подготовлен к 1809 году, до проведения кодификации и составления Свода законов, поэтому Сенат являлся главным хранителем законов и мог самостоятельно решать вопрос о их применении. Однако как известно, многие предложения и проекты М.М. Сперанского не были реализованы. Судебная реформа и преобразования верховного правосудия были осуществлены спустя полвека.

Говоря о Сенате как о высшей судебной инстанции, важно остановиться на общей характеристике судебной системы начала XIX века, тем более что Александр I начал свое правление с отдельных судебных преобразований. Первые шаги были направлены на реорганизацию местной юстиции. В сентябре 1801 года были восстановлены палаты гражданского и уголовного суда в том виде, в каком они существовали до 1796 года. Новацией стало включение в их состав выборных заседателей от дворянства, благодаря чему предполагалось усилить роль общества в осуществлении правосудия[138]. В последующие годы были приняты нормативные правовые акты, которые ставили палату уголовного

[138] Именной, данный Сенату «О восстановлении пяти губерний и о подчинении губерний военным губернаторам» от 9 сентября 1801 г. // ПСЗ-I. Т. XXVI. № 20004. П. 3-4.

суда под более жесткий контроль губернатора. Уголовная палата должна была отсылать ему на утверждение все поступавшие к ней из низших судов на ревизию уголовные и следственные дела[139]. В случае несогласия губернатора с решением палаты дело поступало в Сенат[140].

Таким образом, после преобразований Александра I судебная система начала XIX века была представлена двумя подсистемами: судами общей юрисдикции и специальными судами. Структура общих судов состояла из двух или трех инстанций. К первой относились уездный суд, городовой магистрат, надворный суд. Второй инстанцией являлись палаты уголовного и гражданского суда. И, наконец, третьей инстанцией выступал Сенат.

Наличие специализированных судов в судебной системе объясняется различными причинами. Среди них необходимость учета определенных местных традиций и обычного права, особенности отношений, складывающихся в отдельных сферах общественной жизни, активная роль в жизни общества и государства церкви. Сохранению и развитию специализированных судов способствовала политика государства. Власть, недовольная действовавшим судопроизводством, предпочитала создавать особые суды для разбирательства дел, представляющих для нее определенную ценность.

Так, в начале XIX века получили распространение новые виды специального суда – коммерческий, университетский, сельский. С 1808 года началось формирование системы коммерческих судов[141]. Ее создание явилось ответом на потребности экономических отношений. Как справедливо указывает

---

[139] Сенатский «О взносе из палат уголовного суда начальникам губерний всех без изъятия уголовных и следственных дел из нижних судебных мест на ревизию в оные вступающих» от 24 мая 1803 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20745.

[140] Именной, данный Сенату от 16 августа 1802 г. «О непреступлении губернаторами пределов власти, назначенных им законами» // ПСЗ-I. Т. XXVII. №№ 20372; Именной, данный Сенату «О правах и обязанностях Сената» от 8 сентября 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20405.

[141] Устав коммерческого суда для Одессы от 10 марта 1808 г. // ПСЗ-I. Т. XXX. № 22886. Заметим, что не все авторы относят коммерческий суд к числу специальных. Дискуссия об этом идет со второй половины XIX в. См., например: Депп Н.Ф. О торговых судах // Журнал гражданского и уголовного судопроизводства. 1871. № 1. С. 5–34; Гордон Н.М. Особенности судопроизводства в коммерческих судах // Журнал Министерства юстиции. 1894. № 2. С. 41–67; Российское законодательство X–XX вв. Т. 8. М., 1991. С. 83; Архипов, И.В. Модернизация торгового права и коммерческого процесса России в XIX – начале XX вв.: Дисс. …д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 228.

И.В. Архипов, коммерческие суды стали отражением потребностей защиты частной собственности в условиях активного роста капиталистического рынка. Абсолютистское государство шло на допущение буржуазных основ в организации судебной власти, так как это напрямую не затрагивало политических интересов[142]. Сначала был открыт суд в Одессе, а потом в других крупных торговых центрах (Таганроге, Феодосии, Архангельске, Измаиле). Столичное купечество также пожелало иметь специальный суд, и итогом лоббирование их интересов стало принятие 14 мая 1832 года Общего учреждения коммерческих судов и Устава торгового судопроизводства[143]. На основании новых законов были преобразованы старые суды и открыты новые в Петербурге, Москве, Новочеркасске, Керчи, Тифлисе.

Рассмотренная реформа весьма показательна для понимания состояния дел в общих судах. Правительство, осознавая важность оперативности рассмотрения споров, связанных с торговлей, не рискнуло отнести дела данного характера к ведению судов общей юрисдикции. Министерство юстиции признавало, что связано это с «крайней медлительностью судопроизводства», в силу чего отнесение торговых споров к компетенции общих судов «представляло существенные неудобства, неблагоприятно отражавшиеся на интересах торговли и торгового населения, в особенности в городах с развитой торговой жизнью»[144]. Коммерческие суды в качестве «пилотного проекта» должны были апробировать идею максимального сокращения количества инстанций. Относительно существующей судебной системы коммерческий суд по своему статусу был равен судебной палате, где дело разбиралось по существу. Сенат выступал в качестве апелляционной и последней инстанции по делам данной юрисдикции.

Реформа государственной деревни 1837-1841 годов потребовала решения вопросов о подсудности крестьян, итогом чего стало появление системы сельских судов. Университетский устав 1804 года закрепил автономию

---

[142] Архипов И.В. Указ. соч. С. 7–8.
[143] Высочайше утвержденное Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства от 14 мая 1832 г. // ПСЗ-II. Т. VII. № 5360.
[144] См.: Министерство юстиции за сто лет. С. 90.

университетов, проявлением которой был свой суд по маловажным гражданским и уголовным делам. Также в первой половине XIX века в России действовали церковные суды, межевые, горные и ряд других.

Конечно, расширение органов специальной юрисдикции приводило к увеличению и без того большого числа разнообразных судов. Но многообразие судов не являлось исключительно российской особенностью. К примеру, английская система судов того времени характеризовалась, по словам А. Токвиля, «необычайным многообразием различных судов»[145]. В середине XIX веке он насчитал примерно 18-20 судебных органов, в числе которых семь разновидностей судов общего права, три суда с общегосударственной юрисдикцией, примерно 10 специальных судов[146]. Отечественные специалисты признавали английскую судебную организацию «хаотической», державшейся благодаря прочным историческим традициям[147].

Хаотичность российской судебной системы предполагалось преодолевать наличием единой высшей судебной инстанции, которую представлял Сенат. Для всех, за редким исключением[148], перечисленных судебных учреждений Сенат являлся последней инстанцией, в которой возможно было пересмотреть вынесенное решение.

Внутренняя организация Сената также претерпела значительные изменения в первой половине XIX века. Произошло преобразование внутренней структуры Сената, в котором было создано девять департаментов[149]. При Николае I число последних возросло до 12. Только первый из них специализировался на управленческих вопросах, а остальные «заведовали

---

[145] Токвиль, А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 221–222.

[146] Причем это результат серьезной модернизации судебной системы, поскольку во второй половине XVIII в. в Англии А. Токвиль насчитал 24 вида судов (см.: Токвиль А. Указ. соч. С. 222).

[147] См., например: Щегловитов, И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление уставов 20 ноября 1864 г. Пг., 1915. С. 36.

[148] Для церковных судов высшей инстанцией выступал Синод, а для сельских судов – волосная расправа.

[149] Высочайше утвержденный доклад министра юстиции «О разделении дел по департаментам Сената, о прибавке двух новых департаментов и экспедиций, об упразднении комитетов для поверхностного обозрения жалоб на решения Сената и временных департаментов» от 27 января 1805 г. // ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21605.

делами судебными»[150]. Кратко остановимся на характеристике структуры судебных департаментов Сената.

Второй (апелляционный) департамент Сената. Второй апелляционный департамент просуществовал до 1877 года, в его компетенцию входило две категории дел: земельно-наследственные и уголовные, поступившие из различных присутственных мест, от генерал-губернаторов, казенной палаты, от рекетмейстера, дела по именным указам, дела, вносимые в Общее собрание Сената по разногласиям с Московскими департаментами.

Третий апелляционный департамент имел в своем составе три экспедиции (отдела): Российскую, Лифляндскую, Малороссийскую. Российская экспедиция рассматривала дела по Академии наук и художеств, Университету, училищам, Медицинской коллегии, по почтовому ведомству и егермейстерской конторам; Лифляндская – уголовные и гражданские дела, поступившие из Лифляндии, Эстляндии, Выборга и Нарвы; Малороссийская занималась апелляциями на дела, поступившие на действия бывшей Малороссийской коллегии по решению наследственно-земельных дел Киевского, Черниговского, Новгород-Северского и Екатеринославского наместничеств.

Четвертый апелляционный департамент рассматривал апелляционные дела на действия Военной и Адмиралтейской коллегий, по рекрутским наборам, а также на уголовные дела, поступившие из Ярославской, Вологодской, Вятской, Казанской, Оренбургской, Пермской, Тобольской, Иркутской и Томской губерний.

Пятый уголовный департамент Сената рассматривал дела по первой инстанции из губерний: Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Архангельской, Пермской, Тобольской, Иркутской, Томской, Подольской, Волынской, Киевской, Минской, Виленской, Гродненской, Черниговской, Полтавской, Могилевской, Витебской, Лифлянской, Эстляндской, Курляндской, Финляндской.

---

[150] Именной, данный Сенату «Об упразднении Государственного Совета Царства Польского и Высшей палаты суда и о замещении их в Варшаве двумя департаментами и общим собранием Сената» от 24 сентября 1841 г. // ПСЗ-II. Т. XVI. № 14852.

Шестой уголовный департамент в Москве рассматривал уголовные дела по первой инстанции из 27 губерний: Московской, Тверской, Смоленской, Астраханской, Кавказской, Владимирской, Воронежской, Курской, Нижегородской, Слободско-Украинской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Вятской, Казанской и Оренбургской.

Седьмой апелляционный департамент в Москве разбирал уголовные и гражданские дела в апелляционном порядке, поступившие из Московской, Астраханской, Курской, Кавказской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Нижегородской, Слободско-Украинской.

Восьмой апелляционный департамент в Москве рассматривал в апелляционном порядке гражданские дела, поступившие из Пензенской, Рязанской, Орловской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний.

Девятый (гражданский) и десятый (уголовный) Варшавские департаменты Правительствующего Сената были образованы в 1841 году как следствие общей государственной политики империи по отношению к Польше, после польского восстания 1831 года. До восстания Царство Польское, согласно своей Конституции, имело обособленную судебную систему. После восстания вектор имперской политики сменился на усиление централизации и включении Польши в систему административного управления и судебной власти Российской империи. Так, Девятый департамент получил функции, которые ранее принадлежали вышей палате суда Царства Польского, а именно рассмотрение апелляций на гражданские дела, поступившие с территории Польши. Десятый департамент аналогично рассматривал в апелляционном порядке уголовные дела. Окончательные решения могли быть приняты в рамках Общего собрания IX и X департаментов.

Нетрудно заметить, что распределение дел между департаментами Сената не было подчинено единому принципу: дела распределялись по

территориальному критерию (департамент принимал дела из определенных территорий), по предметному критерию (уголовные, гражданские), по субъектному – отдельный орган власти мог быть «закреплен» за своим департаментом Сената. Иногда при определении компетенции департамента было использовано сразу несколько критериев.

При анализе структуры Сената, важно отметить существование Общих собраний департаментов, которые могли выступать самостоятельной инстанцией. Состав и количество Общих собраний также не оставалось неизменным в течение первой половины XIX века. Так, 28 апреля 1827 года были созданы два новых Общих собраний Санкт-Петербургских департаментов. В первое входили первые три департамента, а предметом его рассмотрения являлись дела, требующие нового закона или уточнения действующего. Второе Общее собрание состояло из Четвертого, Пятого и Межевого департаментов, круг дел которого составляли дела по разногласиям внутри самого Сената. К середине XIX века, периоду судебных преобразований, существовало Общее собрание Первого, Второго и Департамента герольдии, а также Общее собрание всех судебных департаментов.

Особенности производства дел в Правительствующем Сенате указанного периода предопределялись его сложной внутренней структурой. Данный орган не являлся единым коллегиальным учреждением, а представлял собой конгломерат относительно обособленных структурных единиц – отделений, департаментов и общих собраний. Каждое из этих подразделений обладало собственным присутствием и канцелярией, что изначально создавало потенциал для институциональной разобщенности.

Критическим процедурным элементом, приводившим к крайне низкой эффективности работы, было правило единогласного принятия решений на уровне департаментов. В случае возникновения хотя бы одного особого мнения дело автоматически передавалось в Общее собрание соответствующих департаментов, где для его разрешения уже требовалось квалифицированное большинство голосов, собрать которое, по свидетельству М.М. Сперанского,

удавалось крайне редко. Поэтому и важные, и малозначимые дела почти всегда «восходят к высочайшему разрешению»[151].

Все это только усилило бюрократизацию Сената. Один из сенаторов К.Н. Лебедев так описывал сенатские порядки: «Надобно поступить в Управление департаментов Сената, чтобы увидеть всю несообразность, все смешение, всю бестолочь сенатского производства, всю бессмысленную громаду переписки, запутанной отчетности, тысячи поводов к беспечности дельцов, бессилие прокурора в движении дел, раздельность отчетности, уничтожающую всякую заботливость, бесчисленные мелочные беспорядки, останавливающие разрешение всякой ничтожной бумажонки. Законный порядок доведен до того, что надобно нарушать его, чтобы был порядок»[152].

Попытаемся определить собственно судебные полномочия Сената как высшего судебного органа. Так, среди них можно выделить: рассмотрение отдельных категорий дел по первой инстанции, рассмотрение уголовных и гражданских дел в апелляционной инстанции, толкование законов, совсем непродолжительное время за Сенатом была закреплена функция, которую условно можно охарактеризовать как «конституционный контроль», то есть, контроль за законностью принимаемых правовых актов.

Представляется проблематичным полно определить категории дел, рассматриваемые Сенатом по первой инстанции, ввиду постоянного их расширения в том числе и частными случаями. Формально по первой инстанции Сенат рассматривал дела, имеющие существенное значение для государства. Например, споры, возникающие из государственных (казенных) контрактов. Передача отдельных категорий дел или даже отдельных дел, носящих частный характер, напрямую в Сенат объясняется, на наш взгляд, недоверием власти к системе нижестоящих судов.

Кроме того, происходило постепенное расширение круга дел, рассматриваемых Сенатом как апелляционной инстанцией. Отметим, что в

---

[151] Цит. по: Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 141–142.

[152] Из записок Сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1910. № 10. С. 237.

первой половине XIX века под апелляцией понимался пересмотр уголовного или гражданского дела как по существу принятого решения, так и на нарушение процессуальных форм или неправильное применение нормы права. На протяжении всего рассматриваемого периода продолжали существовать два основания передачи дела на апелляцию в Сенат: по жалобе сторон или уполномоченных лиц, а также в силу закона.

Категории уголовных дел, которые в силу закона обязательно должны были быть рассмотрены в Сенате, достаточно обширна. Представляется возможным классифицировать их по следующим основаниям: род преступления, вид и размер наказания, звание, состояние или вероисповедание подсудимого, число осужденных к наказанию лиц[153].

Ревизия уголовных дел могла производиться по жалобе осужденного или в силу протеста губернатора, прокурора или органа хозяйственного управления по делам, связанным с интересами казны. Отметим, что губернаторы довольно часто пользовались предоставленным им правом перенаправлять решения уголовных палат, с которыми они не были согласны, в Сенат. В такой политике проявлялось общее недоверие к профессионализму судебных учреждений губернии, а также нежелание быть привлеченным к дисциплинарной ответственности, поскольку Комитет Министров и Сенат выносили взыскания тем губернаторам, которые не проявляли должного внимания к осуществлению правосудия на вверенной им территории.

Прокуроры, также имевшие право на подачу протеста на приговор палаты уголовного суда, напротив, пользовались им крайне редко. Причиной этого можно назвать низкий уровень подготовки прокуроров, которые часто не могли оценить качество и справедливость вынесенного решения ввиду банального отсутствия знаний закона и судебных процедур. Исследователи отмечают, что с развитием юридического образования, открытием новых университетов и появлением юридически грамотных людей перед самой судебной реформой

[153] Приведем один из них: Именной, данный Сенату «О предоставлении из уголовных палат решений по делам первых двух пунктов в Сенате, если виновные будут присуждены к наказанию и о поднесении о них докладов Его Величеству» от 17 января 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20113.

1864 года ситуация с кадровым составом губернских прокуратур улучшилась и количество протестов, поданных прокурорами губерний заметно увеличилось[154].

Важно отметить, что жалобу в Сенат могли принести не все осужденные, возможность воспользоваться этим правом зависела от сословной принадлежности, а также от вида преступления и наказания. «Ревизирование» приговоров в отношении дворянства чаще всего происходило в силу закона. Купцы 3-й гильдии, мещане, крестьяне могли подать жалобу, если они были приговорены к торговой казни, ссылке на поселение или работы. В случае если приговор подтверждался, то жалобщик подлежал еще телесному наказанию[155].

Столь серьезные ограничения на возможность ревизирования приговора объясняется желанием законодателя предотвратить большое количество дел, поступающих в Сенат. Стремление к сокращению дел, поступающих из нижестоящих инстанций в высшую, характерно для большинства стран, этот процесс имеет свои объективные причины. Подобные заградительные барьеры необходимы для полноценной работы высшего суда, чтобы последний не погряз в большом потоке дел, а имел возможность сосредоточиться на наиболее значимых, имеющих важное общественное или правовое значение. Однако в начале XIX века в условиях отсутствия должного количества квалифицированных специалистов в судебной системе решения палат уголовного суда и нижестоящих инстанций часто не были профессиональны. Наличие Сената в этом случае должно было компенсировать этот недостаток судебной системы. Например, за 1855 год из 3478 дел, поступивших в Сенат из палат уголовного суда, 1525 было утверждено, 1216 дополнено, 737 отменено[156]. Другим гарантом поступления неправосудных приговоров в Сенат можно было считать губернаторов, имевших право опротестовывать такие решения. Однако как было отмечено выше, этот институт не работал в полной мере.

Пересмотр гражданских дел осуществлялся по тем же основаниям, что и уголовных: по закону и по апелляционной жалобе. Закон также не содержал

---

[154] См. подробнее: История Правительствующего Сената за 200 лет Т. 3. СПб., 1911. С. 513.
[155] Свод законов Российской империи. Т. 15. Ст. 1163, 1167.
[156] Приводиться по: История Правительствующего Сената за 200 лет Т. 3. СПб., 1911. С. 514.

четкого перечня гражданских дел, которые в обязательном порядке должны были быть рассмотрены в Сенате, чаще всего они были рассосредоточены в различных актах – например, дела о монастырских, церковных землях, об отчуждении удельных имений[157].

Первоначально не были определены основания подачи апелляционной жалобы сторонами. На деле получалось, что у различных территориальных департаментов Сената сложилась разная практика принятия апелляционных жалоб. К середине XIX века были предприняты попытки унифицировать данное производство, Однако ввиду постоянного и бессистемного увеличения категорий дел, по которым могли быть поданы жалобы, такая политика оказалась безуспешной. Одним из способов недопущения в Сенат большого количества жалоб стало повышение пошлины, которую взимали с просителя. Так, была установлена, во-первых, минимальная цена иска, которая составляла 2000 рублей, или 600 рублей серебром, а также залог в размере 600 рублей, который возвращался в случае удовлетворения жалобы[158].

В завершение обзора деятельности Сената в качестве апелляционной инстанции отметим, что Сенат рассматривал дела по существу, вновь оценивал все доказательства, исследовал все обстоятельства дела. В итоге он мог утвердить решение, внести в него коррективы, полностью его отменить.

Современники и исследователи деятельности Сената отмечали крайнюю низкую эффективность его работы в начале XIX века. В это время деятельность Сената отличало, во-первых, постоянное расширение подсудности дел, подлежащих рассмотрению в данной инстанции. Такое расширение происходило бессистемно, в том числе за счет дел, носящих индивидуальный характер, что не могло положительно сказаться на работе верховного суда

---

[157] Высочайше утвержденный доклад Сената «О наблюдении по межевым делам относительно владельческих дач, о вызове сроках к объявлению решений и утверждению исполнения оных тех же правилам, какие для гражданских указом 1797 августа 17 предписаны» от 4 августа 1803 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20884; Именной «О взносе в Сенат жалоб об удельных имениях апелляционным порядком и без подписи апелляции на ревизию» от 10 апреля 1804 г. // ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21248.

[158] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О назначении цены тяжбам для переноса апелляционных дел из нижних инстанций в средние 100 рублей и в Правительствующий Сенат 2000 рублей» от 17 февраля 1832 г. // ПСЗ- II. Т. VII. № 5171.

империи. Во-вторых, разбор дел в Сенате отличался крайней медлительностью и канцелярщиной. Здесь негативную роль сыграл весь опыт деятельности Сената на протяжении всего предшествующего периода, за многие годы возникла уверенность в том, что обилие бумаг, записок, пояснений есть непременный залог качественного правосудия. В результате объем каждого дела, доходившего до рассмотрения Сената, был настолько велик, что это делало невозможным полное и всестороннее изучение его сенаторами. Такой порядок вещей во многом поддерживала сама власть: современники отмечали, что часто бюрократизация и формализм исходил от руководства министерств. Однако у данной проблемы были и объективные причины, связанные с несовершенством законодательства, тяготением к формальным доказательствам, результатом чего являлись крайне запутанные и противоречивые решения, затягивание судебного процесса.

Это привело к подрыву авторитета Сената в российском обществе и побудило верховную власть распространить отдельные функции, которые должны составлять компетенцию верховного суда, на другие органы – Государственный Совет и Комитет министров.

Таким образом, одна из основных функций Сената как высшей судебной инстанции сильно нивелировалась действующим порядком обжалования решений. «Высшее судебное место в империи, Сенат, в случае разногласия сенаторов или несогласия обер-прокурора или министра юстиции с заключением Сената не пользуются самым простым, но вместе с тем самым важным правом решать дела, правом, которым пользуются не только гражданские палаты и уездные суды, но даже и полиции, ибо в Сенате при разногласии членов для того, чтобы дойти до решения, дело должно пройти четыре инстанции: общее собрание Сената, консультацию Министерства юстиции, Департамент и Общее Собрание Государственного Совета, если не принимать во внимание предложений обер-прокурора и министра юстиции»[159]. Далее автор

[159] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1149. Оп. 5 (1859 г.) Д. 50А. Л. 92.

резюмировал, что Сенат служил высшей судебной инстанцией «только для тех дел, которые по стечению счастливых случайностей могут быть рассмотрены в департаментах Сената»[160].

Порядок движения дел в высших судебных инстанциях, описанный уже в проектах реформирования, с одной стороны, отягощал правосудие, подрывая доверие к нему, а с другой – существенно занижал роль Сената в качестве высшей судебной инстанции. В дальнейшем преодоление обеих этих проблем станет важнейшим вопросом в проектах судебных преобразований в середине XIX века.

Далее остановимся на еще одной функции Сената в качестве высшего судебного органа – толковании законов. В целом судам в правоприменительной деятельности запрещалось выходить за рамки буквального толкования норм закона. Закон считался единственным источником права, а судья признавался исключительно его исполнителем. Суды при отправлении правосудия были связаны дословным текстом законов. Им вменялось в обязанность следовать только буквальному смыслу закона. Например, в Учреждениях о губернии прямо указывалось, что «никакое судебное место не решит дело, если нет ясного закона…»[161]. Аналогичные запреты встречались в других европейских государствах. Так, в Пруссии в 1794 году был принят закон, который запрещал «малейшее самовольное отступление от ясных и точных предписаний закона (…) под предлогом толкования, выводимого из цели и предназначения закона». В принципе судья был связан точным текстом закона, и в случае возникновения относительно смысла закона он должен был запрашивать законодательную комиссию. При полном отсутствии законодательного регулирования он должен был вынести решение на основании общих принципов. Но уже в 1803 году судебные запросы в законодательную комиссию упразднили, и судье предписывалось следовать правилам толкования. В это же время во Франции кодекс Наполеона установил, что судья, который отказывается выносить

[160] Там же.
[161] Свод законов 1857 г. Т. II. Ч. I. Ст. 281.

решение под предлогом пробела, неясности или недостаточности закона, может быть привлечен к ответственности за отказ в правосудии[162]. В целом к середине XIX века в европейских странах от запрета на толкование отказались.

В российской практике он продолжал действовать. Закон трактовался как отражение монаршей воли, следовательно, толковать и дополнять его могла только верховная власть. Примечательно, что после реформы юридического образования 1835 года в названиях юридических дисциплин устраняется слово «право» и вводится слово «закон», а предметом изучения становится «законоведение»[163]. В случае сомнений судье следовало обращаться за разъяснениями в вышестоящую инстанцию, которая, в свою очередь, представляла дело «своему начальству»[164]. И так шло, пока вопрос не попадал на рассмотрение высшего органа управления – либо исполнительного, либо законосовещательного.

В этой связи любопытным является постановление Комитета министров от 6 апреля 1829 года, которым запрещалось юридическим факультетам университетов «давать мнения по тяжебным делам частных людей»[165]. Комитет исходил из того, что «университеты наши, по существующим постановлениям, не имеют никакого права мешаться в дела частных людей в России и давать по оным мнения, а должны таковые дела производиться узаконенным порядком в надлежащих присутственных местах…»[166].

Теоретически это должно было способствовать усилению отделения судебной власти и унификации судебной практики. С одной стороны, это имело позитивные результаты. Оперативность Комитета министров, Государственного Совета и министерств в рассмотрении дела объясняется тем, что они не были связаны правилами буквального применения закона, который они могли

---

[162] См.: Авенариус, М. Римское право в России. М., 2008. С. 24.

[163] См. подробнее: Захаров, В.В. Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX – начала XX века. Курск, 2006. С. 36-45.

[164] Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 46.

[165] См.: О недозволении юридическим факультетам российских университетов вмешиваться в частные дела и давать по оным мнения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд.1. СПб., 1864. Стб. 235–236.

[166] Там же.

изменять, и формальных доказательств. В итоге они принимали непосредственное участие в отправлении правосудия, формируя практику «кабинетной юстиции». С другой стороны, путем частных корректив происходило расширение подсудности высших судов и ограничение юрисдикционных полномочий низших судебных инстанций, что являлось выражением недоверия к судам, и особенно местным.

Остановимся также на краткой характеристике еще одной функции Сената – законоохранительной. В силу указа 1802 года Сенат имел право «представления на высочайшие указы», то есть, фактически Сенат мог заявить о несоответствии ранее опубликованным законам всех нормативных правовых актов, включая императорские указы. И.А. Исаев смело охарактеризовал данную функцию как «конституционный контроль»[167]. Данная функция не имела конкретной реализации, оставаясь только на бумаге. Современники отмечают лишь одну попытку Сената осуществить данное полномочия. В 1803 году Александр I по представлению военного министра издал указ, регламентирующий службу дворян, который явно противоречил Жалованной грамоте дворянству 1785 года, в 1801 году объявленной одним из основных и непреложных законов империи. Сенат в силу своих законоохранительных функций обратился к Александру I с намерением отменить указ 1803 года, вступающий в противоречие с законом более ранним и имеющим большую юридическую силу. Однако император не учел доводы Сената и указал, что данное право не распространяется на вновь издаваемые указы[168], а «относится единственно к существовавшим уже законам и, следовательно, не дает в настоящем случае Правительствующему Сенату права основывать на сей статье своего Нам представления»[169].

Таким образом, Сенат был лишен функций зарождающегося конституционного контроля. Примечательно, что именно в 1803 году

---

[167] Исаев, И.А. История России: Традиция государственности. М.: ЮКИС, 1995. С. 70.
[168] См. подробнее: Берендтс, Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. С. 125.
[169] Именной, данный Сенату «О неприкосновенности прав, предоставляемых дворянству» от 25 марта 1803 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20676.

Верховный суд США отстоял право на судебный надзор за законодательной властью. В 1803 году Верховный суд США впервые признал не соответствующим Конституции закон, принятый парламентом, тем самым заложив основы конституционного контроля.

В заключение отметим, что в первой половине XIX века, как и в предшествующие периоды, Сенат не был единственной высшей судебной инстанцией, а выступал одним из элементов сферы верховного правосудия. Отдельные функции, присущие высшим судебным инстанциям, принадлежали также Государственному совету и Комитету министров. Вместе с тем в рассматриваемый период Сенат подвергся прежде всего структурной реорганизации, важным следствием которой стали постепенная утрата им управленческих функций и закреплением за ним полномочий верховного суда. По существу, Сенат превратился в верховное судилище, в «предпредпоследнюю» инстанцию в буквальном смысле слова. При этом с точки зрения логики развития высших судов за более чем столетний период существования Сената в качестве высшей судебной инстанции он уже должен был отказаться от апелляционных функций и банального пересмотра дел ввиду судейских ошибок. Понимая это, законодатель стремился ограничить возможность обжалования дел в Сенате, установив определенные «фильтры», чтобы последний сосредоточился на других функциях, определяющих судебную политику. Однако перегруженный апелляционными жалобами с канцелярским способом их рассмотрения, испытывающий конкуренцию с вновь созданными органами власти, Сенат не имел возможности «возвыситься» над рутинной работой и стать полноценным верховным судом.

§ 2.3. Эволюция полномочий императора в сфере верховного правосудия

С принятием Петром I титула императора и провозглашения России империей в 1721 году начался новый этап отечественной истории. При этом сам факт императорского титула не означал для Петра I появления новых полномочий, сложных юридических конструкций прав и обязанностей. Статус империи во главе с императором скорее был важен для представления страны на международной арене.

Права и полномочия российского императора оформлялись стихийно под влиянием традиции и регулировались обычным правом, что отразилось в первых законодательных актах, регулирующих властные полномочия монарха, которые носили бессистемный характер.

В силу самодержавной российской традиции и отсутствия разделения властей на протяжении XVIII – начала XX века монарх являлся главой судебной власти. Это право было закреплено за ним еще до получения статуса императора. При этом с XVIII века наблюдалось стремление российских монархов освободить себя от судебных полномочий.

Для наиболее полного анализа реализации монархом своей судебной функции в настоящем параграфе мы выйдем за хронологические рамки главы и рассмотрим эволюцию полномочий императора вплоть до падения империи в 1917 году, с тем чтобы представить тенденции их развития.

Первым шагом в этом направлении можно считать указ Петра I от 1718 года, запрещающий подачу жалоб на решения Сената, а также тех дел, которые были отнесены к компетенции различных органов власти[170]. Но при этом император оставлял за собой право рассматривать важные для государства и спорные дела по просьбе самого Сената, а также осуществлять контроль за судебной деятельностью Сената[171]. Кроме того, государь выступал первой

[170] Именной от 22 декабря 1718 г. «О неподаче государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения учрежденных на то правительственных мест и о нечинении жалоб на Сенат под смертною казней» // ПСЗ-I. Т. V. § 5.
[171] Там же. § 6.

инстанцией по делам, связанным с должностными преступлениями Генерал- и обер-прокуроров[172].

Таким образом, император исключался из непосредственного участия в отправлении правосудия: подавать ему челобитные лично было невозможно. Для исполнения подобных функций вместо императора при Сенате учреждалась специальная должность рекетмейстера (позже генерал-рекетмейстера)[173]. Но при этом можно выделить несколько косвенных форм участия императора в судебной сфере. Так, Петр I рассматривал жалобы на решения государственных органов, после чего они поступали в Сенат. По важнейшим государственным делам мог собираться особый суд, состоящий из назначенных императором верховных сановников, приговоры которого подлежали утверждению императора. Такой суд, в частности, был собран при рассмотрении дела царевича Алексея.

После смерти Петра I судебные функции Сената заметно уменьшились, но при этом тенденция на самоотстранение монарха от разрешения судебных дел продолжала существовать. При Екатерине I и Петре II многие судебные функции принял на себя Верховный тайный совет. Так, Совет стал апелляционной инстанцией на Сенат и три коллегии, выведенные из-под контроля Сената (военную, морскую и иностранных дел), а после ликвидации Преображенского приказа Совету были переданы наиболее важные государственные дела[174].

Косвенное участие императоров в отправлении правосудия также было сокращено. С 1726 года не требовалось подписи монарха на решениях коллегий и канцелярий, проходивших через рекетмейстера для передачи дела на повторное рассмотрение в Сенат[175]. Но утверждению императора подлежали все смертные приговоры и приговоры о политической смерти в отношении высшего

---

[172] Должность Генерал-Прокурора от 27 января 1722 г. п. 9 // Законодательство Петра I. С. 135.
[173] Указ из Сената о генерал-рекетмейстере от 23 февраля 1722 г. // Законодательство Петра I. С. 86-87.
[174] Подробнее о судебных функциях Сената в XVIII веке см.: Ильина Т.Н. Эволюция судебных функций сената как высшей судебной инстанции в России в XVIII веке // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 4. С. 33-47.
[175] Именной от 7 марта 1726 г. «О должности Сената» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4847. П. 4.

военного командования и политических преступлений[176]. Особо важные государственные дела по-прежнему рассматривались специально созываемым судом при монархе. Такой суд был собран по поводу преступления против порядка престолонаследия по делу А. Девиера, П. Толстого[177].

При Анне Иоанновне некоторые судебные функции Сената перешли к Кабинету министров, при этом сама императрица продолжала участвовать в отправлении правосудия в большей степени косвенно. Однако исследователи данного периода отмечают частое личное участие императрицы в рассмотрении не только уголовных (как было и ранее), но и гражданских дел[178].

В последующие царствования можно отметить еще одну тенденцию. Несмотря на законодательные запреты, челобитные с просьбами вмешательства продолжали поступать на высочайшее имя. Представляется, что такой порядок вещей был вызван устоявшимися традициями. В.М. Грибовский отмечал, что «веками укоренившуюся точку зрения не так-то легко изменить указами и при помощи только что рожденного надзора»[179]. Для рассмотрения челобитных, поступающих на высочайшее имя, Анна Иоанновна учреждает особую должность Рекетмейстера[180], в чем также проявляется тенденция к сокращению личного участия монарха в судебной сфере.

Начиная с 1731 года, из ведения Сената были изъяты политические дела, ранее относившиеся к компетенции Преображенского приказа, которые были переданы генералу Ушакову[181]. Фактически данный акт означал появление нового органа политического сыска – Тайной канцелярии, которая будет создана

---

[176] Именной, объявленный из Верховного Тайного Совета от 8 октября 1726 г. «О внесении в Верховный Тайный Совет экстрактов из дел уголовных для докладов ее величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4964.

[177] Манифест о винах Антона Девиера и товарищей и о наказании тех, которые будут говорить что-либо противное постановлению о наследии российского престола от 27 мая 1727 г. // ПСЗ-I. Т. VII. № 5084.

[178] См., например: Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй. СПб., 1901. С. 51.

[179] Там же. С. 23.

[180] Именной, данный Сенату «Об учреждении при высочайшем дворе особого Рекетмейстера» от 12 ноября 1740 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8288.

[181] Именной, данный Сенату «О передаче дел бывшего Преображенского приказа в ведение генерала Ушакова» от 24 марта 1731 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5727.

чуть позднее[182]. Согласно сенатскому указу, политический сыск переходил под контроль Кабинета министров, действовавший при императрице. Однако смертные приговоры по политическим делам подлежали обязательной конфирмации со стороны императрицы.

Елизавета Петровна, взойдя на престол, восстанавливает судебные функции Сената[183] и даже возвращает правило личной подачи прошений на свое имя[184]. Но вскоре императрица увидела ошибочность своего решения, поскольку количество жалоб стало критическим. Императрица восстановила запрет, который пришлось не один раз повторять даже последующим самодержцам[185]. Подтвердив такой запрет, уже Петр III счел необходимым сделать дополнение, согласно которому, если проситель окажется недовольным разбором его дела в соответствующем присутственном месте, то он может обратиться к императору как к последней инстанции и главе судебной власти в стране[186]. К другим нововведениям Петра III в судебной сфере можно отнести ликвидацию Тайной канцелярии и передачу подведомственных ей дел снова в Сенат[187].

Судебная политика Екатерины II в вопросе участия монарха в отправлении правосудия в целом носила тот же характер, что и ее предшественников. Во-

---

[182] Сенатский «Об учреждении канцелярии для дел, переданных по именному указу от 24 марта в ведомство генерала Ушакова и о именовании оной Канцелярией Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллегиями» от 6 апреля 1731 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5738.

[183] Именной «О восстановлении власти Сената в правлении внутригосударственных дел, о сочинении реестра указов прежних царствований, которые пользе государственной противны, об уничтожении прежнего Кабинета и о установлении нового при дворе ее императорского величества, об учреждениях как прежде в губерниях прокуроров и об определении для управления иностранными делами Канцелярии» от 12 декабря 1741 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8480.

[184] Именной, объявленный из Сената от 13 января 1742 г. «О подаче прошений Ее императорскому величеству на каждой неделе во вторник» // ПСЗ-I. Т. XI. № 8497.

[185] См., например: Именной «О неподаче Ее Величеству челобитных мимо учрежденных присутственных мест, о подписывании писцам в челобитных имен и фамилий своих, с означением судебного места, в которые такая челобитная подана быть может» от 28 мая 1742 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8558; Сенатский в подтверждение прежде составленных указов «О неподавании Ее Величеству челобитных минуя учрежденных для рассмотрении оных присутственных мест» от 10 мая 1749 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 9612; Сенатский, вследствие именного «О воспрещении подавать просьбы Ее Величеству на куртогах» от 3 марта 1752 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 9951; Сенатский «О строгом подтверждении, чтобы минуя надлежащих судебных мест никто не утруждал Ее императорское величество прошениями под опасениями штрафа и наказания» от 17 сентября 1753 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 10136.

[186] Именной, объявленный из Сената «О воспрещении подавать на Высочайшее имя прошение, минуя надлежащие присутственные места» от 4 марта 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XV. № 11459

[187] Манифест «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии» от 21 февраля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XV. № 11445.

первых, она полностью подтвердила запрет на подачу жалоб на высочайшее имя без прохождения таковых через соответствующие судебные учреждения; при этом дополнение, сделанное Петром III, было оставлено без изменений[188]. Для оптимизации этого процесса Екатерина II также учреждает специальные должности для приема жалоб[189]. Но, так же как и предыдущие правители, Екатерина столкнулась с тем, что, несмотря на многочисленные запреты жалобы, со стороны населения продолжали поступать лично императрице. Пытаясь предотвратить поток прощений, правительница несколько раз подтверждала запрещающие это действие указы[190].

Во-вторых, Екатерина продолжила практику созыва специальных судов для разрешения особо важных государственных дел. При Екатерине в состав особых уголовных судов, как правило, входили Сенат, Синод, президенты коллегий. В царствование императрицы специальный уголовный суд собирался, например, по делу В. Мировича, Е. Пугачева[191].

Тем не менее Екатерина в судебной сфере пошла дальше своих предшественников. Императрица провела масштабную судебную реформу, в результате которой произошло окончательное перераспределение высших судебных полномочий в стране[192].

Впоследствии законодательство Павла I не признавало апелляции к монарху на решения Сената. Однако на деле данная практика продолжала существовать на тех же основаниях, что и при Екатерине II.

---

[188] Именной, объявленный из Сената «неподаче никаких просьб и жалоб на Высочайшее имя, минуя надлежащие судебные места» от 12 июля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11606.

[189] Именной «О неутруждении Ее императорского величества во время прибытия в Санкт-Петербург никому прошениями и о подаче оных кому приписано» от 11 июня 1763 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11858.

[190] Сенатский в подтверждение указа от 12 июля 1762 г. «О неподавании прошений Ее императорскому величеству, минуя надлежащие присутственные места и о штрафах и наказаниях, определенных за преступление сего указа» от 19 января 1765 г. // ПСЗ-I. Т. XVII. № 12316.

[191].Манифест от 17 августа 1764 г. «Об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Мировичем» // ПСЗ-I. Т. XVI. № 12228; Манифест от 19 декабря 1774 г. «О преступлениях казака Пугачева» // ПСЗ-I. Т. XIX. № 14230.

[192] В данном контексте мы не будем останавливаться на всех мероприятиях судебной реформы Екатерины II, ограничимся лишь теми из них, которые относятся к высшей судебной власти в стране. В остальном см. подробнее: Мигунова, Т.Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия…». Административно-судебная и правовая реформа Екатерины II. М., 2008.

Важно отметить, что при заметной ориентации к отстранению от судебных полномочий российские монархи оставляли за собой право косвенного влияния на отправление правосудия. Так, согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 года, обязательному утверждению монарха передавались дела о лишении дворянства, а, например, при Павле I такая обязанность распространилась на дела, касающихся казенных имуществ[193]. При Александре I было подтверждено право монархов по утверждение приговоров по некоторым категориям дел и из «тех, по коим объявлено будет особое высочайшее повеление и рассмотрении оных»[194].

В 1810 году в связи с появлением Государственного Совета вместо Канцелярии рекетмейстерских дел была учреждена Комиссия по прошениям в Госсовет, но со схожими функциями[195].

Наиболее радикально на судебных полномочиях монарха отразились судебные преобразования второй половины XIX века. Известный русский публицист М.Н. Катков отмечал «…несоответствие между отдельным узаконением и общими основаниями государственного права России». Он называл отечественную судебную систему «государством в государстве», поскольку в силу провозглашенных Судебными уставами 1864 года принципов независимости суда от администрации, несменяемости судей, подчинения их только закону «власть монарха лишалась части своих верховных прав»[196]. Ключевский В.О. констатировал, что «со времени великих реформ русский ум становится в другое отношение к окружающей действительности»[197].

---

[193] Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ – I. Т. XXII. № 16186. Ст. 13; Именной, данный Сенату от 19 августа 1799 г. «О порядке производства дел о казенных имуществах» // ПСЗ-I. Т. XXV. № 19090; Высочайше утвержденный доклад Сената от 26 сентября 1800 г. «О взносе межевым конторам и канцеляриям, производящим ими спорных и апелляционных дел на ревизию Сената, если по размышлениям оных отчуждаются помещикам земли казенного ведомства» // ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19574.

[194] Свод законов Российской империи 1857 г. (далее - СЗ). Т. 1. Ч. 2. Кн.1. Ст. 106. П. 2.

[195] Манифест от 1 января 1810 г. «Об образовании Государственного Совета» // ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24064. § 97. П. 2.

[196] Московские ведомости. 1884. 23 января. Передовая статья.

[197] Ключевский, В.О. Курск русской истории в 2 кн. Книга 2. М.: Издательство «Э», 2017. С. 620.

По замечанию современного американского историка Дж. У. Дали, «после 20 ноября 1864 года Россия перестала быть самодержавной, абсолютной монархией»[198]. Также наш современник профессор М.В. Немытина отмечает, что в контексте судебных преобразований второй половины XIX века следует вести речь об ограничении абсолютизма в России, судебная реформа поколебала основы самодержавного строя[199].

Согласно Судебным уставам, монарх формально исключался из сферы верховного правосудия. Статья 927 Устава уголовного судопроизводства прямо запрещала подачу жалоб на кассационные решения Сената другим государственным органам и должностным лицам.

Но даже судебная реформа 1864 года полностью не устранила монарха от исполнения функций высшей судебной инстанции. Несмотря на то что учреждения судебных установлений определили, что «власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату»[200], иные законодательные акты предусматривали исполнение некоторых функций, отнесенных к сфере верховного правосудия, непосредственно монархом. Так, в силу Учреждения Правительствующего Сената император мог получать жалобы на дела, разрешенные в Сенате, в тех случаях, когда «возбранить всякое прибежище к Императорскому Величеству было бы отнять избавление у страждущего»[201]. Еще одним случаем вмешательства императора в верховное правосудие была возможность передачи дела не из Кассационного департамента Сената, для которого и после реформы 1864 года сохранился прежний порядок движения дел, то есть, через Государственный Совет – императору. Кроме того, введение в действие Судебных уставов на всей территории страны происходило поэтапно

---

[198] Daly J. W. Autocracy Under Siege // Security Police and Opposition in Russia. 1866-1905. Northern Jllinois. University Preis. De Kalb, 1998. P. 17.

[199] Немытина М.В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. 2015. № 5. С. 95; она же. Опыт судебного реформирования в России второй половины XIX века // Российская юстиция. 2025. № 1. С. 73-80.

[200] Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. III. СПб., 1867. Ст.1.

[201] СЗ. 1857 г. Т. 1. Ч.2. Кн. 3. Ст. 240.

на протяжении 1866-1899 годов. Поэтому жалобы на дела, рассмотренные судебными учреждениями данных территорий, не поступали в Кассационные департаменты Сената, а могли через Государственный Совет быть направлены государю. Последующее развитие судебной системы в России все больше отстраняло монарха от осуществления им правосудия. Так, в 1884 году были приняты временные правила для подачи прошений императору, которые были подтверждены в 1890 году. Согласно этим актам, запрещалось оспаривать у императора решения кассационных департаментов Сената[202]. Учреждение Правительствующего Сената в редакции от 1892 года содержало прямой запрет на подачу жалоб на решения Общего собрания Сената[203].

Характеризуя полномочия монарха в сфере правосудия на рубеже XIX-XX веков, можно говорить о сформировавшейся модели ее осуществлении, схожей с моделью, действовавшей в европейских странах конституционной монархии. В основе ее также лежит принцип предоставления права осуществления правосудия судам. Но при этом за монархами закреплены некоторые полномочия, позволяющие говорить о существовании отдельных форм взаимодействия судебной сферы и главы государства. Во-первых, в условиях монархической формы правления монарх оставался номинальным главой судебной власти. Так, статья 22 Основных законов закрепляла «судебная власть осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся во исполнение именем Императорского Величества»[204]. Во-вторых, российскому императору принадлежало право судебного управления, которое выражалось прежде всего в возможности назначения судей и прокуроров. Третьей формой участия императора в осуществлении правосудия, по мнению отечественных дореволюционных

---

[202] Высочайше утвержденные временные правила о порядке принятии и направления прошений и жалоб на высочайшее имя приносимых от 9 июня 1884 г. // ПСЗ-III. Т. IV. № 2305. Ст.9. п. «а»; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о порядке принятии и направления прошений и жалоб на высочайшее имя приносимых от 21 марта 1890 г. // ПСЗ-III. Т. X. № 6647.

[203] СЗ. 1892. Т. 1. Ч. 2. Кн. 4. Ст. 220.

[204] Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 // ПСЗ-III. Т. 26. Ч. 1. № 27805.

правоведов, можно считать принадлежащее монархам право помилования[205]. Кроме того, можно выделить формы осуществления монархом судебных полномочий, которые не были характерны для конституционных монархических государств, а имели место быть в самодержавной России. Российский император еще с XVIII века мог утверждать некоторые приговоры уголовных судов. Однако к началу XX века это право несколько трансформировалось. Император утверждал приговоры в случае, если «дворяне, чиновники, священнослужители всех степеней духовной иерархии или лица, имеющие ордена и знаки отличия, снискаемые лишь с Высочайшего соизволения, присуждаются к наказаниям, соединенным с лишением всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ»[206]. Важно отметить, что утверждение приговоров по данной категории дел являлось формальным и не носило характера пересмотра приговора суда. Также монарху принадлежало исключительное право привлечения к уголовной ответственности высших должностных лиц за преступления по должности посредством созыва специального уголовного суда.

Еще одной формой участия императора в осуществлении правосудия являлось сохранение возможности подачи жалобы на высочайшее имя на определения судебного департамента Правительствующего Сената. В компетенцию этого департамента входили различные категории дел, например, межевые, споры, рассмотренные в коммерческих судах, в консульских судах и другие. Однако такая жалоба на судебный департамент не означала пересмотра дела самим императором. В случае удовлетворения жалобы дело возвращалось в Сенат.

Завершая рассмотрения эволюции судебных полномочий монарха в России на протяжении XVIII – начала XX столетий, можно выделить несколько тенденций их осуществления. Во-первых, весьма заметно стремление глав государства передать судебные полномочия другим органам власти, а самим

---

[205] См. например, Лазаревский, Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1910. С. 144; Градовский, А.Д. Собрание сочинений. Т. V. СПб., 1902. С. 157-159.

[206] Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. II. СПб., 1867.Ст. 945, п.1.

максимально отстраниться от выполнения данных обязанностей. С этим связана, на наш взгляд, идея профессионализации суда и судей. В первой половине XVIII столетия начинает формироваться представление о судебных органах, состоящих из профессиональных судей, но при этом еще действовавших неразрывно с администрацией[207]. Полностью данный тезис будет реализован лишь во второй половине XIX века.

Второй особенностью реализации монархом судебных полномочий было наличие временных судебных органов, создаваемых для ведения конкретных, в первую очередь политических, дел, особенно такая практика была характерна для XVIII века.

Третьей отличительной чертой судебных полномочий главы государства можно назвать то, что они берут свое начало в обычном, неписанном праве. Законодательное закрепление судебных функций за различными органами власти получает свое развитие в XVIII столетии: были созданы специальные акты и даже специальные судебные органы. Однако полномочия монарха оставались нефиксированными законодательно, они носили аморфный характер: монарх в судебной сфере мог все и вместе с тем ничего. Это, в свою очередь, приводило к проблемам и казусам (например, с неиссякаемым потоком жалоб и прощений на имя государя при наличии официального запрета на это). На наш взгляд, данное несоответствие между формально закрепленными полномочиями монарха и его реальной властью объясняется существованием самодержавной формы правления, которая не подразумевает разделение властей как таковых. И несмотря на самоотстранение императоров от участия в отправлении правосудия, его подданные продолжали видеть в нем верховного носителя в том числе и судебной власти, олицетворяли его с судом Божиим на земле.

К началу XX века император полностью отстранился от выполнения функций верховного правосудия. Однако в условиях существования самодержавной монархии нельзя исключать сферу верховного правосудия из верховенства императорской власти. По словам П.Е. Казанского, императору

[207] См. подробнее: Серов, Д. О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 96

принадлежала судебная власть, «если взять ее в самом широком ее понимании»[208].

§ 2.4. Иные органы государственной власти XVIII – первой половине XIX века, обладающие функциями высших судов

Как уже отмечалось ранее, на протяжении рассматриваемого периода – XVIII – первой половине XIX века невозможно выделить единую высшую судебную инстанцию. Сенат, Верховный тайный совет, Кабинет министров, Конференция, Государственный Совет, отдельные коллегии, а после Министерства получают компетенцию верховного правосудия, оспаривая друг у друга эти полномочия, окончательно запутывая исследователя. На первый взгляд, такая чехарда пределами судебной власти отдельных учреждений объясняется той политической борьбой, в которой они возникали, недоверием победившей «партии» к государственным институтам предыдущего царствования и желанием учредить верховный орган власти «под себя». Однако представляется, что исключительно субъективизмом эпохи дворцовых переворотов причины множественности органов, обладающих высшими судебными полномочиями, не исчерпываются. Впервые на наличие более глубинных причин, обусловивших постоянную смену одних учреждений другими, обратил внимание исследователь XIX века А.Н. Филиппов. Он полагал, что такие реформы имели объективный характер и были связаны с обширностью функций Сената и усилением иных правительственных учреждений. «Как при Петре В., так и затем и после него, сама административная практика того времени выделяли из себя особые личные органы, которые не вмещались в Сенат и отчасти конкурировали с ним уже при Петре В.; после его смерти при слабых преемниках для этой конкуренции

[208] Казанский, П.Е. Власть Всероссийского императора. Одесса, 1913. С. 60.

открывалось, конечно, еще больше простора»[209]. Так, еще при жизни самого Петра I вокруг Сената возникали неорганизованные совещания монарха с наиболее приближенными сановниками, которые имели целью обсудить и решить вопросы, методика принятия решений по которым должна была оставаться в этом узком кругу. Такие совещания являлись прообразом будущих высших государственный учреждений «над Сенатом». В послепетровскую эпоху наиболее авторитетные чиновники, приближенные в силу разных причин к монарху, старились объединиться в одно общее учреждение, в котором, с одной стороны, они не теряли самостоятельности в возглавляемом ими учреждении (так было, например, с президентами Иностранной и Военной коллегий), а с другой – получали еще больше влияния в рамках максимально привилегированного и приближенного к монарху органа. Именно поэтому многие авторы фактически приравняли роль и значение Верховного тайного совета и Кабинета министров.

Остановимся на характеристике Верховного тайного совета как органе верховного правосудия. Данный институт создавался в помощь новой императрице Екатерине I «ко облегчению в тяжком ее правительства бремени». Определяя такую широту полномочий, законотворцы не могли обойти и судебную функцию. Однако формулировка указа об учреждении Верховного тайного совета не позволяет определить объем и пределы судебной власти данного органа. Один из членов Верховного тайного совета герцог Голштинский, высказывая свое мнение о новом учреждении. С одной стороны, он не сомневался в необходимости, как он утверждал, «апелляции на Сенат или прочих первейших трех коллегий», но, с другой стороны, опасался обилия жалобных дел на решения Сената и других центральных органов власти, поэтому предлагал ввести систему штрафов на необоснованные жалобы, а также на те, которые входят в компетенцию других органов[210]. Исследователи взаимоотношений Сената и Верховного тайного совета в указанный период

[209] Филиппов, А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев: Типография Маттисена, 1898. С. 4-5.
[210] См. подробнее: Вяземский, Б.Л. Верховный тайный совет. СПб., 1909. С. 350-351.

времени единодушны в том, что основная конкуренция между двумя органами была в полномочиях не судебных, поскольку они никогда не рассматривались как основные, определяющие статусность и политический вес учреждения. Наиболее точно на перераспределение высших судебных полномочий указал А.Н. Филиппов: «Все функции суда, поскольку они не встречаются с самовластительными тенденциями Сената, остались сосредоточены в Сенате»[211]. Если же рассматривать Верховный тайный совет как продолжение власти монарха, то он обладал всей полнотой судебной власти, принадлежавшей государю. На практике вся судебная деятельность Верховного тайного совета сводилась к рассмотрению дел в качестве суда первой инстанции (ad hoc), а также в почти последней (перед императором) инстанции.

По первой инстанции Верховный тайный совет рассматривал дела, передаваемые ему Сенатом, Синодом и коллегиями или по поручению монарха. В практике также встречались дела, переданные напрямую в Совет или отдельному его члену как челобитная, или же Совет сам мог инициировать рассмотрение какого-либо дела. Еще раз уточним, что судебная компетенция Верховного тайного совета ничем не была определена и часто зависела от воли его членов. Как указывал исследователь А.Н. Филиппов, «Сенат не всегда знал, какие дела он должен был представлять со своим «мнением» в Совет, а какие разбирать сам»[212]. Таким образом, судебная практика Совета была не постоянной: однотипные дела могли быть как рассмотрены в Совете, так и возвращены в Сенат. То есть, Сенат передавал дело в Совет в случае полной убежденности, что оно должно быть рассмотрено там. Похожими мотивами, а вернее их отсутствием, руководствовались и иные органы – Синод, коллегии и др. Также не было единства в определении того, какие дела переходили на рассмотрение в Верховный тайный совет по высочайшему повелению, хотя в отдельных случаях можно обнаружить мотивировку такой избирательной родовой подсудности. Так, 28 июля в указе императрицы говорилось, что,

[211] Филиппов, А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев: Типография Маттисена, 1895. Ч.1. С. 463.
[212] Та же. С. 336.

«понеже ныне курляндские дела находятся в великой конфузии», необходимо тайного советника Петра Бестужева (русского посланника в Курляндии) «допрашивать и судить Верховным тайным советом»[213]. Точно так же по воле императрицы в подсудность Верховного тайного совета было передано дело о спорных деревнях князя С. Долгорукого и князя Троекурова[214].

Анализ журналов и протоколов заседаний Верховного тайного совета также дает основание говорить, что самостоятельно Верховный тайный совет принимал к рассмотрению дела по челобитным иностранцев или жителей завоеванных территорий.

Остановимся на характеристике одного дела, которое дает некоторое представление о взаимодействии Сената и Верховного тайного совета в судебных вопросах. В 1726 году в рижском гофгерихте было рассмотрено наследственное дело фон Фитингофа. Однако один из наследников не согласился с вынесенным решением и подал жалобу в Сенат, сославшись на то, что первоначально дело было рассмотрено в его отсутствие, поскольку он находился за границей «за морем для обучения и по ученой сентенции», а представителя не привлек. Сенат принял следующее решение: «вновь дела следуются из государевой милости», то есть, на усмотрение монарха, – и передал дело в Верховный тайный совет, который разрешил Юстиц-коллегии его пересмотреть[215].

Анализ судебных дел, переданных Сенатом для разрешения в Совет, дает основание сделать вывод, что передавались дела, которые, бесспорно, относились к компетенции монарха, и Совет действовал в качестве его полноправного представителя.

Кроме того, передаче в Совет подлежали дела, за которые полагалась смертная казнь или лишение прав состояния. В последующем в практике Сената были менее важные дела, которые были переданы на рассмотрение в Совет.

---

[213] Сборник императорского русского исторического общества. Т. 55. С. 490-491.
[214] Там же. Т. 63. С. 209.
[215] Филиппов, А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев: Типография Маттисена, 1895. Ч.1. С. 335.

Таким образом, можно сделать вывод о случайном характере дел, которые были рассмотрены Верховным тайным советом по поручению высочайшей власти или в порядке передачи в Совет как в более высокую инстанцию.

Важно отметить, что законодатель стремился устранить описанную выше хаотичность в вопросе рассмотрения судебных дел, особенно между Верховным тайным советом и Сенатом, что выразилось в принятии указов, призванных обеспечить единство подходов в определении высшей судебной инстанции. В указе от 4 апреля 1729 года предписывалось, ввиду ликвидации Преображенской канцелярии, передать более значительные дела для разрешения в Верховный тайный совет, а менее важные – в Сенат, «а которые дела вновь приходить будут, состоящие в первых двух пунктах, о тех докладывать в нашем же Верховном тайном совете, и о прочих, которые меньшей важности, в Сенат»[216]. Первые два пункта – это дела по преступлениям, которые влекли за собой смертную казнь или «политическую смерть». В регионах такие дела подлежали рассмотрению губернаторами[217]. Указ от 5 января 1728 года назначал наказание преступникам по конкретному делу, а также определял подведомственность подобный дел: «а впредь по таким колодникам, которые являться будут не в важных делах, чинить решения по указам Сенату, а о важных с мнением докладывать нашему Верховному тайному совету»[218].

Конечно, юридическая техника изложения правовых норм первой трети XVIII века существенно отличалась от современной, Однако судя по судебной деятельности Сената в рассматриваемый период, очевидно, что последний по вышеизложенным основаниям не мог определить подсудность конкретного дела. В большинстве случае значение имела личная убежденность Сената и

---

[216] Именной, объявленный из Верховного тайного совета Сенату от 4 апреля 1729 г. «Об упразднении Преображенской канцелярии и о представлении дел по первым двум пунктам и особенную важность в себе заключающих в Верховный тайный совет, а всех прочих в Сенат» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5397.

[217] Именной, объявленный из Верховного тайного совета Сенату от 31 декабря 1727 г. «О предоставлении из Коллегий и Канцелярий в Сенат для ревизии экстрактов о преступниках. Приговоренных к смертной казни и политической смерти и о рассмотрении таких дел в губерниях губернаторами» // ПСЗ-I. Т. VII. № 5218.

[218] Именной, объявленный из Верховного тайного совета Сенату от 5 января 1728 г. «Об утверждении Сенату приговоров по маловажным винам и о представлении в Верховный тайный совет дел по важным уголовным преступлениям» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5224.

отдельных сенаторов в необходимости рассмотрения дела самостоятельно или передачи его в Верховный тайный совет. А.Н. Филиппов отмечает, что «никто живее Сената не почувствовал силу и значение нового политического учреждения, ставшего во главе верховного управления, и никто поэтому не мог так верно соразмерить своей деятельности с характером этого учреждения»[219]. Таким образом, Сенат сознательно, а не законодательно «уходит в тень» при разрешении судебных дел, уступая место высшей судебной инстанции Верховному тайному совету.

Возникшая путаница с полномочиями высшей судебной инстанции не могла не сказаться на характере рассмотрения дел. С одной стороны, увеличилась волокита: дело могло 2-3 года пролежать в одной из инстанций, дожидаясь решения о подсудности. С другой стороны, отсутствие строгих правил определения подсудности приводило к еще большим злоупотреблениям, непрозрачности при вынесении решений. Приведем пример, который наглядно иллюстрирует оба указанных недостатка сложившейся ситуации. За несколько дней до учреждения Верховного тайного совета 26 января 1726 года решением Сената было определено произвести следствие в отношении нижегородского вице-губернатора Ржевского и других должностных лиц. Для проведения следственных действий был назначен следователь. Однако реализовывать самостоятельно свое же решение Сенат не стал, а «вошел с предложением в Верховный тайный совет». Сенат предлагал произвести следственные действия, определить следователя, отрешить Ржевского от должности и запретить ему закладывать и продавать свою недвижимость. Совет не дал движения этому делу, поскольку вице-губернатор Ю.А. Ржевский пользовался покровительством членов Совета, и оно два года ожидало разрешения. Следствие против Ю.А. Ржевского возобновилось после смерти Екатерины I при Петре II и новых членах Верховного тайного совета, хотя все эти годы Сенат располагал готовыми материалами.

---

[219] Филиппов, А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев: Типография Маттисена, 1895. Ч. 1. С. 338.

Характеризуя взаимоотношения Сената и Верховного тайного совета в сфере судебной власти, остановимся на еще одном процессуальном аспекте – жалобах, или «апелляциях», на Сенат в Совет. Анализ протоколов Верховного тайного совета позволяет сделать вывод, что абсолютное большинство жалоб на судебную деятельность Сената, рассмотренных в Совете, были связаны с медлительностью движения дел. Совет постоянно указывал Сенату на необходимость оперативного рассмотрения дел, но до конца существования Совета эта проблема не была решена. Однако в практике Верховного тайного совета были случаи пересмотра сенатских решений по существу. Обычно с подобным предложением входил кто-либо из членов Совета. Например, 3 марта 1726 года по ходатайству герцога Голштинского было решено пересмотреть дело о спорном имении графа Бондия. До этого данное дело разбиралось лифляндскими судебными установлениями и Сенатом. Верховный тайный совет запросил материалы дела из Сената и постановил свое решение[220]. В 1727 году князь А.Д. Меньшиков поручил пересмотреть дело князя Юсупова, ранее разрешенное в Сенате, в 1728 году в Совете слушалось дело Картышова, переданное из Сената и др.[221]. В целом анализ этого незначительного количества дел говорит об отсутствии четких правил, по которым дела в порядке апелляции передавались в Совет. Мотивы и основания принятие дел к рассмотрению были самые разные и часто исключительно субъективные.

Перейдем далее к анализу судебных решений, принимаемых Верховным тайным советом как высшей судебной инстанцией. Условно их можно разделить на четыре группы. Во-первых, Совет мог самостоятельно разрешить дело; во-вторых, мог его вернуть в нижестоящую инстанцию (прежде всего, Сенат, Юстиц-коллеги, Вотчинную коллегию, Преображенскую канцелярию), оставив за собой лишь право конфирмации; в-третьих, мог отказать в рассмотрении, перенаправив дело по подсудности в иное учреждение (не обязательно

[220] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730. Т. 1. (февраль-июль 1726 г.) / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1886. С. 68, 71-72, 85, 91-92.
[221] Вяземский Б.Л. Верховный тайный совет. СПб., 1909. С. 364..

судебное); наконец, в-четвертых, Совет рассматривал жалобы на решения всех судов империи.

Передача дела в нижестоящую инстанцию носила характер поручения со стороны Совета – «какое в той коллегии решение будет определено, о том в Верховный тайный совет внести рапорт»[222].

Интересной представляется формулировка, с которой Верховный тайный совет отклонял дела: «понеже по тому делу есть точные указы, по которым и исполнять надлежит»[223]. Таким образом, Верховный тайный совет видел свою роль как высшей судебной инстанции еще и в том, чтобы восполнять пробелы в законодательстве, разрешать дела в тех случаях, где это невозможно сделать по закону, то есть, самостоятельно творить право. Однако первоисточники дают основание говорить, что Совет придерживался этого принципа непоследовательно.

Исследователь Б.Л. Вяземский отмечал, что постепенно Верховный тайный совет «все с большей и большей охотой самостоятельно ведет судебные дела: тогда как при Екатерине I такие случае являются единичными, при Петре II они все более и более учащаются, и порою кажется, что Верховный тайный совет превращается постепенно в судебное учреждение»[224].

Не всегда в журналах заседаний Верховного тайного совета есть возможность четко проследить обоснование принятия того или иного решения, часто решения носили противоречивый характер. Причинами этого, как отмечалось ранее, могли быть корыстные интересны членов Совета, несовершенство законодательства и малый период действия данного органа, не успевшего сформировать устойчивой судебной практики. Также, несмотря на мнение Б.Л. Вяземского о том, что Верховный тайный совет достаточно времени уделял судебным полномочиям, нужно констатировать, что Совет был органом верховного управления и в его компетенцию входили другие не менее важные функции.

---

[222] Там же.
[223] Там же. С. 362.
[224] Вяземский Б.Л. Верховный тайный совет. СПб., 1909. С. 361.

Вяземский Б.Л. следующим образом подразделял судебную деятельность Верховного тайного совета: апелляции на решения Сената, надзор за отправлением правосудия, ревизия и конфирмация судебных решений, а также пересмотр старых дел. В то время как в качестве суда первой инстанции за Верховным тайным советом было рассмотрение дел, переданные ему Сенатом (или другими учреждениями) в силу закона, дела, рассмотренные по высочайшему повелению, а также те дела, которые напрямую были поданы в Совет (по протекции одного из его членов)[225].

В целом за Верховным тайным советом как органом верховного правосудия можно определить следующие функции, присущие высшим судебным инстанциям: разбор наиболее важных дел по первой инстанции, самостоятельный или по перепоручению пересмотр дел, рассмотренных в нижестоящих инстанциях, надзор за отправлением правосудия, ревизия и утверждение судебных решений. Как видно, частично эти полномочия были перераспределены из Сената, который в структуре судебной системы 1726-1730 годов занял некое промежуточное положение, создав, таким образом, еще одну судебную инстанцию.

Начавшееся в первой четверти XVIII века собирание и закрепление функций высшей судебной инстанции за Сенатом было прервано появлением новых высших органов власти. Верховный тайный совет, аккумулировавший в своей деятельности полномочия высшей судебной инстанции, ввиду непродолжительного периода существования и незавершенного процесса перераспределения данных полномочий с Сенатом, также не смог стать полноценным верховным судом.

В этом отношении интересным является рассмотрение судебной деятельности следующего органа высшей власти – Кабинета министров, который просуществовал весь период правления Анны Иоанновны.

После неудачной попытки членов Верховного тайного совета ограничить власть будущей императрицы Анны Иоанновны его участь была предрешена.

[225] Вяземский, Б.Л. Верховный тайный совет. СПб., 1909. С. 352, 363-375.

Манифестом от 4 марта 1730 года он упраздняется и восстанавливается в своих правах Сенат – «на таком основании и в такой силе», как было при Петре I[226]. Первоначально новая императрица планировала управлять страной в духе своего дяди и с помощью обширного Государственного Совета в лице Сената, поэтому на непродолжительное время Сенат действительно вернул себе всю полноту власти, включая судебную. Об этом говорит возродившаяся в непродолжительный период законотворческая работа Сената. Однако после победили обе тенденции, о которых говорилось выше: с одной стороны, обширность полномочий Сената требовала концентрации принятия наиболее важных решений в руках более узкого круга лиц, с другой стороны – приближенные к новой императрице чиновники стремились создать высший орган власти «под себя», отличающийся оперативностью принятия решений по наиболее важным вопросам. Итогом стало образование 6 ноября 1731 года нового высшего органа власти при самодержавной императрице – Кабинета министров[227].

Важно отметить, что если мы обратимся к законодательным актам, учреждавшим Кабинет и в последующем наделяющим его полномочиями, то увидим, что юридически Кабинет министров весьма незначительно изменял что-либо в системе государственного управления. В этом отношении гораздо важнее было политическое влияние данного органа и исключительная близость его к императрице. Исследователь верховных учреждений XVIII века А.Н. Филиппов так охарактеризовал юридически не закрепленный статус Кабинета: «По-видимому, законодатель хотел принять меры, чтобы новое учреждение выступило на арену государственной жизни тихо и незаметно, не возбуждая особенно ничьего внимания»[228]. Именно поэтому, чтобы наиболее полно

[226] Манифест от 4 марта 1730 года «Об уничтожении Верховного тайного совета и высокого Сената и о восстановлении по-прежнему Правительствующего Сената» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5510.
[227] Именной, данный Сенату от 10 ноября 1731 года «Об учреждении при дворе ее императорского величества кабинета» // ПСЗ-I. Т.VIII. № 5871.
[228] Филиппов, А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев: Типография Маттисена, 1898. С. 32.

очертить круг его деятельности необходимо прежде всего изучить материалы делопроизводства данного органа.

Остановимся на характеристике судебных полномочий Кабинета министров. Примечательно, что первым законодательным актом после учреждения самого Кабинета был акт о наделении его судебными функциями – «О поступании в судах по совести и ученении присяги при решении дела несмотря на лица»[229]. Указ предусматривал обязательную передачу реестра судебных дел в Кабинет из Сената, Синода, коллегий и других учреждений «для всемилостивейшего нашего усмотрения». Таким образом, был установлен контроль со стороны Кабинета за деятельностью судебных учреждений (и учреждений, исполняющих судебные функции), при этом не были установлены формы, в которых этот контроль планировалось производить. В Указе звучало пожелание «безволокитного» правосудия, поэтому можно сделать вывод, что целью запроса реестров судебных дел было выявление случаев затягивания правосудия. Устанавливалась также ответственность за волокиту в судах и неправосудные решения: «Ежели где какая неправда в судах происходящая и волокита по данным в Кабинет Наш репортам сыщется, то всеконечно, как нижние так и вышние суды за преступления штрафованы будут по государственным правам и указам без пощады»[230].

Наделение Кабинета министров такими судебными полномочиями позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, по сути неограниченные полномочия Кабинета по отношению к другим судебным учреждениям говорят о существовании проблем в судебной сфере, которые не удалось решить в период существования Верховного тайного совета. К этим проблемам относятся затягивание правосудия, принятие неправосудных (или, по крайней мере, непрозрачных и не единообразных) решений. Во-вторых, перед нами попытка в очередной раз решить указанные проблемы с помощью учреждения еще одной «самой высшей» судебной инстанции. Как указывалось ранее, это являлось

[229] Именной от 11 ноября 1731 года «О поступании в судах по совести и ученении присяги при решении дела несмотря на лица» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5872.
[230] См.: там же.

следствием самодержавного характера власти в России и веры в справедливого государя. С другой стороны, переход функций высшей судебной инстанции к Кабинету демонстрирует другую постоянную тенденцию XVIII века: заключающий в себе множество функций Сенат не мог эффективно выполнять роль высшей судебной инстанции, особенно в условиях быстро меняющихся политических реалий. Поэтому эту роль последовательно возлагали на себя высшие органы власти, максимально приближенные к монарху.

Заслуживает отдельного внимания вопрос о роли Государственного Совета и Кабинета министров среди органов верховного правосудия.

Указ 20 марта 1812 года превратил Комитет министров в высший административный орган и заложил организационные основы его деятельности[231]. В повседневной деятельности на рассмотрение Комитета поступали дела, которые министры не могли решать ввиду отсутствия соответствующих законов или которые затрагивали интересы других ведомств. В конечном итоге он охватил все основные вопросы деятельности высших правительственных учреждений, включая законодательство[232].

Такое положение не могло не привести к его вторжению в судебную сферу. Уже в первые годы своего существования Комитет принимал решения по некоторым уголовным делам, а также выступал в качестве ревизионной инстанции, требуя к себе для пересмотра решения судов. Иногда он рассматривал судебные дела, не законченные в низших инстанциях. В гражданских делах выступал в роли высшей апелляционной инстанции по отношению к Сенату, принимая жалобы частных лиц на его решения. С 1826 года на рассмотрение Комитета министров стали поступать приговоры военного суда над крестьянами, обвеявшимися в неповиновении помещикам и

[231] Выписка из высочайше утвержденного учреждения Комитета министров на случай высочайше его императорского величества отсутствия в столице от 20 марта 1812 г. // ПСЗ-I. Т. XXXII. № 25044. Позднее этот указ подтверждался в 1814 г. (см.: ПСЗ-I. Т. XXXII. № 25620) и 1816 г. (см.: ПСЗ-I. Т. XXXIV. № 26856).
[232] Ерошкин, Н.П. Указ. соч. С. 130.

властям[233]. С 1838 года в Комитет вносились на ревизию приговоры уголовных палат «по делам о совращенных из православия», о раскольниках и о святотатстве[234]. В 1842 году этот список дополнили дела о преступлениях, связанных с переделкой медной монеты под золото и серебро. М.С. Середонин в своем исследовании приводит много примеров передачи дел из Сената в Комитет министров[235]. Любопытно, что в основе таких действий лежали иногда гуманные мотивы. Переносом дел на рассмотрение Комитета министров предполагалось достичь смягчения ответственности по перечисленным преступлениям, что трудно было сделать в судах до принятия нового уложения[236].

Неоднозначность процессуальных отношений Сената и Комитета министров негативно влияла на быстроту принятия решений по делу и усиливала волокиту. Примечательно, что в работе Комитета от 6 декабря 1826 года осудили такое несанкционированное вмешательство в ведомство Сената и в своей законопроектной работе предполагали оставить за ним всю полноту высшей судебной власти.

Еще более неоднозначна роль Государственного Совета в качестве судебной инстанции. Процесс реформирования органов высшей власти в российском государстве в период правления Александра I, по замечанию В.Г. Щеглова, шел по пути специализации функций управления и обособления каждой из них (функций) в отдельности[237]. Первоначально в указе 1810 года

---

[233] Это правило распространялось на те случаи, когда к ссылке или телесным наказаниям присуждалось более девяти человек.

[234] Ерошкин, Н.П. Указ. соч. С. 142.

[235] См.: Середонин, М.С. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 380; То же. Т. 2. Ч. II. СПб., 1902. С. 104–15.

[236] См. подробнее: Ермолов, А. Комитет министров в царствование императора Александра I. СПб., 1891; Латкин В. Комитет министров в начале царствования императора Александра I // Юридический Вестник. 1889. № 9. С. 89–116; Середонин М.С. Исторический обзор деятельности Комитета министров. 1–2 т. СПб., 1902; Титов Ю.П. Абсолютизм в России // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 107–112; Он же. Проблемы российского абсолютизма // Проблемы истории абсолютизма. М., 1983. С. 4–24; Казанцев С.М. Реформы высших и центральных государственных органов Российской империи в начале XIX века. Дисс. …канд. юрид. наук. Л., 1981; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

[237] Щеглов, В.Г. Государственный Совет в первый век его образования и деятельности: Историко-юридический очерк. М., 2016. С. 19.

среди вопросов, принадлежавших к предметам ведения Совета, не упоминалось рассмотрение судебных споров[238]. Это вполне соответствовало, по мнению А.Д. Градовского, замыслу М.М. Сперанского, желавшего создать из Совета установление «законосовещательное»[239].

Учрежденный как законосовещательный орган, Государственный Совет в целом продолжал практику создания при императоре специальной структуры, которая должна была содействовать ему в деле управления государством[240]. Собственно судебных полномочий первоначально Государственный Совет не имел. Не являлся он и высшей судебной инстанцией. Однако в его полномочия входили «предметы, требующие нового закона, устава или учреждения»; «предметы внутреннего управления, требующие отмены, ограничения или дополнения прежних положений»; «дела, требующие в законах, уставах и учреждениях изъяснения истинного смысла», а также «меры и распоряжения общие, приемлемые к успешному исполнению действующих законов, уставов и учреждений»[241], что послужило основанием для принятия важных полномочий в рамках осуществления верховного правосудия.

В § 98 в качестве временной меры «до окончания преобразования судебной части» разрешалось подавать жалобы на решения департаментов Сената. Связующим звеном в этой процедуре выступала Комиссия прошений, существовавшая при Совете. Именно она давала заключение по вопросу о наличии оснований для отмены решения. В этом случае гражданское или уголовное дело поступало на рассмотрение департамента гражданских и духовных дел. На практике, как заметил М.М. Сперанский, Государственный Совет «сделался местом судебным по делам, из Сената входящим»[242], и это несмотря на то, что Сенат являлся последней судебной инстанцией. Этому немало способствовал и сам император, который в 1813 году распорядился

[238] Образование Государственного Совета от 1 января 1810 г. // ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24064.
[239] Градовский, А.Д. Указ. соч. С. 231.
[240] Манифест «Образование Государственного Совета» от 1 января 1810 года // ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24064.
[241] Там же.
[242] Сперанский, М.М. О государственных установлениях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. 3. С. 39.

передать из Комитета министров различные «судные дела» в Государственный Совет[243]. Следствием такого порядка стало то, что Государственный Совет фактически стал высшей инстанцией на решения Общего собрания Сената. В 1817 году был закреплен порядок, согласно которому в случае если Государственный Совет усмотрит, что решение Сената было принято с нарушениями, то оно возвращалось обратно для повторного рассмотрения[244].

В 1842 году было принято новое Учреждение Государственного Совета, которое сохранило за ним судебные полномочия. К нему поступали дела в случаях, когда в общих собраниях департаментов Сената не удавалось получить необходимое количество голосов, либо когда с его решением не согласен министр юстиции, либо когда сам Сенат ходатайствовал перед императором об отмене или пересмотре своего решения, наконец, при разногласии Сената и военного или Адмиралтейств-совета[245].

Говоря об организации верховного правосудия в России в период до судебной реформы 1864 года, нельзя обойти вниманием еще одно учреждение – Верховный уголовный суд. Исследуя какой-либо правовой институт, историк права часто использует юридические конструкции, понятия, термины, не характерные для времени его существования. В настоящей работе мы все же пытаемся «встроить» верховное правосудие в единую общую систему судебной власти, отвечающей всем признакам системности – иерархичность, взаимосвязь звеньев, целостность. При этом, если возникает институт, не попадающий в выстроенную парадигму, то мы все равно пытаемся описать его деятельность через взаимосвязь с элементами системы, используя соответствующую терминологию и понятия. Вместе с тем не всегда такой подход исследователя оправдан. Иногда необходимо признать, что не все можно описать сформулированной теорией.

Таким необъяснимым «инородным телом» выступает Верховный уголовный суд. Данное учреждение не имеет законодательно установленного

[243] См.: ПСЗ-I. Т. XXXII. № 25371.
[244] ПСЗ № 26630.
[245] Свод законов Российской империи издание 1842 г. Т. I. Ч. II. Ст. 19–22.

порядка формирования и организации, деятельности и даже даты основания. Исследователь данного учреждения К.Г. Боленко предлагает именовать его чрезвычайным органом правосудия, по крайней мере в период конца XVIII – середины XIX века[246]. Несмотря на то что Верховный уголовный суд – это судебный орган, его история – это история конкретных политических процессов, рассмотренных в особой форме.

С большой долей условности Верховным уголовным судом можно именовать судебный орган, действовавший в период с 1764 по 1917 годы, собирающийся ad hoc по высочайшему повелению и состоявший из сенаторов, членов Синода, Государственного Совета и других высокопоставленных должностных лиц. В его юрисдикцию попадали дела о наиболее важных государственных и должностных преступлениях высших чиновников империи. Он действовал в одной инстанции, а наименование «высший» – это в большей степени характеристика судей и подсудимых данного органа, а не высшие место в обособленной судебной иерархии.

За первый период своего существования (1764-1864 годы) в Верховном уголовном суде состоялись следующие процессы: дело В.Я. Мировича (1764), дело участников чумного бунта в Москве (1771), дело Е.И. Пугачева (1775), декабристов (1826), польских повстанцев (1834)[247].

Выходя за хронологические рамки настоящего параграфа, отметим, что как судебный орган Верховный уголовный суд был сохранен в ходе судебной реформы 1864 года. Его юридическое оформление состоялось по предложению Государственного Совета[248]. В статьях 1062-1065 Устава уголовного судопроизводства Верховный уголовный суд назван высшим местом для рассмотрения уголовных дел о государственных преступлениях высших должностных лиц в качестве первой и единственной инстанции. Состав суда

[246] См. подробнее: Боленко, К.Г. Верховный уголовный суд в системе Российского правосудия (конец XVIII – начало XIX века). М., 2013. С. 7-10 и др.
[247] Список не исчерпывающий, т.к. сложно определить подсудность данного органа.
[248] Чельцов-Бебутов, М.А. Курс советского уголовно-процессуального. Т. 1: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государства. М.: Госюриздат, 1957. С. 760.

утверждался, как и ранее, ad hoc указом императора, в него должны были войти председатель Государственного Совета, первоприсутствующие обоих кассационных департаментов Сената.

Характер самодержавной власти предполагал наличие высших судебных функций у монарха, и периодический созыв Верховного уголовного суда представляется частью именно его властных полномочий. В данном случае монарх участвовал в отправлении правосудия непосредственно: принимал решение о созыве данного органа, формировал состав судей, определял материальные и процессуальные нормы права, подлежащие применению, утверждал приговор, обладал правом его смягчения или помилования.

Таким образом, Верховный уголовный суд не представлял собой системы, не состоял во взаимосвязи с другими судебными органами, не имел апелляционной, кассационной или надзорной инстанций и сам не выступал таковой по отношению к другим. Чрезвычайный, несистемный характер его существования, хотя достаточно продолжительного, никак не отразился на формировании сферы верховного правосудия в России в XVIII – первой половине XIX века, когда шло постепенное собирание функций высшей судебной инстанции за Сенатом. Постоянное появление на этом пути иных высших инстанций характеризует весь путь государственного и политического развития российского государства в XVIII – первой половине XIX века.

В качестве вывода отметим, что судоустройство в России в своем развитии следует формам, характеризующим общее состояние государственного развития. Судебные учреждения всегда были «вписаны» в систему органов государственной власти, в своей организации и деятельности не могли сильно опережать другие институты, но и в случае заметного отставания нуждались в реформировании. По мнению К. Троцины, в этом процессе «судоустройство принимает более государственный вид»[249]. Указанные рассуждения достаточно полно описывают нестабильность в организации верховного правосудия XVIII – начала XIX века. Важно, что появлявшиеся на протяжении XVIII века органы,

[249] Троцина К. История судебных учреждений в России. СПб., 1851. С. 1.

имевшие четко выраженное политическое значение, не повлияли (или мало повлияли) на общий вектор развития системы судоустройства в целом и верховного в частности. В начале XIX века вновь созданные государственные органы, обладающие функциями высших судебных инстанций, принимали на себя эти полномочия по необходимости. При долгом прохождении дела в Сенате, ограниченном лишь буквальным толкованием законов в процессе их применения, Государственный Совет или Комитет министров могли принять более быстрое и гибкое решение.

В целом в первой половине XIX века сохраняется тенденция на обособление судебной власти в институциональном значении, сохранение большинства судебных функций как высшей инстанции за Сенатом при постоянных попытках оспаривания у Сената права окончательного решения и возможности их пересмотра в иных высших судебных инстанциях.

Глава III. Верховное правосудие во второй половине XIX – начале XX века

§ 3.1. Дискуссии по определению статуса и компетенции высшей судебной инстанции в период подготовки судебной реформы 1864 года

Реформирование судебной системы в процессе реализации судебной реформы 1864 года не могло не затронуть организацию верховного правосудия. Появлению обособленной высшей судебной инстанции, завершающей судебную иерархию, способствовала вся законопроектная работа, подчинявшаяся общему ходу разработки судебной реформы 1864 года, которая проходила с 1857 по 1864 год. Данный процесс условно можно разделить на два этапа, которые различаются, во-первых, пониманием пределов реформирования, а во-вторых, по руководящему органу, где велась работа над проектами преобразований.

Первый период включает в себя 1857-1861 годы. В это время основная работа сосредоточилась во Втором отделении с.е.и.в. канцелярии, а общее руководство осуществлял главноуправляющий граф Д.Н. Блудов. За 1857-1861 годы Вторым отделением были подготовлены и внесены на рассмотрение 14 проектов с сопровождением объяснительных записок к ним. Разработчики проектов предлагали преобразования в сфере уголовного и гражданского судопроизводства, а также в структуре судебной системы. Ряд новелл носили прогрессивный характер: сокращение числа судебных инстанций, разграничение уголовного и гражданского процессов, стремление преодолеть волокиту в разрешении дел судом, учреждение мирового суда для малозначительных дел.

Первые исследователи подготовительного этапа судебной реформы 1864 года отмечали, что проект, подготовленный Вторым отделением, отличался половинчатостью намеченных мер, которые лишь частично совершенствовали институциональные основы системы российского правосудия[250]. Исследователь второй половины XX века В.А. Шувалова констатировала, что законопроекты судебных преобразований Второго отделения отличались взаимными

[250] См.: Джаншиев, Г.А. Эпоха великих реформ. М., 1900. С. 368.

внутренними противоречиями[251]. Одна из причин такого явления заключалась в разности подходов, которыми руководствовались разработчики отдельных проектов и несогласованности работы между собой.

Кроме того, понимание сути реформы и пределов реформирования складывалось постепенно. В 1857 году С.И. Зарудный заметил: «Посему нам прежде всего надлежало разрешить для самих себя следующий вопрос: в каких именно пределах должны быть заключены необходимые, по нашему мнению, перемены»[252]. Авторы проектов преобразований первого этапа подготовки судебной реформы полагали, что для достижения целей эффективного правосудия необходимо изменить процессуальную форму, особенно уголовное судопроизводство, не затрагивая внутреннюю организацию судебной системы. Результатом такого подхода стала проведенная в жизнь в 1860 году следственная реформа, согласно которой следствие было изъято из ведения полиции и передано вновь созданному институту судебных следователей, которые подчинялись палатам уголовного суда.

Авторы первоначального плана преобразований предлагали также изменить гражданский процесс, убрав из него элементы, которые свойственны процессу уголовному, следственному. Кроме того, было предложено обновить структуру судебной системы. Проект «Положения о судоустройстве» устанавливал: «Дела судебные по общему порядку ведаются: в правительствующем Сенате, в палатах гражданского и уголовного суда, в судах уездных, в мировых судах, сельских расправах»[253].

В уездном суде должны рассматриваться по первой инстанции уголовные и гражданские дела, судебные палаты выступают как апелляционные (ревизионные) инстанции к уездным судам. Ряд категорий дел, отнесенных к важным, рассматриваются по первой инстанции в судебных палатах, а

---

[251] См. подробнее: Шувалова, В.А.. Подготовка судебной реформы 1864 года в России: автореферат дисс. … канд. юр. наук. М., 1965. С. 14.
[252] Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты [Текст] : сборник документов: к 150-летию Судебных уставов, 20 ноября 1864 г. / [науч. ред. и сост.: Д.И. Луковская, Н. В. Дунаева]. СПб.: Президентская б-ка, 2014. С. 24.
[253] РГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 16. Л. 411-411 об.

пересматриваются в департаментах Сената без возможности передачи его по жалобе обер-прокурора в общее собрание Сената или по жалобе Министра юстиции в Государственный Совет. Общее собрание Сената выступает кассационной инстанцией, не разбирая дела по существу. Таким образом, за Сенатом закреплялся бы статус высшей судебной инстанции империи, а Государственный Совет лишался бы судебных функций, оставаясь властью законодательной.

Кроме того, предполагалось учредить мировой суд, который бы рассматривали незначительные уголовные и гражданские дела. К таким категориям относились: гражданские дела ценой иска до 30 рублей, без возможности обжалования, ценой иска от 30 до 500 рублей в качестве суда первой инстанции (на решения по данной категории дел предполагалось допустить апелляцию в уездный суд[254]); уголовные дела, санкции которых составляют легкие исправительные наказания (до 30 ударов розгами, до 30 рублей штрафа, краткосрочный арест).

В проекте, предлагаемым Вторым отделением по вопросам судоустройства, содержится достаточно сведений относительно реформирования высшей судебной инстанции империи – Сената, ряд их них посвящен структуре Сената, ряд – полномочиям и порядку производства дел. По структуре было предложено сократить количество судебных департаментов, поскольку предполагалось значительно сузить подсудность дел Сената как высшей инстанции. Первоначальный проект представил такую структуру Сената: «Департаменты Правительствующего Сената имеют заседания: первые пять в Петербурге, шестой, седьмой и восьмой в Москве»[255].

Новые правила подсудности допускали возможность разрешения в Сенате гражданских дел, ценою иска свыше 2000 рублей, а уголовных, по которым

---

[254] Проект правил о порядке производства спорных гражданских дел, подлежащих ведомству мировых судов. Ст. 66-69; Проект правил о порядке производства дел по маловажным преступлениям и проступкам, подлежащих ведомству мировых судей. Ст. 4 // Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии по проекту устава судопроизводства гражданского. Ч. 1. Б.м., 186-.

[255] Проект Положения о судоустройстве // Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии. Б.м., 186-. Ст.2.

полагалось уголовные или высшие исправительные наказания представителей привилегированных сословий. Ввиду резкого сокращении подсудности дел, предполагалось сократить количество судебных департаментов Сената с 10 до 5[256]. Сокращение количества департаментов должно повлечь за собой изменение в составе Канцелярии Сената. Здесь авторы преобразований, наоборот, предлагают увеличить число обер-секретарей, на которых будет возложено производство по движению дел в Сенате. Увеличение их количества требует тот факт, что новые процессуальные правила устанавливали более краткие сроки, которые трудно будет соблюсти малым числом обер-секретарей[257]. С этой же целью предлагалось ввести должность товарища Обер-прокурора[258].

Предполагаемый штат высшей судебной инстанции – судебных департаментов Сената, – согласно проекту Второго отделения, должен был выглядеть следующим образом: 9 присутствующих, Обер-прокурор, товарищ Обер-прокурора, 5 обер-секретарей, 6 секретарей, экзекутор, протоколист, журналист, архивариус, 12 чиновников для письма[259].

Анализируя штатный состав судебных департаментов Сената, можно сделать вывод о его предполагаемом статусе. Незначительное количество «судей» верховного суда говорило о желании реформаторов сосредоточить основную массу дел в нижестоящих инстанциях, а в Сенат допускать немногие. В этом случае сложно говорить о сплошной кассации по французскому образцу.

Остановимся подробнее на полномочиях Сената в качестве высшего кассационного суда. Проект Второго отделения подразумевал, что функции высшего кассационного суда империи будут закреплены за общим собранием Санкт-Петербургских департаментов Сената. Оно должно было разбирать жалобы об отмене окончательных (постановляемых) решений нижестоящих инстанций. «Сие правило распространяется в равной мере на решения и приговоры всех судебных мест как низших, так и высших инстанций и самих

[256] Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии по проекту устава судопроизводства гражданского. Ч. 1. Б.м., 186-. С. 116.
[257] См.: там же.
[258] Там же. С. 117.
[259] Там же. С. 126.

департаментов правительствующего Сената»[260].

При обсуждении данной нормы возникло несколько вопросов, отличающихся степенью принципиальности.

Например, было замечено, что предлагаемое проектом название инстанции «Общее собрание Санкт-Петербургских департаментов правительствующего Сената» не в полной мере отражает ее статус как единой высшей судебной инстанции империи. В предыдущий период данное название было связано с тем, что Общее собрание являлось таковым по сути, в него входили все сенаторы судебных департаментов. В обновленном виде Общее собрание должно было представлять собой особое присутствие, состоящее не из членов других департаментов[261]. Всерьез обсуждалось название кассационный суд или кассационный департамент: «Для нашего законодательства до некоторого времени еще неизбежно заимствование иностранных терминов. Если же удерживаем слово Сенат и сенаторы, соединяя с ними определенные понятия, то по той же причине можем пока не найдем своего термина, усвоить себе термин кассационный»[262].

Другим спорным моментом было распространение власти кассационного суда на мировые судебные установления. В данном случае мнения авторов разделились: одни видели в этом необходимость, поскольку решения мировых судей, как потенциально самых профессионально неподготовленных, должны подвергаться ревизии; другие справедливо полагали, что это будет способствовать обилию малозначительных дел в Сенате, которые будут отвлекать немногочисленных специалистов на подготовку к их разрешению и собственно решение. К тому же на примере данной нормы можно увидеть несовершенство и внутренние противоречие проекта Второго отделения в целом. Так, гражданские и уголовные процессуальные нормы не допускали возможности кассации решений мировых судов в Сенате, а проект положения о

---

[260] Проект Положения о судоустройстве // Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии. Б.м., 186-. Ст. 122.
[261] Там же. С. 190.
[262] Там же. С. 190.

судоустройстве – да. В итоге в окончательном варианте, после внесенных замечаний самими авторами (поскольку по этому поводу не высказались ни Министерство юстиции, ни другие ведомства), норма была уточнена.

Общее собрание Сената должно было рассматривать только кассационным порядком дела гражданские и уголовные по жалобам об отмене окончательных решений, постановленных низшими или средними инстанциями или департаментами Сената, если решение вынесено с явным нарушением закона, если решение являлось следствием умышленного преступного действия служителей правосудия, если нарушены существенные формы судопроизводства (незаконный состав суда, нарушены правила подсудности, без участия прокурора (если его участие обязательно), нарушен порядок вынесения решения (единогласно или по большинству голосов), а также если решение выносилось по данному делу ранее. Кроме того, основанием отмены решения в кассационном порядке для гражданского дела являлось «присуждение более того, что требовалось тяжущимися, или же то, о чем вовсе не просили, или же когда не разрешены все предметы прощения»[263].

«Дело кассационного суда есть рассмотрение постановленных в последней степени приговоров и решений всех судебных инстанций, как уездных судов, так и палат, и департаментов Сената, и толковании законов в случае непонимания их судами»[264].

Одно из самых неоднозначных и архаичных положений, касающихся принятия окончательных решений в Сенате, – необходимость единогласного одобрения решения всеми сенаторами департамента и обер-прокурором, в противном случае – передача дела в общее собрание Сената, где также требовалось единое мнение сенаторов и Министра юстиции или передача дела «на высочайшее усмотрение» через Государственный Совет, – предлагалось упразднить. Окончательное принятие решения должно было происходить в

[263] Об устройстве судебных мест: Всеподданнейшая докладная записка Главноуправляющего Вторым отделением с.е.и.в. канцелярии графа Д.Н. Блудова // РГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 16. Л. 418-423 об.
[264] Проект Положения о судоустройстве // Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии. Б.м., 186-. С. 191.

департаменте Сената большинством голосов, без учета мнения обер-прокурора[265]. Несомненно, прогрессивная с точки зрения движения дел мера даже самими авторами была подвергнута критике. Опасность, по их мнению, состояла в том, что в составе Сената было достаточное количество сенаторов, которые заняли свои должности в силу заслуг на государственной службе, не связанной с судебной сферой, и не имеют юридических знаний, поэтому большинство голосов сенаторов, необходимых для принятия окончательного решения, могло не соответствовать критериям профессионализма. Ранее эту проблему решало авторитетное мнение обер-прокурора, министра юстиции, которые отныне переставали быть обязательными. Поэтому впервые было предложено наделить Общее собрание Сената функциями кассационного суда, который бы принимал решение о правильности применения нормы права по жалобам обер-прокурора, отдельных сенаторов или самих сторон[266].

При рассмотрении данного предложения также возникали сомнения. Во-первых, сразу встал вопрос о повальном характере пересмотра всех окончательных решений департаментов Сената, что дестабилизирует работу общего собрания обилием дел. Во-вторых, это лишит авторитета верховного суда сами департаменты, делая в сознании сторон и на практике их «необязательной», «проходной» инстанцией, в целом увеличивая их количество. Один из авторов проекта даже заместил: «Это ненормальное положение Сената сделается еще очевиднее с допущением гласности судебных действий»[267]. И предложил формировать Сенат исключительно из опытных юристов, чтобы не допускать массового характера неправосудных решений.

В данном предложении поднимается едва ли ни самый главный вопрос будущих судебных преобразований – кадровый. В замечаниях на проекты, предложенные Д.Н. Блудовым, достаточно четко прослеживается тенденция к усилению роли юридического образования и наличию дополнительной

[265] Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты [Текст] : сборник документов: к 150-летию Судебных уставов, 20 ноября 1864 г. / [науч. ред. и сост.: Д.И. Луковская, Н. В. Дунаева]. СПб.: Президентская б-ка, 2014. С. 120.
[266] Там же. С. 120.
[267] Там же. С. 121.

практической подготовки при формировании судебных учреждений всех уровней. «Необходимо уничтожить все привилегии. Но не те, которые соединены с высшим образованием. Эта привилегия ума ничем не сокрушаема. Только пусть она в данном случае оправдывается»[268].

В целом оставляя за Общим собранием Сената статус высшего кассационного суда, в окончательной редакции проекта судоустройства предлагалось усилить именно профессиональную составляющую его членов, а именно – «приготовление дел к докладу и сам доклад поручить особым юрисконсультам, назначаемым Высочайшими указами, по представлению Министра юстиции, преимущественно из лиц, получивших ученые степени доктора или магистра прав и занимающихся судебными делами не менее двух лет, или же из лиц, приобретших известность своими юридическими сочинениями или выказавших на службе свои отличительные способности и юридические сведения»[269]. При этом также предлагалось вводить в состав общего собрания Сената только лиц, имеющих юридическое образование или достаточный опыт работы в судебной деятельности. При этом даже оговаривалось, что в дальнейшем число сенаторов должно пополняться из юрисконсультов, служащих в департаментах Сената[270].

Для понимания становления Сената как высшей судебной инстанции с кассационными полномочиями важно рассмотреть мнение Министерства юстиции именно по данному вопросу. Министр юстиции В.Н. Панин хотел решительно не допустить преобразования общего собрания Сената в кассационный суд. Сама идея кассации как инструмента по обеспечению единообразия судебной практики представлялась правильной и необходимой. Однако передать данные полномочия министр предлагал кассационному присутствию при Комиссии Прощений, состоящему из пяти опытных сенаторов.

---

[268] См.: Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии по проекту устава судопроизводства гражданского. Ч. 2. Б.м. Б.г. С. 233.

[269] Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: сборник документов: к 150-летию Судебных уставов, 20 ноября 1864 г. / [науч. ред. и сост.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева]. СПб.: Президентская б-ка, 2014.С. 123.

[270] Там же.

Нежелание оставлять данную функцию за Сенатом объяснялось недоверием В.Н. Панина к уровню квалификации и профессионализма сенаторов, которые, как было сказано ранее, могли не иметь опыта юридической деятельности. Из этих же соображений министр предлагал усилить канцелярию кассационного присутствия также опытными квалифицированными работниками. Далее министр заключает: поскольку Комиссия прощений находится в ведении императора, то невозможно «представить графу Блудову настоящих предложений относительно дальнейшего существования Комиссии»[271].

Подведем итог разбору положения Сената как высшей судебной инстанции в проектах судебных преобразований на первоначальном этапе подготовки реформы.

Реформирование судебной системы предполагалось провести в русле сокращения числа судебных инстанций и ограничения возможности обжалования решений. При подготовке проектов реформы одним из ключевых был вопрос о количестве судебных инстанций, по которым должно проходить одно судебное дело.

Разработчики реформы полагали, что причиной медлительности судебных разбирательств является в том числе большое количество инстанций. «Не считая стряпчих и прокуроров и вообще лиц правительственных и особых учреждений, не имеющих чисто судебного характера, … дело должно пройти через шесть судебных инстанций, а именно: уездный суд, гражданскую или уголовную палату, департаменты Сената, общее собрание Сената, комиссию прощений, Государственный Совет в департаменте, а иногда и в общем собрании»[272].

Поэтому при обсуждении структуры новой судебной системы было предложено ограничиться не более чем двумя судебными инстанциями: первой и ревизионной. В этом отношении авторы ссылались на европейский опыт. По мнению разработчиков, количество инстанций должно было не только

[271] Соображения Министра Юстиции по проекту о судоустройстве, подготовленному Вторым отделением с.е.и.в. канцелярии (4 февраля 1860 г.) // Дело о преобразовании судебной части в 74 т. Т. 4. Документ № 10. С. 15-16.
[272] РГИА. Ф. 1149. Оп. 5. 1859 г. Д. 50 (а). Л.7-8.

значительно уменьшить волокиту и медлительность рассмотрения дела, но и побудить нижестоящие инстанции к квалифицированной работе. Существование нескольких вышестоящих инстанций ведет к неполноценному рассмотрению дела в нижестоящей: у последней нет необходимости глубоко вникать в суть дела, анализировать законодательство, если на следующей ступени более квалифицированные и подготовленные судьи смогут сделать то же самое. Рассуждения разработчиков проектов судебной реформы сводились к следующему: право обжаловать решение нижестоящей инстанции должно иметь свои пределы, в противном случае, если «допустить существование второго ревизионного суда, то не будет оснований отказать в организации третьей и т.д».

Также многоинстанционность заставляет участников процесса ждать разбирательства в той инстанции, в которой собственно принимается окончательное решение, при этом не представлять некоторые материалы дела, которые могут существенным образом решить его исход. Указанные причины в целом не способствуют развитию судов нижестоящих инстанций, ведя к их деградации. Для разрешения пагубной ситуации авторы проекта предполагали максимально сократить количество инстанций.

«Сим путем можно было бы вполне достигнуть желаемой цели. Все наши судебные учреждения остались бы на прежних основаниях без коренных перемен…» (из докладной записка главноуправляющего Вторым отделением графа Д.Н. Блудова)[273].

Однако неверно полагать, что на первом этапе разработки проектов судебных преобразований их авторы предлагали ограничиваться только лишь незначительными изменениями, которые бы устранили самые негативные тенденции в отправлении правосудия. «Дабы исправить надлежащим, удовлетворительным образом наши узаконения о производстве дел гражданских, не довольно усовершенствования той или другой из форм оного»,

[273] РГИА. Ф. 1149. Оп. 5. 1859 г. Д. 50 (а). Л. 248.

– писал в 1857 году С.И. Зарудный[274].

Итогом первого этапа подготовки судебной реформы было создание 14 проектов преобразований. Их подготовкой занимались разные комиссии, группы, которые часто не согласовывали свои позиции, вызывая внутренние противоречия проектов. Во многом из-за такой постановки работы Второго отделения возник эффект острожного или даже реакционного характера их содержания. При этом авторы данных проектов верно определили самые болезненные точки существующей системы и наметили верный курс последующей реформы.

Подытоживая, еще раз приведем судебно-процессуальную схему, которую можно считать результатом нескольких проектов преобразований первого этапа. Итак, малозначительные дела должны рассматриваться в судах первой инстанции (уездных судах), решения которых могут быть обжалованы в следующей инстанции (судебных палатах), без возможности передачи дел в Сенат. Сложные и важные дела рассматриваются в судебных палатах по первой инстанции, могут быть обжалованы в Сенат, но без возможности передачи в общее собрание Сената. Таким образом, предполагалось четко сократить количество инстанций до двух[275].

Переход ко второму этапу разработки судебной реформы был обусловлен произошедшими в стране социально-экономическими изменениями. Во-первых, крестьянская реформа, освободив многомиллионное население и предоставив ему основные гражданские права, требовала введение государственного суда взамен помещичьему. Во-вторых, реформа 1861 года способствовала усилению сторонников более радикальных преобразований в судебной части.

На последовательную взаимосвязь обоих реформ указывал один из авторов Судебных уставов С.И. Зарудный. «Если бы в 1861 году не состоялось по воле Самодержца Всероссийского освобождения крестьян с землею, то ни в каком

[274] Объяснительная записка к проекту Устава судопроизводства гражданского, подготовленного II Отделением Собственной Его Императорского величества Канцелярии // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: сборник документов: к 150-летию Судебных уставов, 20 ноября 1864 г. СПб., 2014. С. 25.
[275] РГИА. Ф. 1149. Оп. 5. 1859 г. Д. 50 (а). Л. 9.

случае не были бы утверждены 20 ноября 1864 года Судебные уставы»[276]. Другой известный юрист и адвокат Г.А. Джаншиев утверждал, что «освобождение крестьян вызвало на свет так называемый и так справедливо называемый новый суд»[277]. Таким образом, крестьянская реформа стала своеобразным катализатором реформы судебной.

Второй этап, включающий в себя 1861-1864 годы, характеризуется сменой центра разработки проектов преобразований, личным составом участников, а также принципами, положенными в основу реформы. 23 октября 1861 года Александр II утвердил доклад о состоянии дел в Государственном совете по вопросу подготовки судебной реформы. Этот доклад, автором которого был С.И. Зарудный, отразил все противоречия и недостатки проектов Второго отделения, а также было высказано предложение о продолжении работы над судебными уставами. Центр подготовки реформы переместился в Государственную канцелярию, а общее руководство осуществлял государственный секретарь В.П. Будков, к тому же покровительство реформаторам оказывал известный своими либеральными настроениями П.П. Гагарин, сменивший в 1862 году Д.Н. Блудова на посту председателя Государственного Совета. Также непосредственное участие в разработке законопроектов приняли С.И Зарудный, Н.А. Буцковский, Н.И. Стояновский, Д.А. Ровинский, К.П. Победоносцев, П.Н. Данилевкий, А.П. Вилинбахов, Д.П. Шубин[278]. Для разработки Судебных уставов 29 сентября 1862 года была учреждена особая комиссия при Государственной канцелярии. При ее учреждении император Александр II собственноручно дал поручения госсекретарю: «Чтобы все уставы были окончательно изготовлены к 15 января 1863 года, для сообщения их II Отделению Собственной Моей Канцелярии и Министерству юстиции. Главноуправляющему II отделением и министру юстиции представить свои замечания в 6-ти недельный срок, дабы Госсовет мог

[276] Джаншиев, Г.А. С.И. Зарудный и судебная реформа. М., 1889. С. 84.
[277] Там же.
[278] См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 60. Д. 5992. Л. 16 об.-17 об.; Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. М., 1900. С. 366.

приступить к их рассмотрению и обсуждению исполнительных мер в течение марта месяца будущего года»[279]. Своей резолюцией император не только четко определил сроки работы над новым проектом судебной реформы, но и очертил круг основных субъектов, а также условия взаимодействия между ними.

В составе комиссии при Государственной канцелярии были образованы три редакционные коллегии. Первую, занимающуюся разработкой проекта судоустройства, возглавил Плавский[280]. Второй отдел должен был представить проект уголовного судопроизводства, третий – гражданского. Возглавили их Буцковский и Зарудный соответственно[281]. Работа комиссии была организована следующим образом: каждый из редакторов по взаимному согласию и личным интересам выбирал определенный мотив и через некоторое время представлял общему заседанию комиссии свои соображения по данному вопросу. При разработке группы статей автор должен был опираться на существующие законы, законодательство зарубежных государств, а также замечания и пожелания, приходившие на адрес комиссии[282]. Позже Зарудный обратился к Министерству юстиции с просьбой усилить комиссию помощником юрисконсульта Книримом и председателем Санкт-Петербургской уголовной палаты Ковалевским[283]. Потом в состав комиссии также вошли исполняющий должность секретаря Государственного Совета Зубов и начальник судебного департамента Министерства государственных имуществ Репинский[284]. В декабре 1862 года император ввел в состав комиссии еще трех членов: председателя Курской палаты гражданского суда Шечкова, председателя Екатеринославской палаты гражданского суда Гурина и профессора Училища правоведения Утина[285].

Именно этот состав Государственной канцелярии к июлю 1862 года предложил новый вариант реформы, известный как «Основные положения

[279] РГИА. Ф. 1405. Оп. 60. Д. 5992. Л. 13 об.
[280] РГИА. Ф. 733. Оп. 231. Д. 51. Л. 7, 7 об.
[281] Там же. Л. 7 об.
[282] РГИА. Ф. 733. Оп. 231. Д. 51. Л. 10 об.
[283] РГИА. Ф. 1405. Оп. 60. Д. 5992. Л. 42, 45-48.
[284] Там же. Л. 50 об.
[285] Там же. Л. 94-94 об.

преобразования судебной части в России». В этой программе содержались основные принципы и институты судебной реформы 1864 года. Существенным для данного проекта являлось признание иностранного опыта, в чем разработчиков судебных преобразований поддерживал император Александр II, который высказал мнение о том, что новая судебная система Российской империи должна строиться на основе передовых принципов, «достоинство коих признано в настоящее время наукой и опытом европейских государств»[286].

Анализируя различные точки зрения относительно организации судебной власти, целесообразно разделить их не несколько групп. Поскольку на втором этапе подготовка судебной реформы велась в трех подкомиссиях единой комиссии государственной канцелярии, то их работа завершалась подготовкой соответствующего судебного устава: гражданского судопроизводства, уголовного судопроизводства и учреждения судебных установлений. Вопросы, касающиеся организации сферы верховного правосудия, характерны для всех трех перечисленных актов, но для уставов уголовного и гражданского судопроизводства его рассмотрение шло через призму организации судебных процессов и вопросов обжалования решений в верховном суде, а для учреждения судебных установлений – с точки зрения организации структуры судебной системы, ее иерархии и порядка формирования отдельных (в том числе высших) судов.

Относительно порядка работы комиссии Государственной канцелярии будет небезынтересным рассмотреть проекты всех трех подкомиссий по вопросу организации верховного правосудия, а также проанализировать мнения юридического сообщества по данному вопросу.

Судоустройство. Согласно проекту, «власть судебная принадлежит: мировым судьям, их съездам, судам окружным, судебным палатам и

[286] Журнал Соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета о преобразовании судебной части в России. 1862. № 65. С. 10 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. СПб., 1864. Т. 19.

правительствующему Сенату (в качестве верховного кассационного суда)»[287].

Так звучала первоначальная формулировка статьи, определяющей структуру судебной системы. Обратим внимание, что если с предыдущего этапа законопроектной работы осталось закрепление роли кассационного суда за Сенатом, то на втором этапе шло уточнение его в этом статусе. Так, было указано, что кассационный суд создается у нас не в виде отдельной инстанции, поэтому нецелесообразно в данной статье «присоединять его к числу мест, власть судебную имеющих», достаточно составить особые правила его функционирования.

По структуре Сенат должен был быть разделен на департаменты по предметам, из департаментов должно было состоять общее собрание Сената. При этом предлагалось оставить первый, межевой департаменты и департамент герольдии в неизменном виде (в отношении последнего еще на предыдущем этапе разработки реформ высказывалось соображение о передаче его в ведомство Министерства юстиции). Здесь интересным представляется рассмотреть предложение отдельных авторов проекта о возможности создания кассационных департаментов в крупных городах. До реформы, как известно, ряд департаментов со схожими полномочиями находились в Санкт-Петербурге и в Москве. В период разработки Судебных уставов предлагалось учредить департаменты Сената в центре судебных округов[288]. Такая идея была связана с тем, что «Основные положения» предусматривали, что в Москве до непосредственного создания судебной палаты передать ее функции уже существующим департаментам Сената. Отдельные реформаторы предлагали не ограничиваться только Москвой и временным характером данной нормы и распространить на всю империю, создав в округах судебных палат свои кассационные департаменты.

Сторонники такой структуры кассационных департаментов аргументировали свою позицию организационным неудобством

[287] Свод замечаний и предложений о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 2.
[288] Там же. С. 61.

функционирования высшей инстанции лишь в столице огромной империи, преодоления значительного расстояния и т.д. Но, с другой стороны, невозможность существования кассационных департаментов Сената или их «филиалов» в судебных округах или крупных городах объяснялась обеспечением единообразия сенатской кассационной практики. Нельзя было допустить «растягивания» кассации по разным уголкам империи.

Достаточно дискуссионной стала норма о назначении сенаторов и первоприсутствующего императором. Предлагалось: сенаторов – назначать, а первоприсутствующего – избирать из числа сенаторов[289].

Почти все сенаторы, занятые в системе отправления правосудия, высказали своем мнение по вопросу формирования кадрового состава кассационных департаментов Сената. Сенаторы единогласно выступили на сохранение назначения на должности императорским указом. Сенатор М.П. Щербинин отмечал: «Значение правительствующего Сената при нынешней судебной реформе вводиться в степень действительного верховного судебного установления, над коим не может быть иной власти, кроме Императорского Величества»[290]. Самодержавный характер власти российского государства диктовал свои особенности в организации судебной власти. С одной стороны, судебная власть отделялась от административной, но с другой – замыкалась на самодержавном монархе. Важно отметить, что назначение судей в том числе и высших судов, главой государства являлось обыкновенной практикой многих европейских государств. Часто такое назначение проходило через согласительные процедуры в законодательном органе. У авторов уставов была попытка предложить подобный механизм. В первоначальном проекте о назначении сенаторов была предусмотрена возможность общему собранию кассационных департаментов при открытии вакансии рекомендовать кандидатуры для назначения императором через министра юстиции[291]. Обсуждая такую норму сенатор А.Ф. Веймар заметил: «Если сенаторы и

[289] Там же. С. 62.
[290] РГИА. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4202 (ч. 4) «О». Л. 70.
[291] Основные положения о преобразовании судебной части в России. Ст. 178-179.

первоприсутствующий назначаются непосредственно императором, то неуместно посредничество Общего собрания в избрании и представлении от себя кандидатов на эти места, чтобы не затрагивать самолюбие не утверждением предлагаемых кандидатур»[292]. Сенаторы полагали, что назначение лично императором добавляет авторитета и статусного веса как отдельным лицам, так и Сенату в целом. С этим же убеждением было связано недопущение возможности отчета перед министром юстиции, как было установлено первоначальной редакцией Основных положений. В итоге сенаторы согласились на «промежуточный вариант» об отчетности напрямую императору, но с предоставлением копии отчета министру юстиции для формирования им собственного отчета[293].

Также в окончательной редакции Судебных уставов было зафиксировано о назначении сенаторов и первоприсутствующих высочайшими именными указами «по непосредственному усмотрению императорского величества».

Другая грань вопроса о формировании кадрового состава Сената заключалась в повышении квалификационных требований, которые новые правила предусматривали для занятия судейских должностей. Так, обязательным становилось не только высшее юридическое образование, но и специальный стаж работы, которые можно было заменить, сдав экзамен, что, как предполагалось, станет гарантией профпригодности кандидата к судебной деятельности. Сенаторы призывали первоначально снизить установленные требования и не подвергать действующих работников судебной системы экзамену, чтобы не дестабилизировать работу на стадии перехода к новым уставам[294]. На первый план вышла проблема обеспеченности профессиональными юристами новых институтов судебной системы. Так, нужно было сразу одновременно найти 8 сенаторов, 50 председателей судов и их товарищей, 144 членов палат и окружных судов, 192 судебных следователей, 123 чинов прокурорского надзора, а также полностью подобрать

[292] РГИА. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4202 (ч. 4) «О». Л. 72 об.
[293] РГИА. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4202 (ч. 4) «О». Л. 70 об
[294] РГИА. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4202 (ч. 4) «О». Л. 72 об.

кадры для впервые созданного института присяжных поверенных. Кроме образовательного ценза к сенаторам также предлагалось применить ценз опытности. Должность сенатора кассационного департамента могли занять лица, не менее трех лет находившиеся в должности обер-прокурора или товарища обер-прокурора, председателя, члена или прокурора судебной палаты[295].

При таких завышенных требованиях существовала опасность не сформировать кадровый состав высшей судебной (и не только высшей) инстанции. К тому же действующие сенаторы, которые не соответствовали данным требованиям, стремились остаться в Сенате, аргументируя свою квалификацию большим профессиональным опытом.

Итак, «Основные положения» развили идею предыдущих проектов о необходимости реформирования Сената в русле верховного кассационного суда. В проекте «Основных положений» были четко обозначены задачи Сената в этом качестве. Так, Сенат не должен выступать апелляционной инстанцией к нижестоящим судам и не должен разбирать дела по существу, «на неправильное уразумение обстоятельств дела и доказательств». Данную функцию предполагалось закрепить за судебными палатами. Пересмотр дел в Сенате был возможен в случае серьезных нарушений процессуального права и неправильного применения нормы права. Таким образом, Сенат сосредоточит в своих руках наблюдение за правильным и единообразным применением законов, то есть, функции кассационной инстанции.

Определение статуса Сената в качестве высшего кассационного суда шло достаточно сложно прежде всего из-за боязни самих представителей системы правосудия, в том числе сенаторов, исключить возможность рассмотрения дела по существу или в апелляционном порядке в высшей инстанции. Основные опасения были связаны с недостаточным профессиональным уровнем будущих судей: «потому нельзя не сосредоточить в Сенате ревизии по существу дела, доходящих до него апелляционным порядком из судебных инстанций, где

[295] УСУ. Ст. 208.

невозможно и предположить высокое юридическое образование в производителях», – писал сенатор А.М. Безобразов в своих замечаниях на проект[296].

Раскол во мнениях относительно основного вопроса – статуса Сената – четко прослеживался при обсуждении этого положения в Государственном совете. Ряд членов Государственного Совета – граф В.Н. Панин, Бахтин и Гофман – отстаивали точку зрения о недостаточности только кассационных функций за Сенатом. Они предлагали наделить Сенат правом выступать апелляционной инстанцией по отношению к судебным палатам. Министр юстиции В.Н. Панин выступил с предложением, схожим с предложениями предыдущих проектов: наделить Сенат функциями верховного суда, которые включали в себя и рассмотрение дел по существу, и рассмотрение дел в кассационном порядке. Для этого министр предлагал оставить «старые» (судебные) департаменты Сената и учредить кассационный. Обосновывали они свою точку зрения тем, что в Сенате были сосредоточены наиболее профессиональные судьи, имеющие и юридическое образование, и большой опыт судебной деятельности, который будет применен для исправления ошибок нижестоящих инстанций. Поскольку вопрос о формировании судейского корпуса вновь созданных учреждений являлся одним из самых острых, то уровень квалификации судей нижестоящих инстанций мог быть крайне низким и, как следствие, порождать судейские ошибки. По мнению чиновников, Сенат должен был выполнять функцию по фактическому пересмотру решений.

«Другой лагерь» представляли собственно авторы Основных положений, настаивая на том, чтобы Сенат являлся исключительно кассационной инстанцией, без функции рассмотрения дел по существу. Один из сторонников данной точки зрения князь П.П. Гагарин читал «Объяснения Сардинского министра», в которых содержались аргументы об учреждении верховного суда исключительно с кассационным функциями. Сторонники данной концепции опирались на то, что это доказано мировой практикой и повышает

[296] РГИА. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4202 (ч. 4) «О». Л. 66 об.

эффективность правосудия[297].

Как позже вспоминали участники обсуждения, доводов в пользу исключительно кассационного характера верховного суда оказалось больше, что позволяло реорганизовать гражданские и уголовные департаменты Правительствующего Сената в «департаменты кассационные», придавая им статус Верховного кассационного суда. Интересны доводы в этой связи: «До настоящего времени правительство не могло предпринять мер к замещению всех судебных должностей лицами, к званию судей приготовленными, с одной стороны, потому что лица со специальным юридическим образованием встречались редко, с другой – потому что прежние практики, заменявшие юридическое образование судебной рутиною, не имели таких качеств, чтобы им можно было вверить самостоятельные и важные должности не только высших, но и даже низших судей»[298].

При голосовании в Государственном Совете победила точка зрения о наделении Сената исключительно кассационными полномочиями, но консенсуса не было достигнуто. Князь П.П. Гагарин написал в своем дневнике: «Придти к единогласию невозможно. … Нужно решение императора»[299].

Гражданское судопроизводство. Анализируя проект Устава гражданского судопроизводства в части организации верховного правосудия, важно остановиться на нескольких ключевых для всей судебной власти моментах. Основными сюжетами, которые подвергались реформированию в сфере гражданского судопроизводства, были необходимость отделения судебной власти от административной (исполнительной); важность сокращения количества судебных инстанций до двух; наделение верховного суда кассационными полномочиями, без возможности самостоятельного пересмотра дела.

Причинами такого кардинального реформирования были следующие: в

[297] Коротких, М.Г. Обсуждения и принятие «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 года // Буржуазные реформы в России во второй половине XIX века / под ред. М.Г. Коротких. Воронеж, 1988. С. 45-46.
[298] Там же.
[299] Там же.

дореформенный период основные претензии к системе правосудия состояли в длительном характере судебного разбирательства, который, не в последнюю очередь, увязывали с существованием множества инстанций. Этим же руководствовались при решении вопроса о полномочиях высшей судебной инстанции: предполагалось увеличить статусный вес судов нижестоящих инстанций перед инстанцией верховной, наделив правом окончательного решения по большинству дел апелляционный суд. Со временем действующий порядок должен был, по мысли законодателя, привести к фактическому разрешению дел в суде первой инстанции, что в конечном итоге значительно сокращало время и издержки на судебные тяжбы и подняло бы авторитет суда первой инстанции.

Из этого положения вытекало следующее: поскольку апелляции будут подвержены не все решения, то нет необходимости в большом количестве судов апелляционной инстанции, их можно будет создать один на несколько губерний, при этом привлечь к их работе наиболее подготовленных судей. Апелляция была предусмотрена на решения окружных судов в судебные палаты. «Судебная палата решает дела окончательно… на все решения окружного суда по делам, в оном возникшем, допускается апелляция…»[300]. В то же время предлагалось полностью отменить порядок апелляционного обжалования в департаментах Сената и в Общем собрании Сената. По поводу последней нормы сохранялась также точка зрения, характерная для предыдущего этапа подготовки судебной реформы, о распространении апелляции на департаменты Сената и закрепление функций кассации только за Общим собранием.

Кроме апелляции составители устава гражданского судопроизводства предполагали создание кассационной инстанции, за которой закрепляли статус верховного суда империи. При этом функций высшей судебной инстанции предлагалось лишить Государственный Совет, что было связано с обособлением судебной власти в самостоятельную ветвь. Сенат же приобретал статус

[300] Свод замечаний и предложений о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 262.

кассационного суда, который не разрешал дела по существу, а ограничивался отменой судебного решения и возвращения в нижестоящую инстанцию. Именно такой порядок являлся одной из ключевых новелл проектов преобразований. У составителей Судебных уставов было два возможных варианта организации верховного правосудия: дать право Сенату после отмены решения нижестоящей инстанции, выносить решение самому или возвращать его по иерархии в тот же (а иногда и другой аналогичный) суд для принятия решения по существу. Победила вторая позиция, поскольку она была продиктована стремлением повысить статус низовых судов, лишить верховный суд роли обязательной судебной инстанции и сократить количество инстанций (в концепции – до двух).

Предполагалось установить возможность кассационного обжалования в случаях: искажения смысла примененного закона, нарушения порядка судопроизводства, по вновь открывшимся обстоятельствам и по просьбе лиц, не участвующих в деле, но чьи права были нарушены. В кассационном порядке также предусматривалось отмена решений судебных палат, по которым не разрешалась апелляция. Решения в Сенате должны были приниматься коллегиально, после заключения обер-прокурора. Интересной также представляется формулировка проекта устава гражданского судопроизводства об обязательной и окончательной силе решений Сената: «Последствием отмены решения кассационными департаментами Сената должно быть обращение дела по существу спора решено, но уже не в том суде, коего приговор признан недействительным, а в другом, равной степени, который обязан в изъяснении точного разума закона подчиниться суждениям кассационных департаментов. Жалобы против постановленного на сем основании вторым судом решения ни в каком случае не допускаются»[301]. Предлагалось также учредить строгие правила, обеспечивающие точное исполнение судами кассационных решений Сената. Но в окончательный вариант устава гражданского судопроизводства такие формулировки не попали.

[301] Свод замечаний и предложений о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 267.

Уголовное судопроизводство. Анализ проектов реформирования уголовного судопроизводства применительно к нашей теме тесно связан с рассмотрением вопроса порядка и возможности обжалования приговоров и участия в этом процессе верховного суда. Важно отметить, что для уголовного судопроизводства сохранилась тенденция первого этапа разработки судебной реформы – сокращение количества инстанций и максимальное признание решений судов нижестоящих инстанций окончательными. Основные положения предусматривали, что все решения, кроме вынесенных с участием присяжных заседателей, возможно обжаловать в вышестоящую инстанцию. Приговоры второй инстанции считались окончательными. Сенат должен был рассматривать окончательные уголовные приговоры по просьбе осужденного, потерпевшего или прокурора. Поводы к отмене решений Сенатом были следующие: нарушение процессуального порядка рассмотрения дела, неправильное применение или толкование закона, вновь открывшиеся обстоятельства, «обнаруживающие невиновность осужденного или подложность доказательств, на которых основан приговор»[302]. Важно, что кассационные жалобы должны были подаваться в тот суд, приговор которого обжалуется в двухнедельный срок, а по вновь открывшимся обстоятельствам – без срока давности, даже в случае смерти осужденного.

В Сенате жалоба поручается одному из сенаторов, который готовит заключение на нее, согласует с обер-прокурором, а окончательное решение принимается коллегиально в уголовном кассационном департаменте.

Далее Основные положения предлагают еще одну, по сути процессуально-революционную, норму, предусматривающую не самостоятельное постановление приговора Сенатом, после отмены приговора, а передачу дела даже в не в тот же суд, который вынес приговор, а в другой – «равной степени»[303].

---

[302] Свод замечаний и предложений о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 198.

[303] Свод замечаний и предложений о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 200.

Вводя такие прогрессивные меры, законодатель должен был сразу предусмотреть количество дел, которые будут переданы в Сенат как в высшую кассационную инстанцию. Надо сказать, что прогнозы у авторов проекта в этом отношении были оптимистичные: «необходимость отмены окончательных уголовных приговоров, по поводу нарушения законов, будет встречаться не часто при хорошей организации суда»[304]. При анализе этой нормы звучали предложения о передаче дела в случае отмены приговора в судебную палату, если решение постановил окружной суд, и выносить приговор окончательно в самом Сенате, если дело пришло из судебной палаты. Среди других предложений было передавать дело в тот же суд и, наконец, разрешать дело по существу в самом Сенате.

Сенатор А.М. Безобразов в этом отношении отмечал, что при последовательной реализации данной нормы могут возникнуть проблемы с доступом к правосудию. Он прогнозировал сложности, связанные с нормальным движением дел: огромная территория России, по которой будет двигаться судебное дело, «из Палаты в Палату, где назначено будет постановлять второе решение, а из сих последних обратно, туда, где дела первоначально производились и должны быть исполняемы»[305].

Подобный вопрос возникал в работе над уставом гражданского судопроизводства, однако в уголовном процессе его разрешение требовало особой тщательности и взвешенности, поскольку затрагивало права, свободу и саму жизнь участников процесса. Как уже было отмечено выше, победила точка зрения, наделяющая Сенат исключительно кассационными полномочиями, так называемой «чистой кассацией». Отсюда кассированный приговор поступал в судебную палату. Такой порядок должен был также способствовать единообразному применению судебной практики, формируемой Сенатом. Кроме того, Основные положения предусматривали обязательное опубликование решений кассационных департаментов Сената «для руководства к

[304] Свод замечаний и предложений о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 199.
[305] РГИА. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4202 (ч. 4) «О». Л. 66 об.

единообразному истолкованию и применению законов»[306].

Проанализировав законопроектную работу Канцелярии Государственного Совета, которая шла по нескольким направлениям, в отношении организации верховного правосудия можно сделать несколько выводов. Несмотря на работу в разных подкомиссиях, в вопросе количества инстанций авторы Судебных уставов были в основном единодушны. Предполагалось учредить две судебные инстанции. Основные разногласия возникали по поводу самих инстанций, а также полномочий высшей судебной инстанции. Важным фактором построения новой судебной системы должно было стать усиление централизованной судебной вертикали. В этом отношении предполагалось сохранить Сенат как высший судебный орган с схожими полномочиями – по обеспечению единообразного применения законов всеми судами империи, а также обеспечить последовательное прохождение дела по двум инстанциям, не допуская появления промежуточных.

Но если в вопросе количества инстанций и единой кассационной верховной инстанции в работе комиссий Государственного Совета удалось достигнуть компромисса, то наиболее сложным и до конца не разрешенным оставался вопрос о сущности высшей кассационной инстанции в лице Сената. Если строго проводить в жизнь французскую модель организации верховного правосудия, то ее основной целью служит достижение правосудного, справедливого решения. Именно поэтому в верховный суд допускаются почти все дела из нижестоящих инстанций, соответствующие формальным требованиям. Верховный суд занимается исправлением ошибок нижестоящих судов и восстановлением нарушенных прав граждан. При последовательной реализации этой модели судебная практика формирует долго, а обеспечения единообразия правоприменения рассматривается как второстепенная цель. К такой организации Сената и судебного процесса призывали члены комиссии, занимающиеся составлением устава гражданского судопроизводства во главе с

[306] Свод замечаний и предложений о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 201.

С.И. Зарудным. Ему оппонировал Н.А. Буцковский, глава Комиссии по составлению устава уголовного судопроизводства. Он стоял на позициях олицетворения верховного суда как важнейшего механизма в обеспечении единообразии судебной практики. Уже позже профессор И.Я Фойницкий, член уголовного кассационного департамента Сената, даст наименование двух миссий верховных судов. Так, деятельность, направленная на обеспечение единообразия судебной практики, стала именоваться «судебно-политической», а функции, связанная с восстановлением нарушенных прав, – «судебно-практической»[307]. В ходе подготовки реформы ее авторы попытались соединить обе модели. Из французской кассации были заимствованы процедуры «сплошной кассации», «чистой кассации», однако смещение акцентов в сторону обеспечения единообразия и силы сенатских решений надолго (фактически до конца эпохи) оставалось предметом дискуссий и преобразований[308].

После завершения рассмотрения «Основных положений» в Государственном Совете 29 сентября 1862 года они были утверждены Александром II, а впоследствии опубликованы в печати для всеобщего ознакомления. К осени 1863 года были составлены и переданы на заключение во Второе отделение с.е.и.в. канцелярии и Министерство юстиции проекты Учреждения судебных установлений, Устава гражданского судопроизводства, Устава уголовного судопроизводства и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В ходе их окончательного рассмотрения не претерпела существенных изменений предлагаемая организация системы верховного правосудия. 20 ноября 1864 года Судебные уставы были утверждены императором и приобрели статус закона.

[307] Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. СПб., 1910. С. 520.
[308] РГИА. Ф. 1405. Оп 515. Д. 378. Л. 13.

§ 3.2. Кассационные департаменты Правительствующего Сената как высшая судебная инстанция: структура, полномочия, компетенция

Нововведения, предусмотренные Судебными уставами 1864 года, вводились на территории Российской империи постепенно. Как показало время, данный процесс был растянут на всю вторую половину XIX века. При этом, как заметил один из современников реформы, новые судебные учреждения «как бы клином входят в старую организацию провинции»[309]. Такой формат реализации судебных уставов отразился и на структуре Сената. Положение о введении в действие Судебных уставов предусматривало постепенное сокращение судебных департаментов Сената по мере распространения на территории империи судебной реформы[310]. К 1864 году Сенат состоял из 12 департаментов: первого (административного); судебных апелляционных – второго, третьего, четвертого, седьмого, восьмого; пятого и шестого уголовных департаментов; девятого и десятого варшавских и департаментов межевого и герольдии. Кроме этого, в составе Сената действовали Общее собрание московских департаментов, Общее собрание первого, второго, третьего и департамента герольдии, Общее собрание четвертого, пятого и департамента межевого, а также Общее собрание варшавских департаментов.

Судебные департаменты Сената «старого образца» по мере сокращения поступающих в них дел и распространением на новые территории государства Судебных уставов ликвидировались. Второй департамент прекратил свое существование в 1877 году, третий – в 1888 году, четвертый и пятый в 1898 году были объединены в один судебный департамент[311], шестой и седьмой были упразднены в 1871 году[312], восьмой – в 1870[313], варшавские департаменты – в

---

[309] Блинов, И. Судебная реформа 20 ноября 1864 г. Историко-юридический очерк. Пг., 1914. С. 147.
[310] Высочайше утвержденное положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года от 19 октября 1865 г. // ПСЗ-II. Т. 40. № 42587. П. 55.
[311] ПСЗ-III. Т. XVIII. № 15493.
[312] ПСЗ-II. Т. XLVI. № 50144.
[313] ПСЗ-II. Т. XLV. № 48079.

1875 году с учреждением Варшавской судебной палаты[314]. Ликвидация судебных департаментов происходила с принятием соответствующего нормативного акта тогда, когда количество дел в них сокращалось, при этом обязательно устанавливался срок завершения рассмотрения дел.

16 апреля 1866 года в составе Сената создаются два кассационных департамента (гражданский и уголовный). Вместе с ними было создано Общее собрание кассационных департаментов[315]. Исследователь Д.В. Соколов отмечает, что необходимая работа по организационному и кадровому формированию кассационных департаментов и Общего собрания была проведена заранее и закон лишь фиксировал проделанную работу, поскольку предписывал завершить этот процесс к следующему дню – 17 апреля 1866 года[316]. Данный указ также утверждал кадровый состав первых кассационных департаментов и их Общего собрания.

На протяжении второй половины XIX – начала XX века структура Сената как высшей судебной инстанции не была статичной и постоянно видоизменялась. В составе Сената, кроме кассационных департаментов и Общего собрания, действовали иные структурные подразделения, выполняющие функции, типичные для судов высшего уровня. Так, в составе Сената также действовали:

- Общее собрание кассационных департаментов,
- Общее собрание первого и кассационных департаментов,
- Общее собрание первого, второго и кассационных департаментов,
- Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов,
- Соединенное присутствие первого и гражданского кассационного департаментов,

[314] Именной, данный Сенату от 19 февраля 1875 г. «О введении в действие Судебных уставов от 20 ноября 1864 года в Царстве Польском» // ПСЗ-II. Т. L. № 54401.
[315] Сенатский по высочайшему повелению от 16 апреля 1866 г. «Об открытии кассационных уголовного и гражданского департаментов Правительствующего Сената и Общего собрания сих департаментов» // ПСЗ-II. Т. XLI. № 43198.
[316] Соколов, Д.В. Эволюция структуры и функций Правительствующего Сената в Российской империи (1711-1917 гг.). М., 2020. С. 67-68.

- Соединенное присутствие первого и уголовного кассационного департаментов,
- Соединенные присутствия первого и гражданского или уголовного кассационного департаментов в особом составе,
- Соединенное присутствие второго и гражданского или уголовного кассационного департаментов,
- Особое присутствие,
- Высшее дисциплинарное присутствие.

Кратко охарактеризуем юрисдикцию каждого из названных подразделений.

Общее собрание Кассационных департаментов занималось разрешением споров о подсудности по уголовным делам между гражданскими, военным и духовными судами, выполняло роль кассационной инстанции на приговоры Особого присутствия Сената по делам о государственных преступлениях, разбирало протесты на решения кассационных департаментов по преступлениям должности, обсуждало по представлению министра юстиции вопросов, которые вызывали затруднения правоприменения в судах нижестоящих инстанций.

Общее собрание первого и кассационных департаментов было призвано окончательно разрешать споры между судебными и иными органами власти, разбирать апелляционные жалобы на решения Соединенного присутствия первого и гражданского кассационного департамента по делам о взыскании средств за вред, причиненный должностными лицами. В полномочия Общего собрания первого и кассационных департаментов также входило обсуждение по предложению министра юстиции вопросов, вызывающих затруднения правоприменения в судах нижестоящих инстанций, по созыву первоприсутствующего в Общем собрании кассационных департаментов по вопросам, заслуживающим, по его мнению, внимания.

Общее собрание первого, второго и кассационных департаментов предполагало участие сенаторов второго департамента в Общем собрании

первого и кассационных департаментов по мере необходимости. Однако круг рассматриваемых вопросов не был установлен законом.

Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов осуществляло функции судебного надзора за всеми судебными установлениями империи, созданными в ходе реформы 1864 года[317].

Соединенное присутствие первого и гражданского кассационного департаментов создано для разрешения дел по первой инстанции дел о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные действия высших должностных лиц.

Соединенное присутствие первого и уголовного кассационного департаментов разбирало споры между администрациями и прокурорами о придании суду лиц, обвиненных в преступлениях по должности.

Соединенные присутствия первого и гражданского или уголовного кассационного департаментов в особом составе по предложению министра юстиции пересматривало решения губернских присутствий по основаниям неправильно примененной нормы права для установления целей единообразия правоприменительной практики, а также действовало для разрешения вопросов о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам по делам, по которым уже вступил в законную силу приговор земского начальника, городского судьи или уездного съезда.

Предметы ведения Соединенного присутствия второго и гражданского или уголовного кассационного департаментов также не были установлены в законе. В статье 1172 Учреждений судебных установлений предполагалось участие сенаторов второго департамента в заседаниях Соединенного присутствия кассационных департаментов по вопросам, касающихся его деятельности.

Особое присутствие Сената создавалось в 1872 году для разрешения по Высочайшему повелению дел о государственных преступлениях и

[317] См., например: РГИА. Ф.1354. Оп. 7. Д .69. Л. 2-47.

противозаконных обществах[318]. По словам исследователя К.П. Краковского, поводом к созданию отдельного института политической юстиции было недовольство верховной властью судебным разбирательством дела «нечаевцев», который проходил по подсудности в Санкт-Петербургской судебной палате[319]. Ни судебное следствие, ни приговор не устроили представителей власти, и по предложению К.И. Палена было решено передать политические дела в Сенат. Отметим, что появление такого структурного подразделения в высшем суде империи противоречило той модели верховного правосудия, которая была заложена Судебными уставами 1864 года. Исключительно кассационный характер верховного суда оказался утрачен. Теперь Сенат мог разбирать особую категорию дел по первой инстанции. Кассационной инстанцией к таким решениям выступало Общее собрание кассационных департаментов, которое в случае обнаружения несоответствия закону могло само постановить решение, не возвращая его в Особое присутствие. Таким образом, по данной категории дел утрачивалась и «чистая кассация», ревностно охраняемая законодателем для общей и мировой юстиции.

Особое присутствие состояло из первоприсутствующего и пяти сенаторов, которые назначались императором. Назначение в Особое присутствие получали наиболее верные режиму сенаторы, консервативных взглядов, часто из числа членов уголовного кассационного департамента.

В 1878 году сфера государственной политической юстиции вновь перешла к судебным палатам[320], но при этом, Особое присутствие упразднено не было. По воле императора дела, связанные с государственными преступлениями, в качестве альтернативной подсудности военным судам или судебным палатам могли быть рассмотрены Особым присутствием. В 1874 году Особое присутствие Сената рассмотрело свое первое дело (дело «долгушенцев»), а

---

[318] Высочайше утвержденная новая редакция раздела второго книги третьей Устава уголовного судопроизводства, статей 1030-1061 о судопроизводстве по государственным преступлениям от 7 июня 1872 года // ПСЗ-II. Т. XLVII. № 50956.

[319] Краковский, К.П. «Щегловитовская юстиция» в России. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 6-9.

[320] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям» от 9 мая 1878 года // ПСЗ-II. Т. LIII. № 58488.

последнее было разрешено в 1912 году – дело армянской партии «Дашнакцутюн»[321]. Также в 1878 году был изменен порядок обжалования дел о государственных преступлениях, после передачи соответствующей подсудности судебным палатам. Так, приговоры судебных палат, вынесенные без участия сословных представителей, могли быть обжалованы посредством апелляции, приговоры, вынесенные с участием сословных представителей, подлежали кассационному обжалованию. Обе процедуры по данной категории дел должны были рассматриваться в Уголовном кассационном департаменте Сената. В случае отмены решения палаты в кассации дело подлежало возврату в другую судебную палату[322].

Высшее дисциплинарное присутствие, созданное указом от 20 мая 1885 года[323], было призвано разрешать дисциплинарные дела лиц судебного ведомства.

Достаточно продолжительный период существования данных структурных подразделений Сената выявил проблемы в их функционировании. Призванные обеспечить разрешение споров между различными ведомствами, они часто еще более усугубляли порядок движения дел, порождая почти дореформенный эффект искусственной множественности инстанций. Подробно разбиравшая ситуацию со структурой Сената (и замедленным движением в нем дел) комиссия, созданная для пересмотра Судебных уставов 1864 года, справедливо заявила о целесообразности оставить только Общее собрание кассационных департаментов, первого и кассационных, второго и кассационных департаментов, поскольку их предметы ведения четко определены законом. Весь судебный надзор должен, по мнению комиссии, перейти в ведение первого и

---

[321] См.: См. подробнее: История суда и правосудия в России в 9 т. Т. 5. Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года) / К.П. Краковский, З.В. Соломко / отв. ред. В.М. Сырых. М.: Норма, 2020. С. 183.

[322] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях» от 9 мая 1878 года // ПСЗ-II. Т. LIII. № 58489.

[323] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке издания Общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» от 20 мая 1885 года // ПСЗ-III. Т. V. № 2959.

кассационных департаментов, а значит, в сохранении дисциплинарного присутствия не было бы необходимости.

Попытаемся сгруппировать систему функций, которая была закреплена за Сенатом и его подразделениями как органом верховного правосудия.

Как уже отмечалось выше, первоначально Кассационный Сенат не должен был выступать судом первой инстанции. Так, в Учреждении судебных установлений говорилось, что Сенат «в качестве верховного кассационного суда, не решая дела по существу в общем порядке судопроизводства, наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями империи»[324].

Все судебные полномочия кассационных департаментов Сената можно сгруппировать следующим образом.

В первую группу входят полномочия по рассмотрению дел по первой инстанции в судебном присутствии. К данной категории было отнесено (первоначально) небольшое количество дел – преступления по должности чиновников выше V класса Табели о рангах, а также председателей, членов и прокуроров судебных палат, их заместителей. Такие дела рассматривались в судебном присутствии уголовного кассационного департамента Сената[325]. Решения по данной категории дел могли быть обжалованы в Общее собрание кассационных департаментов.

Вторая группа полномочий Сената состояла в рассмотрении дел в качестве апелляционной инстанции. К данной категории относились апелляционные отзывы и протесты на приговоры судебных палат, вынесенные без сословных представителей, а также приговоры уголовного кассационного департамента, вынесенные в судебном присутствии в качестве суда первой инстанции без сословных представителей[326].

---

[324] Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. III. СПб., 1867. Ст. 5.
[325] УУС. Ст. 1075
[326] УУС. Ст. 1058-1059.

Третий набор полномочий Сената состоял в том, что ему принадлежало право надзора за всеми судебными установлениями и должностными лицами судебных ведомств. Из-под надзора Сената были выведены лишь дореформенные суды и лица прокурорского надзора, на которых распространялась дисциплинарная власть министра юстиции как генерал-прокурора.

Четвертая группа полномочий заключалась в рассмотрении дел по кассационным жалобам и протестам. Учреждение в России единой судебной инстанции должно было отвечать цели единообразного применения закона. Реализуя указанную цель, реформаторы пошли по пути учреждения института кассации, который являлся нововведением лишь по форме, но не по содержанию: до судебной реформы 1864 года имели место его аналоги[327]. Кассация представляла собой процессуальный механизм устранения судебных ошибок путем проверки законности судебного акта без установления новых обстоятельств дела. В результате, помимо достижения общей цели правосудия – защиты нарушенного права, – обеспечивалось установление единообразной судебной практики.

Уже на стадии обсуждения законодательных новелл, относящихся к организации и функционированию кассационных департаментов, была отвергнута идея о разделении кассационных полномочий между Сенатом и судебными палатами. С одной стороны, авторы реформ четко понимали, что Сенат может столкнуться с большим количеством жалоб со всех судебных инстанций в стране, что будет сильно затягивать производство и отсрочивать принятие решений. Но, с другой стороны, доверить кассацию судебным палатам, даже ограничив ее решениями окружных судов или съездов мировых судей,

[327] О дореформенных аналогах института кассации см. подробнее: Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: В 2 т. Т. I: Устав гражданского судопроизводства. М., 2014. С. 367; Захаров В.В. Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их практической реализации. М., 2010. С. 153-221; Нефедьев, Е.А. Основные начала гражданского судопроизводства. Казань, 1895. С. 11.

означало бы допустить существование различных подходов к толкованию закона[328].

В результате функции кассации и наблюдения за единообразным применением законов в общих и мировых судах всей страны были возложены на созданные в составе Сената гражданский и уголовный кассационные департаменты. Департаменты объявлялись высшей судебной инстанцией, решения которой не подлежали обжалованию.

И, наконец, пятую группу полномочий Сената как высшей кассационной инстанции можно назвать функцию разъяснения законов.

Рассматривая полномочия кассационных департаментов Сената после судебной реформы 1864 года, непременно следует обратиться к правоинтерпретационной или возможной правотворческой функции высшей судебной инстанции России.

В предшествующие периоды судебные органы имели право лишь буквального толкования закона, без возможности его интерпретации. При неясности применения закона судебные инстанции должны были обращаться в Сенат или в другой орган высшего управления, которые выступали в качестве последнего звена, подтверждающего неясность или пробельность нормы права. После судебной реформы 1864 года и введения института кассации правоитерпритация или толкование становятся обязательной функцией Сената. Важно отметить, что в период с 1864 по 1917 годы Сенат вытесняет из сферы верховного правосудия другие органы. Отдельные полномочия продолжали оставаться за Государственным советом, Комитетом министров и монархом, однако Сенат имел широту полномочий верховного суда империи: кассационный порядок пересмотра судебных решений, толкование закона стали его основными функциями.

Наделяя Сенат новыми полномочиями, требующими иной подготовки и специальных знаний и навыков от исполнителей, законодатель ставит более жесткие условия к отбору персонального состава сенаторов. Так, кадровый

[328] История Правительствующего Сената за 200 лет Т. IV. СПб., 1911. С. 17-18.

состав кассационных департаментов Сената формировался на основе провозглашенного Судебными уставами принципа профессионализма. Так, сенаторы должны были иметь юридическое образование, которое в ряде случаев могло быть заменено выслугой лет в судебных учреждениях. Кроме того, к сенаторам предъявлялся ценз опытности. Должность сенатора кассационного департамента могли занять лица, не менее трех лет находившиеся в должности обер-прокурора или товарища обер-прокурора, председателя, члена или прокурора судебной палаты[329]. Высокие квалификационные требования к сенатским должностям объясняются важностью и сложностью возлагаемых на них функций, важнейшей из которых являлось обеспечение единообразной практики, которую предполагалось проводить посредством предоставления правоинтерпретационных полномочий.

Кассация служила для отмены решений, нарушавших законы; от ревизионного производства кассация отличалась тем, что распространялась только на окончательные решения, и имела место, за редким исключением (так называемой кассации «в интересе закона»), только по инициативе сторон. Также закон различали кассацию и пересмотр решений, который был возможен при обнаружении или новых фактических обстоятельств, или нарушений закона, совершенных судом по недосмотру[330].

Основаниями кассации были неправильное применение и толкование закона, нарушение процессуальных форм производства, превышение пределов власти судебного ведомства[331]. Указанные поводы для кассации появились еще в первых редакциях проектов Судебных уставов и при последующих спорах не вызывали принципиальных возражений, почти без изменений перейдя в уставы гражданского и уголовного судопроизводств[332].

---

[329] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1914. Ч. III. Ст. 208.
[330] Там же. Ст. 792.
[331] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1914. Ч. I. Ст. 793, Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1914. Ч. II. Ст. 912.
[332] Замечания министра юстиции, сенаторов и обер-прокуроров на проекты Уставов судопроизводства и судоустройства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 59; Замечания сенаторов и обер-прокуроров на проект Устава гражданского судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 59.

Авторы Судебных уставов взяли за основу модель кассационного суда, существовавшего в тот период во Франции[333]. Краеугольным камнем этой модели является признание за кассационным судом роли верховного трибунала, отвечающего за правильное применение и толкование законов другими судебными инстанциями. Еще одной особенностью французской модели организации кассационного производства является возможность обжалования большинства решений нижестоящих судов. В результате в среде самих авторов уставов, а также представителей профессионального сообщества были сформулированы «опасения» по поводу четкого проведения в жизнь французского образца кассационного суда. Большинство из них проистекают от анализа успешного функционирования другого варианта организации верховного правосудия, антипода французского – английского. Критике в основном подвергался постулат о широком круге дел, подлежащих обжалованию в кассационном порядке. Причем, каждое дело сначала проходило все судебные инстанции, а затем, в случае положительного решения кассации, вновь возвращалось соответствующему суду. Такая длительная по времени процедура не могла устроить спорящие стороны. Другим аргументом сторонников английского варианта являлось признание того, что при «повальной» (сплошной) кассации потенциально можно спровоцировать «деградацию» низших судебных инстанций. Судьям нижестоящих судов будет не обязательно использовать свои профессиональные знания, проявлять дальновидность и использовать анализ при принятии решения, достаточно будет просто следовать образцам, заданным верховным судом. Кроме того, судьи будут в меньшей степени нести ответственность за свои решения, поскольку правильный вариант только один и он продиктован мнением судей кассационного суда.

Высказанные доводы звучали достаточно логично и справедливо. Но реалии второй половине XIX века были таковы, что без единой судебной

---

[333] См. подробнее: Сергеевич, В.И. Мнение Цинка в пользу кассационного суда (к вопросу о кассационном суде) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CXXI. 1864. С. 41-50.

инстанции в условиях отсутствия должного количества профессиональных судей, низкого уровня правовой грамотности населения обойтись было невозможно. Существование такой модели в Англии было обусловлено, во-первых, принадлежностью к прецедентной системе права, то есть, изначальным делегированием судам правотворческих функций, во-вторых, апробированного в течение нескольких столетий механизмом подготовки и формирования судейского корпуса, способного осуществлять столь сложную функцию на высоком профессиональном уровне[334].

Достаточно красноречиво о выборе в пользу французской модели говорил один из публицистов перед судебной реформой: «… учреждение кассационного суда в смысле верховного трибунала, наблюдающего за единообразным, правильным применением законов, представляет столько хороших сторон, что на дурных едва ли стоит серьезно останавливаться»[335]. Иными словами, кассационный суд, важнейшей целью которого стало обеспечение единства судебной практики, был единственно возможным вариантом в тот период времени.

Также были противники именно кассационной процедуры пересмотра решений с тем, чтобы сохранить истинно русский порядок – пересмотр дела по существу в апелляции. Подобную точку зрения высказывал К.П. Победоносцев, критикуя идею кассационного верховного суда.[336]

Однако определенные зачатки кассационной процедуры, какой она была введена в 1864 году, существовали в России ранее. Несмотря на то что дореформенным судам по общему правилу запрещалось выходить за рамки буквального толкования норм закона, который считался единственным источником права, а судья являлся лишь его исполнителем, последний в случае сомнений мог обращаться за разъяснениями в вышестоящую инстанцию,

---

[334] Подробнее о формировании корпуса юристов в Англии см.: Захаров, В.В., Ильина, Т.Н. Юридическое образование в Англии: традиции и перспективы развития // Auditorium. 2014. – № 2. – http://auditorium.
kursksu.ru /index.php?page=6&new=2

[335] Марков, П. Французский кассационный суд // Журнал Министерства юстиции. 1862. Т. XIV. Кн. 12.

[336] Победоносцев, К.П. Письма и записки: / К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т.1. Полутом 2. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 485-486.

которая могла передать дело по «подведомственности». В результате дело попадало на рассмотрение высшего органа управления – либо исполнительного, либо законосовещательного. Такой порядок исходил из понимания того, что закон являлся отражением монаршей воли, следовательно, толковать и дополнять его могла только верховная власть.

Остановимся подробнее на собственно процедуре кассации и сенатских департаментах. Итак, в Сенат могли быть обжалованы решения как мировой юстиции (съездов мировых судей), так и общих судов (судебных палат). Основаниями кассации являлись явное нарушение закона или неверное его толкование, существенное нарушение процессуальных норм, превышение судом полномочий или выход за рамки подведомственности. Как видно из представленных формулировок, основания кассации были настолько широкими, что под них можно было подвести любое решение суда. В 1874 году Сенат даже был вынужден дать разъяснение, что отменяет судебное решение, «когда оно в действительности нарушает право стороны, обжаловавшей это решение»[337].

Срок подачи кассационной жалобы отличался для уголовного и гражданского судопроизводств. В рамках гражданского процесса он составлял четыре месяца со дня объявления решения. В уголовном судопроизводстве – две недели со дня объявления приговора на окончательные приговоры окружных судов и судебных палат[338]. На время рассмотрения жалоб в Сенате приостанавливалось исполнение решений нижестоящих судов до окончательного решения Сената. Фойницкий И.Я. объяснял довольно существенную разницу в сроках подачи кассационной жалобы в уголовном и гражданском процессе тем, что «течение сроков в уголовном процессе короче, чем в гражданском»[339]. Нарушенные гражданские права являются восстановимыми, в то время как в уголовном процессе нарушаются те права,

---

[337] Боровиковский, А. Устав Гражданского судопроизводства С объяснениями по решениям Гражданского Кассационного Департамента и Общего Собрания Кассационных и I и II Департаментов Правительствующего Сената. СПб., 1908. С. 554.

[338] См. подробнее: ст.ст. 865, 910 УУС, ст.ст. 796, 797 УГС.

[339] Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1895. С. 139.

которые восстановить сложно или невозможно (свобода, жизнь)». Кроме того, долгая отсрочка исполнения приговора противоречит принципам уголовного права, именно поэтому был установлен краткий срок для подачи кассационной жалобы в уголовном процессе.

Вместе с жалобой подавались все материалы по делу, подтверждающие обоснованность позиции. Подача жалобы происходила через тот суд, в котором выносилось решение. Именно он должен был проверить сроки подачи, основания, комплектность документов. Первоначально Сенат предполагал ограничиваться только теми, материалами, которые представит кассатор, но в 1867 году появилось требование о передаче всего спорного дела в Сенат. В следующем, 1868, году появилось дополнительное требование к подаче кассационной жалобы, призванное сократить их количество, – это кассационный залог. Его размер был установлен на уровне: 100 рублей на решение судебной палаты в гражданский кассационный департамент, 25 рублей – в уголовный департамент и 10 рублей на решение мирового съезда. Законом были предусмотрены основания освобождения от уплаты залога для государственных учреждений и некоторых категорий для частных лиц. Залог подлежал возврату, если жалоба признавалась обоснованной либо когда Сенат оставлял ее без рассмотрения[340]. Введение небесспорного института кассационного залога должно было снизить количество безосновательных жалоб и не нагружать Сенат незначительными делами, поскольку кассационный порядок обжалования признавался неординарной стадией процесса, к которой обращаются «в виде исключения, с крайней осмотрительностью»[341].

Сенат должен был установить: правильно ли были применены нормы права при разрешении конкретного дела. После поступления в Сенат дело в порядке очередности и занятости направлялось конкретному сенатору, также

---

[340] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об усилении состава Кассационных департаментов Правительствующего Сената и об изменении статей 408, 409, 418 Учреждения судебных установлений и 177, 910 Устава уголовного судопроизводства, 190, 800 Устава гражданского судопроизводства» от 1 июля 1868 года // ПСЗ-II. Т. XLIII. № 46066.

[341] См.: Верещагин, А.Н. Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки истории и деятельности верховного суда Российской империи. М., 2022. С. 158.

назначался день слушания. Сенатор готовил доклад по порученному ему делу, также свой доклад готовил обер-прокурор. Если их мнения совпадали, то представленные документы ложились в основу будущего решения; если точки зрения расходились, то на заседании департамента зачитывались оба доклада и происходило обсуждение. Для вынесения решения было необходимо 2/3 голосов от состава кассационного департамента. Окончательный (печатный) вид решения готовили обер-секретари. Рассмотрение дела в Сенате происходило также открыто, в присутствии сторон по их желанию; таким образом, принципы гласности и открытости судопроизводства были реализованы в судах всех уровней.

Важно, что Кассационный Сенат стоял на позициях «чистой кассации», то есть, выступал органом, который не принимает решение по существу дела, а отправляет его на новое рассмотрение в нижестоящую инстанцию. Согласно отечественному процессуальному законодательству, дело возвращалось не тот же самый суд, а аналогичный, наиболее близко расположенный от того, в котором состоялось кассируемое решение. Указанные суды при новом рассмотрении дела не ориентировались на предыдущие решение, а постановлял свое, «как бы прежнее не существовало»[342]. При этом, вынося новое решение, мировой съезд или судебная палата были обязаны руководствоваться толкованием закона, которое содержалось в акте кассационного департамента Сената.

Надо отметить, что две принципиальных позиции составителей Судебных уставов в отношении кассационного производства в Сенате, а именно: невозможность самостоятельного вынесения решений высшим судом («чистая кассация») и обязательная передача дел в другой, аналогичный суд, – постоянно были предметов критики со стороны профессионального юридического сообщества. При этом, если в случае с «чистой кассацией» законодатель дал

[342] Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава гражданского судопроизводства. Т. II. Ч. I. С. 376.

пояснение своей позиции, то в вопросе передачи кассированного решения в другой суд не было официальной версии.

«Чистая кассация» была объяснима тем опасением, что при возможности принимать решение самостоятельно Сенат может превратиться в третью инстанцию, весьма неудобную для сторон. Было даже озвучено предложение, согласно которому следовало различать дела, которые вследствие нарушение закона должно последовать повторное разбирательство по существу, и дела, в которых этого не требуется. По второй категории предлагалось позволить Сенату самому принимать решение, чтобы не затягивать процесс[343]. Но это предложение не получило поддержки, в том числе потому, что это могло еще больше загрузить Сенат и отвлечь его от его первоначальной миссии.

Что касается необходимости передачи дел в другой суд, то такую законодательную новеллу можно объяснить лишь использованием французского опыта организации кассационного производства в верховном суде. Такой порядок существовал тогда во Франции, из практики которой в основном был заимствован данный институт. Но, как отмечал один из юристов на страницах периодической печати, «второй суд, которому передано дело, вправе не согласиться с кассационным разъяснением и повторно постановить решение, тождественное отмененному»[344]. Французское законодательство предполагало, что в случае повторного вынесения решения, противоречащее кассации, дело окончательно рассматривает Общее собрание Кассационного Суда. Такая процедура является своеобразной гарантией справедливости и правильности правосудия. В российском процессуальном праве была предусмотрена обязанность следовать решению кассационных департаментов, то есть, тот же самый суд мог самостоятельно принять решение в русле разъяснений Сената – «нельзя считать несоответствующим достоинству суда, если он принужден исполнить имеющие законную силу решение»[345]. Вместе с тем данная норма

[343] E.W. К вопросу об упрощении кассационного производства // Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1894. Книга шестая. Июнь. С. 66.
[344] С. 68.
[345] Там же. С. 69.

порождала объективные неудобства, поскольку другой суд мог находиться на значительном расстоянии от места жительства сторон, участников процесса и др.

Многие ученые-юристы второй половины XIX века были склонны видеть Кассационный Сенат в роли суда, развивающего право, то есть по факту обладающего нормотворческими полномочиями[346]. У данной точки зрения есть сторонники и среди современных авторов[347]. Однако положения Устава гражданского и уголовного судопроизводства, обеспечивавшие реализацию подобных функций, не отличались высокой степенью определенности. Поэтому возникла необходимость в интерпретации места решений кассационных департаментов в системе источников отечественного права, а также определить, какой по сути являлась деятельность Сената при толковании закона – правоинтерпретационой или правотворческой.

Современный нам исследователь В.Л. Слесарев предложил в качестве критерия разграничения продукт деятельности верховных судов – судебный акт. По его мнению, интерпретационный судебный акт от правотворческого судебного акта (судебного прецедента) отличается тем, что первый является продуктом вторичным, появляющимся в результате толкования имеющихся нормативных актов, а второй имеет свойство «первородности», то есть, происходит благодаря интеллектуальным усилиям и не является продолжением другого конкретизируемого законоположения[348]. С точки зрения ученого, критерий возможного применения в будущем не является основополагающим, его необходимо рассматривать в совокупности с первым.

---

[346] О различных точках зрения дореволюционных авторов см. подробнее: Захаров, В.В. Проблемы квалификации юридической силы определений гражданского кассационного департамента Сената в России второй половины XIX - начала XX столетия // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 12. С. 52-94 (http://ipp.kursksu.ru/pdf/011-002.pdf)

[347] См., например: Волков А.К. О роли судебной практики как источника права по судебной реформе 1864 года // История государства и права. 2014. № 17; Верещагин, А.Н. О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 4-23.

[348] См. подробнее: Слесарев, В.Л. Прецедентность и прецедент, или о толковании судами норм права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12.

Принимая данную теорию, попытаемся определить характер деятельности кассационных департаментов Сената в пореформенной России.

Правовой основой такой деятельности являлась законодательная новелла, которая основывалась на допущении толкования закона судом. В статье 9 УГС указывалось, что «воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия законов» и все суды «обязаны были решать дела по точному разуму действующих законов, а в случае их неполноты, неясности, недостатка или противоречия, основывать решение на общем смысле законов»[349]. УСС содержал аналогичные нормы[350]. Так, статья 13 УСС запрещала «останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов». Таким образом, толкование становилось не только правом, но и обязанностью всех судов. Однако лишь за Сенатом была закреплена функция последней инстанции в «изъяснении точного разума закона» и зафиксирована официальная печатная форма решений кассационных департаментов[351].

Именно статьи 815 УГС и 933 УУС, устанавливающие обязательность публикации сенатских решений, во многом предопределили мнение самого Сената относительно принятых им решений, заключающееся в обязательной их силе для всех судебных установлений, действовавших по Судебным уставам 1864 года. Такая позиция Сената в 1860-1870-е годы породила существование целой системы суждений верховного органа правосудия (прототипа правовой позиции). Так, современники отмечали, что решения Сената первых десятилетий его функционирования отличались тяготением к либеральным позициям, имевшим большое распространение. «В те времена, – писала одна из газет, – перед судом Сената губернаторы всегда были виноваты в превышении власти, а земские учреждения, жаловавшиеся на губернаторов, всегда были правы… и ничего удивительного, что под влиянием такой судебной школы, как воззрения

[349] Судебные уставы. Ч. I. Ст. 20.
[350] Судебные уставы. Ч. II. Ст. 12, 13.
[351] Судебные уставы. Ч. II. Ст. 930, 933, Судебные уставы. Ч. I. Ст. 815.

тогдашней сенатской судебной и кассационной практики, могла создаться магистратура в России, коей апогеем было оправдание Веры Засулич»[352].

Что касается определения функций Сената в толковании законов, то для первоначального этапа деятельности его как высшей судебной инстанции было характерно существование мнения о том, что решения любой судебной инстанции имеют силу толкования закона, решения же Сената отличаются от всех прочих только качеством материала и большим авторитетом самого органа и отдельных сенаторов[353]. Вряд ли можно согласиться с подобной оценкой роли Сената, поскольку Судебные уставы изначально подчеркивали особое значение именно сенатских решений.

На наш взгляд, неопределенность роли Сената в вопросах правоинтерпетации была заложена уже в самой организации данного органа. Обращает на себя внимание тот факт, что авторы судебной реформы не создали «новой» высшей судебной инстанции, а лишь расширили функции «старого» Сената, которые теперь можно было классифицировать как функции надзора и управления. Не зря из ведения Сената исключили разбирательства дел по существу, он, собственно, не являлся судебной инстанцией, Сенат получил функцию кассационного надзора как одно из высших установлений империи.

Идентифицируя функции именно кассационных департаментов Сената, можно говорить лишь о правоинтерпретации, а не правотворчестве. Юридическая сила кассационных решений была определена судебными уставами и состояла в том, что для конкретного дела, по которому было принято решение кассационных департаментов, оно признавалось обязательным и жалобы на такие решения не допускались. Для других дел этим решением необходимо было пользоваться судам как руководством к единообразному толкованию и применению норм права (для этого решения были опубликованы). Однако законодатель не уточнил то, что подразумевал под руководящей силой кассационных решений, тем самым породив большое количество суждений на

---

[352] Речи консерватора // Гражданин. 1904. № 17. С .2-3.
[353] См.: Демченко, Г.В. Судебный прецедент // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 4. С. 51.

этот счет. Одним из самых распространенных из них был тезис о рекомендательном, а не абсолютном характере опубликованных сенатских решений. В пользу данной точки зрения говорит тот факт, что в статьях 793 УГС и 912 УУС, устанавливавших основания отмены судебных решений, не было нарушения смысла сенатского решения, вынесенного по другому делу, как условия отмены.

Представляется, что за более чем полувековой период существования кассационных департаментов возможно было уточнить пределы правоинтерпретации. Однако отсутствие такой нормы говорит о целенаправленном действии государства в этом вопросе. С одной стороны, ему было выгодно и необходимо обеспечивать единство применения закона за счет прецедентной силы решений Сената, но, с другой стороны, признать за Сенатом правотворческую функцию в условиях существования самодержавия было недопустимо. Поэтому правовая природа сенатских решений оставалась вопросом дискуссионным.

В качестве вывода обратим внимание на следующее. В дореволюционной России кассационные департаменты Сената выполняли лишь правоинтерпетационную функцию, сенатские правовые позиции имели обязательную силу только для конкретного спора, по которому высказаны, а для остальных случаев служили ориентиром, причем не абсолютного характера. Однако мы попытались сформулировать свою точку зрения универсального характера – для гражданского и уголовного судопроизводства, не учитывая того факта, что позиции юристов-криминалистов и цивилистов по этому вопросу расходились. Цивилисты тяготели к отрицанию признания за Сенатом правотворческих функций, в то время как криминалисты видели более ощутимые доказательства наличия правотворчества в кассационных решениях Сената. Но здесь важно учесть тот факт, что судебное толкование, особенно уровня верховного суда, всегда сохраняет в себе риск выйти за пределы собственно толкования и создать прецедент, приняв на себя функцию правотворчества.

§ 3.3. Развитие Кассационного Сената в 1870-х – 1910-х годах: вызовы, реформы, результаты

В первоначальный состав кассационных департаментов вошли всего по четыре сенатора, включая первоприсутствующего. Такого количества для начала деятельности нового верховного суда было достаточно. Количество дел, поступающих в этот период в Сенат, было не большим. Исследователь истории Сената В.А. Гаген говорит о двух делах, которые в порядке кассации поступили в оба департамента Сената в год их создания[354]. Однако исследование показало, что даже в первый неполный год работы департаментов количество дел было значительно больше: 86 дел поступило в гражданский кассационный департамент, 97 – в уголовный.

Однако с началом работы окружных судов и судебных палат Московского и Санкт-Петербургского судебного округов в следующем, 1867, году количество дел многократно возросло и составило 1199 дел в уголовный кассационный департамент, 1088 – в гражданский и 10 – в Общее собрание. В 1867 году по просьбе Министра юстиции количество сенаторов каждого из кассационных департаментов было увеличено на два члена. Однако такого увеличения численности окажется недостаточным, и на конец 1867 года за гражданским и уголовным кассационными департаментами останется 336 и 417 незавершенных дел соответственно[355]. О количественном составе сенаторов необходимо было принимать принципиальное решение, поскольку в 1868 году Судебные уставы должны были распространиться на округ Харьковской судебной палаты, а позже на Одесский, Казанский и Саратовский округа.

В 1870 году штаты обоих кассационных департаментов были увеличены. В состав гражданского кассационного департамента ввели двух сенаторов и одного помощника обер-секретаря; в уголовный – двух сенаторов, одного

---

[354] Гаген, В.А. Очерки истории Сената в XIX столетии. СПб., 1911. С. 246.

[355] Статистика приведена по: Шрейберг, Н.Н. К тридцатилетию деятельности кассационных департаментов Правительствующего Сената // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 8. С. 216.

товарища обер-прокурора и двух помощников обер-секретаря[356]. Должность товарища обер-прокурора гражданского кассационного департамента была введена в 1873 году[357]. Увеличение штата кассационных департаментов влекло за собой дополнительную нагрузку на бюджет, который был выделен Министерству юстиции для проведения реформы. В 1875 году, чтобы в очередной раз увеличить количество сенаторов, министр юстиции перераспределил средства, которые были выделены на создание Черниговского, Вятского, Пермского, Вологодского окружных судов. Эта мера позволила ввести в состав кассационных департаментов шесть сенаторов, четыре товарища обер-прокурора и два обер-секретаря[358]. В этот период и самим кассационным департаментам, и Министерству юстиции, и Государственного совету стало понятно, что решить проблему с рассмотрением дел в Сенате невозможно только увеличивая его штат. Именно поэтому Второму отделению с.е.и.в. канцелярии и Министерству юстиции было поручено сформировать предложения о недопущении увеличения дел, поступающих в кассационные департаменты Сената.

В юридической печати, в кулуарах государственных ведомств, а также на официальных заседаниях были предложены варианты организации работы Сената как высшей кассационной инстанции, в основе которых лежало стремление к остановке накопления дел. Самым простым способом разрешения ситуации видели в увеличении числа сенаторов, тем – самым, сохранении единства высшей судебной инстанции, или же передаче части дел на кассационное рассмотрение в судебные палаты, чтобы таким образом разгрузить Сенат. Такой способ условно можно назвать экстенсивным, поскольку в его основе лежит фактор увеличения количества судей, рассматривающих данную категорию дел. С другой стороны, в 1870-е годы предлагалось решить проблему,

---

[356] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об увеличении штата кассационных департаментов Правительствующего Сената» от 25 июня 1870 г. // ПСЗ-II. Т. 45. № 48515.

[357] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об усилении штата гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената» от 16 января 1873 г. // ПСЗ-II. Т. 48. № 51782.

[358] Гаген, В.А. Очерки истории Сената в XIX столетии. СПб., 1911. С. 252.

прибегнув к интенсивному способу, а именно ограничить возможность кассационного обжалования, а также сократить делопроизводство по делам небольшой сложности[359]. Оценивая оба варианта, современники приходили к выводу, что для эффективного решения проблемы необходимо будет прибегнуть к сочетанию элементов обоих из них. Предполагалось увеличить состав кассационных департаментов до 25 судей в каждом ко времени распространения Судебных уставов на всю империю. Обсуждая предельную численность Сената, и Министерство юстиции, и Государственный Совет приводили в пример кассационный суд Франции, в состав которого на тот момент входили 49 судей (председатель, трое его заместителей и 45 судей). При этом отдельно оговаривалось, что эффективная работа французского кассационного суда зависит не только от количества судей, но и от ряда других факторов: высокого профессионализма судей нижестоящих инстанций, качества законов, выверенной судебной практики, а главное – ограниченная возможность кассационного обжалования ряда категорий дел. Предполагалось, взять за основу французский вариант[360].

В январе 1872 года довольно остро обсуждался вопрос о порядке рассмотрения дел в самом Сенате. С целью сократить нагрузку на сенаторов было предложено поручить составления тех определений, которые не содержат разъяснение законов и не подлежат печати, канцелярии. Ряд сенаторов предложили в принципе не составлять по таким делам отдельных определений, а исполнение вести на основе кратких резолюций. В итоге сенаторы предложили создать для разрешения распорядительных дел особое присутствие Сената, члены которого назначали бы Общим собранием из числа из самих сенаторов.

Если проанализировать предложения самих сенаторов, то станут понятными основные факторы, которые влияли на скапливание большого количества дел в высшей судебной инстанции (за исключением, статуса единственной кассационной инстанции империи). Во-первых, это содержание

[359] РГИА. Ф. 1354. Оп. 7. Д. 2. Л. 1-2.
[360] Там же. Л. 24-25.

определений Сената, которые должны были включать в себя подробные обоснования избранной позиции, что было продиктовано последующей печатью этих решений. Такие содержательные определения должны были способствовать повышению профессионализму судей на местах и в конечном итоге обеспечивать единообразие судебной практики. В этой связи Сенаторы предложили публиковать не все определения, а лишь те, которые могут служить руководством к правильному применению законов. Во-вторых, должностные обязанности сенаторов подразумевали, что всю работу по составлению определений они выполняли самостоятельно.

Также, анализируя предложения сенаторов, можно сделать вывод, что разрешение ситуации вокруг большого количества дел они предполагали решать, не затрагивая принципиальных положений кассационного производства – единства кассационной инстанции. Основные предложения сенаторов сводились к механическому пересмотру организации работы ведомства, передачи части полномочий канцелярии и увеличения числа судей.

Другой точки зрения придерживался министр юстиции граф Пален. Его предложение строилось на том, что основная масса дел, поступающих в Сенат, приходит из мировых учреждений. Поэтому он выступил с радикальным предложением – учредить в губернских городах особые присутствия, которые бы выступали кассационной инстанцией по отношению к съездам мировых судей. В их состав министр предложил включить председателя окружного суда, двух коронных судей и трех мировых.

Интересным представляется еще один вариант реформирования кассационным департаментов Сената, предложенный главноуправляющим Второго отделения с.е.и.в. канцелярии Урусовым. Он был против учреждения губернских кассационных мировых судов и предложил создать единый кассационный суд на решения съездов мировых судей в Санкт-Петербурге.

Все перечисленные проекты реформирования кассационных департаментов Сената были рассмотрены Государственным советом, итогом которого стало принятие указа, проводящего реформу, которая стала первым

серьезным преобразованием Сената в качестве верховного кассационного суда империи после 20 ноября 1864 года.

Закон был принят 10 июня 1877 года. Реформа Сената включала в себя несколько направлений[361]:

- увеличение штата кассационных департаментов Сената;
- изменение структуры кассационных департаментов Сената;
- перераспределение нагрузки между судьями и канцелярией;
- изменение порядка кассационного обжалования в уголовном и гражданском процессах.

Штат кассационных департаментов в очередной раз был увеличен: до 26 сенаторов в уголовном департаменте, до 22 – в гражданском.

Далее изменения коснулись структуры кассационных департаментов. В их составе было создано Соединенное присутствие во главе с первоприсутствующем на Общем собрании. В состав Соединенного присутствия вошли по два сенатора от уголовного, гражданского и первого департаментов. Назначались они временно с последующей ротацией, но таким образом, чтобы единовременно не менять состав присутствия более, чем на половину. При этом назначение в Соединенное присутствие не освобождало сенатора от разрешения дел в своем департаменте. Временному освобождению подлежали те, на кого были возложены обязанности докладчика в присутствии.

Основной круг полномочий Соединенного присутствия состоял в надзоре за судебными учреждениями империи, судьями, вопросами отрешения от должности, передачи уголовных дел из одного судебного округа в другой, возобновления судебных дел.

По замыслу законодателя, учреждение Соединенного присутствия должно было «увести» данную категорию дел от разбирательства в конкретном департаменте, при этом не сильно обременяя сенаторов, входящих в состав

[361] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 10 июня 1877 г. «О новом штате Кассационных департаментов Правительствующего Сената и о некоторых изменениях и дополнениях в Судебные уставы 20 ноября 1864 года // ПСЗ-II. Т. 52. № 57471.

присутствия, поскольку заседания планировались «ad hoc», то есть, под конкретное дело. Таким образом, в Соединенном присутствии сосредотачивались дела, не принадлежавшие к числу кассационных, что должно было разгрузить департаменты и сосредоточить их внимание на кассационном рассмотрении дел.

Также к структурным изменениям Сената по реформе 1877 года можно отнести разделение департаментов на отделения. Их число и предмет деятельности должен был определить департамент с учетом необходимости.

Кроме того, в каждом из кассационных департаментов и в их отделениях образовывались присутствия. В составе присутствия департамента входило не менее семи сенаторов, а в присутствие отделения – не менее трех.

Создание отделений и присутствий к ним позволяло сформировать определенную специализацию внутри департамента с постоянно действующими сенаторами.

Основной целью реформы было снижение нагрузки на верховный суд, чего собирались добиться путем перераспределения нагрузки у судей. Предполагалось забрать у них делопроизводство и передать его аппаратным работникам. Для этого при Общем собрании департаментов учреждалась Канцелярия. Учреждение канцелярии было неоднозначно воспринято со стороны юридического сообщества. По мнению многих, это противоречило духу Судебных уставов, поскольку отсылало к дореформенным временам, когда правосудие вершилось в канцеляриях, а не судебных заседаниях[362]. Еще до проведения реформы сенаторы поручали канцелярии подготовку решений по менее сложным делам в порядке исключения и в основном по уголовному департаменту, чтобы сократить количество неразрешенных дел и уложиться в сроки. Однако закон от 10 июля 1877 года формулирует норму о полномочиях канцелярии достаточно в общем виде, что позволяет трактовать ее либо в сторону ограничения работы канцелярии письмоводительством и

[362] См., например: Арсеньев, К.К. Реформа кассационного суда и кассационного производства // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Кн. 4. С. 59.

делопроизводством, либо возможного поручения подготовки проектов решений. По ходу реализации реформы 1877 года сложилась ситуация, когда к канцелярии перешли обязанности вести внутреннее делопроизводство, составлять записки и доклады, излагать фактическую часть решения формулировать на основании закона мотивировочную часть решения. Для этих целей был сформирован достаточно обширный штат канцелярии: шесть обер-секретарей (один в соединенном присутствии, три в уголовном и два в гражданском департаментах), помощников обер-секретарей старших и младших стало 34 (два в соединенном присутствии, 18 в уголовном, 14 в гражданском департаментах) и по одному секретарю обер-прокурора в каждом кассационном департаменте. Учреждение канцелярии с обширным штатом и полномочиями должно было не только сократить нагрузку на судей, но и не дать значительно разрастись судейскому корпусу Сената. По мысли законодателя, постоянное увеличение числа сенаторов могло пагубно отразиться на проведении идеи единообразия судебной практики высшего суда. Относительно малое число сенаторов, заседающих в соединенном присутствии или в департаментах, должно было стать залогом недопущения разницы мнений и трактовок при вынесении решения и обеспечить единообразное применение закона. Именно поэтому законодатель сознательно выбрал путь по сдерживанию количества судей кассационных департаментов, передавая часть полномочий по формированию решения аппарату (канцелярии). При этом, учитывая негативный дореформенный опыт работы канцелярий, законодатель пытался предусмотреть механизмы не допущения такой практики в новых судебных учреждениях. «Участие канцелярии в изложении решений, – говорилось в одной из официальных бумаг периода подготовки преобразований 1877 года, – начавшись сверху, с Сената, сделается в глазах всех вообще судей делом вполне естественным и законным, а строгий взгляд на обязанность разделять роли судей и канцелярии, до сих пор присущий новым судам, мало-помалу уступит место

другому взгляду, влияние которого на общий ход судебного дела не может быть пагубным»[363].

Перечисленные преобразования штата и структуры кассационных департаментов Сената, на наш взгляд, играли лишь вспомогательную роль для достижения главной цели – быстрому и эффективному разбору дел в высшей инстанции. Поэтому преобразования 1877 года затронули также процессуальное законодательство, регламентирующее производство кассационного обжалования в Сенате. Так, согласно новым правилам, подача любых кассационных жалоб подлежала обязательному предварительному рассмотрению в распорядительном заседании соответствующего департамента. Распорядительное заседание могло не принять жалобу к рассмотрению, в случае если она составлена с нарушением формальных правил или не содержала в себе реальных поводов для отмены решения. В случае принятия жалобы распорядительное заседание определяло ее дальнейшее следование – либо в присутствие департамента, либо в его отделение по предмету. Важно, что решение распорядительного заседания оформлялось краткой резолюцией, которую утверждал первоприсутствующий, а не составлялось отдельное определение. Новый порядок подачи кассационных жалоб устанавливал своеобразный фильтр, призванный если не сократить, то замедлить процесс «повальной кассации».

Также законом 1877 года была определена «подсудность» рассмотрения дел департаментом в целом либо его отделениями. Если дело требовало разъяснения закона с целью единообразного его применения, то его рассматривало присутствие департамента, остальные дела подлежали разрешению в отделениях департамента. Однако если в ходе обсуждения в рамках отделения сенаторы (или даже один сенатор) придут к убеждению, что для полного разрешения дела необходимо прибегнуть к разъяснению закона, то дело передавалось в присутствие департамента. Забегая вперед, отметим, что после реформы 1877 года основная нагрузка по рассмотрению дел переместилась именно в отделения кассационных департаментов, именно в них

[363] См.: Там же. С. 62.

рассматривалось до 97 % всех дел. Приведем статистику по гражданскому кассационному департаменту конца XIX – начала XX века.

Статистика разрешения дел в Гражданском кассационном департаменте Правительствующего Сената в 1897-1906 годах[364]

Год	Завершено дел в департаменте	Завершено дел в отделении	Всего
1897	176	7 256	7 432
1898	170	6 607	6 777
1899	179	7 725	7 904
1900	205	7 256	7 461
1901	195	9 350	9 545
1902	208	10 861	11 069
1903	230	11 268	11 498
1904	178	10 701	10 879
1905	181	10 095	10 276
1906	152	10 088	10 240

Кроме того, закон предусматривал упрощенный порядок разрешений дел в департаментах или в его отделениях «по делам несложным». В таком случае докладывающий сенатор лишь излагает суть решения. Такое решение должно было содержать: указание на подразделение, в котором рассмотрено дело (департамент или отделение), кто внес жалобу(протест), предмет дела, указание на законы и использованные кассационные решения, а также заключение присутствия. Важно, что составление и оформление решений осталось полностью за сенаторами и не было передано аппаратным работникам.

Одной из причин медлительности работы Сената современники называли обязательность публикации решений, что заставляло сенаторов более полно и аргументировано подходить к их составлению. С 1877 года обязательной публикации подлежали только решения, разъясняющие смысл закона. Другие решения могли быть опубликованы, если Сенат сочтет это полезным. Однако в этом случае опубликованном решении не должно содержаться указаний на

[364] Подсчитано по: Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1897-1906 годы

конкретное дело, по которому оно дано. Также публикация решений Сената была возможна по просьбе министра юстиции. Примечательно, что закон от 1877 года разрешил Сенату не публиковать те решения, которые состоялись до его принятия, но еще не успели быть опубликованными.

Нововведение о возможности не публиковать большинство решений Сената должно было способствовать экономии времени судей, однако в условиях недостаточного профессионального уровня судей на местах опубликованные (а значит, доступные) решения высшей судебной инстанции не только имели руководящее значение при применении, но и служили примером судебного акта, определяя правила юридической техники изложения, применения аргументации. Именно поэтому данное нововведение было встречено неоднозначно со стороны профессионального сообщества.

Современники положительно оценили проведенную в 1877 году реформу кассационных департаментов Сената. О позитивных последствиях также говорит тот факт, что количество нерассмотренных дел значительно сократилось. При этом если проанализировать содержание и последовательность преобразований, то можно заметить, что они были направлены именно на ускорение рассмотрения дел, а не на их сокращение. Так, в своем отчете гражданский кассационный департамент за 1879 год указывал на то, что в первый год реформы количество дел в департаменте возросло на 300 (5 081 в 1 878 году против 4768 в 1877 году)[365]. При этом большинство дел продолжало поступать по линии мировой юстиции. Так, в 1879 году из судебных палат поступило 711 дел, из съездов мировых судей – 4 194, всего 4 905 дел[366]. То есть, общее количество дел, поступивших в гражданский кассационный департамент в 1879 году, опять увеличилось.

Но реформа способствовала более быстрому прохождению дел в Сенате. Так, к началу 1878 года в уголовном кассационном департаменте было 16 020 неразрешенных дел, в гражданском – 7 768, а к началу 1881 года в первом

[365] РГИА. Ф. 1354. Оп. 7. Д. 1302. Л. 6 об.
[366] Там же. Л. 18 об.

числилось 1 260, во втором – 1683[367]. В своем отчете министр юстиции докладывал, что за первые три года существования новой организации Сената на каждого сенатора гражданского департамента приходится по 312 разрешенных дел, а уголовного 477.

Верещагин А.Н. метко заметил, что к середине 1880-х годов положительный эффект от реформы 1877 года был исчерпан и «старые» проблемы вновь возникли перед законодателем[368]. Наблюдая определенный дисбаланс между скоростью рассматриваемых дел в кассационных департаментах, в 1881 году министр юстиции вновь вошел с предложением об изменении штата кассационных департаментов: судей гражданского предлагалось увеличить до 25, а уголовного – сократить (перераспределить) до 24. Его просьба была поддержана[369].

Важно отметить, что увеличение штата судей в кассационных департаментах было сопряжено со сложностями подбора кадров для занятия соответствующих вакансий. Основным источником пополнения кадров для Сената были судебные палаты. К середине 1870-х годов там оказались сосредоточены профессиональные кадры, которые уже имели опыт работы в новой судебной системе. Оценивая кадровую политику в отношении формирования судейского штата Сената, юридическая пресса констатировала: «Читая последние назначения, нельзя не отметить, что Министерство юстиции, по-видимому, истощило уже все свои средства в этом отношении; взяло из новых судебных мест все, что можно было взять для пополнения кассационного суда по новому, громадному его штату; взяло сразу на сенатские места четырех председателей судебных палат и столько же прокуроров палат, взяло даже двух председателей окружных судов, и все-таки пришлось дать места в кассационном суде и таким лицам, которые никогда не служили новых судебных

[367] Гаген, В.А. Очерки истории Сената в XIX столетии. СПб.: Сенатская типография, 1911С. 264.
[368] Верещагин, А.Н. Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки истории и деятельности верховного суда Российской империи. М.: Издательская группа «Закон», 2022. С. 225.
[369] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 мая 1881 года «Об изменении и дополнении штатов кассационных департаментов Правительствующего Сената» // ПСЗ-III. Т. 1. № 151.

учреждениях»[370]. Кадровый вопрос достаточно остро стоял перед Министерством юстиции в процессе комплектования судебных учреждений всех уровней, поскольку являлся залогом успешной реализации судебной реформы. Однако на Сенат возлагалась задача исправления ошибок менее опытных судей нижестоящих судов, поэтому профессионализм его членов должен был быть заметно выше.

Если оценивать реформу Сената 1877 года с точки зрения основной линии, заложенной составителями Судебных уставов, о недопустимости «размытия» кассационной инстанции, передачи части полномочий другим учреждениям, о сохранении ее единства, то можно констатировать последовательное проведение в жизнь принципов судебной реформы 1864 года, с незначительными корректировками, вызванными насущной необходимостью. С другой стороны, реформу стоит оценивать с точки зрения эффективности деятельности института, на преобразование которого она была направлена. В этом отношении целесообразно будет привести официальную статистику движения дел в кассационных департаментах Сената первого пореформенного десятилетия.

Статистика неразрешенных дел в гражданском кассационном департаменте после реформы 10 июля 1877 года

Судебные места, откуда поступили дела	Осталось неразрешенных дел на 1 января						
	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884
Общие судебные места	998	994	530	361	415	662	905
Мировые судебные установления	6 860	5 834	3 170	1 322	1 466	1 952	2 197
Итого	7 768	6 778	3 700	1 683	1 881	2 614	3 102

[370] П.С. Реформа кассационного производства 10 июля 1877 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. Кн. 1. С. 199.

Статистика поступления дел в гражданский кассационный департамент после реформы 1877 года

Судебные места, откуда поступили дела	Поступило дел на 1 января					
	1878	1879	1880	1881	1882	1883
Общие судебные места	799	717	806	840	1 034	1 004
Мировые судебные установления	4 282	4 230	4 732	4 952	5 578	5 986
Итого	5 081	4 947	5 438	5 792	6 612	6 990

Таким образом, на каждого сенатора гражданского кассационного департамента приходилось к рассмотрению около 350 дел. Из них дел о токовании закона было рассмотрено 565 дел, то есть, по 28 на сенатора[371].

Следующей важной вехой в реформировании Сената второй половины XIX века стал закон от 14 мая 1885 года[372].

Закон 1885 года касался перераспределения полномочий между Общим собранием кассационных департаментов и Особым присутствием первого и кассационных департаментов в сторону усиления последнего. В его ведение отошли дела по надзору за судебными установлениями империи и их должностными лицами, дела, связанные с взысканием убытков, понесенных вследствие неправосудных решений судов, о перенесении дела из одного округа в другой, разбор споров между судебными палатами, распределение окружных судов между судебными палатами, разбор жалоб на отказ судебными палатами (или окружными судами) выдать свидетельство поверенного, разрешение споров между судами «прежнего устройства» и созданными по уставам 1864 года, а также решение вопросов о возможности рассмотрения дела в рамках нового судоустройства и судопроизводства.

---

[371] См. подробнее: О Сенате // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 5. С. 132-133.

[372] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 14 мая 1885 года «О распределении предметов ведомства Общих Собраний и Соединенного присутствия Первого и Кассационных департаментов Правительствующего Сената» // ПСЗ-III. Т. 5. № 2937.

Наделяя Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов такими широкими полномочиями, целесообразно было учредить должность первоприсутствующего. При этом важно отметить, что свои функции постепенно утрачивал первоприсутствующий Общего собрания кассационных департаментов, поскольку значительно сужалась компетенция последнего.

Одним из самых острых вопросов в организации деятельности кассационных департаментов Сената в первое десятилетие их существования был вопрос о принципиальном сохранении за ними статуса единственной кассационной инстанции. С одной стороны, современникам логичным казалось передача части функций кассационного обжалования судебным палатам, с другой – в этом случае становилось невозможным обеспечить единообразие судебной практики. Как известно, данный вопрос возникал еще в период разработки Судебных уставов, и тогда он был решен в пользу исключительности Сената. Однако при реализации основных положений судебной реформы уже в 1866 году в качестве исключения за Тифлисской судебной палатой была закреплена возможность кассационного обжалования решений: «Жалобы на окончательные приговоры мировых судей, а также на окончательные приговоры окружных судов, состоявшиеся по отзывам мировых судей, приносятся судебной палате и рассматриваются ею в порядке, изложенном в статьях 173-180 учреждения уголовного судопроизводства», а также «Просьбы об отменен окончательных решений мировых судей и окружных судов приносятся судебной палате и рассматриваются ею по правилам, изложенным в 185-194 статьях устава гражданского судопроизводства»[373]. К концу XIX – началу XX века право кассационного обжалования окончательных решений мировых судов и окружных судов, выступающих в качестве мировых съездов, было закреплено за судебными палатами в судебных округах на окраинах империи. В 1898-1899 годах такое право получили Иркутская, Омская и Ташкентская судебные палаты, степные районы Саратовской и калмыцкие территории Тифлисской

[373] Высочайше утвержденное Положение о применении Судебных уставов от 20 ноября 1864 года к Закавказскому краю от 22 ноября 1868 года // ПСЗ-II. Т. 41. № .43880. ς. 26, 45.

судебных палат, а в 1904 году – Новочеркасская судебная палата. Начиная с 1889 года, кассационные полномочия получили окружные суды в связи со значительным сокращением числа мировых съездов[374].

Передача кассационных полномочий происходила по территориальному и категориальному принципу. Законодатель решил, что кассационный пересмотр решений малозначительных уголовных и гражданских дел можно доверить окружным судам. Территориальный принцип предполагал заключить кассацию на уровне судебной палаты. Такой подход практиковали в судебных округах, отличающихся пестрым национальным составом и сильным влиянием обычного права либо находившихся на дальних рубежах империи, чтобы обеспечить доступ к правосудию без необходимости обжалования решений в столице.

При этом важно отметить, что все же большинство кассационных дел рассматривались в Сенате. По данным исследователя А.А. Сапункова, к 1909 году из оконченных производством дел по кассационной инстанции в Сенате было рассмотрено 72,1 % уголовных и 76,9 % гражданских дел, оставшиеся были кассированы в судебных палатах[375].

Приведенные данные говорят о том, что законодатель при вынужденных исключениях все же продолжал оставаться на позициях единой кассационной инстанции с целью выстроить единую судебную политики в вопросах правоприменения. Возможно, от передачи части кассационных полномочий судебных палатам или мировых съездам в 1880-х годах его удержали два обстоятельства. Первое заключается в том, что на эти десятилетия приходится бурное развитие всех сфер жизни российского государства, которое неизбежно сопровождается развитием и обновлением законодательства[376]. Принятие новых

---

[374] Высочайше утвержденные: I. Положение о Земских участковых начальниках, II. Правила об устройстве судебной части в местностях, где введено означенное положение, III. Временные правила о Волостном суде в тех же местностях, IV. Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 года // ПСЗ-III. Т. IX. 6196.

[375] Сапунков А.А. История общих судов Российской империи: судебные палаты как системообразующий орган (1866-1917 гг.). М., 2021. С. 118-119.

[376] См. подробнее: История суда и правосудия в России в 9 т. Т. 5. Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года) / К.П. Краковский, З.В. Соломко / отв. ред. В.М. Сырых. М.: Норма, 2020. С. 114-128.

нормативных актов предполагает постепенное формирование новой судебной практики, за единство которой должен отвечать Сенат и которую не смогут обеспечить судебные палаты. Вторым фактором, который повлиял на решение не «раздавать» кассационные полномочия вниз, было то, что назрела реформа местного самоуправления и мировой юстиции, поток дел из которой дестабилизировал работу кассационных департаментов. В результате преобразования 1889 года, получившие в отечественной историографии название «судебной контрреформы», оказали эффекты на верховное правосудие хотя прямо его не касались.

Не углубляясь в содержание реформы 1889 года, заметим, что на смену выборному мировому суду пришла целая система органов местной юстиции судебного и судебно-административного толка. В ряде регионов и городов были сохранены мировые судьи и съезды мировых судей в качестве апелляционной инстанции. Решения мировых съездов по-прежнему в кассационном порядке могли быть обжалованы в Сенат. Среди вновь созданных органов были: волостной суд (относился к ведомству Министерства внутренних дел), земские участковые начальники (также подчиненный губернаторам и МВД), к ведомству Министерства юстиции относились городские судьи, почетные мировые судьи и уездные члены окружного суда. Все перечисленные органы выступали в качестве суда первой инстанции, апелляционными инстанциями были уездный съезд, а для уездного члена окружного суда – окружной суд. Кроме того, была предусмотрена кассация на уровне губернии – в губернском присутствии. Сама процедура была сильно упрощена по сравнению с Сенатом. Стороны в процесс не вызывались, но могли присутствовать, иных лиц в процесс не допускали. Доклад делал один из членов присутствия, после следовали доводы сторон (если они были в заседании) и заключение прокурора, на основании чего выносилось решение. Губернское присутствие также само решение не принимало, а в случае удовлетворения жалобы направляло дело в орган, откуда оно поступило, или другой, аналогичный. Кассационные решения губернского присутствия обжалованию не подлежали. Таким образом, большинство дел, которые входили

в юрисдикцию мирового суда до реформ 1889 года, оказались неподсудны Сенату.

Учреждение новых судебно-административных установлений шло на протяжении 1889-1893-х годов, поэтому для анализа изменения нагрузки кассационных департаментов Сената целесообразнее рассмотреть количество дел начиная с 1894 года и позднее.

Статистика поступления дел в уголовный кассационный департамент Сената в 1880-е – 1890-е годы[377]

Судебные места, откуда поступили дела	Поступило дел на 1 января									
	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
Общие судебные места	3 891	4 051	2 627	3 355	3 392	3 635	3 362	3 270	3 286	2 877
Мировые судебные установления	7 732	7 234	7 468	4 944	4 557	4 331	4 157	4 960	4 632	5 451
Итого	11 623	11 285	10 095	8 299	7 949	7 966	7 519	8 230	7 918	8 328

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что снижение произошло, но не резкое. Так, к 1894 году по линии мировой юстиции в уголовном кассационном департаменте Сената произошло сокращение на 46 %. Исследователь А.Н. Верещагин указывает также на то обстоятельство, что те регионы Российской империи, где мировой суд был упразднен, и до реформы не были лидерами по количеству дел, направляемых на кассационное рассмотрение в Сенат. Большинство дел из мировых съездов приходили в Сенат из западных губерний, которые не затронула реформа 1889 года. Так, в 1901 году из округа Московской судебной палаты из мировых установлений в Сенат пришло 286 гражданских дел, а из Варшавского округа – 236, из Виленского – 109, из

[377] Данные подсчитаны по: Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Т.4. СПб., 1900. С. 22.

Казанского – 95[378]. Таким образом, поскольку мировая юстиция продолжила свою работу в крупных городах и отдельных судебных округах с большой плотностью населения и развитой экономикой, то количество споров, а следовательно их обжалование в высшую инстанцию, оставалось высоким.

«Побочный эффект» от реформы мировой юстиции, оказавший влияние на деятельность Сената в виде сокращения нагрузки, носил временный характер. Судебные уставы продолжали распространяться на новые территории, создавались окружные суды и судебные палаты, что обусловило увеличение дел в кассационных департаментах. При этом большинство судебных палат, создаваемых в этот период, получили право самостоятельно осуществлять кассационные полномочия[379].

Гораздо важнее, что итогом реформы было то, что часть кассационных полномочий высшего судебного органа империи оказалась даже не в судебных палатах, в которых были сосредоточены относительно подготовленные, опытные кадры судебных чиновников, а в руках административно-судебных органов. Однако у этого процесса были несомненные плюсы, а именно – в Сенат не поступали незначительные дела, не требующие всей интеллектуальной мощи этого органа, без вреда для сторон и правосудия они могли быть рассмотрены в судебных палатах, окружных судах, губернских присутствиях. Во-вторых, наличие кассационной (и последней) инстанции в той местности, в которой постановлялось решение, делало суд максимально доступным для населения.

Важно отметить, что проводимые государством меры по повышению эффективности работы кассационных департаментов давали лишь кратковременный результат.

---

[378] Верещагин, А.Н. Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки истории и деятельности верховного суда Российской империи. М.: Издательская группа «Закон», 2022. С. 243-244.

[379] Высочайше утвержденные временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири от 13 мая 1896 года // ПСЗ-III. Т. XVI. № 12932; Высочайше утвержденные временные правила о применении Судебных уставов в областях Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской от 2 июня 1898 года // ПСЗ-III. Т. XVIII. № 15493; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об устройстве судебной части в Закаспийской области» от 15 февраля 1899 года // ПСЗ-III. Т. XIX. № 16490.

Вплоть до начала XX века по мере распространения новых судебных установлений на новые территории шло увеличение штатов кассационных департаментов, причем как судей, так и аппарата. К 1900 году ситуация в Гражданском кассационном департаменте стала катастрофической. Согласно сенатскому отчету, на 1 января 1901 года в департаменте осталось неразрешенными 12 043 дела[380]. В сенатском отчете говорилось: «Огромное накопление неразрешенных дел объясняется непрерывным возрастанием числа вновь вступающих дел и несоответствием наличных сил Департамента с количеством падающего на него труда»[381]. В том же году для преодоления ситуации министр юстиции внес в Государственный Совет представление об усилении численности департамента, на основании которого 4 января 1901 года состоялось высочайше утвержденное мнение. Штат гражданского кассационного департамента был увеличен значительно: на восемь сенаторов и шесть товарищей обер-прокурора, одного обер-секретаря, двух помощников обер-секретаря и одного судебного пристава[382].

К 1906 году в гражданский кассационный департамент Сената будут входить 34 сенатора, в уголовный – 21, также в составе департаментов будет по одному обер-прокурору, 16 и 10 товарищей обер-прокурора соответственно[383]. Однако верховный суд не мог справиться с количеством дел, которое продолжало поступать. Для наглядности приведем ряд статистических данных.

---

[380] См.: Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1899 год. СПб.: Сенатская типография, 1900. С. 5-6.

[381] См.: Там же. С. 5.

[382] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 4 января 1901 года «Об усилении штат Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената» // ПСЗ-III. Т. XXI. № 19524.

[383] Статистика приводится по: Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1897-1906 годы СПб., 1898-1907.

Количество дел, поступивших в кассационные департаменты Правительствующего Сената в период с 1896 по 1906 годы

Год	Гражданский кассационный департамент				Уголовный кассационный департамент			
	Из Судебных палат	Из Окружных судов[384]	Из мировых съездов	Всего[385]	Из Общих судебных мест	Из мировых съездов	Иные ходатайства	Всего
1896	2 205	633	4 986	7 824	2 378	4 632	908	7 918
1897	2 422	667	5 234	8 323 5 666	2 572	4658	1 098	8 328 1 706
1898	2 377	664	5 971	9 012 6 557	2 718	5 311	1 311	9 340 1 833
1899	2 310	639	6 107	9 056 8 792	нет данных	нет данных	нет данных	9 688 1 658
1900	2 365	713	6 482	9 560 12 043	нет данных	нет данных	нет данных	9 113 1 512
1901	2 419	662	6 697	9 778 12 276	нет данных	нет данных	нет данных	8 917 1 539
1902	2 439	840	6 510	9 789 10 996	нет данных	нет данных	нет данных	9 219 2 102
1903	2 419	857	6 223	9 499 8 997	нет данных	нет данных	нет данных	9 384 1 584
1904	2 422	954	5 811	9 187 7 305	нет данных	нет данных	нет данных	8 500 899
1905	2 333	932	5 320	8 585 5 614	нет данных	нет данных	нет данных	7 311 1 174
1906	2 551	838	5 321	8 710 4 084	нет данных	нет данных	нет данных	8 151 783

Вопрос о реформе кассации и кассационных департаментов Сената ожидаемо стал предметом обсуждения в Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части 1894 года, именуемой Муравьевской по имени тогдашнего министра юстиции Н.В. Муравьева. Работа комиссии была поистине плодотворной, до подготовки нового проекта Судебных уставов была досконально изучена действующая судебная система и судебный процесс. Не вторгаясь в подробное описание всех мнений и проектов, предложенных членами комиссии, отметим, что реформа кассационного производства в Сенате являлась одной из основных обсуждаемых. Здесь уместно сгруппировать точки зрения по поводу потенциальной реформы кассационного Сената. Отметим, что

[384] На основании закона 12 июля 1889 года

[385] В числителе – поступившие дела, в знаменателе – оставшиеся не рассмотренными к концу года

все же были сторонники отказа от преобразований в этой сфере: «наши высшие суды не так уж и плохи, чтобы о них было особенно нужно заботиться. Они могли бы смело просуществовать не один десяток лет в их настоящем виде»[386]. В рамках данной точки зрения предлагалось продолжать увеличивать штат Сената, пока не будет достигнуто баланса между объемом дел и количеством судей либо пока судебная практика не достигнет должного уровня и не приведет к естественному сокращению дел.

Вторая точка зрения на преобразования Сената охватывала мнения и предложения, которые высказывались еще в период реформы 1877 года, а именно – децентрализация кассационного производства и передача части кассационных полномочий в отношении уездных членов окружных судов и мировой юстиции судебным палатам. Кроме того, предлагалось отказаться от принципа «чистой кассации» и разрешить Сенату самому постановлять решение, не возвращая дело на новое рассмотрение. Данную точку зрения можно охарактеризовать как умеренную, поскольку она не содержала принципиально новых позиций и заключала в себе предложения, которые напрашивались самой жизнью и частично уже были реализованы (например, в отношении части кассационных полномочий судебных палат)[387].

В этом отношении целесообразным представляется рассмотреть наиболее радикальные предложения по реформированию кассационного Сената, представленные в Муравьевской комиссии и бурно обсуждаемые на страницах периодической печати того времени. Автором одной из самых продуманных и аргументированных позиций был бывший министр юстиции Н.А. Манасеин (1885-1893 годы)[388]. Именно он постоянно ставил вопрос о преобразовании кассационного Сената, входил с предложениями об увеличении его штата, оценивая непосильную нагрузку на сенаторов. Важно, что его предложения, оформленные в «Записку», содержали перечень тех мер, которые, по мнению

[386] Левашев, А. По поводу местных судебных учреждений // Судебная газета. 1893. № 38. С. 6.
[387] Судебная газета. 1893. №. 28. С. 1-2.
[388] О кассационном суде. Всеподданнейшая записка о преобразовании Кассационного Сената и об учреждении в составе Сената Высшего совестного суда // Подготовительные материалы комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Т.2. СПб., 1894. С. 170.

чиновника, давно назрели и носили чисто технический характер, – отказ от обязательного опубликования решений кассационных департаментов, передача части кассационных полномочий в судебные палаты, предоставление возможности Сенату выходить за рамки кассационной жалобы и в ряде случае самостоятельно постановлять решение.

При этом ряд его предложений носили новаторский характер. Так, Н.А. Манасеин предлагал усилить роль Общего собрания Правительствующего Сената и разрешить ему пересматривать решения кассационных департаментов, в случае если они неверно истолковали закон или затронули интересы «какой-либо отрасли государственного управления». Определять качество «неверного» департаментского решения предлагалось либо самому департаменту, либо министру юстиции.

Полномочия Уголовного кассационного департамента предлагалось расширить путем предоставления ему права передавать уголовное дело на рассмотрение новым составом присяжных заседателей, если станет известно, что присяжные оправдали лицо «заведомо виновное» (такой порядок был предусмотрен УУС в обратном случае – если судьи будут убеждены, что присяжные заседатели вынесли обвинительный вердикт в отношении невиновного).

И, наконец, Н.А. Манасеин предлагал создать в структуре Кассационного Сената Высший словестный суд – высшую судебную инстанцию по гражданским делам. По замыслу Н.А. Манасеина, он должен был состоять из первоприсутствующих, Министра юстиции и двух сенаторов по назначению императора. Как человек «из системы», Н.А. Манасеин наблюдал излишний формализм кассационных департаментов, который порой «вступает в конфликт с требованиями справедливости». Этим объясняется его предложение о создании еще одной высшей инстанции, которая будет рассматривать дела, «не стесняясь общеустановленными судопроизводственными правилами», с вызовом свидетелей, заслушиванием сторон, а не ограничиваясь судебным решением предыдущей инстанции и материалами дела. Однако предполагалось, чтобы не

допустить массы дел в новую инстанцию, предусмотреть максимальный фильтр для их поступления. Так, жалоба на решение гражданского кассационного департамента должна была поступать на имя государя, который адресует ее министру юстиции, который оценивал ее основательность. Если будет принято решение о необходимости пересмотра дела, то оно должно было быть передано в Высший совестный суд, который уже примет окончательное решение.

Представляется, что в этой инициативе по созданию Высшего совестного суда заложена извечная ловушка нашей судебной системы: каждая реформа пытается ее максимально упростить, а следующие преобразования проходят в русле умножения инстанций – при наличии серьезных нареканий к существующей высшей инстанции (порой объективного характера) проистекает потребность в создании еще одной самой последней и самой справедливой, которой не свойственны пороки предыдущей.

В проекте Н.А. Манасеина также проявляется общая тенденция 1890-х годов на усиление умеренно консервативного курса, что выразилось в предоставления большей власти министру юстиции и лично императору как главе судебной власти.

В итоге в проект, который официально получил название «Судебные уставы императора Александра II, пересмотренные по повелению императора Александра III в царствование императора Николая II», вошел умеренный вариант преобразований Кассационного Сената – предполагалось осуществить децентрализацию кассационного производства с передачей полномочий судебным палатам[389].

Как известно, огромная работа Муравьевской комиссии не получила законодательного оформления, и Кассационный Сенат вступил в XX век таким,, каким был создан в 1864 году и преобразован в 1877 году, с тем большим багажом неразрешенных проблем.

---

[389] История суда и правосудия в России в 9 т. Т. 5. Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года) / К. П. Краковский, З. В. Соломко / отв. ред. В. М. Сырых. М.: Норма, 2020. С. 342.

По словам М.В. Немытиной, комиссию Н.В. Муравьева ждала неудача, поскольку «весь ход развития России требовал переустройства политических форм»[390]. Пришло понимание, что необходимо не «латать» дыры в правовом регулировании и не пытаться приспособить судебные институты к государственной власти, а менять принципы построения этой власти. В этом отношении важно то, что судебные институты как раз, обогнали в своем качестве иные государственные.

В год 40-летнего юбилея судебной реформы И.В Гессен категорично заявлял: «У нас сегодня нет Судебных уставов 20 ноября, и нам нужно осознать, что их не будет, пока они не перестанут противоречить интересам власти, иначе говоря, пока не произойдет обновления политического строя России»[391].

В период после первой русской революции судебным институтам, созданным в 1864 году, была предоставлена возможность действовать в иных политико-правовых условиях. К этому времени относится активизация правоинтерпретационной деятельности Сената, в частности толкование законов «без повода» в рамках Общего собрания. Становление российского парламентаризма и его законодательного органа – Государственной думы происходило в сложных условиях противоборства политических партий, течений, атрибутов старого строя и появления новых механизмов в управлении этими процессами. Законодательные процедуры проходили свое становление, задерживая принятия необходимых актов. В этой ситуации «правового вакуума», с одной стороны, и принятия «неудобных законов», с другой стороны, Кассационный Сенат стал выполнять государственный заказ, исходящий от правительства или Государственного Совета по разъяснению законов в правовом ключе. Исследователь А.Н. Верещагин собрал наиболее резонансные дела Сената этого периода, заключающие в себе разъяснение законов: о судебной защите граждан, воюющих с Россией, о возможности женщин

[390] Немытина, М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. / М. В. Немытина. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. С. 197-198.
[391] Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. В 2 т. Т.II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головко. М.: Юстицинформ, 2014. С. 338.

представлять интересы сторон в суде, о допущении женщин в присяжные поверенные, о запрете судьям состоять в политических партиях[392].

Возросшая роль Кассационного Сената в правовой и политической сферах вызывала многочисленные споры о его «новых обязанностях».

Если говорить о первичных обязанностях Сената – исполнении функций главного кассационного суда империи, то в начале XX века, после первой русской революции, нагрузка на соответствующие департаменты вновь стала возрастать. Так, в гражданский кассационный департамент в 1912 году поступило 16 285 дел, с учетом оставшихся с предыдущего года одновременно в производстве находилось 25 105 дел, в результате на конец года неразрешенными оставалось 13 215 дел[393]. Штат гражданского кассационного департамента составлял 33 сенатора и одного первоприсутствующего, одного обер-прокурора и 15 товарищей. В уголовном кассационном департаменте дела обстояли заметно лучше. В 1913 году поступило 14 064 дел, на конец года осталось незавершенными – 1 669[394]. В уголовном кассационном департаменте были заняты 21 сенатор, первоприсутствующий, обер-прокурор и 10 его товарищей. Ввиду того, что с 1912 года планировалось возродить мировую юстицию, что привело бы увеличению обжалуемых решений, а также с учетом не снижающейся нагрузки на кассационные департаменты, с 1914 года было решено значительно увеличить штатную численность сенаторов обоих кассационных департаментов[395]. Гражданский кассационный департамент дополнительно получал 16 сенаторов, восемь товарищей обер-прокурора; уголовный – семь сенаторов и четыре товарища обер-прокурора.

Важно, что в завершающий этап существования Сената верховному суду империи не удалось принципиально разрешить вопрос о чрезмерной судебной нагрузке. Предложения по преодолению негативных последствий сложившейся

---

[392] Верещагин, А.Н. Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки истории и деятельности верховного суда Российской империи. М.: Издательская группа «Закон», 2022. С. 285.
[393] Там же. С. 591.
[394] См.: там же.
[395] Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 13 июля 1913 года «О дополнении штата кассационных департаментов Правительствующего Сената» // ПСЗ-III. Т. XXXIII. № 39600.

ситуации не отличались новизной: по-прежнему предлагалось передать часть кассационных полномочий судебным палатам, увеличить сумму кассационного залога, упростить структуру и содержание кассационных решений. Однако полноценно законодатель использовал лишь экстенсивный метод – механическое расширение численности сенаторов.

В качестве вывода отметим, что в ходе судебной реформы 1864 года в Российской империи сложилась пирамидальная по своей структуре судебная система с моноинстанциональным верховным судом во главе. Высший суд государства в лице Кассационных департаментов Правительствующего Сената осуществлял полномочия преимущественно кассационной инстанции. Постепенное приобретение компетенций иных инстанций имело незначительный, а иногда непродолжительный характер, что не могло существенным образом отразиться на моноинстанциональном характере высшего суда империи.

§ 3.4. Правовая природа решений Кассационных департаментов Правительствующего Сената

Место и роль, а также правовая природа актов судебного правотворчества является одним из наиболее дискуссионных вопросов отечественной правовой науки. Традиционное причисление российской правовой системы к романо-германской правовой семье исключает судебные акты из числа источников права. Следует отметить, что дискуссия по данному вопросу зародилась не в новой российской истории, а имеет более глубокие корни. Рассмотрим правовую природу решений Кассационного Сената как высшей судебной инстанции с тем, чтобы ответить на вопрос о наличии судебного правотворчества в России в пореформенный период.

Важно отметить, что постановка соответствующего вопроса вообще стала возможной только после значительных изменений, вызванных Судебной

реформой 1864 года; причинами такой взаимосвязи стали несколько обстоятельств.

Во-первых, общее развитие юридической науки и юридического образования привело к появлению юристов нового поколения, способных толковать положения нормативного акта, видеть его пробелы и недостатки, мыслить как правоприменитель. Именно в таких условиях появилось понимание, что рассмотрение любого правового института или явления не может выступать полным без анализа непосредственных результатов правосудия (а особенно – результатов деятельности высшего суда империи), ввиду чего судебная практика стала значимым предметом юридических исследований.

Во-вторых, формированию массива судебной практики и возрастанию ее роли как источника права способствовало изменение статуса и полномочий самого суда, прежде всего собственно Кассационных департаментов Сената, фактически получивших возможность заполнять пробельность законодательства с помощью собственной правотворческой (или же правоинтерпретационной) деятельности, – в отличие от предыдущих эпох, когда от судов при обнаружении пробелов требовалось обращаться в обладающие законотворческими полномочиями государственные органы.

Так, в рамках дореформенного судебного процесса судам по общему правилу не дозволялось выходить за пределы буквального толкования норм права, так как судья считался лишь исполнителем закона при единственном создателе – монархе[396]. В то же время в действительности дореформенные суды зачастую произвольно толковали содержание правовых норм, что также предполагалось устранить путем введения единого кассационного суда – с функцией надзора за точным исполнением законов нижестоящими судами[397].

Между тем, полагаем, что рассматриваемая функция судебного правотворчества (восполнение недостатков позитивного правового

---

[396] См.: Захаров, В.В. Проблемы квалификации юридической силы определений гражданского кассационного департамента Сената в России второй половины XIX - начала XX столетия // Новый ракурс. 2015. № 12. С. 54.

[397] См.: Филиппов, М.А. Судебная реформа в России. СПб., 1871. Т. 1. Ч. 1. С. 55-57.

регулирования) исходит из непосредственной связи правосудия – даже в кассационной, объективно ограниченной форме – с социально-экономической действительностью территории своей юрисдикции. Возможно также заключить, что любой суд, по своей природе вторгающийся в существующие между субъектами правовые отношения, оказывается вынужден в той или иной мере полно исследовать содержание регулирующих эти отношения норм – и юридических, и социальных. В то же время эффективность законотворческой деятельности – и в части своевременности, и в части полноты изменений правового регулирования – зависит от множества факторов, складывающихся в правовую действительность конкретного государства в конкретный исторический период, в том числе – от факторов политических. Но из самого существа права на судебную защиту следует, что ни развитие человеческой культуры (в широком смысле), ни усложнение структуры социальных отношений, ни появление новых видов экономической деятельности не могут освободить судебную власть от обязанности представлять своевременную и должную реакцию на все возможные нарушения прав и законных интересов субъектов права.

С учетом изложенного, расширение полномочий кассационных департаментов в части заполнения правовых лакун оказалось соответствующим характеру эпохи. Социально-экономическое развитие России второй половины XIX века вызвало к жизни новые формы общественных отношений, правовое регулирование которых существенно отставало от становления и развития[398]. В этом отношении именно суды, опережая деятельность законодателя, взяли на себя функцию оперативного заполнения возникавших пробелов в праве, осуществляя правовое регулирование, по крайней мере, до принятия законодательных актов. Известно, как деятельность Сената позволила сформулировать, а затем расширить и уточнить отсутствовавшую в уголовном законе дефиницию клеветы, основываясь на обстоятельствах доходивших до

[398] См.: Биюшкина, Н.И. Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской империи (вторая половина XIX - начало XX в.) // Вестник ННГУ. 2019. № 6. С. 92.

кассационной инстанции судебных дел[399]; в этой связи А.Ф. Кони, характеризуя роль Сената в современной ему правовой системе, указывал на несомненно положительное значение разъяснительного характера деятельности кассационных департаментов, «вкладывание в сжатую форму закона обширного жизненного содержания»[400]. Представляется обоснованным, что вместе с увеличением роли суда и судьи как непосредственного правоприменителя к судьям стали предъявлять повышенные требования, в том числе к образованию и опыту работы[401].

В-третьих, немаловажное значение в становлении судебной практики как источника права получило требование об опубликовании актов Кассационных департаментов Сената. Планомерное издание соответствующих сборников в официальном порядке сделало возможным подробное изучение практики Сената профессиональным сообществом[402], что в вышеописанных условиях – появления нового поколения юристов и развития юридической науки – позволило как ориентироваться на эти акты в качестве образцов правоприменения, так и развивать дискуссию по тем или иным спорным вопросам в рамках доктрины.

Более того, судебная практика Сената получила своё значимое место в правовой системе Российской империи в том числе в силу упомянутой обязательности опубликования актов кассационных департаментов, так как такое свойство выступало одним из способов практического осуществления притязаний Сената на закрепление за своими актами обязательного характера не только в части толкования права, но и в части примененных правовых позиций – для судов всех уровней при вынесении решений по сходным делам[403].

---

[399] См.: Тюнин, В.И., Радошнова, Н.В. Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 83.

[400] Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы / А.Ф. Кони. М., 2024. С. 15-17.

[401] См.: Захаров, В.В. Проблемы квалификации юридической силы определений гражданского кассационного департамента Сената в России второй половины XIX - начала XX столетия // Новый ракурс. 2015. № 12. С. 53.

[402] См. подробнее о развитии судебной практики: Тесля А.А. Источники гражданского права Российской империи XIX – начала XX века. Хабаровск, 2005. С. 34.

[403] См.: Ильина, Т.Н. Полномочия Сената как высшей судебной инстанции в России во второй половине XIX века // Новый ракурс. 2016. № 17. С. 81-82.

Таким образом, в результате деятельности кассационных департаментов Сената происходило и формирование единообразной судебной практики[404], в том числе и в тех случаях, когда законодательное регулирование имело те или иные недостатки, усложнявшие процесс разрешения спора. Постепенно Кассационный Сенат стал по сути определять судебную политику и, в случаях когда имелся пробел в законодательстве, восполнял его с помощью судебной практики.

При этом важно отметить, что не все акты Кассационного Сената имели столь решающее значение. Представляется необходимым представить полный перечень решений кассационного суда и определить их правовую природу и юридическую силу.

Для того чтобы ответить на вопрос о видах решений, которые исходили из Сената, необходимо кратко остановиться на структуре данного органа во второй половине XIX – начала XX века. Так, в составе Сената, кроме кассационных департаментов, действовали: Общее собрание кассационных департаментов, Общее собрание первого и кассационных департаментов, Общее собрание первого, второго и кассационных департаментов, Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов, Соединенное присутствие первого и гражданского кассационного департаментов, Соединенное присутствие первого и уголовного кассационного департаментов, Соединенные присутствия первого и гражданского или уголовного кассационного департаментов в особом составе, Соединенное присутствие второго и гражданского или уголовного кассационного департаментов, Особое присутствие, Высшее дисциплинарное присутствие.

При этом не все решения, исходящие от структурных подразделений Сената, могли претендовать на роль судебного правотворчества и обязательности применения нижестоящими судами. Действительно, спор о правовой природе и прецедентном характере решений первоначально возникал только в отношении решений кассационных департаментов.

---

[404] Там же. С. 77.

Решения, которые выходили из кассационных департаментов или при их участии, можно представить следующим образом: разъяснения Общего собрания кассационных департаментов, разъяснения одного из кассационных департаментов по запросу министра юстиции, решения одного из Кассационных департаментов.

В силу статьи 259[1] Учреждения судебных установлений, министр юстиции обладал правом обращаться в Сенат с целью разъяснить применение норм права вследствие их неоднозначного толкования судами. Важно отметить, что такие решения могли состояться не по конкретному делу, а по спорной ситуации, Общее собрание формулировало свое мотивированное мнение. Такие решения публиковались в отдельные сборники. Решения разъяснительного характера по запросу министра юстиции были также в каждом из кассационных департаментов отдельно. Исследователь А.Н. Верещагин указывает, что для кассационных департаментов удельный вес таких разъяснений был невелик и составлял до девяти дел в год[405]. Разъяснения Общего собрания были более многочисленны и в конце XIX – начале XX века постановлялись до 40 в год[406].

Интересна правовая природа и значение данных актов Сената. Сам Сенат считал их актами легального толкования закона и придавал большую юридическую силу, чем департаментским решениям. Для Кассационных департаментов такие разъяснения носили преюдициальный характер, в отдельном департаменте не могло состояться решение, противоречащее разъяснениям Общего собрания. В случае, если нижестоящие суды выносили решение вне позиции Общего собрания, они также подлежали отмене. Таким образом, на практике не вызывала сомнений обязательность применения разъяснений Общего собрания судами. Уже начале XX века депутат Государственной Думы А.Ф. Мейендорф отмечал: «Имея столь просто обставленную правотворческую функцию, как ни один суд на Западе, Сенат

[405] См.: Верещагин, А.Н. Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки истории и деятельности верховного суда Российской империи. М., 2022. С. 354.
[406] Там же.

сыграл чересчур важную роль в «развитии» нашего права»[407]. В этом отношении разъяснения Общего собрания своей внесудебной сущностью достаточно близки к последующими пленумам высших судов СССР и России, за исключением того, что пленумы все же носят более абстрактный характер, а решения Общего собрания были призваны отвечать на конкретные вопросы, возникающие в правоприменительной практике.

Перейдем к характеристике юридической силы решений кассационных департаментов Сената. Здесь важно отметить одно обстоятельство. С момента образования кассационных департаментов и начала их работы в 1866 году все их решения подлежали обязательному опубликованию в силу статей 815 Устава гражданского судопроизводства и 933 Устава уголовного судопроизводства. После реформы Кассационного Сената 1877 года департаменты были разделены на отделения, которые имели право принимать решения по «типичным делам», а в случае если дело требовало разъяснения закона с целью единообразного его применения, то его рассматривало присутствие кассационного департамента. И именно эти решения подлежали обязательному опубликованию. Вскоре сам Сенат стал придавать большее значение именно распубликованным решениям, считая их обязательными для всех нижестоящих судов. Также начиная с 1877 года, появился еще один вид сенатских решений – так называемые отделенские решения (принятые в одном из отделений). Однако они не подлежали публикации, в отношении них не поднимался вопрос об их обязательной силе вне рамок конкретного дела.

Не вызывало сомнения, что правовая позиция кассационного департамента выступала обязательной для нижестоящего судебного установления, в которое направлялось дело для принятия решения по существу – на это прямо указывала статья 813 Устава гражданского судопроизводства («в разъяснении точного разума закона судебные установления обязаны подчиняться суждению сената, и кассационные жалобы против постановленного на сем основании второго

[407] Мейендорф, А.Ф. Вопрос о толковании закона и компетенция Департаментов Правительствующего Сената прежнего устройства СПб., 1914. С. 18.

решения ни в каком случае не принимаются», далее также – УГС)[408] и статья 930 Устава уголовного судопроизводства («суд, в который обращено дело для нового решения, обязан, в изъяснении точного разума закона, подчиниться суждениям правительствующего сената», далее также – УУС)[409].

Общеобязательную юридическую силу решений Кассационных департаментов Сенат выводил из статьи 815 УГС («все решения и определения кассационных департаментов Сената, которыми разъясняется точный смысл закона, публикуются в всеобщее сведение, для руководства к единообразному истолкованию и применению оных»).

Не просто аналогичная, а текстуально тождественная норма содержалась в статье 933 УУС. Кроме того, общие суды империи не могли приостанавливать производство по делу по причине неясности и неполноты закона (статья 10 УГС), а следовательно, должны были в силу статьи 9 УГС в условиях отсутствия соответствующей нормы права «основывать решение на общем смысле закона». Полностью совпадающие нормы включали статьи 12 и 13 УУС. Таким образом, судья мог и должен был применять те нормы права, которые регулировали аналогичные правоотношения, в этой части, пользуясь, по сути, дискретными полномочиями. Интересно, что уголовное право тех времен не знало прямого запрета на применение норм уголовного права по аналогии[410], что возлагало дополнительную ответственность на принимающего решения судью.

В этом отношении непременно должен возникнуть вопрос о пределах таких полномочий. С одной стороны, данные полномочия устанавливались законом, в соответствии с которым применялись в условиях наличия пробелов в праве. Но, с другой стороны, любое правоприменение основывается на профессиональных качествах судьи как непосредственного правоприменителя и прямо зависит от понимания судьёй существа возникающих в рамках спора вопросов, что внутренне связано с рисками злоупотребления таким правом.

[408] Судебные уставы 20 ноября 1864 года: в 4-х частях. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1864.
[409] Там же.
[410] См.: Тюнин, В.И., Радошнова, Н.В. Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. №2 (58). С. 83-84.

Следовательно, реальным механизмом предотвращения множественности подходов к пониманию и применению одной и тоже нормы права со стороны конкретных судей и выступала деятельность Кассационных департаментов, что позволило Сенату обосновывать вышеупомянутую позицию об обязательности своих решений для судов по однородным делам.

Между тем мнение относительно обязательности актов Кассационных департаментов Сената для нижестоящих судов вызывало острую критику со стороны научного юридического сообщества второй половины XIX века[411]. Подчеркивалось, что такая позиция Сената противоречила статье 69 действовавших в то время Основных государственных законов Российской империи, в которой закреплялось, что «судебные решения дел частных хотя могут быть приводимы в пояснениях в докладах, но не могут быть признаваемы законом общими для всех обязательным, ни же служить основанием для окончательных решений по делам подобным»[412]; обязательность же применения разъяснений кассационных департаментов для нижестоящих судов в законодательстве прямо не устанавливалась[413].

Шершеневич Г.Ф. в связи с этим отмечал, что «судебная практика рабски ловит каждое замечание кассационного департамента, старается согласовать свою деятельность со взглядом Сената. Авторитет кассационных решений отучил практиков от самостоятельного мышления, собственного юридического анализа»[414]. Кроме того, важным замечанием с точки зрения систематического толкования законодательства выступало отсутствие в УУС и УГС оснований для

---

[411] См.: Захаров, В.В. Проблемы квалификации юридической силы определений гражданского кассационного департамента Сената в России второй половины XIX - начала XX столетия // Новый ракурс. 2015. № 12. С. 60-66.

[412] Мейер, Д.И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. М., 1873. С. 25.

[413] См.: Калиниченко, А.В. Сенат в системе судебной власти Российской империи: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2011. С. 11.

[414] Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 241.

отмены судебных решений в связи с несоответствием судебной практике Сената[415].

Также в качестве аргумента против обязательности применения актов Кассационных департаментов Сената приводился довод о несоответствии такой позиции принципам, заложенным судебными уставами, в том числе принципу разделения властей. Полагалось, что принцип, в силу которого судья получил право выносить решение, несмотря на пробельность закона, задумывался как попытка провести грань между судебными и законодательными актами, а Сенат применил излишне расширительное толкование устанавливающих свою компетенцию норм и тем самым присвоил себе полномочия законодателя[416].

Звучали и более мягкие оценки ученых, которые, в целом не признавая за актами Сената силу источника права, все же указывали на положительную роль этих актов в отечественной правовой системе. Цивилист начала XX века Л.А. Кассо, говоря об особой роли практики верховных судов, приводил следующий пример: «Даже в странах с законченной кодификацией не исключена творческая роль суда: лучшим примером служит Франция, где тонко продуманные и последовательные решения судов значительно дополнили в течение столетия Кодекс Наполеона. Этой работой французских судебных учреждений объясняется, почему в государствах, реципировавших французское законодательство без результатов, добытых практикой, замечаются существенные пробелы действующего права»[417]; здесь следует подчеркнуть, что кассационная инстанция в виде Сената создавалась именно по французскому образцу[418].

Покровский И.А. также отмечал, что «закон и суд не две враждебные силы, а два одинаково необходимых фактора юрисдикции. Оба они имеют одну

---

[415] См.: Захаров, В.В. Проблемы квалификации юридической силы определений гражданского кассационного департамента Сената в России второй половины XIX - начала XX столетия // Новый ракурс. 2015. № 12. С. 64-65.
[416] Там же. С. 14.
[417] Кассо, Л.А. Источники русского гражданского права. М., 1900. С. 9-10.
[418] См.: Сергеевич, В.И. Мнение Цинка в пользу кассационного суда (к вопросу о кассационном суде) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CXXI. 1864. С. 41-50.

и ту же цель – достижение материального справедливого; закон для достижения этой цели нуждается в живом дополнении и сотрудничестве в лице судьи»[419].

Следовательно, роль создаваемой Сенатом судебной практики предлагали оценивать не с точки зрения формы и обязательного характера для нижестоящих судов, а с точки зрения содержания, которое способствовало совершенствованию законодательства и выступало необходимым элементом функционирования государства, вступившего в эпоху промышленного подъема со сложной системой правоотношений.

Наконец, важно отметить, что сам Сенат не считал себя связанным обязательностью своих же актов, так как позиции Кассационных департаментов по различным категориям вопросов зачастую менялись, в том числе и под влиянием последовательной практики нижестоящих инстанций[420].

Таким образом, следует заключить, что акты Кассационных департаментов Сената – как судебная практика высшего суда в структуре органов судебной власти – не выступали формально признанным источником права в правовой системе Российской империи, так как прямо не наделялись соответствующей юридической силой материальными нормами действовавшего законодательства и носили обязательный характер прежде всего для суда, в который передавалось спорное дело для разрешения по существу.

Между тем, учитывая, что, как подчеркивалось выше, созданное судами право всегда отличается большей гибкостью по сравнению с правом позитивным, что, в свою очередь, позволяет быстрее реагировать на изменения правовой действительности, судебная практика кассационных департаментов выступила важным средством развития всей правовой системы пореформенной России, предлагая творчески разработанные правовые позиции, разъясняющие те или иные сложные или противоречивые вопросы в условиях объективно обусловленного отставания законодательного процесса от состояния общества и социально-экономического прогресса.

---

[419] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 70-71.
[420] См.: Малышев, К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб, 1876. С. 68.

Наличие же обязательного характера этих правовых позиций, установленного законодательно, как представляется, для обеспечения эффективности правосудия и не требовалось, так как по общему правилу суды всё же подчинялись мнению высшего суда, тем самым решающим образом влиявшего на формирование судебной практики в широком смысле, однако при наличии обоснованных и существенных возражений не лишались возможности применить собственную правовую позицию, в той или иной мере не соответствующую актам Кассационных департаментов Сената; Кроме того, сам Сенат также не ограничивался в возможности изменить ранее высказанное толкование закона, в том числе и под влиянием нижестоящих судов.

В качестве вывода отметим, что развитие Сената как высшей судебной инстанции в пореформенный период шло в рамках двух основных функций высших судов: функции правосудия – рассмотрение дел в порядке пересмотра решений нижестоящих судов и исправление ошибок, а также регулирующей функции – определение судебной политики через толкование права. Вторая половина XIX века – время бурного развития правовых отношений во многих сферах человеческого и общественного бытия. Нормы материального права, часто опаздывающие с правовым регулированием, быстро заменялись на сенатские разъяснения, выступающие более эффективным регулятором правовых отношений по сравнению с актами законодательных органов. К тому же сенатские решения являлись более гибкими и оперативными с точки зрения их изменения и включения в реальную практику. Таким образом, «запрос» на регуляторную функцию высшего суда империи, исходящий от общества и государства был велик. Однако опыт государств, последовательно проводящих в жизнь функциональную модель высшего суда, основанную на практически равном сочетании обеих функций, непременно сталкиваются с деформационным сбоем в своей деятельности, что и произошло с пореформенным Сенатом: он оказался перегружен типичными кассационными жалобами (уклон сторону функции по исправлению ошибок нижестоящих судов) и не имел возможности сосредоточить свой профессиональный потенциал на регуляторной функции по

формированию судебной практики и развитию права. С конца 1870-х годов наблюдаются целенаправленные попытки законодателя разгрузить Сенат от типовых дел и сконцентрировать его силы на выработке правовых позиций по актуальным вопросам, необходимых для обеспечения единообразия судебной практики.

Глава IV. Организация верховного правосудия в 1917-1991 годы

§ 4.1. Организация верховного правосудия в первые годы советской власти: поиск оптимальной модели

Становление советской судебной системы в первые революционные десятилетия сопровождалось постоянным поиском ее оптимальной модели. Эволюция взглядов творцов новой судебной системы проходила от полного отказа от преемственности судебных институтов царского периода к постепенному их возрождению, но с иным социально-политическим содержанием.

Для исследователей этот период представляется наиболее интересным, поскольку победа Октябрьской революции дала шанс ее идеологам и руководителям воплотить в жизнь те идеи и концепции, которые были накоплены за многие десятилетия революционной борьбы.

При этом непродолжительный период становления советской судебной системы, насчитывающий чуть более пяти лет, не отличался однородностью и однолинейностью выбранного курса. В это время были апробированы различные, иногда исключающие друг друга варианты организации судебной власти и верховного правосудия.

Одну из первых попыток периодизации советского судоустройства предпринял русский правовед и социолог С.Н. Тимашев, эмигрировавший за границу в 1925 году[421]. Обратим внимание, что автор работал за рубежом и представил свой вариант периодизации судебной системы, когда последняя только приобрела черты постоянства и организованности. Тем не менее С.Н. Тимашев в качестве критерия разграничения становления судебной власти в Советской России на периоды обозначил отношения законодателя к вопросу об источниках права. Первый этап С.Н. Тимашев выделил с момента прихода

[421] См. подробнее: Тимашев, Н.С. Судоустройство // Право Советской России. Сборник статей. Прага, 1925. С. 213-244.

большевиков к власти до осени 1918 года. Для него характерно признание властью субсидиарным источником права дореволюционного законодательства в той мере, в какой оно не противоречит революционному правосознанию. Судоустройство первого периода основывается на двух актах: декрете о суде № 1, упразднившем все судебные установления предыдущей эпохи и организовав главную ячейку новой судебной эпохи – народный суд, и декрете о суде № 2, в общий чертах учредившем высшие суды советского государства. При этом автор не упустил из внимания, что декрет о суде № 2 в части организации верховного правосудия не был реализован, а в целом итогом первого периода стало становление и процессуальное господство органов чрезвычайной юстиции.

Второй этап С.Н. Тимашев предлагает определять с приходом на должность наркома юстиции П.И. Стучки, отмены некоторых положений декрета о суде № 2, а именно упразднение народных областных судов и высшего судебного контроля. 30 ноября 1918 года издается Положение о народном суде, которое конструирует судебную систему исключительно на основе «пролетарского мировоззрения». Второй период, по мнению С.Н Тимашева, характеризуется полным запретом на использование дореволюционного законодательства, отсутствием советского писанного права, и, как следствие, заполнением этого вакуума применением революционного правосознания. Важно также отметить, что на этом этапе руководству страны удалось в полной мере реализовать идею о единстве народного суда. Народный суд признавался единственным судом, рассматривающим дела по первой инстанции, ревизионной инстанцией по отношению к нему выступали губернские советы народных судей, создаваемые из действующих народных судей. Высшая судебная инстанция в «нормальной юстиции», как называл ее С.Н. Тимашев в противовес системе трибуналов, отсутствовала. Видимо, автор не учитывал Высший судебный контроль Наркомюста, поскольку он входил в состав органа исполнительной власти.

Третий период включал в себя судебную реформу 1922 года, предполагавшую в первую очередь объединение двух юстиций: «нормальной»

(народных судов) и чрезвычайной (трибуналов) и создание Верховного Суда РСФСР. Принципы построения новой судебной системы были взяты из системы революционных трибуналов, что предопределило тесную связь судов всех инстанций с центральной властью. Также для этого периода было характерно развитие письменного советского права и появления кодексов по основным отраслям.

Используя предложенную периодизацию, рассмотрим процесс становления системы советского правосудия во главе с Верховным судом.

Декрет о суде № 1, заложивший основы советской судебной системы на долгие годы, был разработан и принят в самые короткие сроки. Активная работа над проектом началась с 16 ноября 1917 года после назначения на должность заместителя наркома юстиции П.И. Стучки. Ряд историков сходятся во мнении, что такая спешка в издании Декрета о суде № 1 объяснялась отнюдь не необходимостью скорейшей организации одного из важнейших сегментов государственной власти – судебной – и даже не насущной заменой продолжавших функционировать судебных учреждений царской эпохи, а основной причиной было провести работу по разработке и принятию декрета без основной причиной было стремление провести работу по подготовке и принятию декрета без участия левых эсеров. Левые эсеры должны были войти в состав советского правительства, а Наркомат юстиции «был обещан левым эсерам»[422]. При этом одним из условий В.И. Ленина для включения левых эсеров в СНК была невозможность отмены Декрета о суде № 1[423].

С чем было связано нежелание главы советского правительства допускать к разработке и принятию декрета о суде левых эсеров? Причина состояла в том, что у большевиков и левых эсеров были различные позиции относительно организации судебной системы нового образца. Суть этих разногласий состояла в том, что большевики предлагали более радикальную программу

[422] См.: Разгон, А.И. Правительственный блок большевиков и левых эсеров // Исторические записки. Т. 117. М., 1989.
[423] См.: Буков, В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 202.

преобразований судебной власти. Левые эсеры все-таки тяготели к сохранению лучших элементов судебной системы второй половины XIX – начала XX века – суда присяжных, гласности судебного разбирательства, мирового суда и ряда других. Однако для лидера большевиков было принципиальным полностью ликвидировать дореволюционный суд, поскольку буржуазный суд всегда является «слепым тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»[424]. Но левые эсеры имели весьма сильные позиции на местах, в местных советах, которым следовало претворять декрет о суде в жизнь. Поэтому В.И. Ленину было важно подготовить нормативную базу будущей судебной системы без участия своих ближайших сподвижников. Анархии первых послереволюционных месяцев противостояла попытка организовать работу судов «старого образца». Так, советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов по всей стране еще на протяжении 1918 года получали директивы из Правительствующего Сената с предписанием об исполнении. В результате состоялось необходимое разъяснение со стороны Наркомюста о недействительности таких актов: «в виду упразднения Правительствующего Сената, поступающие из последнего указы исполнению не подлежат. Вместе с тем комиссариат просит прислать на рассмотрение несколько экземпляров поступающих «Указов»[425].

В этой сложной ситуации организация верховного правосудия не являлась первоочередной задачей – наоборот, Декрет о суде № 1 учреждал суды низшего звена – местные суды. Пересмотр решений в апелляционном или кассационном порядке по ряду дел отменялся вообще, а для остальных была объявлена только процедура кассационного пересмотра, которую осуществляли съезды местных судей. Забегая вперед, отметим, что законодатель советской эпохи полностью отказался от апелляции как формы пересмотра судебных решений, ограничившись только кассацией. Первоначально такое стремление большевиков было связано с желанием преодолеть негативные проявления,

[424] Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 270.
[425] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 321. Л. 4.

имевшие место в царской судебной системе и связанные с волокитой, поэтому взяли курс на максимальное сокращение судебных инстанций. Позже отсутствие апелляционной инстанции с необходимостью по сути повторного рассмотрения дела со всеми процессуальными издержками сильно удешевляло оправление правосудия, отчего к ней не вернулись.

Также Декретом о суде № 1 учреждались революционные трибуналы, призванные разрешать дела контрреволюционной направленности. Их создание было продиктовано необходимостью отстаивать завоевания революции, новый порядок и новое государство. По мнению И.А. Исаева, чтобы утверждаемые революцией принципы и идеи завладели умами и стали общепризнанными, необходимо «соединить мысль и силу», как движущую энергию этого процесса[426]. Не останавливаясь подробно на революционных трибуналах, лишь отметим, что, начиная с Декрета о суде № 1, уже начинает прослеживаться тенденция к неоднородности судебной системы, появлению в ней обособленных подсистем: наряду с судами «общей юрисдикции», роль которых исполняли местные суды, были созданы особые суды – революционные трибуналы. Впоследствии эта тенденция только усиливалась.

В своих первоначальных работах один из главных идеологов судебных преобразований Советской России П.И. Стучка указывал на возможность двух вариантов преобразования верховного правосудия. Первый сводился к уничтожению только Сената, как высшей судебной инстанции и органа, ассоциирующегося с судебным произволом, при этом считалось, что было возможно сохранение системы мировых, окружных судов и судебных палат. Второй вариант, наоборот, подразумевал сохранение Сената, но ликвидацию остальных судебных звеньев. Ситуация с упразднением всех судов и функционированием молодого Советского государства, пусть и непродолжительное время, без судов вообще не расценивалась как катастрофическая. Стучка П.И. отмечал, что знакомому с волокитой царского

[426] Исаев, И.А. Закон и революция. Легальное основание революционного мифа. – М.: РГ-Пресс, 2019. С. 115.

суда, в котором «остановка на месяц или на два является совершенно незаметным антрактом», будет возможным пережить период без функционирований каких бы то ни было судов.

Предсказываемый П.И. Стучкой «антракт», вылившийся в хаос построения и функционирования судебной системы молодого Советского государства, обусловил необходимость формирования высшей судебной инстанции, способной обеспечить определенный порядок процессе отправления правосудия. В период с 1917 по 1923 годы при конструировании судебной системы были предложены и частично апробированы три модели организации верховного правосудия, включая создание Верховного Суда.

Первая модель была реализована в системе революционных трибуналов – в 1918 году для обжалования приговоров было создано Кассационное отделение при НКЮ. Кассационное отделение состояло из пяти лиц и рассматривало жалобы на решения революционных трибуналов. Порядок направления жалобы был следующий. Жалобы подавались в двухнедельный срок в тот же трибунал, который выносил решение. В случае достаточных оснований трибунал приостанавливал исполнение приговора и в трехдневный срок передавал жалобу в Кассационное отделение. Кассационное отделение рассматривало жалобу в семидневный срок и либо возвращало ее в трибунал, не найдя в ней оснований, либо признавало приговор подлежащим отмене и передавало дело в судебный отдел ЦИК, сообщая о таком решении трибуналу. Такими основаниями могли быть нарушение установленных Инструкцией для ревтрибуналов форм судопроизводства либо обнаружение признаков явной несправедливости приговора. В последнем случае НКЮ имел право обратиться в судебный отдел ЦИК, который либо утверждал приговор, либо передавал его на вторичное и окончательное рассмотрение в новом составе революционного трибунала[427].

[427] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А 353. Оп. 2 .Д. 123. Л. 1-2

Столь сложный и «многоходовый» порядок был несколько упрощен Декретом ВЦИК и СНК от 11 июня 1918 года[428]: из него был исключен Наркомат юстиции. Теперь Кассационный отдел был создан при ВЦИК, но процедура обжалования в общих чертах сохранялась. С ходатайствами об изменении приговора ВЦИК входил в Президиум ВЦИК.

Основной целью создания и деятельности кассации в системе революционных трибуналов была необходимость исправления ошибок местных трибуналов, поскольку на момент 1918 года еще не было принято уголовного и уголовно-процессуального кодексов и трибуналы действовали на основе инструкций, а также руководствовались, как известно, революционным правосознанием. В этой ситуации кассация при НКЮ или при ВЦИК должна была способствовать выработке единой уголовно-правовой политики и обеспечить соблюдение трибуналами положений, регулирующих их организацию и деятельность.

Далее 12 апреля 1919 года учреждался Верховный революционный трибунал при ВЦИК. Ему передавались изъятые из подсудности местных судов все дела о наиболее опасных преступлениях, направленных против советской власти. Верховный революционный трибунал состоял из председателя и двух членов. Дела к производству принимались только на основе постановления Президиума ВЦИК. Обжалованию приговоры Верховного трибунала не подлежали.

В результате модель организации правосудия, существовавшая в системе революционных трибуналов, структурно представляла собой трехзвенную структуру во главе с Верховным революционным трибуналов при ВЦИК, который также выступал в качестве суда первой инстанции по наиболее резонансным делам (единственным государственным обвинителем после ликвидации коллегии обвинителей был Н.В. Крыленко)[429]. Функции по

[428] См.: Декрет ВЦИК и СНК от 11.06.1918 «Об учреждении Кассационного отдела при ВЦИК и о порядке кассации приговоров революционных трибуналов» // СУ РСФСР. 1918. № 45. Ст. 545.
[429] См. подробнее о деятельности Н.В. Крыленко в качестве государственного обвинителя см.: Титов, Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов: Учеб. Пособие. М., 1983. С. 54.

обеспечению единообразия применения закона и надзор за трибуналами осуществлял Кассационный трибунал. Таким образом, в системе революционных трибуналов полномочия высшей инстанции были «разделены» между Верховным революционным трибуналом и Кассационным.

Вторая модель организации верховного правосудия была предложена левыми эсерами, которые непродолжительное время возглавляли Наркомат юстиции, и состояла она в создании Верховного судебного контроля, независимого органа, состоящего из судей, сформированного путем выборов из судейского сообщества[430].

Основной целью учреждаемого органа верховного правосудия было обеспечение единообразия кассационной практики съездов местных народных судей и областных народных судов. Предполагалась следующая структура нового учреждения: в него должны были входить представители областных народных судов по избранию этих судов на срок не свыше 1 года с правом отзыва как со стороны окружных судов, так и Советов и переизбрания.

Основные полномочия Верховного судебного контроля заключались в толковании законов различными кассационными инстанциями, на основе которых выносились единые решения, обязательные для применения всеми нижестоящими инстанциями. Также Верховный судебный контроль в случае обнаружения противоречия между законом и народным правосознанием мог входить с предложением в законодательные органы с инициативой устранения такого противоречия.

Решения Верховного судебного контроля носили окончательный характер, которые мог отменить лишь законодательный орган[431].

Идея левых эсеров о создании данного органа так и осталась идеей, не получив реального воплощения. Одной из причин этого стала политическая борьба в партии большевиков, в результате которой глава Наркомата юстиции и ключевой автор Декрета о суде № 2 И.Н. Штенберг ушел в отставку 18 марта

[430] Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
[431] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А 353. Оп. 2 .Д. 123. Л. 7.

1918 года в знак протеста против заключения Брестского мира, то есть, менее чем через месяц после принятия декрета. Предпринятое в июле 1918 года июльское восстание левых эсеров, по мнению современников, ни для одной сферы государственного управления не сыграло ключевой роли, за исключением судебной. Все начинания И.Н. Штенберга были объявлены «уступкой мелко-буржуазным предрассудкам»[432].

Таким образом, передовая инициатива левых эсеров не была реализована. Сменивший И.Н. Штенберга на посту наркома юстиции П.И. Стучка придерживался в тот период иной точки зрения на организацию верховного правосудия. По его мнению, правовая жизнь нового социалистического общества должна упроститься и надобность в разветвленной, иерархически сложенной судебной системы во главе с высшим судом отойдет в прошлое, судебная функция сойдет на уровень местных судов в пределах губернии[433]. Но при этом большевики понимали, что до окончательной победы социализма и снижения роли суда в новом обществе пройдет время, а решать проблемы организации отправления правосудия необходимо здесь и сейчас. Другой идеолог судебного строительства первых послереволюционных лет Н.В. Крыленко, указывая, что децентрализованная система народных судов попала в полную зависимость от местных советов и не имела ни налаженной системы руководства из центра, ни «объединяющего центра руководства судебной практикой»[434]. Также следует указать на то, что с первых шагов функционирования новых судебных учреждений перед государством возникла задача исправления судебных ошибок и проверка законности их вынесения. Поэтому, не реализовав идею левых эсеров о Верховном судебном контроле, большевики предложили еще один вариант организации верховного правосудия, который подразумевал судебный контроль и пересмотр решений судов

[432] Тимашев, Н.С. Судоустройство // Право Советской России. Сборник статей. Прага, 1925. С. 215.
[433] См., например: Стучка, П.И. Мысли о нашем правосудии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 14. С. 1313.
[434] Крыленко, Н. Д. Реформа судоустройства // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 37-38. С. 37.

Наркоматом юстиции[435]. Юридически данная модель была оформлена «Положением о высшем судебном контроле» от 10 марта 1921 года[436].

Цели создания высшего судебного контроля были теми же, что и для верховного судебного контроля по версии левых эсеров, а именно – обеспечение правильного и единообразного применения всеми судебными органами законов РСФСР и соответствие их деятельности с общим направлением политики рабоче-крестьянского правительства. Отметим, что для выполнения данных целей не предполагалось создание нового органа или инстанции, как в случае с системой трибуналов или верховного судебного контроля, речь шла о наделении Наркомата юстиции специальными полномочиями, то есть, появлении нового процессуального механизма пересмотра и оценки судебных решений.

При этом механизм проверки судебных решений скорее напоминал административный контроль, который базировался на принципе приоритета публичных интересов. На всех стадиях такой проверки ведущую роль играл орган управления, который мог самостоятельно инициировать проверку, возбудить производство без воли и участия сторон.

Так, вопросы о признании приговоров или решений судебных органов, не вступивших в законную силу, рассматривались по заявлению центральных и областных органов советской власти или губернских исполнительных комитетов и по инициативе самого Наркомата юстиции.

Таким образом, Наркомат юстиции фактически возложил на себя функции высшей судебной инстанции, поскольку посредством высшего судебного контроля он, во-первых, обеспечивал возможность исправлять судебные ошибки (то есть, действовал в качестве кассационной инстанции), во-вторых, обеспечивал единообразное правоприменение путем выработки актуальных правовых позиций, с чем связывали достижение правовой определенности и

---

[435] См. подробнее: Захаров, В.В. Высший судебный контроль // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2016. № 15. С. 47-114.

[436] Декрет ВЦИК и СНК «Положение о высшем судебном контроле» от 10. Марта 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

предсказуемости состояния общественных отношений (то есть, фактически формировал судебную политику).

Установленное совмещение несло для НКЮ и негативные последствия: сложившаяся судебная организация допускала неоднократность обжалования, а это уже противоречило заявленным большевиками целям в сфере судопроизводства – дело по существу может быть рассмотрено только один раз, только один раз может быть обжаловано и только в кассационном порядке.

Апробация данной модели не имеет достаточного фактологического материала, поскольку в данном формате высший судебный контроль просуществовал два года с 1921 по 1923. Исследователь В.В. Захаров отмечает, что высший судебный контроль изначально рассматривался как временное явление[437].

В 1922 году, после завершения Гражданской войны и перехода к мирному государственному строительству, назрела необходимость принятия решения относительно структуры судебной системы. К этому моменту были апробированы только две формы организации верховного правосудия: кассация решений в Верховном революционном трибунале, то есть, органе, входящем в систему революционных трибуналов и венчающих эту систему, а также пересмотр судебных решений Наркоматом юстиции посредством высшего судебного контроля. Отказ от последней формы был обусловлен, по словам самих же авторов преобразований, тем, что необходимость высшего судебного контроля как контроля со стороны административного органа отпала. Появилась новая необходимость – создание авторитетного судебного органа, осуществляющего такой контроль[438].

Наркомат юстиции по итогам первых лет после революции получил большое количество полномочий, в частности функции судебного надзора и организации судов. В 1921 году в своем годовом отчете НКЮ указал основные

---

[437] Захаров, В.В. Высший судебный контроль // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2016. № 15. С. 54.

[438] Бранденбургский, Я. Почему мы упразднили высший судебный контроль // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 3. С. 57.

направления деятельности, среди которых были: разработка законопроектов, издание инструкций и циркуляров, выезды с ревизиями, утверждение личного состава судов, возможность входить во ВЦИК с предложениями об отмене противоречащих актов местных органов, разработка программы курсов по подготовке судебных работников и др.[439] С незначительными перерывами органы юстиции в Советском государстве сохранят функции по судебному управлению на протяжении всего периода, однако отправление ими чисто судебных полномочий по обжалованию решений и формирования единой судебной практики будет перераспределено в пользу судебной системы.

Отсюда можно предположить, что споры о форме организации верховного правосудия заключали в себе не только борьбу различных точек зрения на процедуру проверки и обжалования судебных решений, а во многом проистекали из борьбы ведомств. Кульминацией этого противостояния стал четвертый съезд деятелей юстиции, проходивший 26-30 января 1922 года. Докладчик от НКЮ тов. Лунин настаивал на сохранении системы революционных трибуналов и судов общей юрисдикции во главе с судебным контролем со стороны наркомата юстиции. Он указывал на то, что политический суд в лице революционных трибуналов еще необходим, при этом следует более четко определить его подсудность, урегулировать процедуры путем принятия кодифицированных общероссийских актов. Другую точку зрения отстаивал Н.В. Крыленко, который предлагал в части реализации принципа единства суда объединить судебные системы во главе с единой кассационной инстанцией. В своей речи Н.В. Крыленко даже предлагал название высшей инстанции – Верховный Кассационный уголовный суд[440].

Дискуссии были завершены в конце 1922 года, когда Положение о судоустройстве РСФСР, утвержденное Постановлением ВЦИК, ознаменовало создание новой трехзвенной судебной системы. Структурно ее элементы выглядели следующим образом: народный суд в составе постоянного народного

[439] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 5 .Д. 22. Л. 1, 2, 2 об.

[440] Берман, Я.Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР. М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1924. С. 51.

судьи или судьи и двух народных заседателей; губернский суд; Верховный Суд РСФСР и его коллегии.

Целью правосудия провозглашалось ограждение завоеваний пролетарской революции, обеспечение интересов государства, прав трудящихся и их объединений, что отражало классовый характер судоустройства. В этом отношении Верховный Суд РСФСР как высшая судебная инстанция фактически объединил Верховный трибунал и судебную практику НКЮ. Также результатом реформы стало оформление единой судебной системы с Верховным Судом во главе.

Верховный Суд РСФСР являлся составной частью единой судебной системы РСФСР и как высший суд аккумулировал в себе функции, присущие полиинстанциональной модели: осуществлял судебный контроль над всеми судами РСФСР; являлся кассационной инстанцией по отношению к губернским судам; надзорной инстанцией по отношению ко всем судам республики; а также судом первой инстанции по делам особой государственной важности.

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РСФСР 1923 года, по первой инстанции Верховному Суду были подсудны дела по искам к народным комиссариатам или приравненным к народным комиссариатам центральным учреждениям и к губернским исполнительным комитетам в целом. Уголовный процессуальный кодекс РСФСР 1923 года относит к исключительному ведению Верховного Суда вопросы передачи дел в народный суд другого района или суд другой категории.

Остановимся подробнее на функциях Верховного Суда в вопросах пересмотра и обжалования решений нижестоящих судов. Первые советские процессуальные кодексы разделили эти понятия, наполнив каждое отдельным процессуальным смыслом. Так, под обжалованием понималась процедура кассации не вступивших в законную силу решений суда, а под пересмотром стали понимать «ревизию» решений, вступивших в силу, в порядке надзорного производства.

Верховный Суд выступал кассационной инстанцией по делам, которые были рассмотрены губсудами. При этом, если при слушании дела в Верховном суде кассационная коллегия посчитает необходимым разъяснение смысла закона, то разбирательство дела останавливалось, а вопрос переносился на рассмотрение Пленума Верховного Суда. Забегая вперед, отметим, что данная норма была изъята из ГПК в 1930-е годы, когда на некоторое время был ликвидирован Пленум ВС РСФСР. В случае удовлетворения кассационной жалобы Верховный Суд мог сам постановить решение или вернуть дело на повторное рассмотрение в тот суд, который вынес первоначальное решение, чтобы последний рассмотрел его в новом составе. При этом впервые при рассмотрении кассированного Верховным Судом решении за судом нижестоящей инстанции закреплялась обязанность следовать его указаниям, что сделало невозможным приятия аналогичного решения – «Указания эти обязательны для суда, пересматривающего дело»[441]. В уголовном процессе Верховный Суд имел право отправить дело на дополнительное расследование, что также являлось обязательным к исполнению соответствующих правоохранительных органов.

Последующие процессуальные кодексы также оставили данную норму. Обязанность указания кассационной инстанции (не только Верховного Суда) для нижестоящих инстанций останется до конца советской эпохи.

Кроме того, при рассмотрении кассационной жалобы Верховный Суд мог выходить за ее пределы и проверять правильность применении нормы права в целом. В ГПК 1923 года также устанавливалось, что суды кассационной инстанции не связаны указанными в жалобе поводами.

Первая редакция ГПК РСФСР закрепила право надзорного производства только за Верховным Судом. Правом возбуждения надзорного производства обладали как стороны, так и прокуроры – губернский и прокурор республики, независимо от участия в деле. Важно, что прокурорам давалось право

[441] Постановление ВЦИК от 10.07.1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478. Ст. 248.

опротестовывать любое решение, вступившее в законную силу, по причине охраны интересов рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс. Такая формулировка давала возможность, спустя время после вынесения решения по делу, вмешаться в его ход и изменить его (поскольку исполнение решений по делам, в отношении которых начиналось надзорное производство, приостанавливалось).

Некоторая чрезмерность в установленных законом полномочиях Верховного Суда при пересмотре и обжаловании решений судов нижестоящих инстанций объясняется несколькими причинами, отражающими общие тенденции развития судебной системы первых лет советской власти. Во-первых, это недостаточное количество квалифицированных судей на местах и, как следствие, допущение ошибок и принятие неправосудных решений. Во-вторых, это стремление государства обеспечить единообразную судебную практику, которая должна была демонстрировать принципы социалистической законности молодой советской республики. В-третьих, это уже наметившаяся тенденция к усилию роли центральной власти и сворачиванию демократических институтов в управлении государством.

Структура Верховного Суда РСФСР. Верховный Суд РСФСР действовал в составе:

1) президиума Верховного Суда;

2) пленарного заседания Верховного Суда;

3) кассационной коллегии по уголовным и гражданским делам;

4) судебной, военной, военно-транспортных коллегий Верховного Суда;

5) дисциплинарной коллегии Верховного Суда.

В состав Президиума Верховного суда РСФСР входили: Председатель Верховного Суда, его заместители; председатели кассационных коллегий; председатели судебных коллегий; председатели военной и военно-транспортной коллегии. Прокурор республики и его помощник с правом совещательного голоса обязательно должны были присутствовать на заседаниях Президиума Верховного Суда РСФСР.

Президиум Верховного Суда имел ряд организационных функций:

1) распределение обязанностей между членами Верховного Суда;

2) просмотр и утверждение отчетности отдельных коллегий и составление отчетности по Верховному Суду.

Также Президиум осуществлял полномочия по надзору за судебными местами путем назначения специальных ревизий губернских судов и иных приравненных к ним по положению судов по предложениям Прокурора Республики и заслушания результатов этих ревизий, а также возбуждения дисциплинарных производств против членов Верховного Суда, председателей губернских судов и равных им судов, их заместителей, как в результате ревизий судов, так и по отдельным сообщениям Прокурора, и наложения дисциплинарных взысканий на них в пределах предоставленной Президиуму власти;

Пленарные заседания Верховного Суда состояли из всех его наличных членов и проводились в присутствии не менее половины из них. Обязательным являлось присутствие Прокурора республики или его старшего помощника.

К ведению пленарных заседаний относились:

1) правильное истолкование законов по вопросам судебной практики;

2) рассмотрение, отмена и изменений приговоров судебных и кассационных коллегий Верховного Суда или любого суда республики, передаваемого в Верховный Суд из Президиума ВЦИК, председателем ВС РСФСР или прокурором республики или опротестованными председательствующими в заседаниях коллегий или их прокурорами;

3) выборы дисциплинарной коллегии Верховного Суда

4) иные вопросы, вносимые на рассмотрение пленума Верховного Суда.

Согласно Инструкции о порядке работы Пленума Верховного Суда РСФСР, пленарные заседания проводились два раза в месяц, в первый и третий понедельник месяца. Экстренные заседания мог созывать Президиум Верховного Суда. Вопросы, подлежащие обсуждению в пленарном заседании, могли вноситься председателем Верховного Суда и его заместителем,

председателями коллегий Верховного Суда, Прокурором республики, прокурорами Президиумом Верховного Суда, Наркомом Юстиции.

Кассационные коллегии действовали под руководством и личным наблюдением председателя, а его непосредственными помощниками являлись председатели коллегий по уголовным и гражданским делам. В кассационных коллегиях состояло всего восемь судей (по 4 на каждую коллегию).

Состав судебного заседания в кассационной коллегии должен быть представлен тремя судьями из состава коллегий, один из которых являлся председательствующим. Аналогичным образом определялся состав судебных заседаний, образуемый другими коллегиями Верховного Суда.

Судебная коллегия, военная и военно-транспортная коллегии Верховного Суда разбирали подсудные Верховному Суду дела по первой инстанции. Эти коллегии возглавлялись заместителем председателя Верховного Суда, а его непосредственными помощниками выступали председатели указанных коллегий. Судебная коллегия состояла из председателя и четырех членов. Военная и военно-транспортные коллегии состояли из председателей, его заместителей и четырех членов.

Кроме рассмотрения дел исключительной важности, переданных на рассмотрение Верховного Суда постановлением президиума ВЦИК или пленума Верховного Суда, к ведению судебной коллегии Верховного Суда уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года относит дела по обвинению высших республиканских и губернских чиновников.

В 1923 году вместо одной судебной коллегии были созданы судебные коллегии по уголовным и гражданским делам.

Военная и военно-транспортная коллегии ведали делами, изъятыми из ведении военного и военно-транспортного трибуналов соответственно, а также по делам о должностных преступлениях высшего военного и транспортного руководства.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда состояла из трех лиц из числа членов Верховного Суда, в том числе обязательно председательствующий член Президиума, все по избранию пленарного заседания Верховного Суда.

Наркомат Юстиции осуществлял общее руководство, инструктирование и организацию всех судебных учреждений РСФСР, что закреплялось в Положении о Народном комиссариате юстиции, утвержденном Декретом ВЦИК от 1 февраля 1923 года. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Верховный Суд РСФСР был подчинен Наркомату Юстиции в сфере управления судебными учреждениями, который имел определенный приоритет и главенство по отношению к Верховному Суду. В целом такое соотношение исполнительной и судебной власти отражало позицию одного из идеологов судебной реформы Н.В. Крыленко, считавшего, что последняя должна быть подчинена первой. Вся организация судоустройства, весь учет личного состава, все финансовое хозяйство и учет денежный и материальный, вся статистическая часть, как по уголовной статистике, так и по статистике общей, вся часть инспекционная, инструкционная и ревизионная подлежали ведению Наркомата Юстиции.

Несмотря на заявленный принцип выборности судебной власти, формирование ВС РСФСР проходило путем фактического назначения судей. Как обозначил П.И. Стучка, «весь персональный состав Верхсуда утверждается Президиумом ВЦИК»[442]. Члены Верховного Суда утверждались на должность Президиумом ВЦИК по представлению народного комиссара юстиции. Члены военной и военно-транспортной коллегии назначались Президиумом ВЦИК по представлению Революционного Военного Совета Республики и Народного Комиссариата Путей Сообщения с заключением о них Народного Комиссара Юстиции. Председатель Верховного Суда, его заместитель и председатели судебной, военной и военно-транспортной коллегии назначались на должность Президиумом ВЦИК непосредственно. Важно, что, в отличие от нижестоящих инстанций, где формирование судов проходило на конкретный срок, время

[442] Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучка за 1923 год. М.: Издание Верховного Суда РСФСР, 1924. С. 6.

пребывания в должности судьи Верховного Суда не было определено. Президиум ВЦИК имел монопольное право на отстранение и отзыв членов Верховного Суда и его Председателя, что означало отказ в использовании «буржуазных» принципов независимости и несменяемости судей и их подчинение исполнительной власти. При этом, как отмечал П.И. Стучка, что известная независимость вытекает из того положения, что решения суда могли быть отменены лишь Президиумом ВЦИК (в ряде случаев – Верховным Судом СССР, после его создания)[443]. Также Президиуму ВЦИК принадлежало право своим постановлением открывать в автономных республиках и областных объединениях областные отделения Верховного Суда РСФСР. Члены таких отделений назначались Президиумом ЦИК соответствующей республики.

Остановимся подробнее на кадровом составе Верховного Суда РСФСР в первые годы его существования. Кандидатуры председателя Верховного Суда РСФСР и его заместителя после прохождения кадровой комиссии ЦК РКП (б) подлежали утверждению в оргбюро и политбюро. Опросом политбюро ЦК РКП от 28 января 1923 года было решено утвердить председателем ВС РСФСР П.И. Стучку, а его заместителем тов. Карклина и рекомендовать их Президиуму ВЦИК[444]. Более того, решающее слово в утверждении персонального состава вновь созданного органа принадлежало именно партийным структурам. По рекомендации НКЮ был предложен кадровый состав суда, в частности руководители коллегий. Кандидатуры прошли согласование в кадровой комиссии ЦК, а после и оргбюро. Однако в своем решении политбюро «поручило» оргбюро «снова внимательно пересмотреть кандидатуры т.т. Овсянникова и Андерса». В результате оргбюро через четыре дня представило на утверждение политбюро обновленный список членов Верховного Суда РСФСР с должностями. «Во изменения постановления Оргбюро от 11.01. 1923 с.г. председателем кассационной коллегии по гражданским делам вместо тов. Вышинского назначить тов. Овсянникова. На вакантные места в кассационной

[443] См.: там же. С. 6-7.
[444] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 331. Л. 17.

коллегии по гражданским делам назначить т.т. Селезнева и Андерса»[445]. ВЦИК также внес определенный коррективы в кадровый состав суда, который утвердил 18 января 1923 года. Окончательный вариант первого состава Верховного Суда РСФСР выглядел следующим образом:

Председатель – П.И. Стучка;

Заместитель председателя – О. Карклин (по собственному ходатайству был освобожден от должности менее чем через год);

Председатель уголовной кассационной коллегии – А. Галкин;

Председатель гражданской кассационной коллегии – С. Александровский

Председатель уголовной судебной коллегии – А. Сольц;

Председатель гражданской судебной коллегии – А. Лебедев (был отозван менее чем через год);

Председатель военной коллегии – В.Ульрих;

Председатель военно-транспортной коллегии – Ю. Межин (был отозван менее чем через год).

Всего в первом составе было 40 судей. По замечанию председателя суда П.И. Стучки многие из них «были назначены, но по тем или иным причинам не занимались в Суде или почти что не занимались»[446]. Такой порядок вещей стал возможным ввиду того, что должность судьи (члена Верховного Суда РСФСР) не обязательно должна была быть выделенной. Судья Верховного Суда мог совмещать еще ряд должностей, включая выборные и руководящие. Например, А.А. Сольц был одновременно заместителем председателя Главного дисциплинарного суда, заведующим отделом в рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), занимал ряд ответственных должностей в партии, а позже возглавил Дисциплинарную коллегию Верховного Суда. Примечателен социально-классовый состав суда: 35 % – рабочие, 50 % – интеллигенция, 15 % – из

[445] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 3301. Л. 7-8.
[446] Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучка за 1923 год. М.: Издание Верховного Суда РСФСР, 1924. С. 6.

крестьян и мещан. Все члены ВС являлись коммунистами, 45 % – с партийным стажем до 1905 года, 25 % – со стажем до 1917 года[447].

Такой подход к формированию кадрового состава ВС РСФСР стал следствием кадровой политики (или кадровых решений) советской власти. Высшие судебные инстанции в любом государстве достаточно политизированы в том смысле, что являются проводниками определенной государственной воли. Советскому суду пришлось быть не только органом правосудия, но органом пропаганды нового строя. Потому судьей в нем являлся рабочий, от которого требовалось в первую очередь быть самому лояльному новой власти и понимать ее суть. Юридические знания и опыт как квалификационные требования отходили на второй план. Такому подходу к комплектованию судов способствовало отсутствие правовых актов, содержащих нормы материального и процессуального права, и возможность судить на основе почти аморфного революционного правосознания и революционной законности. Молодой советской власти представлялось, что с такой задачей лучше справится идеологически подкованный представитель рабочего класса, чем квалифицированный юрист образца царской России. Но при этом, поскольку Верховный Суд создавался как орган, который был призван осуществлять судебный надзор, то его судьи должны обладать высокой (или повышенной по сравнению с судьями нижестоящих судов) профессиональной квалификацией, так, что в первый состав ВС РСФСР были определены «правильные» или «лояльные» специалисты.

Основная деятельность Верховного Суда лежала в сфере надзора и кассации. За первый месяц работы (январь 1923 года) в качестве кассационной инстанции рассмотрел 6 400 уголовных и 836 гражданских дела, в надзорной инстанции было рассмотрено 2 454 уголовных и 1 223 гражданских дела. Для сравнения, по первой инстанции ВС РСФСР рассмотрел 357 уголовных

[447] См.: там же. С. 4-5.

(включая дела военной и военно-транспортной коллегии) и 76 гражданских дела[448].

Стучка П.И. отмечал, что главной работой Верховного Суда было объединение всей судебной практики РСФСР. Замеченные недостатки могли быть устранены не только путем изменения и отмены решения, но и путем дачи специальных разъяснений.

Таким образом, с 1923 года Верховный Суд РСФСР перенял у Наркомата юстиции полномочия по надзору за судами, выступал в качестве кассационной инстанции по отношению к губернским судам, занимался обобщением судебной практики и являлся судом первой инстанции по ряду дел особой государственной важности. Можно отметить появление определенной автономии у Верховного Суда по отношению к Наркомату юстиции, однако в целом первый входил в состав второго и занимал зависимое положение. В ряде случаев однородность полномочий названных судебного и административного органа приводила к практической путанице в их взаимоотношениях.

Позиция правящей партии свелась к необходимости иметь единую судебную систему с простой структурой во главе с Верховным Судом. Высшая судебная инстанция РСФСР имела своим прообразом высшую инстанцию, существовавшую в системе революционных трибуналов. Кроме того, при формировании организационной структуры судебной системы в 1920-е годы наблюдалась борьба двух тенденций.

С одной стороны, основные идеологи судебной реформы провозгласили концепцию единого суда[449]. П.И. Стучка доказывал необходимость создания единой судебной системы и соблюдения принципа единства суда, полагая, что они являются важнейшей предпосылкой революционной законности[450].

---

[448] Стат приведена по: Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучка за 1923 год. М.: Издание Верховного Суда РСФСР, 1924. С. 64-76.

[449].См. подробнее: Бранденбургский, Я. Почему мы упразднили Высший Судебный Контроль // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 3. С. 57-58.

[450] См. подробнее: Стучка, П.И. Мысли о нашем правосудии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 14. С. 1313-315.

С другой стороны, в 1920-е годы явно прослеживалась тенденция к существованию специализированных судебных органов. Организации и функционированию специализированных судов будет посвящен отдельный параграф.

Законодатель сам отвечает на вопрос о наличии специальных судебных органов, называя в качестве причины специфику и сложность категорий дел, отнесенных к специальному правосудию. Однако с появлением первых советских кодексов материального права возникает проблема различного его толкования отдельными судами. Постепенно происходит сокращение числа специализированных судов. Однако тенденция их существования и обособления продолжала существовать весь советский период и продолжает существовать сейчас.

Специальные суды процессуально замыкались на Верховном Суде РСФСР. Организация и контроль за деятельностью военных и военно-транспортных судебных учреждений возлагались на военную и военно-транспортную коллегии Верховного Суда; за деятельностью особых трудовых сессий народных судов – на губернский суд, который являлся также кассационной инстанцией для дел, рассмотренных ими. Высшей (кассационной) инстанцией для дел, входящих в юрисдикцию губернской земельной комиссии, являлась Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам, действующая совместно с Наркоматом земледелия и Наркоматом юстиции, а надзор за ней, в свою очередь, осуществляли Прокурор РСФСР и Председатель Верховного Суда РСФСР. Арбитражные комиссии подчинялись на местах губернским судам и прокурорскому надзору, а в центре – Наркомату юстиции, Верховному Суду и Прокурору. Таким образом, можно говорить о том, что специальные суды составляли обособленную юрисдикцию, входящую в единую общую судебную систему во главе с Верховным Судом[451]. Важно отметить, что большинство из специализированных судов носили временный характер.

[451] Подробнее о системе специализированных судов и их судьбе в параграфе «Организация верховного правосудия в системе специализированных судов РСФСР в 1920-1930-е годы».

Подведем общий итог. Создание Верховного Суда РСФСР как высшей судебной инстанции приводило к сокращению административных органов, осуществляющих полномочия в судебной власти (надзор, который был закреплен за наркоматом юстиции, перешел к Верховному Суду), а также к сокращению чрезвычайных судов, что стало возможным в период мирного времени. Но главное – был создан единый центр судебной системы, замыкавший на себе все судебные, включая специализированные, ветви правосудия. В этом состояла реализация провозглашенного первыми декретами советской власти принципа единого суда. Единство понималось как общие начала в построении и организации судебной системы и единство в применении судебной практики. В этом отношении Верховный Суд стал олицетворением единства суда.

В 1920-е годы вместе с оформлением судебной системы происходило уточнение стихийно провозглашенных революционных принципов: революционная законность и революционное правосознание перерождались в законность социалистическую и правовую определенность[452]. Кодификация советского права и его общее развитие шли в одном русле со становлением судебной системы с высшей инстанцией во главе.

Верховный Суд РСФСР задумывался как единая кассационная инстанция, которая также осуществляла функции по судебному надзору за нижестоящими инстанциями, заключающие в себе как процессуальный, так и административный контроль. По ходу настоящего исследования мы проанализируем причины и ход дальнейшей эволюции Верховного Суда РСФСР, которая тесно связана с государственно-политическим развитием страны.

Исаев И.А. полагает, что в эпоху революций новая правовая система «появляется из утробы старой». При этом возможно и временное прекращение действия старой правовой системы, после чего предполагается, что она

[452] Исаев, И.А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). М.: Юрид. лит., 1986. С. 77.

возродится заново, но на иной идеологической платформе[453]. Организация верховного правосудия в Советской России в первые послереволюционные годы подтверждает данную посылку. Преобразования судебной системы в 1920-х годах привели к становлению модели организации правосудия структурно схожей с той, которая существовала в России до революции. Поиск других вариантов решения и обоснования данной проблемы часто заводил авторов преобразований в тупик. В результате была выбрана та форма организации правосудия, в том числе и верховного, которая была известна, понятна и доказала свою состоятельность.

§ 4.2. Организация верховного правосудия в системе специализированных судов РСФСР в 1920-1930-е годы

Переходя к анализу системы специализированных судов, существовавших в период 1920-1930-х годов, необходимо остановиться на характеристике двух близких по своему значению, но все же не тождественных понятий. Это «судебный дуализм (плюрализм)» и «специализация судов». Судебный дуализм предполагает наличие двух[454] автономных друг от друга ветвей судебной системы, обладающих отдельной компетенцией (юрисдикцией), во главе с двумя равновеликими верховными судами, между которыми отсутствует процессуальная связь. Специализация судов представляет собой существование наряду с общими судами (судами общей юрисдикции) особой специальной юстиции, встроенной в основную «материнскую» судебную систему. Специализированные суды могут формироваться и действовать на принципах, отличных от судов общей юрисдикции, но при этом составлять с последними единую систему. Профессор Л.В. Головко в качестве «водораздела» между двумя понятиями предлагает рассматривать противостояние двух ветвей судебной власти. Если специализированный суд обладает обширной

[453] См. подробнее: Исаев, И.А. Закон и революция. Легальное основание революционного мифа. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 102-103.
[454] Иногда более, в таком случае речь идет о судебном плюрализме.

компетенцией, являясь своего рода судом общей юрисдикции в своей сфере, тогда можно говорить о существовании судебного дуализма. Напротив, если специализированный суд действует в отношении узкого круга специальных вопросов (или субъектов), немногочислен по количеству дел, не претендует на особую роль в судебной системе, то его можно отнести к категории специализированных[455].

При последовательной реализации обеих моделей критериями создания специализированных судов являются либо предметная специализация (особые общественные отношения), либо субъектная (отдельный статус участников процесса), либо территориальная (юрисдикция суда распространяется на обособленную территорию). Третий критерий часто критикуется в научной литературе, поскольку не считается самостоятельным, а представляет собой синтез первых двух.

Основываясь на данных теоретических конструкциях, рассмотрим организацию специализированных судов в РСФСР в период 1920-1930-х годов.

После революционных преобразований 1917-1919 годов, «угасания революционного пафоса»[456] и нескольких попыток построения судебной системы, перед государством также стала дилемма борьбы двух тенденций в организации судебной власти. С одной стороны, большевики выступали за последовательное проведение концепции единого суда. С другой стороны, в 1920-е годы явно прослеживалась тяга к формированию специализированных судебных органов, причем, не только отдельных судов, а целых систем, основанных на административно-территориальном делении страны, состоящих из нескольких звеньев с высшей инстанцией во главе. Усложняющиеся экономические отношения, связанные с реализацией политики НЭПа, требовали более устойчивых правовых отношений и гарантий[457].

---

[455] См. подробнее: Судоустройство и правоохранительные органы: учебник / под ред. проф. Л.В. Головко. М.: Городец, 2020. С. 171-176.
[456] Исаев, И.А. Правовая культура России: учебное пособие. М.: Проспект, 2013. С. 85.
[457] См.: там же.

Один из идеологов и «дизайнеров» советской судебной системы Н.В. Крыленко называл существование специализированных судов в общей структуре «кричащим дефектом», «вынужденной мерой», носящей временный характер[458]. Основной недостаток, по его мнению, состоял в том, что специализированные суды не являлись элементом народного суда и действовали без народных заседателей. Такая уступка объяснялась необходимостью более гибкого подхода к решению задач судебной политики, которые ставились перед специальными судами. В своей сфере специализированные суды являлись гораздо более авторитетными, чем суды общей юрисдикции, и более самостоятельными при принятии решений. К ним дополнительно предъявлялись требования быстроты, уместности, профессионализма, отсутствия излишнего формализма. Указанные черты специализированного правосудия должны были способствовать решению задач «боевой и судебной политики» государства в период перехода к новой экономической политике.

В Положении о судоустройстве РСФСР 1922 года говорится: «Для рассмотрения дел специальных категорий, ввиду особой сложности таковых дел, необходимости специальных знаний и навыков для их рассмотрения и по соображениям особой опасности отдельных категорий преступных деяний для военной мощи республики или его хозяйственного преуспеяния, – наряду с единой системой народных судов РСФСР, *временно* действуют следующие специальные суды:

а) по делам о преступлениях, угрожающих крепости и мощи красной армии, – военные трибуналы,

б) по делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту, – военно-транспортные трибуналы,

в) по делам о преступлениях по нарушению Кодекса законов о труде – особые трудовые сессии народных судов,

г) по делам земельным – земельные комиссии,

---

[458] См. подробнее: Положение о судоустройстве РСФСР со стенограммой заседания 4-ой сессии ВЦИКа IX созыва и 2-ой сессии ВЦИКа X созыва. М., 1923. С. 11.

д) по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами – состоящие при Совете Труда и Обороны и губернских экономических совещаниях центральная и местные арбитражные комиссии»[459].

В данном случае законодатель сам отвечает на вопрос о необходимости создания специализированного правосудия по отдельным категориям дел – наличие специальных знаний (не только юридических) и особая важность отдельных споров. Положение о судоустройстве устанавливало общую норму в отношении специализированного правосудия, но, на наш взгляд, небезынтересным является проанализировать, как данная норма реализовывалась при построении конкретного специализированного судебного органа, а также как было организовано верховное правосудие в каждой из отраслей.

Арбитражные комиссии. Декрет ВЦИК и СНК от 21 сентября 1922 года[460] возложил обязанности по урегулированию имущественных споров между субъектами хозяйственной деятельности на арбитражные комиссии, образуя двухуровневую систему во главе с Высшей арбитражной комиссией при Совете Труда и Обороны.

Институционализация государственного арбитража, начало которой положил данный декрет, являлась закономерным ответом на требования экономической реальности того времени. Ее главной объективной предпосылкой выступала практическая потребность в эффективном и специализированном порядке разрешения хозяйственных споров между государственными предприятиями, учреждениями и организациями. Данная потребность, в свою очередь, была напрямую детерминирована развитием и усложнением договорных отношений между указанными субъектами в рамках формирующейся плановой экономики.

---

[459] Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 года «Положение о судоустройстве РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

[460] Декрет ВЦИК и СНК от 21 сентября 1922 г. «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1392.htm (дата обращения: 11. 02. 2017).

Таким образом, создание арбитражных комиссий представляет собой пример формирования особой юрисдикционной подсистемы, обусловленной спецификой публично-правового статуса спорящих сторон и хозяйственными задачами государства. Н.В. Крыленко даже сравнил арбитражные комиссии с военными трибуналами: «это то же по своему характеру … военно-судебные учреждения, только в области не уголовных, а гражданских дел»[461]. Н.В. Крыленко обращал внимание, что арбитражные комиссии, так же как в свое время революционные трибуналы, развиваются отдельно от судов общей юрисдикции. Указывая на схожесть двух юстиций, Н.В. Крыленко делает важный вывод о том, что становление трибуналов происходило стихийно, в период, когда советская судебная система только зарождалась, тогда как появление в 1922 году арбитражных комиссий – это продуманный шаг и целенаправленное решение по созданию обособленной юрисдикции, разрешающей имущественные споры между хозяйствующими субъектами[462].

Говоря о правовой природе государственных арбитражных комиссий (а позже и органов госарбитража), важно отметить, что вопрос до сих пор остается дискуссионным. Не вступая в полемику со сторонниками различных точек зрения, отметим, что они не являлись в чистом виде ни судебными учреждениями, ни органами управления экономикой, а осуществляли одновременно и судебные, и ряд управленческих функций. Юридически арбитражные комиссии были включены в судебную систему государства в качестве специальных судов для рассмотрения дел особых категорий (ст. 2 Положения о судоустройстве 1922 года). Государственные арбитражные комиссии подчинялись на местах губернским судам и прокурорскому надзору, а в центре – Наркомату юстиции, Верховному Суду и Прокурору республики. Судебная функция комиссий являлась для них основной, их решения имели силу судебных решений, поэтому их сложно отнести к органам управления отдельными отраслями экономики. В то же время арбитражные комиссии

[461] Крыленко, Н.В. Суд и право в СССР. М.,Л.: Государственное издательство, 1927. С. 143.
[462] См.: там же. С. 144.

учреждались при исполнительных органах власти и находились под их контролем и руководством, в своей деятельности руководствовались экономической целесообразностью и хозяйственной политикой, которую охраняли. Представляется, что данный критерий сложно использовать в качестве аргумента для отказа арбитражным комиссиям в статусе специального суда. Суды общей юрисдикции, а также иные специальные суды также находились под контролем отдельных государственных органов и партийный структур. Зарождающееся тоталитарное государство предопределило характер взаимоотношений между властью и судом, исключив его независимость. Поэтому в реалиях советской эпохи с известной долей условности можно считать арбитражные комиссии «специальными судами».

Структурно система арбитражных комиссий состояла из двух звеньев и выглядела следующим образом: Высшая арбитражная комиссия при Совете Труда и Обороны (СТО), а также местные (региональные) арбитражные комиссии при губернских (областных) Экономических совещаниях (ЭКОСО). Председателей комиссий обоих уровней назначал Наркомат юстиции, остальных членов – СТО и ЭКОСО соответственно. Высшая арбитражная комиссия выступала в качестве первой инстанции для центральных учреждений, а также пересматривала решения арбитражных комиссий при ЭКОСО. Законодатель устанавливал «фильтр» для возможного пересмотра решений – Высшая арбитражная комиссия принимала к производству только дела, цена иска по которым превышала 5 млн рублей[463]. Однако законом была предусмотрена иная возможность для пересмотра решения местных арбитражных комиссий. ЭКОСО могло обратиться в СТО с просьбой о пересмотре, после чего дело передавалось в Высшую арбитражную комиссию. Как было указано выше, за деятельностью комиссий был предусмотрен судебный надзор – Верховного Суда и губернских судов соответственно.

[463] Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 21.09.1922 г. «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями» // СУ РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769.

Здесь важно отметить одну тенденцию, которая проявилась уже в первые годы работы комиссий: с одной стороны, стремление спорящих сторон обжаловать решение местной комиссии в судебном порядке (то есть, в Высшую арбитражную комиссию), поскольку административные работники ЭКОСО и СТО часто не вникали в тонкости разбирательств и могли отменять решения комиссий, вступая в противоречия с законодательством. С другой стороны, сами ЭКОСО и СТО, для которых контролирующие функции за деятельностью арбитражных комиссий не были основными, ограждали себя от такой работы. Также современники отмечали излишний формализм и забюрократизированность работы арбитражных комиссий, в первую очередь вышей[464]. Примечательно, что в этот период суды общей юрисдикции действовали более «гибко». Такая позиция Высшей арбитражной комиссии порождала отрицательную реакцию, поскольку расценивалась как возврат к «старым порядкам», противоречащим основным началам советского права и революционной законности. Например, в 1923 году Высшая арбитражная комиссия отказала в удовлетворении иска бондарного треста о признании договора, заключенного бондарно-механическим заводом, недействительным в виду его нерентабельности. Сторона доказала, что договор был заключен в условиях «интеллектуального неравенства представителей сторон». Высшая арбитражная комиссия не посчитала это «заблуждением», дающим основание для расторжения договора[465].

Представляется, что политика излишнего формализма со стороны арбитражных комиссий имела целью внедрить на предприятия общие начала ведения хозяйственной деятельности, привить исполнительскую дисциплину. О справедливости этой версии говорит характер споров, которые рассматривались в арбитражных комиссиях. Преимущественно, это были дела о превышении

---

[464] См., например: Прущицкий С. Об арбитражных комиссиях при СТО // ЕСЮ. 1922. № 35. С. 2; он же. Высшая Арбитражная Комиссия в своих решениях // ЕСЮ. 1923. № 18. С. 411.

[465] Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1, с 4 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. М., 1923. С. 123-135.

полномочий участников гражданско-правовых отношений, об отсутствии хозяйственной дисциплины.

Таким образом, функционирование арбитражных комиссий в 1920-е годы породило интересный феномен. Традиционно одной из причин выделения отдельной ветви правосудия является именно ускоренный, быстрый, не отягощенный формальностями порядок рассмотрения дел, который действует в судах общей юрисдикции, за долгие годы существования сгенерировав множество процедур и форм. В отношении арбитражных комиссий и народных судов вышло иначе. Обе недавно созданные ветви правосудия утверждали различные модели процессуального взаимодействия. Возможно, здесь имело значение то, что арбитражные комиссии были организованы при административных органах и несли в себе часть их задач по реализации хозяйственной политики государства. В этот же период стали звучать опасения по поводу излишней самостоятельности арбитражных комиссий, формирования ими отдельной правоприменительной практики, отличающейся от судебной. Высшая арбитражная комиссия даже выпустила сборник собственных актов, рекомендовав его арбитражным комиссиям как «образцы решений». Такой шаг был расценен как притязание на статус единственно верного центра формирования судебной практики по делам, входящим в юрисдикцию арбитража. Стремясь преодолеть зарождавшуюся тенденцию к полному обособлению арбитражных комиссий, Наркомат юстиции в рамках отдельного постановления ВЦИК и СНК обозначил отсутствие у арбитражных комиссий полномочий по толкованию законов[466], а также в декрете ВЦИК от 1 февраля 1923 г. закрепил за собой наблюдение за организацией и деятельностью арбитражных комиссий[467].

Идеологи советской власти так определяли разграничение полномочий по надзору за арбитражными комиссиями. Положение об арбитражных комиссиях устанавливало, что при разрешении спора они должны руководствоваться

[466] Декрет ЦИК и СНК СССР от 6 мая 1924 г. «Положение об арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороны» // СУ РСФСР.1924. № 62. Ст. 618.
[467] СУ РСФСР. 1923. № 10. Ст. 123.

законом и общегосударственными интересами. Так, с одной стороны, при применении действующего законодательства арбитражные комиссии должны действовать в русле общей судебной политики единообразного толкования нормы, установленного Верховным судом, но, с другой стороны, руководствуясь общегосударственными интересами, они подчинены СТО и ЭКОСО[468]. При этом, если арбитражные комиссии позволяли вольные трактовки закона, то обращали на себя внимание судебного надзора в лице Верховного Суда, если же своими решениями отступали от принципов обеспечения общегосударственного интереса в экономике, то вызывали критику со стороны административных органов СТО и ЭКОСО. В отчете председателя ВС РСФСР за 1923 год П.И. Стучки говорилось, что взаимоотношения с ВАК оказались наиболее сложными для Верховного Суда, и высказался за идею объединения ВАК и гражданской коллегии ВС РСФСР. П.И. Стучка отмечал, что при попытке истребовать дела из ВАК Верховный Суд получал отказ по формальным признакам, таким как отсутствие подписи и др. Всего за 1923 год в Пленуме ВС было рассмотрено всего четыре решения ВАК: два определения были вынесены по неподсудности, а два по существу[469].

В конце 1920-х – начале 1930-х годов принципиально важным стало расширение государственного сектора экономики за счёт национализации частных предприятий и банков. Помимо этого, усилился контроль государственных органов за исполнением народнохозяйственных планов, что было связано с переходом к административному способу регулирования экономики. На непродолжительное время интересы сторонников концепции единого суда, для которых арбитражные комиссии были временной мерой, и государственных органов, которые взяли курс на сворачивание НЭПа и полное огосударствование экономики, совпали. Первоначально подведомственные государственным арбитражным комиссиям дела, после их ликвидации в марте

---

[468] См., например: С. Прушицкий Арбитражные комиссии // Энциклопедия государства и права / под. ред. П.И. Стучки. Т.1. М.: Издательство коммунистической академии, 1925-1926. С. 164.

[469] Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучка за 1923 год. М.: Издание Верховного Суда РСФСР, 1924. С. 20.

1931 года были переданы на рассмотрение в общие суды. Но судьи не обладали специальными знаниями, необходимыми для принятия обоснованных решений, и оказались не готовы к разрешению слишком большого количества имущественных споров между государственными предприятиями, организациями и учреждениями. Указанные обстоятельства привели к созданию новых органов, которые могли контролировать деятельность государственных предприятий, в том числе соблюдение плановой дисциплины, и разрешать возникшие между ними споры, что выразилось в учреждении госарбитража, отличавшегося от комиссий наличием специфических управленческих функций.

Таким образом, из всех специализированных судов 1920-х годов до конца эпохи дошли только арбитражные комиссии, преобразованные в государственный арбитраж, что объясняется исключительной важностью подведомственных им дел и необходимостью специальных знаний при их рассмотрении.

Земельные комиссии. Новая экономическая политика начала 1920-х годов также обусловила появление новых земельно-правовых отношений: замены продразверстки продналогом, отказа от уравнительного землепользования, борьба с мелко и чересполосицей, возможности выбора крестьянским хозяйством приемлемой формы землепользования. Новое земельное законодательство вызвало к жизни не только личные крестьянские хозяйства, но и породило земельные споры: между землемерами и землеустроителями с одной стороны и хозяйственниками с другой, а также хозяйственниками между собой.

Первоначально в условиях ускоренного развития народного хозяйства и эффективного использования природных ресурсов в интересах трудящегося народа был сделан акцент на административный порядок разрешения земельных споров, которые продолжали возникать в большом количестве, несмотря на коренное изменение общественного строя.

В Циркуляре НОКЗ и НКЮ от 27 мая 1920 года говорилось следующее: «Правильное урегулирование вопросов землепользования и охрана устойчивости прав земледельца на землю требуют внесения ясности в вопросы

земельного суда, порядка и способа разрешения возникающих земельных споров. Вопросы землепользования и землеустройства настолько тесно переплетаются между собой, что разделение их между двумя органами – судебными и земельными – явилось бы чрезвычайно искусственным и вредным для дела, поэтому, как общее правило, все спорные дела, связанные с вопросами землепользования и землеустройства, должны быть сосредоточены в ведении особых судебных коллегий при земельных органах, компетенцию которых необходимо строго разграничить с компетенцией судебных органов»[470].

Органичным продолжением построения системы законодательного закрепления нового земельного порядка явилось принятие ВЦИК 30 октября 1922 года Земельного кодекса РСФСР[471], в котором определялся порядок землеустройства, пользования государственными земельными участками и рассмотрения земельных споров в рамках построения социалистического общества.

Именно в период НЭПа появляется идея создания специализированного судебного органа власти, разрешающего земельные споры. Центральной властью было даже предложено несколько проектов организации земельной юстиции. В целом несмотря на различные предложения об организации органов по рассмотрению земельных споров, четко прослеживаются две линии: сохранение административного порядка урегулирования земельных споров и создание обособленных судебных органов.

В 1922 году Наркомюст и Наркомзем подготовили два проекта об организации земельных судов. Оба ведомства выступали за передачу разрешения земельных споров отдельным органам, которые называли «судами». Но при общей центральной линии оба проекта содержали принципиальные различия по организации и деятельности таких судов. Наркомзем выступал за упрощенную систему судов, состоящую из двух инстанций: первой и контрольно-надзорной. Наркомюст предлагал создать целую систему

[470] Аграрная политика Советской власти 1917-1918 // Документы и материалы. М., 1954. С. 302.
[471] СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.

специализированной земельной юстиции: волостной земельный суд, уездный, губернский и центральный. За каждой инстанцией планировалось закрепить свои полномочия, но в целом выдержать процедуре возможного рассмотрения в трех инстанциях[472].

При этом Наркомзем предлагал выстраивать систему земельных судов при соответствующих земельных отделах и исполкомах: волостных, уездных и губернских. Такая структура земельных судов предопределяла их кадровый состав. Первая инстанция – волостной земельный суд, который должен был состоять исключительно из крестьян под председательством избранного от волисполкома. В состав уездного и губернского земельного суда должны были, кроме выборных от крестьян, входить представители землеустроительных органов, в губернский – представитель от юстиции.

Проект организации земельных судов, предложенный Наркомюстом, предполагал обязательное включение в состав судов всех уровней председателя от исполкома, землеустроителя, народного судьи

Достаточно трудно по данным проектам определить правовую природу предложенных земельных судов. Сделаем оговорку, что в послереволюционный и весь советский период отрицалась концепция разделения властей и разграничение статуса некоторых органов, обладающих непосредственно судебными функциями, от иных органов власти было затруднено.

Итогом борьбы тенденций и проектов на организацию земельного правосудия стало принятие Постановления ВЦИК от 24 мая 1922 года, которое учреждало земельные комиссии как органы юстиции и также устанавливало порядок рассмотрения земельных споров[473].

Положение о судоустройстве РСФСР 1922 года определяло земельные комиссии в качестве специальных судов. Создание разветленой системы специализированных судов объяснялось важностью и сложностью дел отдельных категорий. Также в положении оговаривался их временный характер.

---

[472] См. подробнее: Лисицын А. К проекту положения о земельных судах // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 14-15. С. 1-2.
[473] СУ РСФСР. 1922. №36. Ст. 428.

В статье 206 вышеупомянутого Земельного кодекса РСФСР было закреплено, что «для разрешения споров по земельным делам учреждаются земельные комиссии: волостные, уездные и губернские, причем дела в земельных комиссиях рассматриваются в порядке состязательного процесса».

Статья 207 устанавливала границы подведомственности земельных споров советским земельным комиссиям: «ведению земельных комиссий подлежат все спорные дела, возникающие при землеустройстве, а также все споры о правах на землепользование, как-то: групповое или индивидуальное землепользование, выделы земли из общества, общие частные переделы земли, полное или частичное лишение пользователей находящейся в их пользовании земли в установленных законом случаях, изменение размеров, границ, местоположения и состава землепользования (землеустройство, мелиорация, дорожное строительство, отчуждение для государственных и общественных надобностей и т.д.), семейные разделы в части, касающейся раздела земли, и другие споры по землепользованию. Кроме того, к ведению земельных комиссий относится утверждение всех без изъятия проектов землеустройства».

Подчеркнем, что все земельные споры, относящиеся к данным категориям, должны были рассматриваться путем состязательного процесса с соблюдением правил ГПК РСФСР, несмотря на фактическую принадлежность земельных комиссий всех уровней к исполнительной власти. Можно согласиться с мнением И.И. Евтихеева, который утверждал, что «смысл проведения реформы состоял в переходе от чисто административного порядка рассмотрения земельных споров к процессу, приближающемуся к обычному общесудебному»[474].

Перейдем к судоустройственным аспектам системы разрешения земельных споров в Советской России в первом десятилетии советской власти. Система земельных судов до проведения районирования во второй половине указанного периода состояла из следующих звеньев:

[474] Евтихеев, И.И. Земельное право. М.; Пг., 1923. С. 175.

1) Волостные земельные комиссии, которые представляли собой первую инстанцию по спорам, возникавшим в пределах волости о правах на землепользование отдельных дворов и земельных обществ;

2) Уездные земельные комиссии, которые выполняли двоякую функцию:

а) выступали в качестве первой инстанции по земельным спорам, возникавшим между отдельными волостями, по земельным спорам, где хотя бы одной из сторон являлось госучреждение, предприятие или общественная организация, а также по спорам, возникавшим при землеустройстве и в ходе процедуры утверждения землеустроительных проектов;

б) являлись кассационной инстанцией по отношению к земельным спорам, рассматриваемыми волостными комиссиями;

3) Губернские земельные комиссии, которые также имели два основных направления своей деятельности:

а) кассационная инстанция по отношению к земельным делам, рассматриваемым уездными земкомиссиями в качестве первой инстанции;

б) инстанция надзора применительно к земельным спорам, рассматриваемыми волостными комиссиями в качестве первой инстанции и уездными в качестве второй инстанции.

В качестве высшего органа по разрешению земельных споров была создана Особая коллегия высшего контроля за земельными спорами (ОКВК), где разбор дел производился Наркомземом совместно с Наркомюстом. Трех членов Коллегии Президиум ВЦИК утверждал по представлению Федерального комитета по земельному делу, трех – по представлению Наркомюста, а четырех – Наркомзема, равно как и Председателя ОКВК и двух его заместителей. Закрепление за земельным ведомством права формирования ОКВК по земельным спорам объясняется «перевесом» специального земельного присутствия над общей юстицией. Таким образом, высший контроль за деятельностью земельных комиссий был закреплен не за судебными органами, а за административными. Современники отмечали, что первоначально Верховный суд был полностью отстранен от контроля за единообразным применением

земельного законодательства со стороны земельных комиссий. Причиной такого порядка вещей стали сильные позиции Наркомзема, который смог доказать необходимость оставления земельных судов в структуре своего ведомства в виду специфики рассматриваемых дел на сессии ВЦИКа. Позже именно противоречивость судебной практики судов общей юрисдикции и земельных комиссий стала причиной критики работы последних. При этом, в отличие от арбитражных комиссий, между общей юрисдикцией и земельными судами было достаточно много параллельно рассматриваемых вопросов (спор о договоре трудовой аренды земельного участка разрешаются земельными комиссиями, а о кабальности такого договора – народным судом; вопрос о разделе двора с землей разрешается земельной комиссией, а раздел имущества без земли – в народном суде и т.д).

Во второй половине 1920-х годов, когда в ряде регионов страны с завершением Гражданской войны прошли административные реформы, земельные комиссии были подчинены общему ходу этой реформы и получили другую структуру: в соответствии с проведенным районированием были реорганизованы в окружные и районные земельные комиссии. Например, на территории бывшей Курской губернии, вошедшей в 1928 года в состав Центрально-Черноземной области, было создано: в Льговском округе – 1 окружная и 11 районных земельных комиссий[475], на территории Курского округа – 1 окружная земельная и 10 районных комиссий[476]. Для сравнения на территории Льговского округа до момента районирования действовали 18 волостных комиссий и 2 уездные.

Земельный кодекс РСФСР 1922 года установил организационные и кадровые аспекты функционирования земельных комиссий различных уровней. Так, согласно статье 209 ЗК РСФСР, волостные и районные земельные комиссии организовывались при соответствующих исполнительных комитетах в составе председателя из числа членов исполкома по его назначению и двух членов;

[475] Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 21. Л. 23.
[476] Там же. Ф. Р-1743. Оп. 2. Д. 9. С. 2.

члены волостной земельной комиссии должны были избираться на волостном съезде советов. В районных земельных комиссиях один член избирался районным съездом советов, а другой назначался окружным земельным органом из числа землеустроителей или агрономов. Для замещения отсутствующих членов в том же порядке избирались кандидаты к на их должности.

Земельные уездные, окружные, губернские и областные комиссии состояли при соответствующих земельных органах и были образованы в составе председателя и двух членов. Председатели данных земельных комиссий избирались соответствующим исполнительным комитетом, членами же являлись заведующий подотделом землеустройства и народный судья, назначаемый губернским или областным (краевым) судом.

Формирование кадрового состава вновь созданных земельных комиссий шло тяжело. Кадров для судебной системы не хватало в принципе, судейские должности в народном суде редко занимали люди с юридическим образованием или опытом юридической деятельности[477]. При комплектовании земельных комиссий изначально было предложено привлекать к этой работе в первую очередь людей, лояльных новой власти и понимающих политическую повестку в одном из ключевых вопросов революции – земельном. Во-вторых, ввиду специфики земельных споров, в состав земельных комиссий включались специалисты данной отрасли – агрономы, землеустроители. В-третьих, было обязательным наличие народных судей в качестве гарантии соблюдения законов и процессуальной формы при рассмотрении земельных споров.

Земельные комиссии явились порождением НЭПа, их ликвидация совпала со сворачиванием новой экономической политики. Развитие новых земельных общественных отношений, вызванных процессом коллективизации, привело к тому, что земельные комиссии утратили свою актуальность. Они были ликвидированы Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1930 года, а соответствующие споры были переданы в нарсуды. При этом представляется

[477] См. подробнее: Ильина Т.Н. Номенклатурный принцип формирования судейского корпуса в РСФСР: понятие, содержание, итоги // Образование и право. 2021. № 9. С. 266-274.

возможным обратить внимание на более глубинные причины ликвидации земельных судов. Прогрессирующая тенденция к единому суду и унифицированной судебной системе предопределила судьбу земельных комиссий. В отличии от арбитражных комиссий, со сворачиванием НЭПа и начавшейся политикой коллективизации для земельных комиссий не осталось собственной специальной юрисдикции.

Дисциплинарные суды. История дисциплинарных судов в России относится в одному из самых неизученных сюжетов в отечественной историко-правовой науке. Это объясняется непродолжительным периодом их существования и последующими глубокими реформами суда молодого Советского государства, которые окончательно определили структуру судебной системы, существовавшую на протяжении всего советского периода. Идея дисциплинарных судов осталась невостребованной при строительстве судебной системы, основанной на принципах унифицированного правосудия.

Рассмотрим подробнее систему дисциплинарных судов в РСФСР, в том числе в контексте организации сферы верховного правосудия, поскольку в период с 1923 по 1928 год существовал Главный дисциплинарный суд, являющийся высшей инстанцией для данной специализированной ветви правосудия.

Определенные вопросы вызывает правовой статус дисциплинарных судов в РСФСР: можно ли их отнести к собственно судам или квазисудебным органам.

Дисциплинарные суды были учреждены в РСФСР Постановлением ВЦИК от 7 июля 1923 года. В преамбуле говорилось, что целью их создания была «борьба со служебными упущениями, проступками и неправильными действиями лиц, замещающих ответственные должности в государственных органах», в случаях, если их деяния не могли быть квалифицированы как уголовные преступления.

С одной стороны, Положение о дисциплинарных судах дает исчерпывающий ответ на вопрос о причинах их создания – борьба со служебными упущениями, не подлежащими наказанию в уголовном порядке.

Но, с другой стороны, традиционно функцию привлечения к дисциплинарной ответственности выполняет работодатель, а уже его решения могут быть обжалованы в суде. Поэтому среди опыта функционирования различных специализированных судов дисциплинарные суды выглядят достаточно необычно.

Будущий прокурор СССР А.Я. Вышинский в 1923 году писал: «Отсутствие дисциплинарного суда – подвижного, способного к быстрому маневрированию в запутаннейших извилинах служебной и административной деятельности, легко настигающего правонарушение, трудно схватываемое тяжелым аппаратом уголовного суда, – представляет существенный изъян в системе органов, борющихся с правонарушениями»[478].

В начале 1920-х годов советское материальное и процессуальное уголовное право только стало оформляться. Вместе с тем судопроизводство первых послереволюционных лет отличалось крайней радикальностью принятия решений, суровостью применяемых санкций, часто несоразмерных совершенному правонарушению. Между тем в период строительства нового общества государству было важным на каждом этапе организовать бесперебойную работу всех звеньев государственной и партийной машины. Служащие различных уровней должны были исполнять свой долг строителей коммунизма, соблюдая трудовую дисциплину и понимая границы между правомерным и противоправным действиями в исполнении своих обязанностей. Общая демократизация, связанная с периодом НЭПа, вызвала к жизни идею дисциплинарных судов, которые вместо работодателя или строгого уголовного закона указывали работнику на пересечение границ дозволенного и противозаконного.

Таким образом, дисциплинарный суд, по замыслу его создателей, являлся компромиссом между строгим уголовным законом и полной безнаказанностью должностных проступков.

---

[478] Вышинский А.Я. Дисциплинарные суды и должностные преступления // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 30. С. 675.

Наложение дисциплинарных взысканий на простых работников советских учреждений регламентировалось Постановлениями ВЦИК и СНК 1920, 1921, 1927 годов и др. Согласно данным актам, привлечение работника к дисциплинарной ответственности носило внутрикорпоративный характер, то есть, в рамках того учреждения, где работал совершивший проступок или вышестоящий орган, согласно подчиненности[479]. В такой замкнутой системе было достаточно сложно привлечь к дисциплинарной ответственности руководителей учреждений. Эту функцию должен быть взять на себя специально созданный судебный орган – дисциплинарный суд.

Однако при такой организации привлечения к дисциплинарной ответственности руководящих кадров были высказаны сомнения относительно их привилегированного характера, кастовости и возможной безнаказанности[480]. Советское законодательство гораздо жестче подходило к ответственности руководителей, чем обычных служащих, установив для них более строгие дисциплинарные взыскания.

В период с 1923 по 1928 год привлечение к дисциплинарной ответственности было возможно в двух формах: собственно передача дела в дисциплинарный суд и в порядке подчиненности. По общему правилу дисциплинарному суду были подсудны «ответственные работники», а в порядке подчиненности дисциплинарной ответственности подлежали все остальные должностные лица, при этом обжалование наложенных взысканий допускалось только в порядке подчиненности вышестоящему должностному лицу или органу[481].

---

[479] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 июля 1927 г. «Об утверждении положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности» // Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 72. Ст. 485; Декрет ВЦИК от 27.01.1921 г. «О дисциплинарных взысканиях за нарушение служебной дисциплины в советских учреждениях» // Собрание узаконений РСФСР. 1921 № 8. Ст. 58; Декрет ВЦИК от 27 января 1921 года «О дисциплинарных взысканиях за нарушение служебной дисциплины в советских учреждениях» // Собрание узаконений РСФСР.1921. № 8. Ст. 58.

[480] Турубинер А. Дисциплинарная ответственность // Советское право. 1927. № 5 (29). С. 85.

[481] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 июля 1927 г. «Об утверждении положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности» // Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 72. Ст. 485.

Категория должностных лиц была определена Уголовным кодексом РСФСР, и к ней относились, лица, «занимающие постоянные или временные должности в государственном (советском) учреждении, предприятии, в организации или объединении, на которые возложены законом определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных или других общегосударственных задач»[482]. В этом отношении уточнения требуют несколько позиций. Во-первых, согласно советскому законодательству, должностными лицами считались *все* служащие *всех* советских органов, независимо от занимаемой должности. Во-вторых, должность могла быть как постоянной, так и временной (избираемой); кроме того, не имело значения, является ли должность штатной, сверхштатной, оплачиваемой или нет. В-третьих, к должностным лицам относились работники общественных организаций: профсоюзных, партийных – всех тех, через которые осуществлялась диктатура пролетариата. Однако относительно последней позиции имелись некоторые разногласия. Так, профессор А.Н. Трайнин предлагал считать должностными лицами только тех служащих общественных организаций, деятельность которых была связана с исполнением публично-правовых функций[483].

Дисциплинарным судам были подсудны дела членов ВЦИК и членов ЦИК автономных республик, народных комиссаров и их заместителей, членов коллегий наркоматов, членов СТО, председателей и членов президиумов губернских исполнительных комитетов и ответственных должностных лиц центральных учреждений и наркоматов, не ниже заведующих отделами, а также директоров и членов правления трестов и отдельных предприятий, членов губернских и уездных исполнительных комитетов, должностных лиц, избираемых или утверждаемых губернским исполнительным комитетом[484].

---

[482] Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. Прим. 1 к ст. 109.
[483] См. подробнее: А.Н. Трайнин Уголовное право РСФСР. Часть особенная. М., 1927. С. 218.
[484] Постановление ВЦИК от 07.07.1923 «Положение о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 54. Ст. 531. С. 3.

При этом перечисленные категории лиц могли быть привлечены к дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности, «в случае, когда совершенные этими лицами деяния по степени серьезности не требуют передачи дела в дисциплинарный суд»[485]. Решение о порядке привлечения к дисциплинарной ответственности в отношении этих лиц принималось руководством или вышестоящим органом.

Нормы материального права, на основе которых должностные лица могли быть привлечены к дисциплинарной ответственности, содержались в Уголовном кодексе и Кодексе законов о труде и принятых в соответствии с ним правилах внутреннего распорядка. Квалифицирующими признаками, разграничивающими дисциплинарный проступок от уголовного преступления, являлись системность злоупотреблений, особо тяжкие последствия и личная и корыстная заинтересованность[486]. Если они имели место быть, то дела рассматривались судами общей юрисдикции в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом РСФСР.

Таким образом, изначально юрисдикция дисциплинарных судов была крайне узкой. В своей деятельности они занимали промежуточное положение между государственными органами, привлекающими к дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности, и губернскими судами, привлекающими к уголовной ответственности за совершения должностных преступлений.

Первоначально дисциплинарные суды имели двухзвенную структуру. Первой инстанцией выступали губернские (областные) дисциплинарные суды, высшей – Главный дисциплинарный суд. Главный Дисциплинарный Суд учреждался при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, а при губернских (или областных) исполнительных комитетах – губернские (областные) дисциплинарные суды.

---

[485] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 июля 1927 г. «Об утверждении положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности» // Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 72. Ст. 485. Ст. 1.

[486] Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. Прим. 1 к ст. 105.

Процессуально губернские (областные) дисциплинарные суды были подчинены Главному дисциплинарному суду. Их решения могли быть в семидневный срок обжалованы в высшую инстанцию – Главный дисциплинарный суд. Решения же последнего обжалованию не подлежали.

Постановлением ВЦИК был также определен кадровый состав новых судов. Так, Главный дисциплинарный суд состоял из председателя и двух членов суда.

К комплектованию губернских дисциплинарных судов закон подошел более конкретно. Губернский дисциплинарный суд состоял из трех членов, из которых один должен был быть членом президиума губисполкома, один – судьей местного губернского суда, один – по усмотрению губисполкома. Председателя суда также утверждал губернский исполнительный комитет. Позже Наркомюст примет циркуляр, обязывающий члена губдиссуда, избранного от губернского суда, докладывать пленуму губсуда о рассмотрении дел в дисциплинарном суде, а также освещать спорные вопросы правоприменения[487]. Персональный состав диссудов на местах также сообщался в Наркомюст.

Важно отметить, что должности судей в дисциплинарных судах занимали лица, для которых это не было основным видом деятельности. Должности в диссудах были неоплачиваемы. Так, в ответе на запрос Главного дисциплинарного суда Курский губернский дисциплинарный суд в апреле 1925 года представлял свой состав: «Фрундин Федор Максимович, зампред губисполкома, член РКП (б) – председатель; Берзин Жан Генрихович, зампред губсуда, член РКП (б) – член губернского диссуда; Курындин Николай Галактионович, член Президиума губисполкома, беспартийный – член губернского диссуда; Благосклонов С.А., юрисконсульт губисполкома – секретарь губернского диссуда»[488].

---

[487] Циркуляр Народного Комиссариата юстиции «О порядке вхождения одного из членов губсуда в состав губернского дисциплинарного суда» о 5 декабря 1923 г. № 251 // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 49.

[488] Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 1.Л. 32.

Также в отчете сообщалось, что все члены диссуда, включая секретаря, работают по совместительству и «особого вознаграждения» не получают. В Главном дисциплинарном суде ситуация с кадровым составом суда была несколько иная. Первоначально предполагалось, что в его состав войдут только председатель и два члена суда, назначаемых ВЦИКом. Также были предусмотрены должности секретаря и делопроизводителя[489]. Однако в связи быстрым увеличением объема работы суда как по рассмотрению дел, так и по ведению делопроизводства штат суда стал расширяться. В 1926 году должность секретаря суда была преобразована в «ответственного секретаря», а должность делопроизводителя в «заведующего делопроизводством», появились должности консультанта, машинистки и экспедитора[490].

С первоначальной численности было также увеличено количество членов суда. В своих записках в президиум ВЦИК руководство суда заявляло о необходимости расширения штата и отмечало, что «значительное количество дел, проходящих через диссуды, систематически разгружает наши общесудебные учреждения»[491].

На конец 1927 года персональный и количественный состав Главного дисциплинарного суда выглядел следующим образом: Н.М. Янсон – председатель; А.А. Сольц – заместитель председателя; М.Н. Рогов, Ф.Я. Кон, А.Ф. Толоконцев, П.Г. Смиридович., А.П. Смирнов – члены суда; Н.Н. Ильина, В.Н. Манцев – запасные члены суда; А.М. Лежава, Н.Е. Любимов – кандидаты в члены суда[492]. Аппарата суда был представлен: С.А. Карнеев – ответственный секретарь; Е.М. Лейбович – консультант; А.Д. Рязанцева – зав. делопроизводством; Л.В. Мартынова – машинистка; должность экспедитора была вакантной[493].

Заработную плату за исполнение должностей в Главном дисциплинарном суде получали только работники аппарата, председатель суда и его заместитель.

---

[489] ГАРФ. Ф. Р. 4212. Оп. 1. Д. 31. Л. 71.
[490] ГАРФ. Ф. Р.4112. Оп. 1. Д. 31. Л. 36, 62, 71.
[491] ГАРФ. Ф. Р.4112. Оп. 1. Д. 31. Л. 63-63 об.
[492] ГАРФ. Ф. Р.4112. Оп. 1. Д. 31. Л. 21.
[493] ГАРФ. Ф. Р.4112. Оп. 1. Д. 31. Л. 16

Однако денежное вознаграждение председателю и его заместителю выплачивалось «по месту исполнения основной работы»[494]. Остальные члены суда работали на общественных началах, совмещая со своей основной работой. Законодатель не видел проблемы в неоплачиваемом характере исполнения обязанностей членов диссудов и его аппарата. В обновленном положении о дисциплинарных судах от 1926 года прямо указывалось, что все диссуды, кроме Главного, «не имеют собственного аппарата и обслуживаются аппаратом соответствующих исполнительных комитетов или судебных учреждений»[495]. По замыслу законодателя, данное техническое правило должно было способствовать установлению связи между диссудами и губсудами, что, в свою очередь, должно было положительно сказаться на разрешении конкретных дел в обоих инстанциях.

Двухуровневая система дисциплинарных судов просуществовала до 1926 года, когда новое положение о дисциплинарных судах увеличило количество инстанций. Так, кроме Главного дисциплинарного суда при ВЦИК, были учреждены дисциплинарные суды автономных республик, не имеющих губернского деления, краевые и областные диссуды, диссуды автономных областей и уездные дисциплинарные суды при уездных исполнительных комитетах[496].

Если появление дисциплинарных судов при ЦИКах автономных республик, не имеющих губернского деления, при краевых и областных исполнительных комитетах и исполнительных комитетах автономных областей связано с уточнением административно-территориального деления РСФСР, то учреждение уездных дисциплинарных судов имело целью появление собственно судов первой инстанции.

Важно отметить, что процесс создания уездных дисциплинарных судов шел достаточно быстро. В течение полугода из 424 уездов (и приравненных к

---

[494] См.: там же.
[495] Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 14.06.1926 «Об утверждении Положения о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 36. Ст. 291. Ст. 18.
[496] Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 14.06.1926 «Об утверждении Положения о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 36. Ст. 291. Ст. 1.

ним административно-территориальных единиц) в 348 были созданы уездные диссуды. Соответствующие дисциплинарные суды не были созданы в Дагестане, Якутской АССР, Вотской области, Казакской и Татарской АССР. Кроме того, поскольку Тульская, Астраханская и Северодвинская губернии не имели деления на уезды, а Мурманская была разделена на волости, то процесс образования местных диссудов задерживался[497].

Завершая обзор организации и кадрового состава дисциплинарных судов, можно сделать вывод об отсутствии каких-либо квалификационных требований к кандидатам. В циркулярном письме председателя Главного дисциплинарного суда и Наркома юстиции от 15 июля 1926 года давались рекомендации относительно нравственных качеств кандидатов в члены диссудов. В диссуды должны назначаться «наиболее выдержанные, пользующиеся полным доверием исполкома товарищи, которые умеют объективно и разумно оценивать сущность и характер проступков во всей связи их с той реальной обстановкой, в которой эти проступки совершены, и твердо проводить в своей работе единую для всего СССР революционную законность»[498].

Основным условием для работы в качестве судьи являлась лояльность действующей власти. При этом, если для судей губсудов было установлено требование стажа, то для членов диссудов такого не требовалось. Это было связано, во-первых, с тем, что исполнение обязанностей в диссудах не являлось основным занятием, во-вторых, от членов диссуда не так важно было иметь специальные знания и умения применять правовые нормы, они должны были олицетворять собой главные принципы социалистической этики и морали при воздействии на лиц, совершивших дисциплинарные проступки.

Важно отметить, что в отношении членов дисциплинарных судов разных уровней, наделенных правом рассмотрения дел, не употреблялся термин «судья», в законодательных актах, материалах периодической печати, в документах официального делопроизводства они значились по той должности,

---

[497] ГАРФ. Ф. Р.4112. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

[498] Циркулярное письмо Главного дисциплинарного суда и Народного комиссара юстиции и Прокурора республики от 15 июля 1926 г. // Еженедельник советской юстиции 1926. № 32.С. 982.

которую занимали в дисциплинарном суде, – председатель, заместитель председателя, член суда. Такая же терминологическая особенность была свойственна революционным трибуналам, члены которых тоже не именовались судьями[499].

Порядок рассмотрения дел, предусмотренный в дисциплинарных судах, был следующий. Первоначально дело рассматривалось диссудом в распорядительном заседании. В случае принятия решения о необходимости рассмотрения дела в судебном порядке, таковое заслушивается в судебном заседании с обязательным вызовом обвиняемого и других лиц. Неявка обвиняемого без уважительной причины не являлась основанием отложить судебное разбирательство. Также суд может прийти к убеждению о необходимости прекращения дела, тогда дело прекращается в распорядительном заседании, о чем выносилось постановление. Наиболее частым основанием прекращения дела в распорядительном заседании являлось несоответствие подсудности диссудам. Материалы дела передавались в другие органы и учреждения, а также в губсуды.

Первоначально положение о диссудах строго разграничивало право направления дел в диссуды от права внесения представлений в распорядительные заседания Верховного суда и губсуды о направлении дел в диссуды. Так, правом направления дел в диссуды были наделены:

«а) учреждения и лица, коим предоставляется право наложения дисциплинарных взысканий по декрету ВЦИК от 27 января 1921 г., если, по их мнению, направление дела в дисциплинарный суд более соответствует серьезности допущенного должностного упущения или проступка, и

б) распорядительные заседания Верховного суда и губернских судов в случае, если они признают, что привлеченные к суду лица не подлежат наказанию в уголовном порядке»[500].

---

[499] См., например, Захаров В.В. Организация и деятельность кассационного трибунала в РСФСР в 1919 году // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 4. С. 82-96.

[500] Постановление ВЦИК от 07.07.1923 г. «Положение о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 54. Ст. 531. Ст. 5.

При этом правом внесения представлений в распорядительные заседания Верховного и губернских судов о направлении дел в указанном выше порядке обладали прокуратура и рабоче-крестьянская инспекция.

Такая позиция законодателя стала едва ли не самой спорной при реализации положения о дисциплинарных судах. Коллизия была в том, что распорядительные заседания Верховного и губернских судов не являлись органами, имеющими право самостоятельно возбуждать дела. Поэтому единственным органом, имеющим право непосредственно возбуждать дела в диссудах, были организации, где работал провинившийся. Такое положение действовало до 1926 года и во многом обязано незначительному количеству дел, рассмотренных диссудами в этот период. В 1926 году новое положение о диссудах устранило этот недостаток. Правом направления дел в диссуды, кроме начальства привлекаемых к ответственности, стали обладать судебно-следственные органы, прокуратура и органы рабоче-крестьянской инспекции, при этом последние освободились от обязанности предварительно вносить дела на распорядительные заседания Верховного и губернских судов[501]. Новый порядок несколько оживил работу диссудов.

Привлекая к дисциплинарной ответственности, дисциплинарные суды были правомочны налагать следующие меры взыскания, а также соединять различные меры, предусмотренные положением: замечание, выговор с опубликованием в печати или без опубликования, перемещение на другую должность, арест домашний на срок от трех суток до одного месяца, лишение права занимать ответственные должности в государственных органах до двух лет, увольнение от должности, возложение обязательств загладить причиненный вред или возместить ущерб.

Анализ деятельности дисциплинарных судов в первые годы их существования говорит о достаточно низкой востребованности данного института. Приведенная статистика показывает количество рассмотренных

[501] Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 14.06.1926 г. «Об утверждении Положения о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 36. Ст. 291. Ст. 6.

губернскими дисциплинарными судами дел в первое полугодие 1925 года[502]: Архангельский дисциплинарный суд – 0, Астраханский – 4, Брянский – 4, Владимирский – 6, Вологодский – 0, Воронежский- 3, Вятский – 4, Гомельский – 2, Иваново-Вознесенский – 10, Иркутский – 0, Калужский – 0, Костромской – 0, Курский – 6, Ленинградский – 4, Московский – 20, Мурманский – 0, Нижегородский – 0, Новгородский – 1, Оренбургский – 0, Орловский – 3, Пензенский – 0, Псковский – 14, Рязанский – 1, Самарский – 0, Саратовский – 0, Северо-Двинский – 0, Смоленский – 10, Тамбовский – 11, Сталинградский – 11, Тверской – 0, Тульский – 0, Ульяновский – 4, Череповецкий – 10, Ярославский – 0.

Деятельность Главного дисциплинарного суда включала в себя собственно судебную работу в качестве суда первой инстанции, судебно-кассационную проверку дел (по отношению к губернским диссудам, диссудам автономных республик и областей), а также судебный надзор за всеми диссудами РСФСР. Так, Главный дисциплинарный суд в 1926 году рассмотрел 123 дела, из них 94 – прямой подсудности, 69 – в порядке кассации и надзора[503].

Примечательно, что при обсуждении нового положения о диссудах в 1926 году высказывались опасения относительно «серьезной угрозы перегрузки губернских диссудов». Приведенные данные о работе диссудов говорят об обратном. Предполагалось, что нагрузка на уездный диссуд в среднем в год будет 3 500 дел. Реальная нагрузка составила около 82 дел в год[504].

Представляется, что пятилетний срок существования системы диссудов не достаточен, чтобы сделать выводы о его степени его эффективности. К примеру, Ленинградский дисциплинарный суд в 1926 году рассмотрел менее 10 дел[505]. Таким образом, к 1928 году назрел вопрос либо об активизации деятельности диссудов, либо о целесообразности их существования.

---

[502] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р4112. Оп. 1. Д. 4. Отчеты о деятельности Главного дисциплинарного суда при ВЦИК РСФСР за 1925-1926 гг. и списки рассмотренных дел за 1925 г., 1927 г., направленных в президиум ВЦИК. Копии. Л. 23-33.

[503] ГАРФ. Ф. Р.4112. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

[504] ГАРФ. Ф. Р.4112. Оп. 1. Д. 4. Л.7 об.

[505] См.: Виленский С. Направление дел в дисциплинарные суды // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 5. С. 134.

Таким образом, дисциплинарные суды являлись судебными органами и представляли собой специализированную, обособленную ветвь судебной системы. При всей специфике организации, кадрового состава, производства в диссудах их можно отнести к органам судебной власти, являющимися частью судебной системы РСФСР. Доказательством данного тезиса может служить тот факт, что решения диссудов не могли быть отменены никем, за исключением вышестоящего дисциплинарного суда. Анализ документов, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации, относящихся к работе дисциплинарных судов, говорит о постоянном стремлении губисполкомов вмешиваться в работу дисциплинарных судов и о планомерном проведении Главным дисциплинарным судом точки зрения о процессуальной самостоятельности и даже независимости диссудов от административных органов власти на местах[506].

Дисциплинарные суды были ликвидированы 28 мая 1928 года на основе совместного постановления ВЦИК и СНК. Имеющиеся на момент ликвидации диссудов дела подлежали передаче в суды общей юрисдикции[507]. Такое решение, на наш взгляд, было продиктовано несколькими причинами, основная среди которых – исчезла необходимость в данной структуре. Главной целью создания диссудов было привлечение госслужащих к дисциплинарной ответственности. Но начиная с конца 20-х годов XX века, основным принципом формирования кадрового состава государственных органов становился номенклатурный принцип[508]. Таким образом, все руководящие посты в Советском государстве со временем должны были занять только члены партии ВКП(б). Дисциплинарный контроль за партийными руководителями государственных органов передали внутрипартийным структурам, которые к концу 1920-х годов набирали вес. Таким образом, дисциплинарные суды стали

[506] ГАРФ. Ф. Р.4112. Оп. 1. Д. 32. Л. 30-30 об.
[507] Постановление ВЦИК и СНК от 28 мая 1928 г. «Об отмене положения о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 82. Ст. 558.
[508] См. подробнее: Пашин, В.П. Система подбора руководящих кадров в начале 20-х годов XX века (на материалах Курской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1 (21). С. 154-157.

дублировать партийные полномочия в сфере борьбы со служебными упущениями, которые не имели характера уголовных преступлений. Примечательно, что все время существования Главного дисциплинарного суда заместителем его председателя был А.А. Сольц, который также возглавлял партийную коллегию по рассмотрению нарушений партийной этики, созданную в 1925 году по решению XIV съезда ВКП(б).

К тому же время существования диссудов совпало с общими демократическими тенденциями в управлении государством, связанными с проведением в жизнь новой экономической политики. Взятый курс на свертывание НЭПа предопределил и демонтаж некоторых демократических институтов, возникших в 1920-е годы. Специализированный дисциплинарный суд не вписывался в новую систему построения власти, основанную на более жестких началах.

Общие показатели работы диссудов за время их существования с 1923 по 1928 год не демонстрировали острую необходимость в продолжении их функционирования. Вместе с тем диссуды требовали постоянного увеличения затрат на свое содержание, расширения штатов и образования новых судов в уездах, что влекло за собой постоянные денежные вливания, которые государство также решило ограничить.

Особые трудовые сессии народных судов. Трудовые сессии народных судов являлись частью общих народных судов и входили в их систему, то есть, структурно они не представляли собой обособленную ветвь правосудия со специальной юстицией. По представлению законодателя, особенности трудовых споров предопределили необходимость выделить их в отдельные сессии, установив отличный процессуальный порядок рассмотрения таких споров. На наш взгляд, целесообразнее говорить о специальных вопросах, связанных с судебным разбирательством уголовных и гражданских дел.

В данном случае особые трудовые сессии народного суда выступали судами первой инстанции по разрешению таких споров.

Первоначально трудовые сессии образовывались в губерниях при губернском суде, а также при окружных и уездных судах в промышленных районах. Каждая сессия состояла из председателя из числа народных судей, а также двух членов: одного представителя от хозяйственных органов, второго – от губпрофсовета[509]. Подсудность особых сессий также была определена Кодексом законов о труде и состояла в разрешении конфликтов, связанных с применением законов о труде, коллективных и трудовых договоров, правил внутреннего распорядка и табеля взысканий, а также всех дел, связанные с нарушением законов о труде, которые преследуются в уголовном порядке.

Важно отметить, что особые трудовые сессии не были единственными органами трудовой юстиции в данный период. В это же время действовали расценочно-конфликтные комиссии (РКК), примирительные камеры, третейские суды. Указанные органы разрешали трудовые споры по соглашению сторон в рамках примирительных процедур, тогда как трудовые сессии действовали по закону, именем государства. Решение таких органов могло быть передано на рассмотрение в суд только в том случае, если соглашение сторон не было достигнуто или решение комиссии отменено в порядке надзора (со стороны Отдела труда Народного комиссариата труда). При рассмотрении проектов КЗоТ и Положения о судоустройстве РСФСР 1922 года в части подсудности особых трудовых сессий возникли ожесточенные споры. Как в случае с другими дисциплинарными судами, предлагалось не передавать дела в суды общей юрисдикции, даже с выделением обособленных сессий (камер). Предлагалось рассматривать трудовые споры в рамках примирительных процедур и органах, созданных при Наркомате труда. Однако победила точка зрения о необходимости выделения отдельной трудовой юстиции в рамках судов общих судов[510].

В дальнейшем особые трудовые сессии были созданы в уездных городах и крупных промышленных центрах, безотносительно административно-

[509] Кодекс законов о труде РСФСР издания 1922 года: с изменениями до 1 августа 1929 года / РСФСР. Изд. офиц. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. Ст. 168-169.
[510] См подробнее: Трудовое право С.С.С.Р. [Текст] / И. Войтинский. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 52-53.

территориального деления. Такие сессии создавались по согласованию с губернскими судами и губпрофсоветами, если последние сочтут это необходимым[511]. В тех регионах, где невозможно было создать трудовые сессии, данную категорию споров рассматривали губернские суды.

Так как трудовые сессии являлись частью народных судов, то процесс обжалования (кассации) происходил по общим правилам – в губернский суд, а затем в Верховный Суд РСФСР. В случае отмены решения или приговора трудовой сессии в кассационном порядке дело заново направлялось для рассмотрения в тот же орган. Однако состав трудовой сессии для повторного рассмотрения должен был быть изменен.

В целом создание обособленной трудовой юстиции в 1920-е годы не имело результата. С принятием в 1923 году Гражданского процессуального кодекса трудовые споры стали рассматриваться по общим правилам гражданского судопроизводства с незначительными особенностями. Более того, как уже отмечалось выше, одной из причин учреждения специальной подсудности является стремление преодолеть бюрократизацию и формализм общей юрисдикции, сделать специализированное правосудие более оперативным и доступным. Как отмечали современники, при рассмотрении трудовых споров в народных судах как раз не были реализованы те принципы, на основе которых должна была функционировать трудовая юстиция – доступность для трудящихся, упрощенная процедура рассмотрения дел, оперативность при вынесении и исполнении решения[512].

Важно отметить, что судебная ветвь трудовой юстиции, а именно – рассмотрение трудовых споров особыми трудовыми сессиями народных судов – была ликвидирована почти безболезненно. Причинами этого является, на наш взгляд, то обстоятельство, что трудовые сессии фактически находились в составе народных судов во главе с народным судьей. Роль народных заседателей для них исполняли два представителя – от работодателей и от профсоюзов.

[511] Циркуляр НКТ и НКЮ от 15 мая 1923 г.

[512] См.: Иванов А.Б. Трудовой процесс и трудовые суды в СССР в 1920-е годы // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18. С. 63.

Обжалование проходило по обычным правилам, определенным гражданско-процессуальным и уголовно-процессуальным законодательством, общий надзор замыкался на Верховном Суде РСФСР (соответственно, на гражданской или уголовной коллегии). Поэтому процесс «возвращения» или «сращивания» специальной трудовой и общей юрисдикции прошел незаметно.

Военная юстиция[513]. Военная юстиция советской эпохи, вышедшая из недр революционных военных трибуналов и усилившаяся в период террора 1930-х годов и военных лет, представляла собой ветвь специализированного правосудия в рамках общей судебной системы. На наш взгляд, говорить об обособлении военной юстиции возможно после судебной реформы 1922 года, когда за военными трибуналами была закреплена функция – рассмотрение дел о преступлениях, угрожающих крепости и мощи Красной армии. Военные трибуналы в своей структуре повторяли структуру вооруженных сил государства и действовали при военных округах, фронтах, морских флотах, армиях, корпусах и иных воинских соединениях и военизированных учреждениях. Система военных трибуналов завершалась на Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Формирование верховного правосудия в военной юстиции шло поэтапно и отражало важные политические вехи в развитии нашего государства 1920-1930-х годов. Так, до июля 1921 года высшим органом в системе военных трибуналов (тогда революционных трибуналов – реввоентрибуналов) являлся Реввоентрибунал РСФСР, который не входил в структуру судебной системы. С 23 июня 1921 года по 1 января 1923 года руководство военно-судебными органами осуществляла Военная коллегия Верховного трибунала при ВЦИК. После, с января 1923 года, когда Верховный трибунал при ВЦИК был фактически преобразован в Верховный Суд РСФСР, руководство военной юстицией перешло к Военной коллегии Верховного Суда РСФСР. После

[513] Несмотря на то что хронологические рамки настоящего параграфа ограничиваются 1920-1930-ми годами для раскрытия предмета исследования, а именно – организации специального правосудия и его места в судебной системе, в отношении военной и военно-транспортной юстиции необходимо выйти за установленные временные границы. Анализ структуры органов военной и военно-транспортной юстиции будет затрагивать период с 1920-х до конца 1950-х годов.

образования СССР и создания Верховного Суда СССР с апреля 1924 года и до конца советской эпохи система военных трибуналов (с 1926 года) замыкалась на Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Надо отметить, что передача контроля за деятельностью военных трибуналов именно общесоюзному органу была спорным решением. В период подготовки нормативных правовых актов, регулирующих судебную систему нового союзного государства, предлагалось данную функцию оставить за Верховными Судами республик. Проект, подготовленный Конституционной комиссией ЦИК, предполагал передать кассационное обжалование решений военных трибуналов высшим судам республик «в общем порядке» и включал военные трибуналы в систему судов общей юрисдикции[514]. При этом общее руководство деятельностью военных трибуналов, подбор, ротация кадров закреплялись за военной коллегией Верховного Суда СССР. Также при военной коллегии и военных трибуналах округов, армий и флотов предлагалось учредить дисциплинарные суды для рассмотрения дел в отношении служащих самих военных трибуналах как при исполнении ими служебных обязанностей, так и вне их[515]. Данный проект не получил законодательного закрепления.

Организационное руководство военными трибуналами было возложено на военную коллегию Верховного Суда СССР. За ней же закреплялось право на рассмотрение по первой инстанции дел исключительной важности. Важно, что кассационное обжалование приговоров военных трибуналов до 1926 года еще сохранялось за военными коллегиями Верховных Судов республик и лишь после принятия «Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре»[516] окончательно закрепилось за Верховным Судом СССР, а военная коллегия ВС СССР стала единым руководящим центром для всех военных трибуналов.

Эволюцию военной юстиции в нашей стране в XX веке целесообразно рассматривать через призму той роли, которую военно-судебные органы

[514] Проект, вносимый Конституционной комиссией ЦИК Союза ССР на 2-ю сессию Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 2-го созыва. Б.м., б.г. С. 2-3.
[515] См.: там же. С. 3.
[516] Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 20.08.1926) // СЗ СССР. 1926. № 57. Ст. 413.

сыграли в период борьбы с контрреволюцией и «большого террора» 1930-х годов. Однако данные мотивы не являются предметом настоящего исследования, поэтому остановимся на них лишь фрагментарно. Согласно статье 8 «Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре РСФСР» 1926 года, военным трибуналам были подсудны дела о воинских преступлениях, о преступлениях государственных, должностных и имущественных, совершенных военнослужащими, а также об иных преступлениях, отнесенных законом к их ведению[517]. Законом от 13 декабря 1940 года компетенция военных трибуналов была расширена, в нее вошли: дела о шпионаже, измене родине, диверсиях, террористических актах; хищении огнестрельного оружия, огнеприпасов, их хранение; преступления, совершенные военнообязанными в период прохождения ими военных сборов; дела, направленные против установленных правил несения службы; преступления лиц строевого и административного состава милиции и оперативного состава органов управления государственной безопасности НКВД. В период военного времени компетенция военных трибуналов еще более расширяется за счет уголовных дел – разбой, убийство, спекуляция, хулиганство, уклонение от воинской обязанности и ряд других[518].

Анализируя структуру военно-судебных органов в период войны и оккупации части территории СССР, важно отметить, что судопроизводство было значительно упрощено, не существовало системы обжалования как таковой, а следовательно, не было необходимости в инстанциях. Приговоры военных трибуналов не подлежали обжалованию в кассационном порядке, вступали в законную силу после оглашения, приводились в исполнение немедленно. В отношении приговоров к высшей мере наказания также было отменено кассационное обжалование, но был установлен особый надзор со стороны военных советов округов, фронтов и армий, а также соответствующих командующих, которым принадлежало право приостанавливать исполнение

[517] См.: там же.
[518] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» Ст. 7.

приговора к расстрелу и передачей своего мнения по этому вопросу в военную коллегию ВС СССР[519].

После завершения Великой Отечественной войны компетенция военных трибуналов сужается. После смерти И.В. Сталина, развенчания культа личности и последующих за этим демократических преобразований, в том числе в судебной сфере, военные трибуналы утрачивают свою всемогущую роль и положение «оружия диктатуры пролетариата». С середины 1950-х годов в их компетенции были оставлены дела о преступлениях и проступках военнослужащих и шпионаже. Большинство тяжких преступлений, ранее рассматривающихся военными трибуналами, были отнесены к компетенции краевых и Верховных Судов республик. Маршал СССР С.К. Тимошенко на праздновании 40-летия военных трибуналов заметил, что в настоящее время им приходится иметь дело лишь с отдельными, плохо воспитанными воинами[520].

Отвечая на вопрос о месте военной юстиции в структуре судебной системе нашего государства в послевоенное время, можно сделать вывод о том, что военные трибуналы не входили в судебную систему союзных республик, а являлись частью общесоюзной судебной системы. Одной из причин такого особого положения называют структуру вооруженных сил СССР, в рамках которой действуют военные трибуналы. Но, с другой стороны, военные трибуналы входили в единую союзную судебную систему, что порождало ряд важных правовых последствий. Так, Верховный Суд СССР, на который было возложено общее руководство судебной деятельностью военных трибуналов, определял судебную политику в отношении всех без исключения судов. Разъяснения Пленума Верховного Суда СССР имели такое же значение для работы военных судов, как и для гражданских, чем обеспечивалось точное и единообразное применение законов.

---

[519] Строгович, М.С. Военные трибуналы советского государства. М.: Юридическое издательство НКЮ, 1942. С. 21-22.

[520] Военные трибуналы – органы социалистического правосудия. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза СССР, 1958. С. 28.

Военно-транспортная юстиция. Появление транспортной юстиции как органа специализированого правосудия объясняется еще одним комплексом причин, не свойственным организации других специализированных судов. Данные суды изначально носили репрессивный, карательный характер и были призваны повысить эффективность работы транспорта как в период Гражданской войны, НЭПа, так и в годы первых пятилеток. Таким образом, традиционные причины учреждения специальных судов (большое количество однородных дел, обособленный или сложный объект, специальный субъект правосудия) не были определяющими. По словам исследователя военно-транспортных трибуналов Д.Н. Шкаревского, бедственное положение на транспорте 1919-1920 годов, почти парализованная система снабжения актуализировали необходимость выделения специальной транспортной юстиции с явно карательным уклоном[521]. 18 марта 1920 года было принято Положение ВЦИК о революционных железнодорожных трибуналах[522]. С мая 1920 года транспортные трибуналы были созданы на водном транспорте. Согласно положению, система военно-транспортной юстиции была следующей: революционные железнодорожные трибуналы при управлении железных дорог как первая инстанция и Главный революционный военный трибунал при Наркомате путей сообщения. Решения первой инстанции считались окончательными и обжалованию не подлежали, но при этом Главный железнодорожный ревтрибунал имел право приостановить исполнение приговора, если обнаруживались новые обстоятельства или руководствуясь революционной целесообразностью. Все приговоры с высшей мерой наказания подлежали согласованию с Главным железнодорожным трибуналом в течение 48 часов, после чего приводились в исполнение. Еще раз отметим исключительно репрессивный характер военно-транспортной юстиции, который

[521] См., например: Шкаревский, Д.Н. Формирование органов транспортной юстиции СССР в 1920-е гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сборник статей Всероссийской научной конференции. БУВО «Сургутский государственный университет». 2017. С. 335-342.

[522]Положение ВЦИК о революционных железнодорожных трибуналах от 18 марта 1920 года // Декреты советской власти. Т. VII. М., 1975. С. 365 - 369.

не подразумевал объективной проверки решений нижестоящих инстанций. Исследователь Д.Н. Шкаревский говорит о 4 % смертных приговоров[523].

Таким образом, военно-транспортная юстиция структурно напоминала организацию земельных комиссий и трудовых сессий, где центр управления и надзора также находился в административных органах – наркоматах. Важно отметить, что это общая тенденция построения системы обжалования решений: именно на начало 1920-х годов приходится организация высшего судебного контроля в НКЮ.

При этом на транспортные трибуналы было распространено положение о революционных трибуналах от 20 ноября 1919 года, в части организации судебного процесса. Главный революционный военный железнодорожный трибунал состоял из шести лиц, включая председателя и заместителя. Право их назначения принадлежало народному комиссару путей сообщения[524].

С созданием Верховного Суда и переноса функций кассационного обжалования из органов исполнительной власти в судебную в структуре ВС РСФСР была образована военно-транспортная коллегия, которая, наряду с военной коллегией, занимала особое положение в Верховном Суде РСФСР в период его создания. Она являлась кассационной инстанцией для территориальных транспортных трибуналов, а жалобы на решения самой коллегии поступали в кассационную коллегию по уголовным делам ВС РСФСР, в порядке надзора – в Пленум (через Президиум) ВС РСФСР. В своем докладе о работе суда первый председатель Верховного Суда РСФСР П.И. Стучка говорит о том, что «ввиду особых заданий» военно-транспортная коллегия имела свой собственный организационный и инструкторский аппарата, силами которого составлялись общие и специальные разъяснения по вопросам правоприменения[525]. В целом как следует из отчета за 1923 год, военно-

---

[523] Шкаревский, Д.Н. Формирование органов транспортной юстиции СССР в 1920-е гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие. Сборник статей Всероссийской научной конференции. БУВО «Сургутский государственный университет». 2017. С. 338.

[524] См.: там же. Ст. 5.

[525] Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучка за 1923 год. М.: Издание Верховного Суда РСФСР. 1924. С. 50-51.

транспортная коллегия занимала обособленное место в Верховном Суде РСФСР, и ее перевод в Верховный Суд СССР с его созданием в какой-то степени остался незамеченным.

В это же время претерпевает изменение сама транспортная юстиция, сокращается количество указанных судов. «В связи с укреплением транспорта и минованием острой необходимости в особых судебных учреждениях для рассмотрения уголовных дел о преступлениях, угрожающих транспорту» Президиум ЦИК СССР постановил упразднить все местные военно-транспортные трибуналы и отнести дела, «подсудные прежним транспортным трибуналам, к подсудности нормальных судов»[526].

Конституция СССР 1924 года и последующее Положение о Верховном Суде СССР и Прокуратуре 1929 года определили круг полномочий военно-транспортной коллегии. К ним относилось рассмотрение по первой инстанции дел в отношении руководства Наркомата путей сообщения, а также «дела исключительной важности», которые могли быть переданы в военно-транспортную коллегию особым постановлением ЦИК СССР, Пленарным заседанием ВС СССР по представлению Наркомата путей сообщения. Таким образом, деятельность военно-транспортной коллегии строилась в основном в качестве суда первой инстанции. Этот факт достаточно заметен при анализе статистики за 1925 год. В своем отчете о работе ВС РСФСР П.И. Стучка указывал, что после «ухода» военной и военно-транспортной коллегии из ВС РСФСР количество дел по первой инстанции суда в целом резко сократилось. В 1924 году их было 147, в 1925 году стало 56[527]. Однако сами военно-транспортные трибуналы в 1924 году, «ввиду значительного сокращения

[526]Об упразднении военно-транспортных трибуналов. Декрет ЦИК СССР от 23.11.1923 г. // СУ РСФСР. 1924. № 13. Ст. 119.
[527] Статистика из отчета работы ВС РСФСР за 1928 год // Ежегодник советской юстиции. 1929. № 29. С. 667.

уголовных преступлений на железной дороге и общего оздоровления на транспорте» были упразднены с передачей дел и архивов в губернские суды[528].

«Второе дыхание» органы транспортной юстиции получили в начале 1930-х годов. В сентябре 1931 года А.Я. Вышинский отмечал, что для достижения целей по технической модернизации страны необходимо наладить работу транспорта. По словам исследователя Д.Н. Шкаревского, в этот период транспорт находился в плачевном состоянии: сокращалась погрузка и скорость доставки грузов, падала его эффективность, несмотря на значительные финансовые вливания[529]. В этой ситуации государство решило вернуться к апробированному способу – организации карательной транспортной юстиции. В результате были созданы линейные суды железнодорожного и водного транспорта[530]. Они были организованы на линиях железных дорог и в водных бассейнах, действовали как суды первой инстанции по уголовным делам об авариях, о преступлениях на транспорте, о подрыве рабочей дисциплины в данной отрасли. В качестве второй и высшей инстанции для них выступали железнодорожная и водно-транспортная коллегии Верховного Суда СССР[531]. Коллегии были абсолютно тождественны в своих полномочиях в отношении линейных судов железнодорожного и водного транспорта: рассматривали наиболее важные дела по первой инстанции, а также протесты и жалобы, приносимые на приговоры нижестоящих судов. Такая дифференциация, казалось бы однородной, транспортной юстиции объясняется применением не функционального, а территориального принципа в организации кассационного обжалования. За каждым из судей транспортных коллегий ВС СССР был закреплен конкретный транспортный суд, из которого поступали дела в порядке

---

[528] Миничев. Обзор деятельности Военно-транспортного трибунала П[етрогр.] О[круг] П[ут.] С[ообщ.] за время его существования: Слово уходящему с поста / Пред. Трибунала ПОПС Миничев. – Л.:б. б.и., 1924. С. 1.

[529] Шкаревский, Д.Н. 243. Формирование и развитие органов транспортной юстиции в 1930-е годы: историко-правовой анализ. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 9-10.

[530] Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1930 года «О железнодорожных линейных судах»// СЗ. СССР. 1934. №. 57. Ст. 601; Закон от 7 июня 1934 года // СЗ. СССР. 1934. №. 33. Ст. 251.

[531] В 1931 году в структуре Верховного Суда СССР была создана Транспортная коллегия, с 1935 года коллегию раздели на транспортную коллегию и водно-транспортную коллегию, только с 1938 года коллегии приобрели свои окончательные наименования.

кассационного производства. Конкретный судья, в чью компетенцию входил конкретный суд, должен был знать условия работы железной дороги, ее показатели, пропускную способность, организацию следственной части и др[532]. Таким образом, верховное правосудие, несмотря на то что находилось в высшей судебной инстанции всего Советского Союза, было максимально приближено к транспортным судам. В этом отношении учреждение соответствующих коллегий именно в Верховном Суде СССР демонстрировало то огромное значение, которое придавалось работе всей транспортной отрасли и ее судебно-прокурорским учреждениям.

В период Великой Отечественной войны транспортные суды, находившиеся на территории, где действовало военное положение, были в течение 1941-1942 годов преобразованы в военные трибуналы. Также на период войны претерпели изменения организация высшей инстанции. Так, коллегии верховного Суда СССР были преобразованы в Военно-транспортную коллегию и военно-воднотранспотрную коллегию соответственно[533]. В 1948 году военные железнодорожные и водные трибуналы были вновь преобразованы в линейные суды. К этому же году относится существенные изменения в организации верховного правосудия в сфере транспортной юстиции, по настоянию председателя Верховного Суда СССР А.А. Волина. В коллегии ВС СССР как кассационные инстанции поступало большое количество дел, «до двух тысяч ежемесячно», что дестабилизировало работу высшей инстанции, создавая волокиту. Решением этой проблемы стало создание промежуточного звена между линейными судами и ВС СССР. С 1948 года были созданы 10 окружных линейных судов, которые заключили на себе кассационное обжалование, оставив Верховному Суду функции судебного надзора, таким образом, «уровняв» систему полномочий с другими коллегиями в сфере как специальной, так и общей юрисдикции. В 1953 году две коллегии Верховного Суда СССР были объединены в одну транспортную.

---

[532] ГАРФ. Ф. 8131. Оп.11. Д. 201. Л. 189.

[533] См. подробнее: Шкаревский, Д.Н. Органы транспортной юстиции СССР в 1940-1950-е годы: историко-правовой анализ: монография. М.: Проспект, 2021. С. 21-22.

С общей демократизацией и децентрализацией Верховного Суда СССР «ввиду значительного сокращения количества преступлений, нарушающих нормальную работу железнодорожного и водного транспорта, … и в целях дальнейшего расширения прав судебных органов союзных республик» в 1957 году и линейные суды, и соответствующая коллегия Верховного Суда СССР были ликвидированы[534].

Анализ деятельности транспортной (военно-транспортной) юстиции и организации верховного правосудия в этой сфере позволяет выявить определенную «легкость», с какой законодатель шел на создание, упразднение и реорганизацию транспортных судов. Это объясняется тем огромным стратегическим значением, которое играл транспорт в 1920-1940-е годы. Судебно-транспортная система имела сугубо репрессивный характер и была призвана обеспечить эффективную и бесперебойную работу всей отрасли. Организация верховного правосудия в рамках транспортной юстиции все же проходила в рамках общих тенденций формирования судебной системы 1920-1930-х годов: от обжалования решений в Наркомате путей сообщения до создания специальных коллегий в Верховном Суде РСФСР, а после – передачи в общесоюзную высшую судебную инстанцию.

В завершение рассмотрения организации верховного правосудия в системе специализированных судов, сделаем ряд выводов.

Как следует из практики реализации организационных моделей построения судебной системы 1920-1930-х годов, необходимость в специализированном правосудии обусловлена следующими факторами: субъектным составом спорных правоотношений; предметом спора; характером правоотношений и процессуальной ролью суда в разрешении спора. Потребность же в специализированных судах возникает, когда существующие суды и участники судопроизводства сталкиваются с затруднениями, которые невозможно решить, используя общую юрисдикцию. Перед Советским государством рубежа 1920-1930-х годов также стояла задача «создать такую

[534] Закон об упразднении транспортных судов от 12 февраля 1957 г. // Правда. 1957. № 32. 15 февраля.

судебную систему на территории всего Союза, которая бы увязывала бы единую судебную систему республик в единую систему в единую судебную систему Союза»[535]. При этом звучала необходимость «подстроить» судебную систему республик под судебную систему РСФСР. В этот период в республиках действовали (по аналогии с дореформенной РСФСР) военно-судебные учреждения, арбитражные и земельные комиссии. Процесс их перехода к единой судебной инстанции был завершен в России, но в отношении республик его еще следовало пройти. Отметим, что параллельно были начаты процессы по унификации общесоюзного уголовного и гражданского законодательства, а также процессуального права, налоговой и финансовой системы.

Наличие тех или иных специализированных судов, их система и функционал определяются историческими, политическими, социально-экономическими факторами. В пределах одной юрисдикции могут существовать несколько специализированных судов. Описанные выше конкретные практики построения специализированных судов демонстрируют данные тенденции. Со временем специализированные суды формируют свою собственную судебную практику, которая часто может концептуально не совпадать с линией судов общей юрисдикции. А государство, постепенно выходя из состояния динамичного реформирования, стремится свести всю судебную систему к «общему знаменателю». Именно поэтому назревает потребность в унификации судебной власти, причем данная тенденция характерна не только для недемократических государств. Большевистский эксперимент говорит о постоянных попытках в ходе реформ прийти к единой, стройной, централизованной судебной системе с незначительной «уступкой» в пользу специализированных судов.

Власть стремилась путем формирования специальных органов юрисдикции вывести за пределы обычного порядка разрешения спора дела, представлявшие для нее ценность по политическим, социальным или экономическим причинам. Таким образом, обеспечивалось недопущение

[535] Крыленко, Н.В. Суд и право в СССР. М.,Л., 1927. С. 161.

судебного контроля в отдельные сферы деятельности самого государства. Речь идет о фактическом приоритете краткосрочных политических задач перед долгосрочными по построению оптимальной, с точки зрения законодателя, судебной системы.

§ 4.3. Верховный Суд РСФСР: эволюция функций, структуры и компетенций

Становление и развитие Верховного Суда РСФСР прошло длительный путь и, безусловно, связано с историческими событиями от революции 1917 года до распада Советского государства в 1991 году.

Важной вехой для советской судебной системы стал 1922 год, когда Всероссийским центральным исполнительным комитетом (далее ВЦИК) было утверждено Положение о судоустройстве РСФСР[536]. Данный акт отменил двойственность судов, на ее смену пришла единая система: народный суд, губернский суд и Верховный Суд РСФСР, который начал свою работу в 1923 году.

Основная цель рассмотрения эволюции структуры и функций Верховного Суда РСФСР в рамках диссертационного исследования – проследить путь становления его как высшего судебного органа, имеющего полиинстанциональный характер. Согласно теоретическим моделям организации и деятельности высших судов, данная особенность отечественного верховного правосудия не является типичной, скорее полиинстанционность – это уникальная черта российской модели. Ее зачатки стали проявляться еще во второй половине XIX века с образованием Кассационного Сената, который, по задумке отцов судебной реформы 1864 года, должен был действовать лишь в одной инстанции – кассационной, но со временем иные структурные подразделения Сената приобрели функции и первой, и апелляционной инстанций. Но при этом ключевой функцией продолжало оставаться

[536] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

обеспечение единства судебной практики через последовательную реализацию кассационных полномочий. Остальные функции по рассмотрению дел в иных инстанциях не были определяющими для суда и не подменяли его основной задачи. Совершенно иначе происходило формирование Верховного Суда РСФСР, который изначально был наделен функциями, равными по своему значению, с возможной реализацией полномочий всех инстанций: первой, кассационной и надзорной. Вместе с тем основной задачей высшего суда являлось также обеспечение единообразия судебной практики через принятие постановлений Пленумов и издание руководящих разъяснений нижестоящим судам. Представляется, что причин формирования именно такой функциональной модели верховного правосудия несколько. Только что оформившейся судебной системе нового Советского государства необходимо было выстроить систему надзора над органами, осуществляющими правосудие. В условиях сложной социально-политической обстановки (или классовой борьбы), когда не были утверждены основные принципы нового государства и четко не определен круг его сторонников, такой вариант представлялся наиболее приемлемым. Отсутствие законодательных актов, превращение судов в органы принятия политических решений вызывали необходимость жесткого контроля за их деятельностью. Действуя по закону, суды выносили бы примерно одинаковые решения, а на основе революционного правосознания могли быть колоссальные различия. Именно поэтому судебный надзор со стороны верховного суда носил не только процессуальный характер, но и предусматривал иные организационные формы. Процессуальные инструменты воздействия высшей инстанции на деятельность нижестоящих судов определяются процессуальным законодательством и призваны осуществлять правосудие путем исправления ошибок. Итогом такого воздействия является формирование судебной политики, которая являлась своеобразным «заказом» со стороны партии и государства. Организационный механизм судебного надзора предусматривал целый комплекс мер внепроцессуального характера: от руководства деятельностью судов (с разным набором полномочий в конкретные периоды) до принятия руководящих

разъяснений судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении дел, а также осуществление общего контроля за выполнением всеми судами республики Постановлений Пленума ВС РСФСР.

Рассматривая эволюцию Верховного Суда РСФСР за весь срок его существования, представляется целесообразным выделить отельные периоды функционирования данного органа. В основу периодизации мы положим критерий изменений основных полномочий высшего судебного органа, а следовательно, его структуры. Первый этап сравнительно небольшой и охватывает 1923-1924 годы, это время создания Верховного Суда РСФСР и его работа до образования Верховного Суда СССР, появление которого неизбежно повлекло за собой перераспределение полномочий и утрату статуса высшего судебного органа в государстве. Второй период датируется 1924-1938 годами и связан с первым опытом сосуществования двух высших судов СССР и РСФСР. Следующие период относится к 1938-1957 годам, его выделение связано с критическим усилением полномочий Верховного Суда СССР и низведением верховных судов союзных республик до ординарных инстанций в судебной системе. Последний период можно выделить как завершающий в процессе формирования полиинституционального характера Верховного Суда РСФСР, который хронологически относится к 1957-1991 годам.

Перейдем к анализу каждого из названных периодов. Поскольку период создания и первого опыта функционирования ВС РСФСР был рассмотрен в предыдущем параграфе, то остановимся очень кратко на основных моментах.

Согласно Положению о судоустройстве 1922 года, в составе Верховного Суда РСФСР действовали различные структуры, каждая из которых наделялась специальными полномочиями для решения поставленных перед ними задач. Это президиум, пленарное заседание, коллегии: кассационные по уголовным и гражданским делам, а также судебная, военная, военно-транспортная, дисциплинарная.

Глава IX Положения о судоустройстве 1922 года определяла общие положения о Пленарном заседании суда, в состав которого входили все члены

суда, при этом устанавливалось значение по присутствию – не менее половины всего его количества с обязательным участием прокурора республики или его старшего помощника. Заседание проходило под руководством председателя Верховного Суда или его заместителя.

Пленарное заседание Верховного Суда РСФСР ведало:

«1. Правильным истолкованием законов по вопросам судебной практики, возбуждаемым отдельными коллегиями или отдельным составом судебного заседания той или иной коллегии, или по предоставлению Президиума Верховного Суда, Прокурора Республики или его помощника, состоящего при Верховном Суде;

2. Рассмотрением, отменой и изменением приговоров судебных и кассационных коллегий Верховного Суда и любого иного суда республики по предложениям Президиума ВЦИК, Прокурора Республики, Президиума Верховного Суда и по протестам председательствовавших в заседаниях этих коллегий или их прокуроров;

3. Выборами дисциплинарной коллегии Верховного Суда;

4. Рассмотрением всех остальных вопросов, вносимых в пленум Верховного Суда»[537].

Таким образом, пленарное заседание Верховного Суда наделялось достаточно широким кругом полномочий, главными из которых были анализ сложившейся судебной практики и ее интерпретация. Вместе с тем в науке отмечается существовавший ограничительный момент в действиях Пленума по толкованию актов: «Компетенция пленарных заседаний носила открытый характер, но в первую очередь включала толкование законов по вопросам судебной практики»[538].

Отметим, что в 1923 году в Постановление, принятое годом ранее, были внесены изменения, которые затронули и деятельность Верховного Суда, в том

[537] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» (утратило силу) // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
[538] Захарова, П.В. Эволюция компетенции и структуры Верховного Суда РСФСР В 1923-1936 годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 69.

числе компетенцию Пленарного заседания, которое с того момента стало именоваться Пленумом[539]. Так, среди ранее обозначенных полномочий Пленум стал утверждать циркуляры Президиума Верховного Суда. Отчасти был изменен порядок взаимодействия Президиума и Пленума Суда. Согласно изменениям, все акты, прежде чем попасть на рассмотрение Пленума, анализировались Президиумом Верховного Суда. Как верно отмечает П.В. Захарова, надзорная компетенция все сильнее сосредотачивается в Пленуме, ответственном за интерпретационную работу, а наблюдаемое некоторое ограничение власти Президиума компенсировалось тем, что теперь только через него на рассмотрение Пленума вносился любой иной вопрос[540].

Появление данной функции высшей судебной инстанции идеологи эпохи объясняли подлинно демократическим характером судебной власти Советского государства. Такому прямому вмешательству в ход правосудия был чужд формализм традиционных процедур пересмотра судебных решений. «Всемерно охраняя незыблемость и авторитет судебного приговора и решения, закон дает право пересмотра дела, если будут обнаружены существенные нарушения»[541].

Так, впервые в законодательстве за Верховным Судом РСФСР была закреплена функция надзора. Важно сразу же отметить, что судебный надзор Верховного Суда РСФСР (а после и ВС СССР) понимался не только как процессуальный (то есть, пересмотр решений в порядке надзора), но и как административный надзор за судами нижестоящих инстанций. С момента своего образования ВС РСФСР обладал полномочием по назначению ревизий губернских судов (позже – областных, краевых, верховных судов автономных республик), а также правом возбуждать дисциплинарные производства в отношении председателей судов[542].

---

[539] Пленум (от латин. Plenum - полное (офиц.)) - собрание какой-нибудь организации в полном составе. См.: Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс] // URL: https://ushakovdictionary.ru (дата обращения: 20.08.2021).
[540] Захарова, П.В. Указ. соч. С. 72.
[541] Голяков, И.Т. Советский суд. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1948. С. 10.
[542] Положение о судоустройстве РСФСР 1922 года. Ст. 98.

С другой стороны, за ВС РСФСР закрепляется полномочие по надзорному производству. Нельзя сказать, что это явление было абсолютно новое для советского права. Первым шагом в этом направлении был Высший судебный контроль. Для обеспечения единообразия судебной практики на судебный контроль были возложены функции: общего надзора за деятельностью судебных органов, а также признания не имеющими законной силы приговоров или судебных решений, хотя и вступивших в законную силу, но требующих пересмотра[543].

Первые процессуальные кодексы закрепили функцию по пересмотру решений в надзорном порядке за пленарным заседанием Верховного Суда РСФСР. Таким образом, сосредоточение в руках единой надзорной инстанции пересмотра вступивших в силу решений судов должно было способствовать упорядочиванию судебной практики. Кроме того, то, что надзорное производство осуществлялось только в вышей инстанции, указывало на экстраординарный характер такого пересмотра.

Чем было вызвано появление этого уникального процессуального института? Представляется, что весь спектр причин можно условно разделить на две группы. Первую группу составляют причины ситуативного, субъективного характера, относящиеся к первым годам и месяцам существования советской власти. Вторую – это объективные процессы, проходящие в советской судебной системе в моменте ее формирования.

При организации судов на основе первых декретов предполагалось построить единый суд, в единой инстанции, в результате чего произошел полный отказ от апелляционного пересмотра. Ревизию судебных решений должна была осуществлять кассационная инстанция, сохранив, по замыслу большевиков, свои классические черты. В данном случае победила тенденция к максимальному упрощению структуры судебной системы и ее процедурам.

Однако скоро стало понятно, что низкий уровень квалификации судей, отсутствие законодательства, отправления правосудия на основе принципов

[543] Декрет ВЦИК и СНК от 10 марта 1921 г. «Положение о высшем судебном контроле».

революционной законности порождали большое количество неправосудных решений, нуждающихся в пересмотре и корректировке. Таким образом, кассация стала рассматриваться участниками процесса как необходимая вторая инстанция, полномочия которой осуществлялись не в единой кассационной инстанции (как, например, Сенате), а в судах на местах. Кассация советского образца модифицировалась и по своим признакам стала ближе к апелляции в ее классическом виде. К этим признакам можно отнести: фактически неограниченный круг оснований кассационного пересмотра, отсутствие единого кассационного суда, право кассационной инстанции самостоятельно принимать решения, без возвращения дела в тот суд, где состоялось первоначальное решение, пересмотре решений, не вступивших в законную силу. Но при этом советская кассация на протяжении всего периода сохранила одну из важнейших черт классической кассации – вынесение решения без рассмотрения дела по фактическим обстоятельствам, кассационный суд работал с протоколом судебного заседания предыдущей инстанции и самим решением[544].

Такая «ограниченная» в своем инструментарии кассация, к тому же низведенная до суда второй инстанции, не могла гарантировать отсутствия ошибок в отправлении правосудия. Более того, множественность кассационных инстанций порождала разночтения в правоприменении. Поэтому место «настоящей» кассации в классическом ее понимании занял специфический процессуальный институт – надзорное производство.

Поскольку институт создавался «с нуля», то он не был ограничен никакими формальными правилами. Так, надзор применялся на вступившие в законную силу решения, не был связан конкретными сроками и основаниями к возбуждению соответствующего производства. Однако чтобы не превратить надзор во вторую сплошную кассацию, законодательно было предусмотрено монопольное право высших должностных лиц суда и прокуратуры на возбуждение надзорного производства. Но законодателю не удалось обеспечить

[544] См подробнее: Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. М.: Статут, 2017. С. 1076-1078.

единство надзорной инстанции. Эти функции последовательно выполняли президиумы областных (краевых) судов, судов автономных республик, Президиум и коллегии Верховного Суда РСФСР, а также Пленум ВС СССР после своего образования, при этом перечисленные инстанции могли в порядке надзора пересматривать решения друг за другом в зависимости от места конкретного суда в судебной системе.

Таким образом, Верховному Суду РСФСР не хватало типовых инструментов для обеспечения единообразия судебной практики, ключевым среди которых является кассация. Результатом такой деформации стало формирование функций Верховного Суда для достижения основной своей задачи – обеспечения единообразного правоприменения. К таким специальным функциям можно отнести издание руководящих разъяснений нижестоящим судам.

Представляется, что метаморфозы организации верховного правосудия первого периода существования Верховного Суда РСФСР определили его последующую эволюцию.

Второй период эволюции Верховного Суда РСФСР связан с появлением Верховного Суда СССР. В 1926 году ВЦИК утверждает новое Положение о судоустройстве РСФСР, в соответствии с которым менялись некоторые полномочия верховных судов республики[545]. Обстоятельствами, способствующими принятию нового акта, стали многочисленные изменения в ранее действующем положении, а также разработка всесоюзного законодательства.

Сначала Конституция РСФСР 1925 года, а после Конституция РСФСР 1937 года (в след за Конституциями СССР) закрепляли следующую структуру судебной системы, состоящую из Верховного Суда РСФСР, Верховных судов автономных республик, краевых, областных судов, судов автономных областей, судов национальных округов, судов административных округов, специальных

[545] Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» (утратило силу) // СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

судов СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

Современники оценивали ее как простую. «Множественность предусмотренных законом судов вовсе не свидетельствует ни о сложности советской судебной системы, ни о множественности судебных инстанций. Эта множественность – прямое отражение равноправия наций и национальных групп, а также особенностей территориального деления СССР»[546].

Верховный Суд РСФСР провозглашался высшим судебным органом РСФСР. В его полномочия также входил надзор за судебной деятельностью всех судебных органов РСФСР, автономных республик и областей.

Такой объем полномочий предопределил структуру ВС РСФСР. В его состав входили: Пленум, Президиум, кассационные коллеги по уголовным и гражданским делам, судебные коллеги по уголовным и гражданским делам, дисциплинарная коллегия[547]. В ведение Верховного Суда СССР перешли военная и военно-транспортная юстиции, соответствующие коллегии вошли в его состав. Таким образом, уже в первый период существования ВС СССР и ВС РСФСР надзорные функции за судебной деятельностью специальных судов были возложены на общесоюзный судебный орган.

Именно в этот период, когда частично функции по обеспечению единообразия судебной практики перешли в Верховный Суд СССР, Верховный Суд РСФСР принимает на себя все больше чисто судебных функций. В Положении о судоустройстве 1926 года в большей степени определены полномочия Президиума, за ним закрепляется, кроме административных прерогатив, предварительное рассмотрение протестов в порядке надзора с последующей их вынесением в пленарное заседание.

В соответствии с главой XXIV Положения о судоустройстве 1926 года, в круг полномочий пленарного заседания входили: вопросы толкования законов

---

[546] Голяков И.Т. Советский суд. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1948. С. 9.

[547] Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» (утратило силу) // СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

по всем вопросам судебной практики в области процессуального и материального права, рассмотрение и утверждение постановлений президиума об отмене или изменении решений коллегий ВС РСФСР и нижестоящих судов, а также рассмотрение и утверждение представлений в Президиум ВЦИК или Экономическое Совещание Р.С.Ф.С.Р., по принадлежности, об отмене постановлений и решений Особой Коллегии высшего контроля по земельным спорам и Высшей Арбитражной Комиссии при Экономическом Совещании Р.С.Ф.С.Р. Также Пленум утверждал циркуляры президиума Верховного Суда и проводил выборы дисциплинарной коллегии[548].

Состав Пленума был идентичен составу, предусмотренному ранее действующим Положением от 1922 года, – все наличные члены суда.

Несмотря на то что Пленум давал разъяснения законодательства, обращает на себя внимание тот факт, что по собственной инициативе осуществлять данную функцию он не мог – обязательно требовалось инициатива данного процесса от определенного круга субъектов. Это, безусловно, ограничивало правоинтерпретационную деятельность Пленума. Вместе с тем подчеркнем, что важным шагом стало закрепление в положении нормы об обязательности использования разъяснений Пленума. Таким образом, подчеркивалась значимость толкования норм права Пленумом. Однако уже в начале 1930-х годов появились сомнения в эффективности Пленума и его методов в обеспечении единообразия судебной практики. На заседании Пленума 26 января 1931 года председатель ВС РСФСР П.И. Стучка говорил, что по предложению РКИ Пленум предлагается переформатировать и низвести до «производственного совещания»[549]. При этом П.И. Стучка признавал, что Верховный Суд не смог выполнить задачи по обеспечению единства правоприменения – «Мы из Центра не давали никаких предупредительных указаний. На местах судебные учреждения растерлись и не знали, что делать»[550].

---

[548] Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» (утратило силу) // СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.
[549] РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 52. Л.9.
[550] Там же. Л. 2.

На данном этапе с 1926 по 1938 годы Верховный Суд РСФСР должен был выполнять тройную функцию: рассматривать в кассационном порядке дела, решенные нижестоящими судами, в порядке надзора – дела, решенные любыми судами, и быть судом первой инстанции по делам особой государственной важности по специально установленной подсудности. Надзорные функции Наркомата юстиции отошли к Верховному Суду РСФСР[551]. Согласно статье 178 Положения о судоустройстве РСФСР от 1926 года, на Верховный Суд союзной республики возлагался надзор за судебной деятельностью всех судебных органов союзной республики. Эти полномочия осуществлялись путем предоставления права председателю Верховного Суда истребовать из всех судов республики любое дело, если будет усмотрено необоснованность или несоответствие закону приговора или решения, опротестовать их, даже если они вступили в законную силу и были исполнены.

В целом в исследованиях отмечается, что в тот период времени «деятельность структурных подразделений Верховного Суда РСФСР была организована достаточно четко. Были разработаны инструкции, содержание которых соответствовало нормам, установленным Положением о судоустройстве РСФСР и Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР. Так, были составлены инструкции о порядке работы Президиума и Пленума Верховного Суда РСФСР …»[552].

На указанный период приходится завершение районирования РСФСР, появление новых административно-территориальных единиц – областей, краев, автономных республик, что сопровождалось организацией судов в новых единицах. С конца 1928 года происходило постепенное перераспределение полномочий между областными (краевыми) судами в сфере кассационного обжалования. Председатель ВС РСФСР П.И. Стучка отмечал, что «с конца этого года (1928) началась разгрузка Верховного Суда путем передачи кассационных

[551] Верховный трибунал при ВЦИК: 1918-1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923-1990 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrf.ru/files/26316/ (дата обращения: 04.08.2021).
[552] Верховный трибунал при ВЦИК: 1918–1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923–1990 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrf.ru/files/26316/ (дата обращения: 04.08.2021).

функций на места с расширением подсудности край и облсудов»[553]. Из Верховного Суда уходила сплошная кассация, что позволяло избежать загруженности и сосредоточится на функциях по обеспечению единообразия судебной практики.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на провозглашение в декретах и постановлениях демократических принципов функционирования судебной системы, в частности независимости судей, можно констатировать, что на практике дела обстояли иначе. В соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 января 1928 года деятельность Верховного Суда РСФСР становилась подконтрольной Народному комиссариату юстиции РСФСР. Данная тенденция проявлялась и далее: так, в 1929 году, ВЦИК и СНК РСФСР был принят еще один акт, который определял Положение о Наркомате юстиции, осуществляющее проведение единой судебной политики на территории РСФСР. По положению Верховный Суд вошел в его состав, наряду с другими правоохранительными органами. Таким образом, о самостоятельности в принятии решений судом говорить было сложно, поскольку в своей деятельности данному органу необходимо было руководствоваться не только действующим законодательством и принципами права, но и общим директивам органов власти – ВЦИК, СНК РСФСР и Наркомата юстиции. Эта тенденция отмечается в современной научной литературе следующим образом: «С конца 1920-х гг. тенденция вмешательства органов исполнительной власти в организацию правосудия усилилась: была ликвидирована организационная автономия Верховного суда в системе НКЮ. Это выражалось в организационном включении Верховного Суда РСФСР в структуру Комиссариата юстиции на правах управления, в статусе председателя Верховного суда как заместителя Комиссара юстиции»[554].

---

[553] РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 54. Л. 9.

[554] Штепа Е.В. Организационно-правовые основы создания Верховного суда РСФСР // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 3. С. 61.

Отметим, что в 1937 году правовой статус Верховного Суда был закреплен в Конституции РСФСР[555], в отдельной главе о суде и прокуратуре.

Следующий этап в эволюции Верховного Суда РСФСР приходится на 1938-1957 годы и характеризуется сокращением полномочий суда как высшей судебной инстанции республики. В 1938 году был принят Закон СССР «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик»[556], согласно которому менялась внутренняя структура верховных судов республик – она значительно упрощалась. В силу этих обстоятельств в составе Верховного Суда РСФСР функционировали две коллегии – по уголовным и гражданским делам. Из состава суда были исключены Пленум и Президиум.

Верховный Суд РСФСР продолжал оставаться органом судебного надзора в отношении всех судебных органов республики, ему принадлежало право отменять в порядке надзора приговоры и решения любого суда РСФСР. Также реализация Верховным Судом РСФСР своих функций по судебному надзору осуществлялись путем рассмотрения протестов прокурора СССР и РСФСР, председателя ВС СССР и РСФСР на решения, вступившие в законную силу.

ВС РСФСР выступал судом второй (кассационной) инстанции, а также в пределах своей компетенции выступал судом первой инстанции.

При этом важнейшее полномочие суда как высшего органа республики, дающего разъяснения по вопросам правоприменения, было у него исключено, что не могло не сказаться на качестве выносимых решений нижестоящими судами. Верховный Суд РСФСР в период отсутствия в его составе Пленума не выполнял функции по обеспечению единообразия судебной практики, что было закреплено лишь за ВС СССР.

Анализируя полномочия Верховного Суда РСФСР в данный период с точки зрения его полиинстанционности, можно сделать вывод, что в основном его функции были сфокусированы вокруг рассмотрения дел во второй

---

[555] Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) (утратила силу) // СПС «Гарант».

[556] Закон СССР от 16.08.1938 «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

(кассационной) и надзорной инстанциях. Количество дел, рассмотренных по первой инстанции, было невелико. Так, уголовная коллегия ВС РСФСР за 1940 год рассмотрела 20 дел по первой инстанции, 16 366 дел поступило за год в кассационную инстанцию и 26 086 дел – в надзорную[557]. Гражданская коллегия по первой инстанции разрешила 13 дел, в кассационную поступило 4 209 дел, в надзорную – 21 542 дела[558].

Положение о судоустройстве 1938 года изменило порядок пересмотра вступивших в законную силу решений судов, установив, что право пересмотра таких решений принадлежит только верховным судам республик и ВС СССР по протестам, приносимым в порядке надзора. Именно этим обстоятельством можно объяснить большое количество надзорных жалоб в высшую инстанцию.

Такая централизация в осуществлении судебного надзора должна была сконцентрировать судебную практику в руках ВС РСФСР, а также сделать надзорную стадию процесса (пересмотр вступивших в законную силу решений) неординарной, приблизив тем самым Верховный Суд к классическим образцам высших инстанций. Такая модель должна была выглядеть следующим образом: первая инстанция – рассмотрение дела по существу, вторая инстанция – советская кассация (близкая к апелляции), надзорная инстанция (близкая классической кассации). Законодатель также предусмотрел очень узкий круг лиц, имеющих право на внесения протестов в порядке надзора, – Председатель ВС СССР, Генеральный прокурор СССР, председатель ВС РСФСР, прокурор республики и их заместители. При этом подать надзорную жалобу указанным лицам мог любой участник процесса или его представитель. На конец 1930-х – начало 1940-х годов приходится резкое увеличение количества таких жалоб от участников процесса. Поскольку не была определена система «фильтров» для подачи таких жалоб, Верховному Суду РСФСР приходилось принимать к рассмотрению большое количество дел, которые не представляли сложности и могли быть разрешены в нижестоящих инстанциях. Так, согласно статистике

[557] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А 353 Оп. 16. Д. 34. Л. 92-115.
[558] Там же.

самого суда, за 1940 год в порядке надзора в ВС РСФСР поступило 26 086 уголовных дел и 21 542 гражданских[559]. При этом в уголовной коллегии с 1938 года остались неразрешенными 522 дела, с 1939 года – 2 187 дел, в гражданской коллегии остаток составлял – 1 584 дела за 1939 год[560].

Такой объем судебных дел в обеих процедурах обжалования ожидаемо породил волокиту и замедление в принятии решений. Наличие большого количества неразрешенных надзорных жалоб стоило председателю Суда И.А. Рожнову должности.

Вопрос о снижении количества нерассмотренных дел становился предметом обсуждения на разных уровнях. Так, от 14 января 1940 года к председателю ВС РСФСР Волгину Рубичеву обратился Прокурора РСФСР Волгин с требованием устранить волокиту[561]. В результате Наркомюст РСФСР собрал совещание сотрудников суда, включая его председателя и заместителей. К совещанию НКЮ РСФСР была подготовлена докладная о состоянии работы ВС РСФСР, а также в суд направлен инспектор из Наркомюста с проверкой работы[562].

На оперативном совещании ВС РСФСР пояснил, что задерживает ответы на жалобы от граждан и органов государственной власти, поскольку для формирования ответа на них необходимо делать запросы по конкретным делам в нижестоящие суды, которые задерживают документы, в результате чего получается, что Верховный Суд не имеет возможности дать ответы на запросы[563].

В целом проверка НКЮ и совещания показали, что волокита вызвана в том числе ненадлежащей организацией работы суда и его аппарата. Наркомюст настоял на том, чтобы не только председатель суда, но и его замы вели регулярный систематический прием граждан по их вопросам[564].

---

[559] Подсчитано по: ГАРФ Ф. А 353 Оп. 16. Д. 34. Л. 110-115.
[560] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А 428. Оп. 18. Д. 10. Л. 12.
[561] ГАРФ. Ф. А 428. Оп. 18. Д. 10. Л. 1.
[562] Там же. Л. 3-6.
[563] Там же. Л.9.
[564] Там же. Л. 10.

В данном случае речь прежде всего идет о жалобах и обращениях граждан в Верховный Суд с просьбой проверки судебных решений. После их рассмотрения председатель ВС РСФСР и его заместители могли инициировать пересмотр решения в порядке надзора (такое же право принадлежало Генеральному прокурору республики и его заместителям). По статистике таких жалоб поступало в год более 130 тыс. по уголовным делам и около 60 тыс. по гражданским делам[565]. Большинство из них оставлялось без рассмотрения, но для того, чтобы дать мотивированный ответ, необходимо было запросить материалы дела из соответствующего суда. Для того чтобы упорядочить эту работу, НКЮ была разработана инструкция, определяющая сроки рассмотрения жалоб и порядок запросов. Инструкция о порядке учета и прохождения кассационных и надзорных дел, жалоб и запросов по ним в ВС РСФСР также предусматривала ежегодные отчеты по таким данным перед НКЮ[566].

Упорядочение работы несколько улучшило ситуацию, однако существенным образом на нее не повлияло. Причины были описаны выше и состояли, с одной стороны, – в отсутствии квалифицированных судей на местах, вследствие чего образовалось такое количество неправосудных, ошибочных решений, а с другой стороны, – отсутствие «фильтров» для подачи соответствующей жалобы уполномоченному лицу. Качественно проверить все надзорные жалобы не представлялось возможным, поэтому ВС РСФСР отклонял около 70% жалоб по уголовным делам и 60 % по гражданским делам[567]. Так, согласно статистике, в 1951 году в уголовную коллегию поступило 132 576 жалоб, 96 969 из которых было отклонено, в гражданскую коллегию 61 400 жалоб, 36 113 отклонено[568].

Таким образом, при полиинстанциональном характере Верховного Суда РСФСР этого периода прослеживается явный уклон в сторону надзорного производства. Представляется, что желание сконцентрировать и направлять

---

[565] Например, в 1951 году в ВС РСФСР поступило 132 576 жалоб по уголовным делам и 61 400 по гражданским делам // ГАРФ. Ф. А 353 Оп. 15. Д. 3. Л. 10-64.
[566] ГАРФ. Ф. А -428. Оп. 18. Д. 34. Л. 1-22.
[567] Подсчитано по: Ф. А 353 Оп. 15. Д. 3. Л. 10-64.
[568] ГАРФ. Ф. А 353 Оп. 15. Д. 3. Л. 10-64.

судебную практику из единого центра высшей судебной инстанции не являлось основной причиной усиления судебного надзора. У этого процесса была также обратная сторона, связанная с укреплением тоталитарного государства и концентрацией всей власти в центральных органах управления.

В этот период ВС РСФСР был вписан с систему органов, осуществляющих политику репрессий. 17 ноября 1938 года было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», согласно которому упразднялись «тройки» и в целом сокращалось возможность привлечения к уголовной ответственности, даже по политическим преступлениям, внесудебными органами[569]. На основании данного акта НКЮ СССР судам были даны установки о необходимости более тщательного соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства при разрешении дел, в частности – не принимать к рассмотрению дела с явными нарушениями и неполном комплекте материалов, основанных только на признательных показаниях обвиняемого. Следствием такой работы судов стало большое количество дел, возвращенных органам НКВД и прокуратуры на доследствие. Ответом на такую практику стало открытое обвинение судов в том, что они препятствуют борьбе с контрреволюцией и со стороны наркома НКВД Л.П. Берии. В результате НКЮ СССР принимает приказ от 25 апреля 1939 года «О недостатках в рассмотрении дел о контрреволюционных преступлениях», где предостерегает суды от большого количества оправдательных приговоров[570]. С момента ликвидации «троек» именно суды вообще и Верховный суд СССР в частности становятся одним из звеньев репрессивной политики государства. По словам И.А. Исаева, в конфликте между властью и законом закон редко берет верх, «власть может быть ограничена только другой властью и сохранять свою

[569] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведения следствия» от 17 ноября 1938 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 1. Кн. 1. Накануне. Ноябрь 1938 г.-декабрь 1940 г. М.: Книга и бизнес, 1995. С. 174.
[570] См. подробнее: Лебедев, В.М. Верховный суд России: монография. Пятигорск: Снег, 2012. С. 296-298.

силу опять же при помощи власти»[571]. Если бы Верховный Суд РСФСР как глава судебной власти смог бы себя противопоставить тоталитарному режиму, то это способствовало формированию подлинно правового государства. Однако такой сценарий почти невозможно вообразить в исторических реалиях 1930-х годов. В период репрессий 1930-х годов пострадали также многие судьи ВС РСФСР, все они реабилитированы в 1950-1960-е годы.

На развитии Верховного Суда РСФСР данного периода приходится Великая Отечественная война. В ноябре 1941 года Верховный Суд РСФСР был эвакуирован в г. Чкалов (ныне Оренбург), до этого он несколько месяцев находился в г. Камышин Сталинградской области. Важно отметить, что Верховный Суд сохранил за собой свои функции, хотя они и были нивелированы расширением подсудности военных трибуналов и обжалованием их решений в Военную коллегию ВС СССР. Верховный Суд РСФСР продолжал рассматривать дела по первой и кассационным инстанциям, проводил ревизии нижестоящих судов»[572]. Количество дел, рассмотренных ВС в годы войны, заметно сократилось. Так, за второе полугодие 1941 года в гражданскую коллегию поступило 826 дел по кассационным жалобам и протесам, в порядке надзора было рассмотрено 3 248 дела[573].

После завершения войны и отмены актов военного времени организация верховного правосудия вернулась к довоенному состоянию. Это выражалось прежде всего в сохранении полиинстанционального характера Верховного Суда РСФСР с креном в сторону надзорного производства. Так, согласно статистике Министерства юстиции РСФСР, в 1951 году по первой инстанции ВС РСФСР рассмотрел 18 уголовных и 21 гражданское дело, в кассационной инстанции: 8 187 уголовной коллегией и 11 412 гражданской. Больше всего приходилось дел в надзорном производстве: 17 550 уголовных и 20 526 гражданских дел[574].

---

[571] Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории: монография. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 208.
[572] Верховный трибунал при ВЦИК: 1918–1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923–1990 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrf.ru/files/26316/ (дата обращения: 04.08.2021).
[573] ГАРФ. Ф. А.353. Оп. 13. Д. 410. Л.3, 3об., 47.
[574] ГАРФ. Ф. А 353 Оп. 15. Д. 3. Л. 10-64.

Дальнейшее развитие Верховного Суда РСФСР было связано с общими тенденциями государственно-политического развития нашего государства в 1950-1980-х годах. По словам Т.Ф. Ящук, идеи демократизма, прав человека, которые открыто декламировались в период «оттепели», не могли не оказать влияния на правовую сферу[575].

В частности, возвращение Пленума Верховного Суда республики было связано с принятием Закона «О судоустройстве РСФСР» от 1960 года[576] и предшествующими ему преобразованиями. Так, 14 августа 1954 года были восстановлены президиумы краевых, областных судов, судов автономных республик, которые получили право рассматривать в порядке надзора протесты председателей соответствующих судов и прокуроров. В результате нагрузка по надзорному производству, лежащая на ВС РСФСР, была сокращена. Уже в 1955 году в ВС РСФСР поступило 15 123 уголовных и 4 030 гражданских надзорных жалоб[577].

9 августа 1957 года вновь избранный председатель Верховного Суда РСФСР А.Т. Рубичев внес на рассмотрение председателя Президиума Верховного Совета РСФСР предложение о новой структуре Верховного Суда. Ввиду того что ВС РСФСР получал дополнительные полномочия, необходимо было реализовывать их через соответствующие структурные подразделения.

Рубичев А.Т. предлагал следующую структуру суда: Канцелярия, Отдел жалоб, Приемная ВС, Отдел обобщения судебной практики, Отдел судебной статистики, Отдел кодификации, Секретариат Президиума ВС, Секретариат судебной коллегии по уголовным делам, Секретариат судебной коллегии по гражданским делам, Секретный отдел, Хозяйственно-финансовый отдел[578].

---

[575] Ящук, Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. С. 315.
[576] Закон РСФСР от 27.10.1960 «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.
[577] ГАРФ. Ф. А 353 Оп. 15. Д. 20. Л. 2-28.
[578] ГАРФ. А 428. Оп. 1. Д. 79. Л. 5-8.

Его предложение было поддержано, новая структура аппарата Верховного Суда РСФСР была утверждена и с незначительными изменениями просуществовала до конца эпохи.

В этот период своего существования и деятельности Верховный Суд РСФСР окончательно превратился в полифункциональный орган как в сфере отправления правосудия, так и в иных.

Закон закреплял за ним надзор за судебной деятельностью всех судебных органов РСФСР. В части отправления правосудия он являлся полиинстанционным. Так, по первой инстанции ВС РСФСР непосредственно рассматривал уголовные дела особой сложности или большого общественного значения, которые мог принять к своему производству по собственной инициативе или по преставлению прокурора республики. Также ВС РСФСР мог изъять любое дело из любого нижестоящего суда и рассмотреть его по первой инстанции. Важно отметить, что процессуальные кодексы союзных республик не устанавливали четкой подсудности дел верховных судов республик по первой инстанции. Анализ дел, рассмотренных ВС РСФСР по первой инстанции, позволяет сделать вывод, что в категории гражданских дел это были дела, переданные на рассмотрение в коллегию Президиумом или Пленумом ВС РСФСР или ВС СССР при отмене в порядке надзора.

Во второй (кассационной инстанции) Верховный Суд РСФСР рассматривал жалобы и протесты на не вступившие в законную силу решения, приговоры и определения верховных судов автономных республик, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и национальных округов.

В порядке надзора ВС РСФСР рассматривал дела по протестам на вступившие в законную силу решения всех судов РСФСР. Круг должностных лиц, имеющих право возбуждать надзорное производство, был крайне ограничен – Генеральный прокурор СССР и его заместители, Генеральный прокурор РСФСР и его заместители, а также председатель ВС РСФСР и его заместители.

При этом пересмотр дела в порядке надзора мог быть инициирован участниками процесса через личный прием или направление жалобы по почте. В случае обнаружения повода к возбуждению надзорного производства председатель или заместитель направляли дела в соответствующую коллегию или президиум ВС РСФСР[579].

Полиинтанциональный характер Верховного Суда РСФСР отразился на его структуре. В состав ВС входили судебная коллегия по гражданским делам, судебная коллегия по уголовным делам, Президиум ВС, Пленум ВС.

Пленум ВС РСФСР становился высшей судебной инстанцией по надзору за судебной деятельностью в РСФСР, Пленум рассматривал дела в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам, а также являлся коллегиальным органом, направляющим судебную практику в целях обеспечения ее единообразие. Отсюда проистекало основное полномочие Верховного Суда РСФСР – дача судам руководящих разъяснений по вопросам применения законодательства. Руководящие разъяснения оформлялись в виде Постановлений Пленума и основывались на обобщении судебной практики и судебной статистики. Порядок работы Пленума определял его созыв не реже одного раза в два месяца при наличии не менее 2/3 состава. Постановления считались принятыми, если за них проголосовало более половины членов, участвующих в заседании[580].

Следующим этапом развития законодательства о судебной системе стало принятие в 1978 года новой Конституции РСФСР[581], где в главе IX закреплялись основы правосудия, арбитража и прокурорского надзора, а в дальнейшем, в 1981 году, разработка и утверждение закона «О судоустройстве РСФСР»[582]. Данный

---

[579] Постановление № 3 Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 июля 1974 «О рассмотрении судами РСФСР гражданских дел в порядке надзора» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 7.

[580] Закон РСФСР от 27.10.1960 «О судоустройстве РСФСР» (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.

[581] Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (утратила силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

[582] Закон РСФСР от 08.07.1981 «О судоустройстве РСФСР» (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.

нормативный правовой акт достаточно подробно определял статус и полномочия Пленума Верховного Суда.

Отметим, что состав Пленума оставался неизменным – Председатель, Заместитель, члены Суда. Также в заседаниях могли участвовать Прокурор РСФСР и Министр юстиции РСФСР, причем участие первого было обязательным условием. Также на пленарные заседания могли быть приглашены и иные лица по инициативе Председателя Верховного Суда.

Согласно статье 58 Закона, Пленум Верховного Суда РСФСР:

«1) рассматривает материалы изучения и обобщения судебной практики и судебной статистики, а также представления Прокурора РСФСР и Министра юстиции РСФСР и дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства РСФСР; при обсуждении вопросов о даче судам руководящих разъяснений заслушивает сообщения председателей Верховных Судов автономных республик, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и судов автономных округов о судебной практике по применению законодательства;

2) утверждает по представлению Председателя Верховного Суда РСФСР составы судебных коллегий и секретаря Пленума Верховного Суда РСФСР из числа судей Верховного Суда РСФСР;

3) утверждает по представлению Председателя Верховного Суда РСФСР Научно-консультативный совет при Верховном Суде РСФСР;

4) рассматривает и решает вопросы о внесении представлений в Верховный Совет РСФСР или в Президиум Верховного Совета РСФСР в порядке осуществления законодательной инициативы, а о толковании законов РСФСР – в Президиум Верховного Совета РСФСР;

5) заслушивает сообщения о работе Президиума Верховного Суда РСФСР и отчеты председателей судебных коллегий Верховного Суда РСФСР о деятельности коллегий;

6) рассматривает представления Председателя Верховного Суда СССР и Председателя Верховного Суда РСФСР о несоответствии руководящих

разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР законодательству Союза ССР, РСФСР или постановлениям Пленума Верховного Суда СССР;

7) осуществляет другие полномочия, предоставленные ему законодательством»[583].

Отметим, что в сравнении с законом, изданным в 1960 году, был изменен и более детально прописан порядок работы Пленума. Теперь пленарное заседание созывалось реже – не менее одного раза в четыре месяца. Законодатель определил обязанность уведомлять о времени созыва и вопросах, вносимых на его рассмотрение, всех членов и лиц, участвующих в нем, не позднее чем за тридцать дней до заседания. А проекты постановлений Пленума – не позднее чем за десять дней до заседания. Всей организационной работой занимался Секретарь Пленума Верховного Суда РСФСР, который обеспечивал подготовку заседаний, вел протокол, осуществлял иные действия для исполнения постановлений.

По количественному составу и принятию решений существенных изменений не было.

Порядку рассмотрения Пленумом Верховного Суда РСФСР вопросов, внесенных на обсуждение, была посвящена статья 59 Закона, в соответствии с которой вопросы, внесенные на рассмотрение Пленума Председателем Верховного Суда РСФСР, Прокурором РСФСР или Министром юстиции РСФСР, заслушиваются, соответственно, по их докладам или докладам уполномоченных ими лиц. При этом по вопросам, внесенным на рассмотрение Пленума Председателем Верховного Суда РСФСР либо Министром юстиции РСФСР, Прокурор РСФСР дает заключение. В обсуждении этих вопросов могут участвовать также лица, приглашенные на заседание Пленума Верховного Суда РСФСР[584]. Среди таковых закон определял следующие категории: судьи, члены Научно-консультативного совета при Верховном Суде РСФСР, представители

[583] Закон РСФСР от 08.07.1981 «О судоустройстве РСФСР» (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.
[584] Там же.

министерств, государственных комитетов, ведомств, научных учреждений и других государственных и общественных организаций[585].

Если в постановлении содержались разъяснения действующего законодательства, то Пленум для его подготовки мог образовывать из своего числа редакционную коллегию.

Президиум ВС РСФСР рассматривал дела в порядке надзора на решения, вынесенные коллегиями Верховного Суда. Кроме того, законодатель определил Президиуму полномочия по организации работы ВС РСФСР. Такая деятельность включала в себя два направления: вопросы, связанные с организацией самого суда, его подразделения и аппарата, а также взаимодействие с нижестоящими судами в целях обеспечения единообразия судебной практики.

Синюков В.Н. охарактеризовал сложившуюся в советский период судебную систему как «административную»[586]. При отрицании разделения властей и выделения отдельной судебной власти основными средствами в поисках истины стали административные методы – судебный надзор со стороны Верховного Суда РСФСР, надзорное производство, судебные проверки и др. Также к административным методам В.Н. Синюков относил прокурорский надзор, организацию следствия, деятельность партийных комитетов – всех тех, кто «помогал» суду устанавливать истину[587].

Профессор Н.А. Колоколов выступает еще с более категоричных позиций, называя советский суд «эпохи застоя» атрибутом аппарата[588]. По мнению ученого, сфера деятельности советского суда в условиях главенствующей роли партийно-государственной машины была низведена до рассмотрения уголовных дел, а также гражданских, вытекающих, преимущественно, из брачно-семейных отношений[589]. Для разрешения иных конфликтов были предусмотрены другие механизмы – партийные комиссии, товарищеские суды, комсомольские

---

[585] Там же.
[586] Синюков, В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. С. 478.
[587] См.: Там же. С. 477-478.
[588] Колоколов, Н.А. О праве, суде и правосудии: избранное. М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С. 34.
[589] Там же.

собрания. Нам представляется, что это довольно упрощенный взгляд на судебную систему позднего социализма. Наоборот, суд этой поры служил интересам общества, подавляющее большинство решений суда отвечали критериям законности, обоснованности и справедливости. На страже этого порядка, в том числе с помощью «административных методов», стоял Верховный Суд.

Еще одним из вариантов администрирования судебной системы стало передача судебной системе дополнительных полномочий по осуществлению судебного управления. Принятие Верховным Судом РСФСР на себя функций судебного управления произошло после упразднения республиканского Министерства юстиции в 1963 году[590]. Верховному Суду РСФСР были переданы полномочия по судебному управлению и организационному руководству судами, а именно – руководство и контроль за деятельностью всех судов РСФСР, подбор и воспитание судебных кадров, ведение судебной статистики и общее руководство нотариатом. Исследователь института судебного управления в России Р.С. Абдулин отмечает, что в результате реформы «судебной системе была предоставлена возможность реализации уже накопленного опыта судебного управления и осуществление на более профессиональном уровне организационных, контрольных и методических функций в отношении нижестоящих судов, нежели органы юстиции»[591]. С 20 февраля 1964 года функции судебного управления принял на себя Пленум Верховного Суда РСФСР[592].

С позиции теории права судебное управление рассматривается не просто как обособленная отрасль государственного управления, а как специфический правовой институт в механизме государства. Его содержанием является властно-распорядительная деятельность уполномоченных органов, направленная на организационное, кадровое, материально-техническое и финансовое

[590] Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 15. Ст. 237.
[591] Абдулин, Р.С. Судебное управление в Российской Федерации (1917-1990 гг.): историко-юридическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 233.
[592] Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 8. Ст. 81.

обеспечение функционирования судебной системы[593]. Передача именно этих функций от Министерства юстиции судебным органам в конце 1950-х – начале 1960- годов объясняется общей тенденцией к демократизации и децентрализации управления. Замыкание внутри судебной системы функций по судебному управлению способствовало дальнейшему обособлению судебной системы и ее движению в сторону самостоятельности. Представители юридической науки предложили сосредоточить в Верховном Суде не только изучение и обобщение судебной практики, но и осуществление ревизий и проверок нижестоящих судов, поскольку эти процессы должны исходить от одного органа[594].

Согласно данной позиции, судебный надзор можно понимать в двух формах: надзор за судебной деятельностью и судебное управление (организационное управление судами)[595]. Судебный надзор осуществляется по поводу законности и обоснованности принятых решений и осуществляется только процессуальными средствами, в то время как судебное управление состоит в той проверке законности и обоснованности судебных решений, но с помощью непроцессуальных средств – ревизии работы судов, изучения статистики, обобщения практики, при этом включает в себя перечень организационных полномочий по формированию кадров, организации работы судов, то есть, тех средств, которые могут повлиять на осуществление правосудия.

Поскольку законодатель изначально возложил функции судебного надзора на Верховный Суд РСФСР, то необходимо вернуть ему полномочия по осуществлению ревизий нижестоящих судов для проверки. Противники данной формы организации судебного управления утверждали, что возложение на суды функций по организации деятельности всей системы отяготят работу судов,

---

[593] Стумбина, Э.Я. Судебное управление. Рига: ЛГУ им. Петра Стучки, 1973. С. 3.

[594] См., например: Петрлов, И.Д. До конца завершить реформу судебного управления в СССР // Советское государство и право. 1957. № 1. С.20-21.

[595] Божьев, В.П., Добровольская, Т.Н., Перлов, И.Д. Организационное руководство судами. М.: Юридическая литература, 1966. С. 15.

председателя, президиума, пленума, отвлекая от основной, чисто судейской работы[596].

В 1960-е годы победила точка зрения о наделении судов в целом и Верховного Суда РСФСР в частности широкими полномочиями по судебному управлению. Важно отметить, что к этому времени необходимые предпосылки передачи управленческих функций самой судебной системы были сформированы.

Ликвидация Минюста РСФСР произошла 13 апреля 1963 года[597]. После этого Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР штат Верховного Суда РСФСР был увеличен на шесть судей и одного заместителя председателя[598].

Верховному Суду РСФСР снова было дано право через Пленум предоставлять судам руководящие разъяснения. Инициировать рассмотрение подобного рода вопросов мог Пленум на основании обобщения судебной практики, судебной статистики и решений, принятых по делам, рассмотренным Верховным Судом РСФСР.

При достаточной успешности в реализации функций судебного управления в части, близкой к судебному процессуальному надзору, Верховному Суду РСФСР и нижестоящим судам менее эффективно давались полномочия, связанные с финансированием и материально-техническим обеспечением судов, строительством новых и ремонт старых зданий, денежное содержание судей и выполнение их номенклатурных привилегий. К решению таких вопросов судебная система оказалась не готова.

Надо отметить, что закрепление функций организационного руководства судами за высшей судебной инстанцией стало одним из самых спорных аспектов при формировании новой законодательной базы судебной власти в период ее становления в начале 1990-х годов. При обсуждении нового закона о Судоустройстве РСФСР 1990 года против передачи функций по обеспечению

---

[596] Там же. С. 17-18.
[597] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 15. Ст. 289.
[598] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 26. Ст. 459.

деятельности судов Верховному Суда РСФСР выступали буквально все заинтересованные лица. Начальник Академии МВД А.И. Алексеев писал в замечаниях на проект: «Эта функция всегда была сложной для судов, т.к. связана с многочисленными просьбами к исполнительной власти, но особенно сложна она в настоящее время»[599]. М.Н. Марченко говорил о «крупнейшем недостатке проекта» – новой системе взаимоотношений судов и органов юстиции. Он отрицательно оценивал предлагаемый «эксперимент», ссылаясь на негативный семилетний опыт 1963-1970-х годов[600].

Совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» от 30 июня 1970 года особо оговаривало необходимость повышения уровня государственного руководства судами и прокуратуры. В том же году были восстановлены Министерство юстиции СССР и РСФСР с передачей им функций по судебному управлению[601]. Фактически начиная с 1972 года, вплоть до 1991 года судебная система самостоятельно не осуществляла полномочия по организационному управлению судами.

Итак, к середине 1980-х годов Верховный Суд РСФСР окончательно оформился в полиинстанциональный орган правосудия. Из приведенной статистики следует, что удельный вес дел, рассмотренных по первой инстанции, был крайне мал. Основная нагрузка приходилась на кассационные и в большей степени на надзорные инстанции.

Объем работы по уголовным и гражданским делам Верховного Суда РСФСР в 1970-е годы[602]

Год	Категория дел	Первая инстанция	Кассационная инстанция	Надзорная инстанция	Рассмотрение жалоб в порядке надзора
1971	уголовные	5	5 903	6 595	61 335
	гражданские	1	764	3 827	18 650
1975	уголовные	1	6 112	4 825	40 439

[599] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1069. Л.45.
[600] См.: Там же. Л. 52.
[601] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» от 30 июня 1970 года // Известия. № 207. 01.09.70.
[602] Составлено по: ГАРФ. Ф. Р. 9492. Оп. 6. Д. 343. Л. 47-55.

	гражданские	3	571	4 167	15 704
1976	уголовные	2	6 392	6 287	41 691
	гражданские	0	541	3 609	16 534
1977	уголовные	3	5 818	4 087	33 326
	гражданские	3	521	3 523	17 060
1978	уголовные	5	6 454	3 988	31 285
	гражданские	0	452	3 690	17 730
1979	уголовные	6	6 573	3 458	10 037
	гражданские	7	490	2 809	15 516
1980	уголовные	8	7 169	3 339	29 587
	гражданские	6	462	2 819	14 469

Эволюция функций, структуры и компетенции Верховного Суда РСФСР в XX веке тесно связана с государственно-политическим развитием, которое прошла наша страна. Проблема построения судебной системы и организации верховного правосудия основывались на теоретических представлениях о праве и социалистической законности. Верховный Суд стал результатом первых опытов советской власти по построению социалистического общества, доктрина которого формировалась эмпирическим путем, с одной политической установкой – не так, как раньше. Становление Верховного Суда РСФСР проходило в период господства теории о скором отмирании права: «роль чисто юридической надстройки, роль закона падает, а отсюда можно вывести общее правило, что регулирование становится тем более эффективным, чем слабее и незначительнее становится роль закона»[603]. Место закона и права, по мысли советских идеологов, должны были занять органы управления, ответственные за принятие и исполнение решений[604]. В такой правовой среде возник Верховный Суд – орган, призванный временно обеспечивать правильное и единообразное проведение государственной (и партийной) политики. Однако переход к строительству социализма изменил представление о роли государства и права и потребовал пересмотра теоретических концепций, сложившихся в юридической науке 1920-е годов. Государство и право провозглашались основными средствами борьбы с классовыми врагами на пути построения

[603] Пашуканис, Е.Б. Экономика и правовое регулирование // Революция права. 1929. № 5. С. 37.
[604] Там же. С. 33.

социалистического общества[605]. В этот период Советское государство отказалось от формирования политических и правовых механизмов защиты верховенства закона, охраны прав и свобод граждан, защиты чести и достоинства личности. Становлению тоталитарного государства способствовали низкий уровень правовой культуры населения, развитие командно-административных методов управления, упрощенное понимание социалистической законности и права. В этом отношении перед Верховным Судом ставилась иная задача – обеспечить единое применение законов на всей территории страны, быстро и своевременно реагировать на отклонение от единой директивной линии, при необходимости подавлять попытки иного правоприменения. Для реализации этих задач Верховный Суд получает необходимый инструментарий – право судебного надзора над нижестоящими судами с возможностью принять к рассмотрению любое дело и формирование судебной практики посредством ее разъяснения подконтрольным судам.

Начиная с середины 1950-х годов, эволюция советской правовой системы шла в сторону своего социального идеала, происходило долгое и болезненное становление и укрепление социалистической законности и правопорядка, вновь в качестве ценностей были определены права и свободы человека. В такой обстановке изменилась роль всей судебной системы и Верховного Суда как высшей судебной инстанции. Он должен был обеспечивать законность и правопорядок государства развитого социализма. Для достижения этих целей за ВС РСФСР окончательно оформились следующие ключевые полномочия: изучение и обобщение судебной практики и дача на их основе руководящих разъяснений судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении дел, а также осуществление общего контроля за выполнением всеми судами республики Постановлений Пленума ВС РСФСР. Но при этом достаточно большое место в полномочиях Верховного Суда РСФСР занимало собственно отправление правосудия: рассмотрение дел по первой, кассационной и в

[605] См., например, Каганович, Л.М. Двенадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. 1930. №. 1. С. 21.

надзорной инстанции. К середине 1980-х годов в Советском государстве сложилась модель организации верховного правосудия с полиинстанциональным Верховным Судом республики. В этом отношении более соответствовал классическим образцам высших судебных инстанций Верховный Суд СССР.

Вместе с тем в 1991 году, в связи с распадом единого Союзного государства, произошли серьезные изменения в организации и деятельности судопроизводства, как и в большинстве сфер жизни общества. Верховный Суд РСФСР прекратил свое существование – его приемником стал Верховный Суд РФ, который на данный момент является высшим судебным органом в нашей стране.

§ 4.4. Место и роль Верховного Суда СССР в советской судебной системе

Рассматривая структуру и полномочия Верховного Суда РСФСР в качестве суда высшего звена, важно сделать несколько оговорок относительно взаимоотношений его с Верховным Судом СССР, а именно – рассмотреть вопрос о взаимодействии двух высших судов – Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР (как одной из союзных республик).

Споры об организации верховного правосудия и полномочиях высшей судебной инстанции разрешились к 1923 году, когда был создан Верховный Суд РСФСР[606]. Один из главных идеологов и архитекторов судебной системы 1920-х годов Н.В. Крыленко так писал о реформе 1922 года: «Трехколенная система и единая кассационная инстанция в виде нашего нынешнего верховного суда одержала победу. В перспективе однако стоит дальнейшая децентрализация судебного кассационного надзора в смысле передачи его областным и главным судам [то есть, судам автономных республик – *прим. Т.Н. Ильина*] с соответственным распылением кассационной работы»[607]. Таким образом, предполагалось передать большинство кассационных полномочий в суды

[606] См. подробнее: Ильина, Т.Н. Организация верховного правосудия в РСФСР в 1920-е годы: поиск оптимальной модели // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. Вып. 2. С. 63-75.
[607] Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. М.,Л., 1927. С. 158.

нижестоящих инстанций, освободив Верховый Суд для надзорных и ревизионных полномочий.

С созданием государства Союза Советских Социалистических Республик требовала обновления и общесоюзная судебная система. Основная задача состояла в том, чтобы «создать такую судебную систему на территории всего Союза, которая бы увязывала бы единую судебную систему республик в единую систему в единую судебную систему Союза»[608]. Верховный Суд СССР был создан в ноябре 1923 года, на основании Договора о создании СССР, который прямо указывал на учреждение Верховного Суда СССР как орган высшего судебного контроля. Позже положение о Верховном Суде СССР нашло продолжение в общесоюзной Конституции.

В Конституции СССР 1924 года были закреплены принципы построения нового государства, среди которых было понимание необходимости учесть своеобразие национальных и исторических особенностей отдельных республик, которые в первые годы существования нового государства были значительными. Вместе с тем в Конституции 1924 года нашли свое отражения положения о единой для всей страны социалистической законности. Достижению данного идеала должен был способствовать Верховный Суд СССР как орган, обеспечивающий соблюдение Конституции союза и общесоюзного законодательства посредством установления единообразной судебной практики. Первый председатель Верховного Суда СССР А.Н. Винокуров отмечал, что его основная задача – «блюсти единство союза ССР, с одной стороны, блюсти суверенные права союзных республик – с другой»[609]. Такое понимание своей основной задачи определило характер взаимоотношений Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик, что нашло свое нормативное закрепление в Положении о Верховном Суде СССР, утвержденном ЦИК СССР 23 ноября 1923 года[610].

---

[608] Там же. С. 161.
[609] Высший судебный орган СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1984. С. 42.
[610] Вестник ЦИК СНК, СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.

Надо сказать, что в период создания Верховного Суда СССР среди высших органов власти и их должностных лиц не было единства мнения относительно его компетенции и места в судебной системе союзного государства. Первоначальный проект предполагал закрепить за ВС СССР исключительно судебные функции, что встретило неодобрение союзных республик. На созданной комиссии для разработки положения о Верховном Суде СССР представители республиканских наркоматов юстиции 19 октября 1923 года представили свой проект, в котором Верховный Суд СССР представлял собой орган конституционного надзора с минимальным набором судебных функций. Одновременно с этим проектом в комиссию был внесен проект, подготовленный П.И. Стучкой (тогда председателем ВС РСФСР), предполагавший учредить Верховный Суд СССР в составе пленарного заседания, а верховный суды республик становились бы отделениями при нем. Кроме того свое «видение» будущего Верховного Суда СССР изложил Н.В. Крыленко. По его мнению, за Верховным Судом следовало закрепить «законотолковательную функцию по вопросам общесоюзного законодательства», а в части судебного надзора оставить за республиками право суверенно осуществлять правосудие. Окончательная редакция Положения о Верховном Суде СССР представляла собой компромиссное решение[611].

23 ноября 1923 года Президиум ЦИК утвердил Положение о Верховном Суде, а позже был принят «Наказ Верховного Суда СССР». За Верховным Судом СССР были закреплены следующие полномочия: конституционный надзор за соответствием республиканского законодательства общесоюзному, рассмотрение дел исключительной важности по первой инстанции, ограниченный судебный надзор и надзор за соблюдением законности.

Итак, первоначально Верховный Суд СССР выступал в качестве органа, осуществляющего общий надзор за законностью и соблюдением Конституции СССР наркоматами и центральными ведомствами Союза ССР, а также контроль

---

[611] Подробнее о проектах: К истории образования Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. 1964. № 4. С. 29-30.

за соответствием Конституции СССР и общесоюзного законодательства законодательству республиканских органов управления и надзор за соблюдением суверенных прав республик. То есть, по сути, осуществлял полномочия конституционного надзора. В рамках закрепленных в Конституции полномочий в указанной сфере ВС СССР мог давать руководящие разъяснения по вопросам общесоюзного законодательства, заключений по требованию ЦИК СССР о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции СССР, а также разрешать судебные споры между союзными республиками.

Один из основателей Верховного Суда СССР В.П. Антонов-Саратовский констатировал, что около двух третей вопросов, разрешенных Верховным Судом СССР в первый период его деятельности, были связаны с рассмотрением представлений на неконституционные акты наркоматов СССР и акты республиканских органов. «Судебный надзор был развит слабо»[612].

На Верховном Суде СССР в области конституционной юстиции лежало полномочие по даче верховным судам союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства; рассмотрение и опротестование перед ЦИК СССР по представлению прокурора ВС СССР постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик, по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству или поскольку ими затрагиваются интересы других республик, а также дача заключений по требованию ЦИК СССР о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции (ст. 43 Конституции СССР 1924 года)[613].

Таким образом, исходя из данных полномочий, ВС СССР осуществлял конституционный надзор ввиду того, что его решения не подразумевали отмену или приостановление акта, что и свойственно для решений органов

---

[612] Там же. С. 28.

[613] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. № 150. 1923 (утратил силу).

конституционного контроля. В данном случае ВС СССР, по сути, лишь занимался с подачи Прокурора ВС СССР или ЦИК СССР анализом акта на наличие в нём неконституционных норм и положений. Данная форма конституционного надзора примечательна своей спецификой в отношении процедурного аспекта, когда деятельность ВС СССР в направлении осуществления функции конституционного надзора инициировалась со стороны иных субъектов данного надзора (Прокурор ВС СССР и ЦИК СССР).

Довольно интересным является факт того, что в период с 1924-1927 годов Верховный Суд СССР среди прочих решений дал лишь в семи случаях решения о неконституционности актов ЦИК и СНК союзных республик и 73 – о неконституционности актов общесоюзных наркоматов[614].

Предоставляя Верховному Суду компетенцию по толкованию законов, советский законодатель установил проверку норм права по американскому типу (американской модели конституционного контроля), подразумевающему передачу компетенции по толкованию Основного закона верховным судам либо судам общей юрисдикции. Это подтверждает норма статьи 43 Конституции СССР 1924 года, закрепляющая компетенцию суда: «Верховный Суд СССР наделяется правом давать верховным судам союзных республик руководящие разъяснения по вопросам союзного законодательства»[615].

Также ВС СССР обладал компетенцией по даче заключений в отношении актов республик Союза ССР только по требованию Президиума ЦИК СССР.

Исследователь юридической процедуры правовой охраны Конституции со стороны Верховного Суда СССР О.В. Брежнев отмечает, что ключевым в этом процессе был тот факт, что решения Верховного Суда по соответствующим вопросам не обладали свойством окончательности: они подлежали рассмотрению Президиумом ЦИК[616]. В то же время председатель Верховного Суда СССР А.Н. Винокуров отмечал, что Верховный Суд – орган,

---

[614] Десять лет Верховного суда Союза ССР, 1924-1934. М.: Советское законодательство, 1934. С. 12.
[615] Там же.
[616] См. подробнее: Брежнев, О.В. Верховный Суд СССР как орган конституционного надзора в 1924-1933 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 4 (67). С. 177-184.

«консультирующий» Президиум ЦИК СССР и «сигнализирующий» ему о конституционных нарушениях, то есть, своего рода «юридический консультант» Президиума[617].

Вместе с тем объем работы, которую выполнял ВС СССР по вопросам нормоконтроля, был велик. В 1924 году он рассмотрел 2 197 нормативных материалов (1 434 союзных и 763 республиканских) на предмет соответствия Конституции и общесоюзному законодательству. В 1928 году их количество увеличилось до 6 272[618]. По статистике общий надзор занимал важное место в работе Пленума ВС СССР. Так, в 1925 году из 66 вопросов, рассмотренных на заседаниях Пленумов, 36 относились к вопросам нормоконтроля. В 1926 году из 61 вопроса – 34. В 1927 году из 101 вопроса на Пленуме 46 было по общему надзору, в 1928 году из 63 – 33[619].

Особо отметим, что даже в такой деформированной форме участие ВС СССР в конституционном надзоре можно говорить лишь применительно к периоду 1924-1933 годов.

Причины корректировки существующей системы обеспечения законности и конституционности можно проследить в письме Председателя ВС СССР А.Н. Винокурова С. Орджоникидзе (1929 г.), в котором отмечается, что предстоящая в 1930-х годов «коренная перестройка Верховного суда СССР» объясняется необходимостью образования «союзной юстиции по типу директивного органа» и связывается с 1929 года – «годом великого перелома»[620]. Несомненно, здесь многое объясняется необходимостью осуществления усиления централизации власти Советского государства и сформировавшейся атмосферой в политической и партийной среде.

---

[617] Митюков, М.А. Судебный конституционный надзор 1924-1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М., 2005.С. 74.

[618] Верховному Суду СССР – 40 лет. Сборник статей и других материалов, посвященных юбилею Верховного Суда СССР / под общ. ред. А.Ф. Горкина. М., 1965. С. 71.

[619] См.: там же.

[620] См. подробнее: Скоморохов П. Верховный суд СССР в годы социалистического переустройства страны // Верховному Суду СССР – 40 лет: сб. ст. М., 1965. С. 88.

Впрочем, ряд советских правоведов[621] отмечали в своих работах, что ВС СССР в качестве консультативного органа себя не оправдывает и органом надзора должна стать прокуратура, так как идея разрешать конституционные конфликты судебным порядком не могла быть хоть как-либо воспринята в то время. В свою очередь, по мнению М.А. Митюкова, эффективность «работы ВС СССР как органа конституционного контроля в период с 1924-1933 годы достаточно завышена»[622], так как его деятельность во многом носила консультативный характер. Помимо прочего, высказывались также и «обвинения в попытке внедрить в советскую систему буржуазный институт – конституционный суд»[623].

В этот же период его компетенция в сфере судебного надзора была также ограничена. Верховный Суд СССР не мог самостоятельно отменять постановления и приговоры верховный судов республик, а в случае противоречия таких судебных решений общесоюзному законодательству или нарушения ими интересов республик мог опротестовать их перед Президиумом ЦИК СССР (причем в период с 1924 по 1929 год лишь по представлению Прокурора Верховного Суда СССР, а с 1929 года по своей инициативе). Помощник прокурора СССР В.Г. Лебединский отмечал, что Верховному Суду не хватает собственно судебных полномочий, «ни председатель Верховного Суда, ни Прокурор Союза ССР не могут опротестовать приговоры *даже [выделено мной Т. Ильина]* народного суда, пока этот приговор не будет рассмотрен верховным судом республики»[624]. Но, даже сочтя приговор

---

[621] См., например: Куприц, Н Я. Из истории науки советского государственного права М., 1971. С 232-236; Митюков, М.А., Остапович И.Ю. Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета конституционного надзора СССР (1988-1991) // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – №2. – С. 35-63.

[622] Митюков, М.А. Предтеча Конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30 – начало 90-х гг. XX в.). М.: Формула права, 2006. С. 6.

[623] Петров, А.В., Кудрявцева А.В. Становление и развитие института конституционного контроля (надзора) в системе государственно-правовых институтов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. № 4. С. 85.

[624] К истории образования Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. 1964. № 4. С. 30.

незаконным, самостоятельно отменить его Верховный Суд СССР не мог, он входил в Президиум ЦИК с предложением о его отмене.

В первое десятилетие своего существования Верховный Суд СССР сочетал в себе функции Накромюста СССР (который был основан в 1936 году) и общесоюзной прокуратуры, которая первоначально входила в состав суда, и лишь с 1933 года стала самостоятельным органом, после чего Верховный Суд утратил функции общего и конституционного надзора.

Таким образом, «освободившись» от «лишних» функций, Верховный Суд СССР стал наращивать свою власть в отношении республиканских высших судов, что происходило не сразу, а поэтапно.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 года на Верховный Суд СССР было возложено изучение отдельных отраслей судебной практики в отдельных республиках, проверки судебных органов республик, а также издание указаний судам по вопросам социалистического строительства.

В 1933 году Президиум ЦИК СССР принял постановление «О расширении компетенции Верховного Суда СССР», в котором предоставил последнему право давать директивы верховным судам республик по вопросам судебной практики, разъяснения общесоюзных законов, а также обследовать судебные органы с целью проверки их работы[625]. В 1934 году Президиум ЦИК СССР представил Верховному Суду СССР право самостоятельно (без внесения предложений в Президиум ЦИК) пересматривать постановления пленумов верховных судов республик, для чего была учреждена судебно-надзорная коллегия для рассмотрения протестов на постановления пленумов и президиумов высших судебных инстанций республик[626].

Заметно усилившейся контроль со стороны Верховного Суда СССР за высшими судебными инстанциями республик объясняли необходимостью практической помощи. В постановлении ЦИК СССР от 7 июля 1934 года «По отчету Верховного Суда СССР за 1933 год» отмечались улучшения в работе

[625] СЗ СССР. 1934. № 2. Ст.17.
[626] СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 284.

Верховного Суда СССР, выразившиеся «в усилении его связи с судебными органами союзных республик путем дачи им директивных указаний и разъяснений по вопросам судебной практики, непосредственно связанных с социалистическим строительством, а также путем проверки работы судебных органов по проведению важнейших директив партии и постановлений правительства»[627].

Представляется, что основных причин расширения функций судебного надзора Верховного Суда СССР было несколько. Конечно, необходимость проверки судебных решений была обоснованной ввиду недостаточной квалификации судей в отдельных республиках и низкого качества судебных решений. Однако общие тенденции к централизации государственного управления на всесоюзном уровне, набирающий силу репрессивный аппарат, не последнюю роль в котором играли суды, требовали единой четкой и жесткой политики и механизмов ее осуществления. Подтверждением данного тезиса является тот факт, что судебной проверке Верховного Суда СССР подвергались преимущественно уголовные коллегии соответствующих судов. Так, в 1936 году судьи уголовной коллегии 12 раз выезжали в республиканские суды, осуществив более 50 проверок[628].

Принятая в 1936 году Конституция СССР и Закон о судоустройстве Союза ССР и союзных республик 1938 года закрепили за Верховным Судом СССР функцию судебного надзора за судебной деятельностью всех судов, а председатель суда наделялся правом истребовать любое дело из любого суда и опротестовать его. Также на период с 1938 по 1957 годы из состава Пленума Верховного Суда СССР были выведены председатели Верховных Судов республик, входившие туда по должности в предшествующий период.

Согласно Положению 1938 года изменялась структура ВС СССР, который состоял из: Пленума (в этот период времени Пленумы были ликвидированы в верховных судах союзных республик), судебной коллегии по уголовным делам,

[627] Высший судебный орган СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1984. С. 46.
[628] Там же. С. 46.

судебной коллегии по гражданским делам, военной коллегии, железнодорожной коллегии, водно-транспортной коллегии[629]. С 1945 года в составе ВС СССР была образована судебная коллегия по делам лагерных судов, которая выступала кассационной и надзорной инстанцией[630].

Круг полномочий Верховного Суда СССР был следующий: рассмотрение дел по первой инстанции, пересмотр дел в порядке надзора. Кроме того, военная, железнодорожная и водно-транспортная коллегии выступали второй инстанцией и рассматривали дела в кассационном порядке.

Важно отметить, что с конца 1930-х до начала 1950-х годов Верховный суд был в основном сосредоточен на рассмотрении дел в порядке надзора. По статистике ежегодно Верховный Суд СССР по протестам Генерального прокурора СССР и Председателя Верховного Суда СССР рассматривал по 70 тысяч жалоб на приговоры нижестоящих судов, а непосредственно разрешал 5-6 тысяч в порядке надзора. Судебная коллегия по уголовным делам проводила по 130-140 заседаний в год[631]. Верховный Суд СССР мог рассмотреть любое дело, по которому приговор или решение вступили в законную силу. Нередко ВС СССР рассматривал в порядке надзора дела, разрешенные народными судьями, минуя все «промежуточные» инстанции, включая верховные суды республик[632]. Особо отметим, что такое масштабирование в том числе процессуальной нагрузки привело к увеличению численности ВС СССР. В результате, по сравнению с 1924 годом, число членов Верховного Суда СССР возросло почти в 6 раз[633].

Таким образом, первоначальная задача Верховного Суда СССР, состоящая в возможности изучения судебной практики и даче разъяснений судам, оказалась не востребованной. На первый план вышли задачи по обслуживанию репрессивного аппарата государства. Не можем не отметить, что по первой

---

[629] Положение о судоустройстве СССР 1938 г. Ст. 65.
[630] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об организации специальных лагерных судов» от 30 декабря 1944 г.
[631] Высший судебный орган СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1984. С. 46.
[632] Добровольская, Т.Н. Верховный Суд СССР. М.: Юридическая литература, 1964. С. 44.
[633] См. подробнее: Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, шестая сессия (5–12 февраля 1957 г.): стеногр. отчет. 1957. С. 639.

инстанции Верховный Суд СССР рассматривал дела о преступлениях высших должностных лиц Союза по должности и в период 1930-1950-х годов активно осуществлял данную функцию.

Намеренно избежим детального анализа организации и деятельности высших судебных инстанций в 1930-1950-е годы, поскольку это выходит за рамки настоящего исследования. В этот период в организации именно верховного правосудия место объективным акторам, определявшим его конструкцию и функционирование, отводилось крайне мало. Государственный заказ на «чистку рядов» делал верховные суды слепыми проводниками господствующей воли.

Здесь позволим себе заметить, что для любой системы правосудия в любом, даже самом демократическом и свободном, государстве неизбежно встречаются «дела», решения по которым принимаются в русле общей политики, общественного мнения, настроения отдельных групп интересов или правящих элит. Важным условием для продолжения нормального функционирования данной системы является то, что удельный вес таких дел должен быть невелик по сравнению с теми, которые рассматриваются «по закону». Представляется, что в период 1930-1950-х годов количество тенденциозных судебных дел (причем не только уголовных) выходило за рамки критической отметки для нормального функционирования судебной системы.

Такая сверхценрализация судебной власти в лице Верховного Суда СССР, кроме негативных явлений, описанных выше, приводила к дестабилизации работы самого суда, к его загруженности, и в итоге суд все дальше уходил от своей первоочередной задачи – формирования и обеспечения единообразия судебной практики. Истребование большинства дел, которые могли быть успешны разрешены в судах нижестоящих инстанций, приводило к волоките и необоснованному затягиванию процесса. Это не позволяло суду в полной мере реализовывать свою функцию по разработке руководящих разъяснений по вопросам судебной практики, определенным статьей 75 Положения о судоустройстве 1938 года. Постановления Пленума ВС СССР этого периода

принимались без должного анализа законодательства, судебной практики, статистики, что приводило к тому, что постановления Пленумов могли противоречить законодательству. Например, в постановлении Пленума ВС СССР от 18 февраля 1949 года говорилось, что квалифицированный состав изнасилования должен быть рассмотрен в областных и приравненных к ним судам, в то время как процессуальное законодательство относило все категории изнасилования по подсудности к народным судам[634].

«Свежее дыханье» для судебной системы в целом и верховного правосудия в частности наступило с периодом, который получил название «оттепель». В 1954 году Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об образовании президиумов в составе Верховных Судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей», наделив соответствующие суды правом пересмотра дел в порядке надзора[635]. ВС СССР уже не мог пересмотреть в порядке надзора любое дело любого суда, минуя все промежуточные инстанции. С 1954 года президиумы областных судов и верховных судов автономных республик сами могли рассмотреть кассационную жалобу. И только после этого дело в порядке надзора могло быть рассмотрено в ВС СССР. Из данной нормы видно, что практика грубого вмешательства в поступательный ход дела Верховного Суда СССР была изжита не сразу. Анализ деятельности ВС СССР за 1955-1956 годы говорит о том, что ВС СССР продолжал истребовать дела иногда сразу после рассмотрения их в народных судах[636].

В 1957 году было принято обновленное положение о Верховном Суде СССР, которое изменило его компетенцию, расширив полномочия Верховных Судов республик[637]. Пленум Верховного Суда СССР стал правомочен рассматривать протесты только на постановления пленумов и президиумов

---

[634] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 февраля 1949 г. № 2/1/У // Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1951 г. М.: Госюриздат, 1952. С. 99.

[635] Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. №. 17. Ст. 360.

[636] Судебная практика Верховного Суда СССР 1955. № 5. С. 17-18; Судебная практика Верховного Суда СССР 1956 г. № 6. С. 31-32.

[637] Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4. Ст. 84,85.

верховных судов республик. Исключения составляли приговоры и решения, вынесенные верховным судом республики по первой инстанции.

Эти решения ВС СССР пересматривал в порядке надзора, независимо от того, были ли они предметом рассмотрения президиума или пленума верховного суда республики. В этом случае дело рассматривалось соответствующей судебной коллегией по уголовным или гражданским делам. Протесты на постановления пленумов или президиумов верховных судов союзных республик рассматривались Пленумом Верховного Суда СССР. Также Пленумом рассматривались дела по протестам в порядке надзора на определения судебных коллегий Верховного Суда СССР.

Основы законодательства о судоустройстве от 1958 года четко определили круг лиц, уполномоченных вносить протесты в порядке надзора в Верховный Суд СССР, и пределы их компетенции. Так, в судебные коллегии ВС СССР протесты вносили председатель ВС СССР, генеральный прокурор СССР и их заместители. В военную коллегию ВС СССР таким правом обладали также председатель Военной коллегии и Главный военный прокурор. В Пленум ВС СССР протесты могли вносить только председатель ВС СССР и Генеральный прокурор СССР.

Основаниями внесения протестов в ВС СССР в порядке надзора были противоречия решения Верховного Суда союзной республики общесоюзному законодательству или нарушение таким решением интересов других республик.

В 1967 году Пленумы союзных республик получили право рассматривать в порядке надзора протесты председателя Верховного Суда СССР, на решения судебных коллегий высших судебных инстанций республик. Начиная с этого времени и до конца эпохи, до половины всех дел, рассмотренных в порядке надзора, рассматривались в Верховных Судах республик. Те же дела, которые представляли общесоюзный интерес, направлялись для разрешения коллегий Верховного Суда СССР. Такая политика привела к оперативному формированию судебной практики на месте. Сосредоточение исключительных полномочий по формированию судебной практики в Верховном Суде СССР и

заключение на нем надзорных полномочий в отношении огромного государства, с одной стороны, затягивали и затрудняли правоприменение (истребованные из республиканских судов всех уровней дела могли годами разрешаться высшей инстанцией), с другой стороны, низводили верховные суды республик в ранг обычной/очередной инстанции, что, в свою очередь, увеличивало их число.

Таким образом, обновленное советское законодательство было призвано упорядочить процессуальный надзор Верховного Суда СССР за союзными республиками. Вместе с тем, как отмечалось выше, инерция тотального контроля 1930-1950-х годов продолжала существовать. Верховный Суд СССР директивным образом реализовывал свои функции по надзору за верховными судами республик.

В ходе проверки ВС СССР в 3 квартале 1959 года в Верховном Суде РСФСР было изучено 1682 дела. В результате были сделаны «замечания» в отношении 70% дел. В результате было дано указание: большое внимание уделялось практике применения судами мер уголовного наказания в соответствии с Постановлением Пленума ВС СССР № 3 от 19.06. 1959 года[638]. Председатель ВС РСФСР постоянно получал указания и замечания со стороны ВС СССР: «При изучении и обобщении судебной практики нередко устанавливаются факты неправильного разрешения уголовных дел судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР. Встречаются случаи неправильного назначения мер уголовного наказания, квалификации преступления, а также небрежного составления определений. Об этом свидетельствуют следующие факты…»[639].

При директивном характере таких писем в адрес Верховного Суда РСФСР все же прослеживается смена основной парадигмы. Все проверочные мероприятия и указания к устранению недостатков преследовали одну цель – выстраивание единой судебной политики и, как результат, обеспечение единообразного применения законов всеми судами огромного государства.

---

[638] ГАФР. Ф. А 428 .ОП. 18. Д. 126. Л. 46

[639] ГАРФ. Ф. А 428 .ОП. 18. Д. 126. Л. 114.

Положение о Верховном Суде СССР от 12 февраля 1957 года закрепило одно важное изменение: в состав ВС СССР по должности должны были входить председатели верховных судов союзных республик (такое правило действовало до 1938 года). Участие руководителей высших судебных инстанций республик должно было способствовать более оперативному принятию решений по наиболее сложным и актуальным вопросам правоприменительной практики и обеспечить их внедрение в реальную работу судов на местах.

После реформы 1957 года Верховный Суд СССР состоял из Пленума, судебных коллегий по гражданским и уголовным делам, военной коллеги. Его компетенция продолжала оставаться полиинстанционной. ВС СССР рассматривал дела по первой, кассационной, надзорной инстанциям, а также давал руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства.

За Верховным Судом СССР была сохранена функция надзора (не только процессуального) за судами союзных республик. Анализ документов о взаимодействии ВС СССР и ВС союзных республик дает основание говорить о системной работе Верховного Суда в этом направлении. Приведем для примера план работы ВС СССР на первое полугодие 1970 года:

«Провести в судах Азербайджанской, Киргизской, Татарской АССР и Архангельской области проверку состояния работы по рассмотрению писем, жалоб и заявлений граждан по судебным делам.

Провести совещание с председателями верховных судов союзных республик по вопросам: о результатах обобщения материалов о реагировании судов на факты приема ранее судимых лиц на должности, связанные с материальной ответственностью; о подготовке к выборам народных судей.

Изучить практику рассмотрения гражданских дел в кассационном и надзорном порядке в судах Российской Федерации и Грузинской ССР.

Изучить в Латвийской ССР, Грузинской ССР практику рассмотрения дел, связанных со взяточничеством»[640].

[640] ГАРФ. Ф. А 428. Оп. 18. Д. 420. Л.1-2.

Часто Верховный Суд СССР направлял официальные письма на имя председателя Верховного Суда РСФСР (и других союзных республик) с целью обратить их внимание на имеющиеся недостатки в работе. Тон и содержание таких писем говорил о фактическом руководстве со стороны ВС СССР. Например, приведем краткое содержание письма председателя ВС СССР А.Ф. Горина к председателю ВС РСФСР Л.Н. Смирнову, датируемое 1970 годом: «…прошу обратить внимание на ошибки и недостатки, допускаемые судебными органами в стадии исполнения приговора, и принять необходимые меры к их устранению»[641].

В конце советской эпохи организация и деятельность Верховного Суда СССР строилась на основе новой Конституции СССР 1977 года и принятым в соответствии с ней первым Законом о Верховном Суде СССР от 30 ноября 1979 года.

Новый закон попытался придать статус Верховному Суду СССР как высшей судебной инстанции многонационального, федеративного государства. В этом отношении было закреплено, что Верховный Суд СССР в своей деятельности руководствуется не только Конституцией СССР, общесоюзным законодательством, но и законодательством союзных и автономных республик. Развивая этот тезис, закон определил, что поднадзорная судебная деятельность Верховного Суда не ограничена в отношении судов союза, но имеет пределы в осуществлении надзора за республиканскими судами. В отношении верховных судов республик формы деятельности Верховного Суда СССР были следующие: проверка законности и обоснованности выносимых судами решений по конкретным делам, изучение и обобщение судебной практики, анализ судебной статистики, дача судам руководящих разъяснений по вопросам применения законодательства, осуществление контроля за выполнением судами разъяснений Пленума Верховного Суда СССР. Еще раз отметим, что полномочия Пленума и судебных коллегий Верховного Суда СССР по рассмотрению дел в порядке надзора распространялись только на те дела, по которым судебное решение

[641] ГАРФ. Ф. А 428. Оп. 18. Д. 420. Л.78-79.

Верховного Суда союзной республики в качестве суда первой инстанции было принято с нарушениями законодательства СССР или интересов союзных республик.

Подытожим, что, согласно закону о Верховном Суде СССР 1979 года, последний обладал следующими полномочиями:

1. Рассматривал дела в качестве суда первой инстанции;
2. Осуществлял кассацию решений;
3. Осуществлял пересмотр решений в надзорном порядке и по вновь открывшимся обстоятельствам;
4. Изучал и обобщал судебную практику;
5. Проводил анализ судебной статистики и на ее основе принимал руководящие разъяснения Пленума ВС СССР;
6. Обладал правом законодательной инициативы.

Все полномочия Верховного Суда СССР можно разделить на три группы. Первую группу составляют полномочия, связанные с осуществлением правосудия посредством нескольких форм – рассмотрение дел по первой инстанции, в кассационной, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. В качестве суда первой инстанции в составе Верховного Суда СССР действовали уголовная и гражданские коллегии; кассация относилась к компетенции Военной коллегии. Надзорное производство осуществляли все коллегии и Пленум суда. Рассмотрение дел по вновь открывшимся обстоятельствам составляло компетенцию Военной коллегии и Пленума. При этом по статистике наибольший удельный вес в деятельности суда среди форм непосредственного осуществления правосудия занимало надзорное производство.

В следующую группу полномочий Верховного Суда СССР можно отнести совокупность механизмов по обеспечению единообразия судебной практики в рамках союзного государства, а именно – изучение и обобщение судебной практики, издание руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР, а также контроль за их выполнением.

Мы привели полномочия указанной группы в той последовательности, которая соответствует логическому выполнению этих функций: сначала анализ и обобщение судебной практики, затем издание на ее основе Пленумов, а после – контроль за их исполнением нижестоящими судами и иными государственными органами.

Так, функция анализа судебной статистики, обобщения судебной практики и принятие на их основе Пленумов ВС СССР постепенно стала рассматриваться самим судебным органом как одна из главнейших, при том, что об обязательности применения Пленумов постоянно спорили, даже на уровне законодателя. Только закон от 1979 года окончательно закрепил их обязательность не только для судов всех уровней, но и для других государственных органов и должностных лиц, в случае если они применяют закон, на который дано разъяснение. Кроме того, законодатель возложил обязанности контроля за исполнением судами руководящих разъяснений Пленумов на сам Верховный Суда СССР.

Данную норму можно назвать прорывной, призванной положить конец многолетним спорам в профессиональной и научной юридической среде о роли Пленумов для правоприменительной практики. Первоначально в Положении о Верховном Суде СССР 1957 года такой нормы не содержалось. Только Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1967 года такая норма была добавлена, но уже через четыре года, в 1971 году, была вновь изъята[642]. Представляется, что это было связано с образованием Министерства юстиции СССР и передачей ему ряда полномочий. Примечательно, что с 1972 по 1979 годы, в период отсутствия законодательного закрепления функции контроля за единообразным применением судами разъяснений Пленумов ВС СССР, высший судебный орган Союза ССР фактически продолжал этим заниматься. Так, широко применялась практика заслушивание докладов председателей Верховных Судов союзных республик по вопросу выполнения разъяснений

[642] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1971 г // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 33. Ст. 332.

Пленумов ВС СССР в целях «повышения уровня оправления правосудия и обеспечения единства применении судами действующего законодательства»[643].

Для достижения целей точного и единообразного применения законов Верховный Суд СССР рассматривал как средство совершенствование законодательства, которое использовал посредством своей функции законодательной инициативы. Сосредоточив огромный опыт и материалы по применению законов, ВС СССР объективно становился важным звеном в законодательном процессе Советского государства. Формы такого участия на протяжении всего периода существования суда были разнообразными и зависели от характера и содержания функций, которыми был наделен высший судебный орган на разных этапах. Первоначально, в период с 1924 по 1929 год, законодательная инициатива ВС СССР ограничивалась разработкой законопроектов «по предметам своего ведения». С 1929 года Верховный Суд СССР уже полноценно был наделен правом законодательной инициативы. Такое полномочие было закреплено за ним в статье 8 Положения о Верховном суде СССР от 24 июля 1929 года[644]. Важно, что данный нормативный акт не конкретизировал данную функцию Верховного Суда СССР, не очерчивал ее пределов. Сам суд воспринял ее как достаточно обширную. В своем отчете за 1929 год ВС СССР указывал, что законодательная инициатива будет затрагивать общеорганизационные вопросы, вновь возникающие проблемы, еще не получившие отражения в законодательстве, а также вопросы изменения закона, возникающие в связи с осуществлением Верховным Судом СССР надзора за ведомственными актами, в частности несогласованности этих актов с общесоюзным законодательством[645]. Уже в первый год ВС СССР разработал семь проектов законодательных актов, но они не были приняты.

В дальнейшем с 1938 по 1957 год Верховный Суд СССР формально лишили права законодательной инициативы, но при этом законотворческая

---

[643] Высший судебный орган СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1984. С.49-50.
[644] СЗ СССР. 1929. № 50. Ст. 445.
[645] См. подробнее: Банников, С.Г. Законодательная инициатива Верховного Суда СССР // Советское государство и право. 1974. № 3. С. 13.

деятельность осуществлялась в суде, были сформулированы предложения по совершенствованию законодательства. С 1957 года до конца рассматриваемого периода ВС СССР был наделен функцией законодательной инициативы, которую использовал достаточно широко. Представляется, что это обусловлено спецификой деятельности ВС СССР, выполняющего функцию надзора за деятельностью судебных органов, аккумулируя разнообразную и насыщенную фактическими материалами практику применения законодательства. Верховный Суд СССР констатировал ошибки и пробелы в нормативных актах и мог оперативно разрешать их, пользуясь своим правом законодательной инициативы.

Делая вывод о роли и месте Верховного Суда СССР в судебной системе Советского государства, нельзя не принимать во внимание особенности этого государства. Отрицание «буржуазных» принципов разделения властей и независимости судебной власти (отсутствие данного термина на законодательном уровне), признание только за представительными органами власти права на эту власть приводило к тому, что суды рассматривались как вспомогательные органы, призванные оптимизировать работу представительных. Не случайно первоначально ВС СССР создавался именно как вспомогательный орган при ВЦИК в целях утверждения революционной законности.

Особенность его положения предопределилась совокупностью факторов. Так, Верховный Суд СССР не только действовал как судебный орган, но и выполнял функции общего надзора. Судебные его функции заключались в рассмотрении дел по обвинению высших должностных лиц в преступлениях по должности, а также уголовных и гражданских дел исключительной важности, затрагивающих по своему содержанию интересы двух или нескольких союзных республик либо относящихся к разрешению споров между союзными республиками. В области судебного надзора Верховный Суд СССР был уполномочен рассматривать и опротестовывать перед Президиумом ЦИК СССР постановления, решения и приговоры Верховных судов союзных республик,

если таковые противоречили общесоюзному законодательству; рассматривать и отменять решения и приговоры иных учреждений, имеющих судебные функции (Высшая арбитражная комиссия и др.). Большое влияние на организацию и деятельность ВС СССР оказали конец 1930-х годов – начала 1950-х, когда ВС СССР, по словам самих же судей, «допускал грубые нарушения социалистической законности». После последовал долгий период «реабилитации», итогом которого стало формирование за Верховным Судом СССР функций высшей судебной инстанции, ключевой среди которых можно назвать обобщение судебной практики и принятие на этой основе Постановлений Пленума, призванных обеспечить единообразное применение закона на территории союза. При этом в качестве окончательного вывода определимся, что все же с точки зрения удельного веса судебной работы, в том числе по обобщению судебной практики, основная работа велась в на уровне Верховных судов союзных республик.

§ 4.5. Правовая природа Постановлений Пленумов Верховного Суда РСФСР

Рассмотрению сущности и правовой природы Пленумов Верховного Суда РСФСР в период 1923-1991 годы в юридической литературе вплоть до нынешнего дня уделяется немного внимания, что обусловлено несколькими факторами: во-первых, большинство исследований в рамках указанного периода посвящены рассмотрению правовых институтов общесоюзного государства, а не отдельных союзных республик; во-вторых, в работах, как правило, анализируется общий правовой статус высшего судебного органа республики, а не отдельных структурных подразделений, к которым относится Пленум; в-третьих, все большую актуальность приобретают не теоретико-исторические исследования, а практико-ориентированные работы, посвященные анализу правоприменения конкретного отраслевого законодательства.

В то же время Пленум Верховного Суда РСФСР в течение многих лет представлял собой для отечественного юридического сообщества судебный орган, непосредственно обеспечивающий единообразное применение норм права на территории РСФСР, что и определяло юридическую природу Пленума как структурного подразделения Верховного Суда РСФСР.

В рамках же судебной системы всего государства Пленум Верховного Суда СССР и Пленумы союзных республик (одним из которых выступал Пленум ВС РСФСР) занимали место наиболее авторитетных судебных органов, под началом которых шли общесоюзные и внутриреспубликанские процессы по анализу, обобщению, формированию и направлению судебной практики большого государства.

Отметим, что если на этапе формирования Верховного Суда РСФСР как постоянно действующего судебного органа к образованию, стажу и опыту работы судей, в том числе входящих в состав Пленума (первоначально – пленарного заседания), не предъявлялись существенные требования (что во многом следовало из конкретных исторических обстоятельств становления системы государственной власти в РСФСР и СССР в целом), то со временем, с учетом общего усложнения правоотношений, качественного и количественного развития законодательных актов, определения новых областей правового регулирования, уровень таких требований неизбежно повышался.

Так, в послевоенное время отмечался острый дефицит судейских кадров, имеющих юридическое образование или должную квалификацию, что, в свою очередь, ставило перед руководством судов организационно-управленческую задачу по скорейшему обучению и повышению квалификации судей.

Следовательно, ввиду указанных организационно-кадровых причин, а также в условиях создания системы советского права, перехода от чрезвычайного правотворчества и революционной законности к стабильному законодательству деятельность Пленума Верховного Суда Российской союзной республики, направленная как непосредственно на разрешение наиболее сложных категорий дел, так и на истолкование действующих норм для судей

нижестоящих инстанций, стала несомненно значимой для всего института отправления правосудия.

Тем не менее проведенный анализ эволюции правового статуса Верховного Суда РСФСР в целом и конкретно Пленума позволяет сделать вывод о ключевой роли Верховного Суда РСФСР в отправлении правосудия на протяжении практически семидесяти лет существования советской власти – несмотря на особенности политической системы, сложную модель функционирования органов государственной власти в СССР и отдельных республик, в том числе и РСФСР.

В этой связи важно, что, помимо непосредственного рассмотрения отдельных категорий дел, Верховный Суд РСФСР наделялся правом толкования действующего законодательства, а также правом законодательной инициативы. В свою очередь, Пленум Верховного Суда, непосредственно осуществлявший анализ судебной практики, вел активную разъяснительную работу в части применения законодательства, способствовал как развитию самого законодательства, так и повышению эффективности правоприменения уполномоченными органами, а также прививал правовую культуру населению.

Примечательно, что, несмотря на неоспоримую важность актов Пленумов Верховных Судов для всей правоприменительной системы Советского государства, формально-юридическая природа постановлений Пленумов неоднозначно оценивалась на протяжении второй половины XX века, причем полярный характер точек зрения впоследствии перешёл в аналогичные дискуссии относительно постановлений Пленумов Верховного Суда (а до этого – и Высшего Арбитражного Суда) Российской Федерации.

Так, за весь период существования Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик советское законодательство так и не предложило формального определения постановлений Пленума Верховного Суда – что, тем не менее, осталось неизменным и в дальнейшем, после перехода к российской правовой и судебной системе.

Между тем, не принимая во внимание конкретные временные периоды, формы политического устройства и другие объективные факторы, с теоретической точки зрения постановлением Пленума Верховного Суда следует считать акт, издаваемый Пленумом (собранием судей) и содержащий разъяснения по спорным вопросам правоприменения, направленные на обеспечение единообразного применения законодательства.

На основании вышеприведенного полагаем верным выделить ряд признаков, которые характерны для постановления Пленума Верховного Суда РСФСР:

1) выносится специально уполномоченным органом – Пленумом Верховного Суда;

2) имеет строго определенную форму – письменный акт, содержащий необходимые реквизиты, подписанный председателем и секретарем, подлежащий обнародованию (публикуется в специальном вестнике – бюллетене);

3) содержит разъяснения норм действующего законодательства, основанные на анализе судебной практики;

4) предназначен для использования определенным кругом субъектов – судами и иными правоприменителями, органами государственной власти.

Кроме того, анализ содержания постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР на практике позволяет говорить о нескольких подходах к классификации этих актов. Так, в качестве критериев можно определить следующие:

1) область общественных и правовых отношений, по вопросам которой даются разъяснения:

а) хозяйственно-бытовая[646];

б) социальная[647];

---

[646] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 03.09.1974 № 5 «О некоторых вопросах в практике судов РСФСР по гражданским делам, связанным с обслуживанием населения» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[647] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 31.03.1961 № 2 «О судебной практике по рассмотрению дел, возникающих в связи с незаконной выплатой государственных пенсий» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

в) воспитательная[648];

г) транспортная[649];

д) строительная[650];

е) промышленная[651] и др.

2) отрасль права, в рамках которой действуют разъясняемые нормы:

а) административное право[652];

б) уголовное право[653];

в) гражданское право[654];

г) жилищное право[655];

д) трудовое право[656];

е) семейное право[657] и др.

---

[648] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 02.12.1961 № 7 «О некоторых вопросах, возникающих при определении судами вида исправительно-трудовой и воспитательно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[649] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.12.1980 № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[650] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 27.07.1983 № 2 «О судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов в отраслях строительства» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[651] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 21.04.1987 № 2 «О ходе выполнения судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1984 года № 22 «О применении судами законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с открытиями, изобретениями, рационализаторскими предложениями и промышленными образцами» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» и др.

[652] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 27.06.1978 № 4 «О некоторых вопросах практики применения судами Российской Федерации законодательства об административной ответственности за мелкое хулиганство, злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника при исполнении ими своих обязанностей по охране общественного порядка (ст. ст. 158 и 165 КоАП РСФСР)» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[653] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22.03.1966 № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[654] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 18.06.1975 № 4 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РСФСР по гражданским делам» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[655] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 10.06.1980 № 4 «О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[656] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.12.1976 № 4 «Вопросы, связанные с применением ч. 4 ст. 18 КЗоТ РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[657] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 21.02.1973 № 3 «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

3) смысловая направленность разъяснений:

а) толкование действующего законодательства[658];

б) внесение предложений об изменении действующего законодательства[659];

в) организация деятельности Верховного Суда РСФСР[660];

г) организация деятельности судейского корпуса[661] и др.

При этом важно отметить, что все постановления Пленума Верховного Суда РСФСР целесообразно разделить на две большие группы. Первую составляют постановления, принятые по конкретным делам, вторую группу – постановления по категориям дел или по общим вопросам судебной практики.

Как указывал В.М. Мелихов в середине 1970-х годов, постановления Пленумов по конкретным делам, не взирая на фактически казуальный характер изложения правового материала, могли иметь принципиальное значение для правовой системы[662].

Так, А.Б. Венгеров называл такие постановления прецедентами толкования, указывая, что прецедент толкования, в отличие от судебного прецедента, имеет конечной целью разъяснение действующих норм, а не создание новых[663].

---

[658] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.06.1973 № 7 «О некоторых вопросах, возникших при применении судами Российской Федерации законодательства о труде молодежи» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[659] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 05.04.1976 № 1/П «О внесении в Президиум Верховного Совета РСФСР представления о дополнении ст. ст. 221, 141 пункта 4 ГПК РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[660] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 17.11.1971 № 61 «О работе Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[661] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.12.1988 № 11 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР о практике назначения дополнительных наказаний» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[662] Мелихов, В.М. Роль пленумов Верховных Судов Союза ССР и РСФСР в обеспечении правильного применения гражданского процессуального законодательства. Саратов, 1975. С. 5.

[663] Венгеров, А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 128.

Однако В.М. Мелихов[664], В.И. Каминская[665] и ряд других процессуалистов не считали целесообразным употребление термина «прецедент» в условиях кодифицированного социалистического права, указывая на безусловное ограничение силы любого судебного решения только делом, по которому такое решение принималось.

Таким образом, советская юридическая наука и практика в целом исходили из того, что решение, принятое по конкретному делу даже высшим судебным органом, имело обязательную юридическую силу только для этого дела и не предусматривало многократного применения, в связи с чем постановления Пленума ВС РСФСР, принятые при разрешении конкретных дел, рассматриваться в качестве источника права не могли.

Однако особый интерес для настоящего диссертационного исследования представляет другая группа постановлений Пленумов ВС РСФСР – по категориям дел или по общим вопросам судебной практики. Ввиду явно неиндивидуализированного характера место и роль таких постановлений в советской правовой системе вызывали ожесточенные дискуссии.

Характеризуя природу и сущность таких постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, важно отметить, что «в них помимо идеологических факторов присутствуют взаимоувязанные указания руководящего, управленческого и воспитательного характера, имеющие конкретную направленность на судей и руководителей всех звеньев судебной системы»[666]. Следовательно, в данном случае Пленум ВС РСФСР выступал не только как орган, непосредственно отправляющий правосудие, но и как орган судебного управления.

Тем не менее приведем некоторые точки зрения, свидетельствующие об особенном месте постановлений Пленума в советской системе источников права.

---

[664] Мелихов, В.М. Указ. соч. С. 5-6.

[665] Каминская, В.И. Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права (В порядке обсуждения) // Советское государство и право. 1948. № 6 (июнь). С. 44.

[666] Абдулин, Р.С. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР (СССР) как источник информации письменного происхождения // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С. 33.

Как отмечал правовед Р.З. Лившиц, «разъяснения Пленума – наиболее директивные и наименее судебные акты во всей судебной практике». Кроме того, характеризуя структуру постановлений, Р.З. Лившиц подчеркивал, что «в разъяснениях нет типичной для суда формы приговора или решения, в них отсутствуют конкретные обстоятельства того или иного дела», на основании чего делал вывод: «разъяснения внешне выглядят как типичный акт органа законодательства или управления, в них можно при желании обнаружить, как в правовой норме, гипотезу, диспозицию и санкцию»[667]. В то же время в истории Пленума ВС РСФСР встречались случаи, когда основанием для принятия руководящих разъяснений служило конкретное дело[668].

Советский юрист С.Л. Зивс, в свою очередь, рассматривал постановления Пленума как «определенный обобщенный вывод из совокупности аналогичных решений по однородным судебным делам»[669].

Пугачев А.Н., обобщая дискуссии советских авторов относительно юридической природы постановлений Пленума, отмечал, что «постановления представляли собой довольно оригинальное явление – специфическую форму обеспечения единообразия судебной практики и законности в правоприменительной деятельности судебных органов, и практически все авторы, анализируя постановления Пленума, подчеркивали их «особую» природу»[670].

Примечательно, что признавая за Постановлениями Пленума Верховного Суда, силу нормативного акта, на орган его принявший не распространяли статус правотворческого. Так, в одной статье журнала «Советское государство и право» 1956 года говорилось, что Постановления Пленума являются подзаконными нормативными актами, поскольку содержат в себе некоторые признаки нормативности, такие как неоднократность применения, общий

---

[667] Лившиц, Р.З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 53.
[668] Братусь, С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в Советской правовой системе. М., 1975. С. 57.
[669] Зивс, С.Л. Источники права. М.: Наука, 1981. С. 184.
[670] Пугачев, А.Н. Судебная практика как источник права: советский и постсоветский периоды // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2010. № 4. С. 182.

характер действия. При этом отдельно отмечалось, что правотворческая деятельность при издании таких постановлений не означала наделения высшей судебной инстанции законодательными полномочиями – руководящие разъяснения «основываются на законе и носят подзаконный характер, не подменяя закон и не отменяя его и не заменяя его сущности»[671].

Стоит повторно подчеркнуть, что вопрос о сущности постановлений Пленума уже на протяжении многих лет вызывает оживленные дискуссии как теоретиков права, так и практиков, что во многом вызвано вышеуказанными особенностями правовой природы этих актов, а также особенностями советских (а позже и российских) судебной и правовой систем. Так, даже с позиции структуры постановления Пленума, как отмечалось ранее, имеют мало общего с обычными судебными постановлениями и скорее приближаются к нормативным актам.

В этом контексте следует заметить, что и до настоящего времени вопрос о соотношении понятий «судебный прецедент», «прецедент толкования норм права», «судебная практика», «источник права», «форма права» в советской и российской правовых системах относится к числу наиболее спорных. В связи с этим рассмотрение подходов к определению роли и места постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР в отечественной правовой системе приобретает особую значимость и для современной юриспруденции.

Надлежит обозначить, что официальная доктрина Советского государства никогда не относила судебную практику к источникам права. Между тем на деле все обстояло намного сложнее, что подтверждается содержанием положений законодательства, наделявших Пленум Верховного Суда РСФСР полномочиями рассматривать судебную практику и давать судам разъяснения по вопросам применения законодательства. Важно, что такие разъяснения прямо назывались «руководящими», в связи с чем подлежали обязательному применению

[671] О юридической природе руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР (редакционная статья) // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 14-21.

соответствующими судами и иными правоприменителями, органами государственной власти в своей деятельности.

Более того, в разное время постановления Пленума Верховного Суда РСФСР характеризовались в законодательстве не только как «разъяснения», но и как «указания», что придавало актам Верховного Суда РСФСР большую степень нормативности.

Венгеров А.Б., на рубеже 1960-х годов исследовавший проблемы статуса судебной практики в советской правовой системе, отмечал значительную роль такой практики в процессе правового регулирования – по утверждению ученого, судебная практика играла роль одной из форм обратной связи, сигнализировала о социальной эффективности правового регулирования, отражала воздействие общественных отношений на правовые нормы[672].

Принимая во внимание перечень названных функций, А.Б. Венгеров считал судебную практику дополнительным и вспомогательным средством регулирования общественных отношений. Между тем исследователь подчеркивал, что не всякое применение судьей нормы права выступает судебной практикой, а только такое, «которое связано с выработкой определенного положения, принципа, формы»; следовательно, судебная практика вырабатывается в результате неоднократного применения нормы права по аналогичным делам – обобщая судебную практику в руководящих разъяснениях, решая принципиальные конкретные дела, высшие судебные органы (в том числе Пленумы Верховных Судов) не только предотвращают и исправляют ошибки в правоприменительной деятельности, но и утверждают положительные начала в применении правовых норм[673].

Применительно к этому А.Н. Пугачев отмечает, что «в советской юридической науке, начиная с 40-х – 50-х годов XX века, предпринимались

---

[672] Венгеров, А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 6.
[673] Там же. С. 7-8.

попытки представления руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР в качестве источника права»[674].

Так, ряд авторов тех времен считали постановления Пленума Верховного Суда РСФСР исключительно актами толкования права, и не находили в них правоустанавливающих норм[675], другие же, напротив, считали, что такие акты в действительности содержат в себе нормы права, ввиду чего должны причисляться к нормативным правовым актам.

Вильнянский С.И., один из ярких приверженцев второй позиции, отмечал, что по общему правилу прецедент не обладает свойствами источника права, однако в силу многократного применения может приобрести юридическую силу и тем самым произвести качественные изменения в правовой материи[676]. Таким образом, созданный в рамках конкретного дела прецедент – в результате оформления в рамках специального акта (постановления высшего судебного органа) и последующего неоднократного применения на практике – становится «множественным прецедентом», фактически содержащим нормы права.

Интересно, что эта точка зрения С.И. Вильнянского в некоторой степени получила принятие и одобрение со стороны государства, так как включавшая соответствующие идеи работа вышла в печать после состоявшегося в 1946 году общего собрания Московского юридического института, в котором принимали участие представители МЮИ, Всесоюзного института юридических наук, Института государства и права АН СССР, Министерства юстиции и Верховного Суда СССР.

Профессор Джон Н. Хазард так описывал выработанное на данном собрании заключение: «…Представляется, что в результате обсуждения участники дискуссии пришли к выводу о признании статуса суда, так как учебник 1947 года (Основы советского государства и права / Институт права АН

---

[674] Пугачев, А.Н. Указ. соч. С. 182.

[675] См.: Клейнман, А.Ф. Основные вопросы кодификации советского гражданского процессуального права // Социалистическая законность и задачи советской юридической науки. М.: МГУ, 1957. С. 18–20.

[676] Вильнянский, С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. 1947. Вып. 9. С. 261.

СССР. М., 1947) принял позицию, согласно которой, по крайней мере, руководящие инструкции по вопросу судебной практики, изданные полным составом (пленумом) Верховного Суда СССР … могут рассматриваться как источники права»[677].

Бурные обсуждения по анализируемому вопросу продолжались и в течение 1950-х годов. В этот период большинство исследователей поддерживали идею о наделении постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР силой источников права. Так, в журнале «Советское государство и право» за 1956 год отмечалось: «Точка зрения большинства авторов писем и статей, направленных в журнал, сводилась к тому, что постановления Пленума Верховного суда выступают одним из подзаконных источников советского права»[678].

В то же время в редакционной статье журнала «Коммунист» в 1956 году отмечалось, что Пленум Верховного Суда СССР в своей деятельности неоднократно выходил за рамки закона и брал на себя правотворческие функции[679].

Впрочем, к концу 60-х годов XX века среди советских ученых стала преобладать противоположная точка зрения. Общепризнанным стало мнение о необходимости ограничить роль руководящих указаний Пленума Верховного Суда РСФСР разъяснением и толкованием норм действующего законодательства. С.С. Алексеев применительно к роли актов Пленума подчеркивал, что «функция разъяснения законодательства прямо входит в компетенцию Пленума Верховного Суда СССР и других центральных юрисдикционных органов»[680].

Так, Л.Н. Смирнов[681] и П.Я. Трубников[682] в своих работах подчеркивали, что к источникам права постановления Пленума Верховных Судов не относятся,

---

[677] Hazard J.N. The Soviet Court as a Source of Law. Washington Law Review 24. 1949. № 1. P. 81.

[678] О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 21.

[679] См.: Редакционная статья. Коммунист. 1956. № 11. С. 19.

[680] Алексеев, С.С. Собрание сочинений. В 10 т. + Справочный том. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 483.

[681] Смирнов, Л.Н. Закон о Верховном Суде СССР и задачи дальнейшего совершенствования правосудия // Социалистическая законность. 1980. № 2. С. 14.

поскольку роль этих актов ограничивается лишь разъяснением судам содержания закона в целях единообразного применения. О.П. Темушкин считал, что акты Пленума только разъясняют «подлинный смысл закона», но сами к «законодательным нормам» не относятся[683].

Между тем Г.М. Миньковский, рассматривая вопросы доказательственного права в уголовном процессе, указывал на постановления Пленума ВС СССР как на нормативные акты подзаконного характера[684], полемизируя с позицией М.С. Строговича, возражавшего против включения в число источников права постановлений Пленума наравне с приказами Генерального прокурора СССР[685].

Поддерживая свою точку зрения, Г.М. Миньковский указывал, что постановления действительно создаются во исполнение и обеспечение исполнения закона, но, в свою очередь, формулируют в этих целях нормы инструктивного характера, обязательные для исполнения, приводя в пример постановление Пленума ВС СССР от 16.03.1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам»[686], в котором давались разъяснения о недопустимости постановки перед судебно-медицинским экспертом отдельных вопросов, о порядке составления заключения несколькими экспертами разных специальностей[687]. Интересно, что указанное постановление утратило силу только в 2010 году ввиду прямого указания в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»[688].

---

[682] Трубников, П.Я. Пересмотр решений в порядке судебного надзора. М., 1974. С. 233-234.
[683] Темушкин, О.П. Закон о Верховном Суде СССР и проблемы совершенствования правосудия // Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и адвокатуре СССР // Воронеж, 1981. С. 15.
[684] Теория доказательств в советском уголовном процессе / Белкин Р. С. и др.; редкол.: Жогин Н. В. (отв. ред.) и др. М., 1973. С. 8.
[685] Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968. С. 73.
[686] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 2. 1971.
[687] Теория доказательств в советском уголовном процессе / Белкин Р. С. и др.; редкол.: Жогин Н. В. (отв. ред.) и др. М., 1973. С. 8.
[688] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2011.

Наконец, Г.М. Миньковский подчеркивал, что при устранении из постановления Пленума таких подзаконно-нормативных положений ценность постановления для практики сводилась бы к нулю, так как акт содержал бы в себе лишь общие призывы соблюдать закон[689].

Более того, К.И. Комиссаров в своем труде относительно сферы гражданского судопроизводства утверждал, что постановления Пленума [имелся в виду Пленум ВС СССР – Т.Н. Ильина] фактически создавали альтернативные правовые нормы: так, в отношении лиц, систематическим нарушением правил общежития делавших невозможным проживание в том же жилище других людей, действующее материальное право предписывало применять только принудительное выселение, тогда как Пленум предусмотрел факультативную возможность замены выселения принудительным обменом жилого помещения на другое[690].

Кроме того, К.И. Комиссаров приводил пример нормативного (хотя и также носящего факультативный характер) указания Пленума ВС СССР, направленного на сохранение действия старого закона[691]: в постановлении от 29.12.1965 г. № 13 Пленум указывал, что дела о расторжении брака, принятые областными и им соответствующими судами к производству до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 г. «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака»[692] подлежат рассмотрению в этих судах; Однако если будет признано, что дело может более быстро и правильно рассматриваться в другом суде, в частности по месту нахождения большинства доказательств, суд по ходатайству стороны либо по собственной инициативе вправе передать спор в соответствующий суд[693].

---

[689] Там же. С. 9.
[690] Комиссаров, К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 31.
[691] Там же. С. 132.
[692] Указ Президиума ВС СССР от 10.12.1965 г. № 4238-VI «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» // Ведомости ВС СССР. 1965. № 49. Ст. 725.
[693] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.12.1965 г. № 13 «О применении судами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 г. «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 1. 1966.

Наконец, К.И. Комиссаров, рассуждая о вопросах применения права по аналогии, делал вывод, что издание Пленумом любого Верховного Суда руководящего разъяснения о применении аналогии в том или ином конкретном случае предрешает правовой характер конкретного общественного отношения и выбор нормы, чем составляет императивное правило и исключает возможность судейского усмотрения[694].

Однако уже в начале 1980-х годов Х.Б. Шейнин писал: «Руководящие разъяснения Пленума даются по вопросам применения законодательства, и, следовательно, законодательство выступает первичным, а разъяснение вторичным <…> само слово «разъяснение» подчеркивает, что речь идет не о новой норме, дополнении или изменении закона, а о раскрытии смысла нормы, уже существующей, применяемой в процессе судебной деятельности…»[695].

Между тем среди юридического сообщества находились и компромиссные взгляды. Рассуждая о актах судебных органах как об источнике права, заместитель Председателя Верховного Суда РФ в период 1988–2007 годы) В.М. Жуйков отмечал, что «судебная практика признавалась источником права, поскольку в судебных решениях допускались ссылки на постановления Пленума как на правовую основу разрешения дела»[696].

Калинин А.Ю., обобщая проблематику определения круга источников права в советский период, также приходит к выводу, что «опубликованная практика Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, не будучи признанной официально, тем не менее, фактически всегда учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нем, применения аналогии закона или аналогии права»[697].

---

[694] Там же. С. 35.

[695] См.: Шейнин Х.Б. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР. Сов. государство и право. 1980. № 9. С. 73.

[696] Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М.: Юристъ, 2000. С. 80.

[697] См.: Калинин А.Ю. Судебная практика как источник права в советской правовой системе // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 14. С 65.

Подход о возможности признания судебной практики источником права, хотя и с учетом некоторых ограничений, находит свое отражение в трудах и других ученых, таких как В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова, Н.Л. Грант, М.Н. Марченко, А.Х. Саидов.

Отечественной правовой и судебной системе известны случаи, когда постановления Пленума Верховного Суда РСФСР не только носили разъяснительный, толкующий ту или иную норму права характер, но и способствовали изменению законодательных положений. Так, в качестве примера подобного подхода можно указать на определение объективной стороны спекуляции как преступления в советском уголовном праве.

В изначальной редакции УК РСФСР 1926 года ст. 107 предусматривала уголовную ответственность за «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок»; в редакции 1932 года – за «скупку и перепродажу частными лицами в целях наживы (спекуляцию) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления»[698].

Между тем на протяжении следующих пятнадцати лет такое определение объективной стороны преступления дополнялось положениями из постановлений Пленума ВС РСФСР – в 1946 году Пленум включил в перечень подлежащих уголовной ответственности по ст. 107 УК РСФСР «лиц, не изъявших продовольственные карточки у рабочих, которые были уволены, или лиц, выдавших продовольственные карточки незаконно, если данные действия сопровождаются спекуляцией товарами, полученными с помощью карточек; богатых крестьян (кулаков), не поставивших государству необходимое количество зерна в течение установленного периода (изменения Комиссариата юстиции); лиц, продающих вино, алкоголь и другие спиртные напитки по ценам, превышающим установленные»; к спекуляции также приравнивались «приписка рабочих дней, если осуществляется систематически; покупка государственных обязательств по цене ниже номинальной в целях перепродажи; строительство

[698] Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 20.05.1932) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

скрытых мукомолен, мельниц, даже приводимых в действие вручную, для целей извлечения прибыли; скупка сырья для производства алкоголя в домашних условиях («самогона») и его последующая продажа или приобретение алкоголя для перепродажи»[699].

Более того, Верховный Суд РСФСР указывал, что, «если не имеется прямых доказательств приобретения товаров с целью перепродажи для получения прибыли, суд может основывать свое решение на косвенных доказательствах, указывающих на количество, ассортимент, нужды обвиняемого и его семьи в приобретенных товарах для собственного потребления, и других обстоятельствах дела»[700].

Между тем нормативное определение спекуляции, представленное в вышеупомянутой редакции 1932 года, сохранялось в неизменном виде вплоть до принятия нового УК РСФСР в 1961 году.

Подобная ситуация дополнительно подчеркивает значимость постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР для отечественной правовой и судебной системы в целом а также для уголовного права в частности.

Кроме того, Я.М. Брайнин (применительно к постановлениям Пленума ВС СССР) отмечал, что в некоторых случаях содержание простых диспозиций из особенной части уголовного права может формулироваться в руководящих указаниях Пленума: в Постановлении Пленума ВС СССР от 31.07.1962 года. «О судебной практике по делам о взяточничестве» представлялось понятие «посредник во взяточничестве»[701], отсутствующее в диспозиции статьи уголовного закона, устанавливающей ответственность за посредничество во взяточничестве[702].

Таким образом, с формальной точки зрения, постановления, издаваемые Пленумом Верховного Суда РСФСР, советской правовой системой не

---

[699] Бурков, А.Л. Статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 173-174.
[700] Hazard J. N. The Soviet Court as a Source of Law. // Washington Law Review 24. 1949. № 1. P. 86.
[701] Постановление Пленума ВС СССР от 31.07.1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
[702] Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 70.

признавались источниками права, поскольку не содержали как таковых правовых норм, в отличие от собственно нормативных правовых актов. Однако в действительности такие разъяснения Пленума носили обязательный характер для всего судейского сообщества и органов государственной власти, применявших относящиеся к предмету разъяснения правовые нормы, что прямо предусматривалось законодательством о судоустройстве.

Примечательно, что зарубежными правоприменителями постановления Пленума ВС РСФСР и СССР признавались законом с формальной точки зрения. Так, к примеру, в одном из своих постановлений Европейский Суд по правам человека (далее ЕСПЧ) косвенно дал оценку правовому статусу постановлений Пленума Верховного Суда СССР. Так, рассматривая спор о правомерности конфискации контрабандного имущества, ввезенного лицом, не выступавшим собственником этого имущества, ЕСПЧ анализировал наличие в действовавшем на тот момент российском законодательстве правовых оснований для такой конфискации[703].

Как установил ЕСПЧ, вопрос обращения контрабандного имущества в доход государства регулировался только постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 года, в п. 7 которого допускалась конфискация объектов контрабанды в соответствии с действующим законодательством[704]. В то же время, на момент рассмотрения дела в УК РФ и в УПК РФ отсутствовало положение, которое устанавливало бы правовые основания для конфискации объектов контрабанды. В свою очередь, власти Российской Федерации в представленном по делу мнении подчеркнули, что правомерность действий произведшего конфискацию суда подтверждается указаниями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР, и соответствующее Постановление должно рассматриваться как «закон» по смыслу Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. ЕСПЧ,

---

[703] Постановление ЕСПЧ от 09.06.2005. Дело «Бакланов (Baklanov) против Российской Федерации» (жалоба № 68443/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 10.

[704] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.02.1978 № 2 (ред. от 06.12.1979) «О судебной практике по делам о контрабанде» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

принимая решение по спору, отмечал, что «остается неясным, какое правовое основание послужило основой помимо Постановления Пленума ВС СССР, которое, Однако как представляется, относится к законодательству, которое более не имеет силы»[705].

Таким образом, в своем акте по делу ЕСПЧ расценил постановление Пленума Верховного Суда СССР как «закон» (law) в значении Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года[706], причем аналогичного мнения придерживались и власти Российской Федерации (в лице уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптева).

Вновь обращаясь к рассмотрению природы Пленумов, следует повторно отметить, что на Пленумы Верховных Судов СССР и союзных республик возлагались не только строго юридические, но и организационно-управленческие функции.

Так, в постановлениях Пленума Верховного Суда РСФСР со временем стало усматриваться расширение функции судебного управления. Вышеизложенное выражалось в предоставлении Пленумом конкретных указаний судам относительно тех или иных аспектов отправления правосудия на уровне республики[707].

На особую значимость и необходимость обязательного применения разъяснений Пленума судьями и иными должностными лицами, применявшими разъясняемые нормы, указывало и изучение Верховным Судом РСФСР степени выполнения судами своих постановлений, что выражалось в многочисленных

---

[705] Постановление ЕСПЧ от 09.06.2005. Дело «Бакланов (Baklanov) против Российской Федерации» (жалоба № 68443/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 10.

[706] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

[707] См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1963. М. 1964. С. 161-170.

постановлениях Пленумов Верховного Суда РСФСР с соответствующими наименованиями и содержанием[708].

В постановлениях по итогам такого анализа указывалось, что Пленум ВС РСФСР обсудил судебную практику по выполнению постановлений Пленумов по конкретным категориям дел, отмечалось, что судами допускаются серьезные ошибки в разрешаемых вопросах, и, наконец, в целях устранения выявленных недостатков и недопущения совершения судейских ошибок постанавливалось представить указания. При этом Пленумом последовательно использовались формулировки «суды обязаны строго выполнять», «судам надлежит неукоснительно выполнять», «суды должны иметь в виду», «суды обязаны строго руководствоваться разъяснениями», «судам следует уделять особое внимание» и др.; среди прочего судам неоднократно предписывалось «периодически изучать судебную практику». Кроме того, в работе Верховного Суда РСФСР 1960-х – 1980-х годов обязательным выступало проведение совещаний с председателями судов для разбора типичных ошибок в правоприменении[709]. На таких совещаниях поднимались вопросы о четком следовании постановлениям Пленума ВС РСФСР, так как часто поступающие кассационные жалобы и последующие отмены решений нижестоящих судов могли послужить основанием для проверки соответствующего суда.

Исходя из вышеобозначенного, определенный в законодательстве статус постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР как актов толкования законодательства не совсем полно отражал фактическую роль таких постановлений.

Вне всяких сомнений, первоочередным предназначением постановлений «О выполнении судами…», как и всех иных постановлений Пленума ВС РСФСР, следует признавать толкование и разъяснение норм, составляющих

---

[708] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25.06.1974 № 2/П «О выполнении судами РСФСР постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР о судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[709] ГАРФ. Ф. А 428. Оп. 18. Д. 420. Л.1.

нормативную основу для представителей судейского корпуса в частности и правоприменителей в целом. Однако вместе с тем необходимо отметить, что по своему содержанию такие постановления Пленума Верховного Суда РСФСР явно тяготеют к организационно-управленческому характеру и не сводятся к разъяснению и толкованию тех или иных норм законодательства.

Даже не принимая во внимание обстоятельства развития Советского государства и союзных республик, в том числе особую роль идеологии и высокую степень централизации власти, можно указывать на бесспорную значимость деятельности Пленумов Верховного Суда РСФСР по созданию соответствующих постановлений для правовой системы Советского государства.

Непосредственному принятию постановления предшествовала длительная работа, которая не ограничивалась лишь подготовкой текста самого акта. Прежде всего происходил сбор судебной статистики, материалов о проблемах и ошибках в применении законодательства в судебных органах всех инстанций и звеньев. Представленные данные анализировались как членами Пленума Верховного Суда РСФСР, так и привлеченными специалистами – учеными и правоведами, представителями органов юстиции. На основании полученных данных эксперты подготавливали проект постановления, который выносился на обозрение и обсуждение в структурные подразделения ВС РСФСР – например, в Научно-консультативный совет. Только после многочисленных обсуждений, правок и доработок постановление рассматривалось самим Пленумом, где при необходимости могла образовываться редакционная коллегия, работавшая над окончательным вариантом текста постановления. Таким образом, принятие даже одного постановления требовало немало времени и усилий, а изначальный проект в ходе рабочего процесса неоднократно изменялся и дополнялся.

В то же время подготавливаемые Пленумом ВС РСФСР постановления способствовали решению сразу нескольких задач:

1) официальное толкование норм права, то есть, выявление смысла правовых положений;

2) обеспечение единообразного применения правовых норм судьями;

3) предотвращение судебных ошибок и повышение квалификации судейского корпуса;

4) разъяснение положений действующего законодательства для широкого круга лиц, правовое просвещение (постановления публиковались в открытом источнике).

Полагаем, что постановления Пленума Верховного Суда РСФСР могут и должны рассматриваться современным научным сообществом также в качестве источника информации, «входящего в особую группу носителей идеологической, политической и юридической информации, имевшей направленность не только на судебную систему советского периода, но и на другие органы, осуществляющие правоприменительную деятельность»[710]. Как уже отмечалось нами ранее, постановления Пленума Верховного Суда РСФСР, помимо прочего, содержали в себе указания воспитательного и управленческого толка для судей всех инстанций и звеньев существовавшей в те времена судебной системы.

Несомненна для нас и роль постановлений Пленумов Верховного Суда РСФСР в распространении и продвижении коммунистических идеалов, что особенно ярко выражалось, начиная с 1924 года и вплоть до конца существования Советского государства. Между тем, рассматривать постановления лишь с позиции транслирования названных идеалов представлялось бы определённо ошибочным. При этом нельзя не обратиться к актуальному и до настоящего времени свойству постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР как источника профессиональной, судейской идеологии. Исходя из этого, мы можем говорить о преследовании Верховным Судом РСФСР – помимо толкования норм действующего законодательства, разъяснения вопросов сложившейся судебной практики – цели созидания у представителей судейского корпуса чувства высокого профессионального долга и строгой ответственности перед народом при вынесении решения по каждому

[710] Абдулин, Р.С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 - январь 1998 гг.): дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 366.

из рассматриваемых дел. Таким образом, Верховный Суд РСФСР, осуществляя ряд специфических, нехарактерных для себя с формальной точки зрения функций, планомерно двигался в сторону создания дополнительного механизма судебного управления.

Так, к примеру, целый ряд постановлений Пленумов Верховных Судов РСФСР и СССР содержали в себе положения о необходимости неуклонного и непрерывного развития профессионального мастерства, судебной культуры, воспитания у судей уважительного отношения к процессуальному закону[711].

Более того, действующий в современной России Верховный Суд РФ не только не отменил принятое ещё в конце 1960-х годов постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 февраля 1967 года № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения»[712], но и, раз за разом дополняя и изменяя текст согласно требованиям времени, сохранил фундаментальные положения акта в неизменном виде, что дополнительно подтверждает значимость и по-прежнему актуальный характер постановлений Пленума ВС РСФСР. Соответствующий случай, а также ранее приведенный пример относительно вопросов судебной экспертизы по уголовным делам показывают, что постановления Пленумов Верховных Судов РСФСР и СССР фактически действуют в современной правовой системе на протяжении неограниченного периода времени, до тех пор, пока не станут прямо отменены Пленумом ВС РФ.

Таким образом, многочисленные постановления Пленумов ВС РСФСР и СССР не теряют своей актуальности и применяются в практической деятельности юристов и правоприменительной работе судейского корпуса вплоть до нашего времени. Исходя из складывающихся обстоятельств правовой действительности государства, в том числе ввиду появления новелл в законодательстве, в такие постановления вносятся изменения и дополнения

---

[711] См.: Забарин, С.Н., Качанов, А.Я., Соловьев, А.Л. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М.: Спарк, 2000. С. 161-170.

[712] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.1967 № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

постановлениями Пленума Верховного Суда уже Российской Федерации. Интересно, что такое положение дел существовало и в советский период – в 1970 году юридическое сообщество положительно восприняло идею о необходимости кодификации постановлений Пленумов Высших Судов прошлых лет. Впоследствии Пленум Верховного Суда СССР принял несколько постановлений, консолидирующих и приводящих в согласие с требованиями времени ранее принятые постановления[713].

Таким образом, взгляд на постановления Пленума Верховного Суда РСФСР с позиций вышеприведенного, как представляется, более глубокого и системного подхода позволяет несколько иначе взглянуть и на роль самого Верховного Суда РСФСР (в том числе Пленума как структурного подразделения) в судебной системе Советского государства, на способы организации внутреннего судебного управления, а также на имевшие место взаимодействия и взаимосвязи внутри системы. Такая работа, в свою очередь, позволяет более плодотворно использовать содержание постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР уже на современном этапе.

Отметим, что материалы деятельности Верховного Суда РСФСР в целом и Пленума в частности планомерно предавались огласке. Как правило, постановления Пленума и Президиума ВС РСФСР, а также иные акты по наиболее важным сферам общественной жизни публиковались в специальных изданиях. Изначально таким изданием выступал сборник «Судебная практика», выходивший в печать с 1943 года по 1957 год; с 1961 года по 1991 год в этой роли издавался «Бюллетень Верховного суда РСФСР». Примечательно, что полномочия по изданию Бюллетеня закреплялись за Верховным Судом РСФСР на законодательном уровне – в законах о судоустройстве и от 1960 года[714], и от 1981 года[715]. Кроме того, публикуемые в общедоступном печатном издании результаты деятельности Верховного Суда РСФСР дополнительно

[713] Братусь, С.Н., Венгеров, А.Б. Указ. соч. С. 56.
[714] Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.
[715] Закон РСФСР от 08.07.1981 г. «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.

способствовали обеспечению единого подхода к организации и управлению среди судов всех инстанций.

Следует подчеркнуть, что обнародование результатов анализа судебной практики и разъяснений законодательства было нацелено на претворение в жизнь принципа гласности при осуществлении правосудия – в целях повышения информированности населения о деятельности судов. С другой стороны, такая публикация имела значимость и для профессионального юридического сообщества – судей, юристов, а также ученых и правоведов, – поскольку положительно сказывалась на повышении эффективности правоприменительной деятельности и процесса толкования законодательных актов.

В статье последнего председателя Верховного Суда РСФСР и первого председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, посвященной юбилейной дате выхода первого номера Бюллетеня, подробно описывалась важность такого издания для советской и российской правовых систем: «На страницах Бюллетеня Верховного Суда РСФСР ежемесячно публикуются наиболее значимые для судебной практики и организации судопроизводства материалы Верховного Суда РСФСР, постановления Пленума, Президиума, решения и определения судебных коллегий высшего судебного органа республики. Это отражало ту особую роль, которая изначально отведена Бюллетеню Верховного Суда РСФСР как печатному изданию высшего судебного органа по рассмотрению гражданских, уголовных и административных дел, то есть доведения до правоприменителей правильной судебной практики и обеспечения ее единства на всей территории страны»[716].

Председатель Верховного Суда РСФСР А.Т. Рубичев в первом номере Бюллетеня объявлял цель учреждения журнала – «довести судебную практику высшего судебного органа РСФСР до всех судов Республики». «Как бы ни было полно действующее законодательство, – справедливо отмечал Председатель Верховного Суда, – оно все же никогда не сможет охватить все возникающие в

[716] Бюллетеню Верховного Суда Российской Федерации 50 лет [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrf.ru/files/13622/ (дата обращения: 17.08.2024).

жизни отношения, на урегулирование которых это законодательство направлено. Помогать судьям в устранении ошибок, связанных с неправильным применением закона, – одна из задач Бюллетеня Верховного Суда РСФСР»[717].

Бюллетень Верховного Суда и по сегодняшний день является официальным изданием Верховного Суда РФ, что закреплено в Федеральном конституционном законе[718]. За сравнительно недолгое время своего существования Бюллетень доказал свою жизнеспособность и, более того, несомненную целесообразность в практическом применении, поскольку именно на страницах Бюллетеня находят свое отражение постановления Пленума ВС РФ, правовые позиции высшего судебного органа страны по конкретным делам, обзоры судебной практики ВС РФ, а также наиболее интересные с правовой точки зрения акты из деятельности нижестоящих судов.

Обращаясь к итогам вышеизложенного, можно отметить, что правовая природа Пленумов Верховного Суда РСФСР остается малоизученной проблемой в рамках отечественной правовой науки.

Вместе с тем правовой статус Верховного Суда РСФСР как высшего судебного органа республики прошел длительный путь развития. Основы деятельности ВС РСФСР закладывались в начале 20-х годов XX века в результате нескольких лет правовых экспериментов в сфере организации верховного правосудия.

Интересно, что за подписью П.И. Стучки, будущего первого председателя ВС РСФСР, еще в 1919 году вышли Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утвержденные постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР[719].

Не затрагивая обстоятельств принятия и применения названного документа, можно отметить, что, несмотря на выраженно нормативное содержание, местами в «руководящих началах» использовались формулировки,

---

[717] Там же.

[718] Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 11 февраля. № 29.

[719] Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

в дальнейшем характерные для «руководящих указаний» Пленумов, – «следует иметь в виду», «следует различать», а также положения разъясняющего характера для суда – «суд оценивает… суд выясняет…суд устанавливает…». В то же время не следует забывать, что Руководящие начала не могли выступать актом толкования действующих норм права в строгом смысле, так как до принятия УК РСФСР в 1922 году иного материального уголовного права, кроме Руководящих начал, на территории РСФСР фактически не существовало.

В целом правовое регулирование судопроизводства и полномочий суда коррелировало с основными вехами в изменении республиканского законодательства: 1917 год – первый Декрет о суде; 1922 год – Положение о судоустройстве как первый нормативный акт, определяющий систему судоустройства; 1937, 1978 годы – Конституции РСФСР; 1938, 1960, 1981 годы – республиканские законы о судоустройстве.

Сам Пленум, в начале своего развития именовавшийся пленарным заседанием, всегда занимал важное место в структуре Верховного Суда РСФСР, за исключением периода конца 1930-х – середины 1950-х годов XX века, когда такое структурное подразделение исключалось из состава Верховного Суда.

На Пленум в разные годы существования возлагались различные задачи и полномочия – по рассмотрению конкретных дел, по утверждению составов коллегий, по представлению законодательных инициатив. Но, безусловно, первоочередным направлением деятельности Пленума всегда выступали (и, подчеркнем, остаются на текущий момент) анализ судебной практики и подготовка разъяснений действующих правовых норм, а также следующее из этих видов деятельности обеспечение единообразия судебной практики.

Интересно, что в условиях распада Советского государства именно Верховный Суд РСФСР (и, соответственно, Пленум как структурное подразделение) стал правопреемником Верховного Суда СССР[720], то есть высшего судебного органа страны. Следовательно, появившийся позднее

[720] Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28.12.1991 г. № 3045-1 «Об упразднении Верховного Суда СССР, Высшего Арбитражного Суда СССР и Прокуратуры СССР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 09.01.1992 г. № 2. Ст. 74.

Верховный Суд РФ одновременно занял место как Верховного Суда РСФСР, так и Верховного Суда СССР.

Таким образом, проведенный анализ мнений правоведов относительно места, роли и правовой природы постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР дает новые способы понимания этих актов как результатов судебной деятельности высших судебных инстанций в целом – причем понимания системного и в достаточной мере глубокого. Впрочем, по нашему мнению, ключевой составляющей в уяснении всего своеобразия, включавшегося в содержательную часть постановлений, выступает цельность постановлений Пленумов Верховного Суда РСФСР, не превращенных только лишь в источник политического воздействия на суды или инструмент транслирования государственной идеологии. Напротив, входившие в составе Пленума судьи, при всех поименованных выше обстоятельствах и условиях развития советского права и государства, смогли эффективно использовать возможности таких актов при осуществлении судебного управления и организации профессиональной судебной деятельности, тем самым оказав существенное влияние на становление эффективного правопорядка как в РСФСР, так и в СССР в целом. Кроме того, ввиду высокой актуальности содержательной части постановления Пленума Верховного Суда РСФСР в ближайшей перспективе вряд ли могут утратить своё значение и для российских правовой и судебной систем.

Отметим, что на данный момент в нашей стране продолжается активная реформаторская деятельность в области судоустройства, что обусловлено оптимизацией бюджета государства, рационализацией судебного процесса, новыми вызовами, стоящими перед государством и обществом. В свою очередь, изучение положительного опыта Пленумов Верховных Судов советского периода может благотворно повлиять на дальнейшее совершенствование как законодательства о судоустройстве, так и общего подхода к определению круга источников права, места и роли тех или иных актов в правовой системе российского государства.

В качестве вывода обозначим еще одну роль, которую сыграли постановления Пленумов ВС РСФСР. Как известно, развитие советского законодательства и законодательного процесса шло достаточно медленно. Официальные законодательные органы работали в сессионном порядке, на непостоянной основе, что не способствовало достаточной оперативности правового регулирования. Кроме того, общественно-политическая ситуация в стране нередко менялась значительным образом, что также неизбежно влияло на подходы законодателя к регламентации тем или иных правовых явлений.

Между тем в указанных обстоятельствах именно постановления Пленумов Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик позволяли в короткие сроки воздействовать на судебную практику и исправлять ошибки правоприменителей, а также устранять пробелы в праве до соответствующих действий со стороны законодателя.

Так, правотворческие разъяснения Пленума СССР (при отсутствии в это время Пленума в составе ВС РСФСР) занимали широкое место в правовом регулировании периода Великой Отечественной войны, что находило свое объяснение, с одной стороны, в пробелах законодательства, а с другой – в стремлении приспособить закон к новым условиям[721].

В 1946 году бывший председатель ВС СССР И.Т. Голяков в предисловии к сборнику действующих постановлений Пленума ВС СССР писал: «Применяя уголовный или гражданский закон, в настоящее время нельзя забывать, что почти все наши кодексы изданы свыше 20 лет назад и, несмотря на ряд последующих актов правового характера, в законодательстве немало пробелов, связанных с коренными изменениями в хозяйственно-политической жизни страны; постановления Пленума в ряде случаев развивают действующее

[721] Совершенствование законодательства о суде и правосудии [сборник статей, памяти советского ученого-юриста М.С. Строговича] / АН СССР, Ин-т государства и права; [редкол.: В.М. Савицкий (отв. ред.) и др.]. М., 1985. С. 40.

законодательство, помогают раскрыть содержание той или иной нормы, исходя из общего духа законодательства в новых исторических условиях»[722].

Кроме того, как следует из вышеуказанного, в уже к 1960-х годам постановления восстановленного Пленума ВС РСФСР вновь заняли своё значимое место в правовом регулировании общественных отношений.

Как пишет профессор А.А. Дорская, периоды стабильности любого государства предполагают поступательное развитие нормативной правовой базы, так как у законодателя есть необходимые средства для устранения пробелов и коллизий в праве «в спокойном режиме»[723].

Так, именно в период послевоенного восстановления 1960-1970-х годов постановления Пленума ВС РСФСР стали доступны для широкого круга читателей, расширилась деятельность по привлечению к подготовке актов ученых и экспертов, что влекло качественные улучшения в степени эффективности создаваемого правового регулирования, а также было востребовано новыми общественно-политическими условиями, развитием хозяйственно-экономических отношений. Применительно к указанному периоду А.Б. Венгеров утверждал, что «лучшим доказательством значительной роли судебной практики в развитии советского права служит само законодательство, впитавшее в себя многочисленные положения, впервые возникшие в процессе применения правовых норм»[724].

---

[722] См.: Сборник постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, 1924-1944. М., 1946. С. 3-4.

[723] Дорская, А.А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ. СПб.: Астерион, 2021. С. 97.

[724] Венгеров А.Б. Указ соч. С. 17.

Глава V. Модернизация сферы верховного правосудия в России в период общественно-политических трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х годов

§ 5.1. Изменение структуры и компетенции Верховного Суда РСФСР в ходе конституционных реформ конца 1980-х – начала 1990-х годов

Вторая половина 1980-х годов ознаменовалась радикальным изменением всех сфер государственной и общественной жизни в связи провозглашением в ходе январского Пленума ЦК КПСС 1987 года курса на перестройку – преобразование экономической и политической сфер советского общества при условии сохранении социалистической идеологии. Среди выдвинутых на Пленуме задач была обозначена «активизация всей системы политических и общественных институтов»[725]. Реформирование коснулось и правовой сферы, в том числе организации отправления правосудия.

Структура действующей на тот момент судебной системы определялась Конституцией СССР 1977 года[726], согласно которой высшим судебным органом Союза являлся Верховный Суд СССР, осуществлявший полномочия наивысшей кассационной инстанции; Кроме того, непосредственно ему подчинялись военные трибуналы. Остальные суды являлись судами республиканского уровня, их структура конкретизировалась в конституциях союзных республик. Согласно статье 165 Конституции РСФСР 1978 года, высшим судебным органом РСФСР являлся Верховный Суд РСФСР; помимо него в республике функционировали Верховные Суды автономных республик, краевые, областные, городские суды, суды автономных областей, автономных округов, районные (городские) народные суды.

---

[725] Горбачев М.С. Избранные речи и статьи: в 7 т. М., 1987. Т. 2. С.153

[726] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977, № 41, ст. 617.

Согласно статье 53 Закона РСФСР от 08.07.1981 года «О судоустройстве РСФСР»,[727] в состав ВС РСФСР входили председатель, его заместители, члены ВС и народные заседатели. Структурно ВС РСФСР состоял из Пленума, Президиума и двух судебных коллегий: по гражданским и уголовным делам. Согласно Закону 1981 года, ВС РСФСР обладал обширными полномочиями, связанными с непосредственным рассмотрением дел в первой, кассационной и надзорной инстанции, а также полномочиями в области судебного контроля за судами нижестоящих инстанций. ВС РСФСР давал судам разъяснения по вопросам применения законодательства, контролировал их исполнение, а также исполнение руководящих разъяснений Пленума ВС СССР. Сохранялось право законодательной инициативы и полномочия по разрешению спорных вопросов, вытекающих из договоров между республикой и Союзом.

В то же время фактически статус ВС РСФСР был ограничен со стороны партийных и государственных органов, осуществлявших контроль за отправлением правосудия. Несмотря на провозглашение в Конституции 1978 года принципа независимости судей и подчинения их только закону, на практике деятельность судов, в том числе ВС РСФСР, контролировалась органами других ветвей власти, преимущественно законодательной. Так, согласно Закону 1981 года, не реже одного раза за пятилетний период полномочий ВС РСФСР должен был представлять Верховному Совету РСФСР отчет о своей деятельности, а доклады Президиуму Верховного Совета и вовсе должны были представляться систематически[728].

Наиболее серьезное вмешательство в деятельность судов осуществляли органы Министерства юстиции, на которые законом возлагались обязанности по организационному и кадровому обеспечению судебной власти. Организационно-административная деятельность органов юстиции не ограничивалась материально-техническим обеспечением или подборкой кадров для судебных

[727] Закон РСФСР от 08.07.1981 г. «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1981. 16 июля. №28, ст. 276.
[728] Закон РСФСР от 08.07.1981 г. «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1981. 16 июля. № 28, ст. 276.

органов, затрагивая в том числе сферу правосудия. Как отмечает Е.В. Штепа, органы юстиции обладали правом проведения проверок в судах на предмет применения судьями законодательства, судебная практика активно обсуждалась в рамках коллегий Министерства, особое внимание уделялось исполнению постановлений партийных органов. Нередко на коллегию вызывались председатели судов для дачи отчета по различным организационным вопросам деятельности судов[729].

Заданный в апреле 1985 года курс на перестройку получил дальнейшее развитие в результате XIX Всесоюзной партийной конференции, проходившей в Москве с 28 июня по 1 июля 1988 года. В докладе ЦК КПСС подчеркивалось огромное значение органов судебной власти, необходимость строго следовать принципу независимости судей. В докладах делегатов от Эстонской ССР прозвучало предложение создать при Верховном Совете СССР Конституционный Суд, призванный разрешать коллизии между республиканским и союзным законодательством, а также провести судебную реформу, целью которой должно было стать создание действенных гарантий прав человека в рамках судебного процесса[730].

Конференция завершилась принятием ряда резолюций, одна из которых была озаглавлена «О правовой реформе». В резолюции констатировалась необходимость разграничения партийных и государственных органов, создания правового государства, основанного на признании верховенства закона, провозглашалось стремление руководства страны обеспечить «безусловную независимость судей и подчинение их только закону». В качестве мер по реализации данной задачи предлагалось закрепить выборный порядок формирования всех звеньев судебной системы, установить более

---

[729] Штепа Е.В. Правовое положение Верховного Суда в судебной системе РСФСР: 1923-1991 гг. дисс… канд. юр. наук. Белгород, 2013. С.95.

[730] XIX партийная конференция КПСС. Т. 2. Заседание восьмое. URL: http://soveticus5.narod.ru/455/soxix208.htm (дата обращения 1.08.2021)

продолжительный срок полномочий судей, а также увеличить число народных заседателей[731].

Конференция стала отправной точкой для изменения законодательства о судоустройстве и статусе судей, проведения полноценной конституционной реформы, затронувшей положение как высших республиканских судов, так и высшего судебного органа Союза. Законом СССР от 1 декабря 1988 года были внесены поправки в Конституцию СССР, ограничившие компетенцию Верховного суда СССР, сохранив за ним лишь функцию судебного надзора. Конституция закрепила выборность судей всех судов и народных заседателей Советами народных депутатов. Судьи высших судов – Верховного Суда СССР, верховных судов союзных и автономных республик избирались соответствующими Верховными Советами Союза или республик. Срок полномочий всех судей, в том числе ВС РСФСР, был увеличен до 10 лет.

В соответствии с внесенными поправками, 13 ноября 1989 года были приняты «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве» (далее – Основы законодательства 1989 года)[732], сохранившие двухуровневую судебную систему, состоящую из судов Союза СССР во главе с Верховным Судом СССР и республиканских судов, возглавляемых верховными судами республик. Новеллой законодательства стало наделение союзных республик правом предусмотреть создание специализированных составов судов для рассмотрения отдельных категорий дел.

К числу важных преобразований судебной системы, отразившихся в том числе на статусе Верховного Суда РСФСР, относится существенное ограничение Основами законодательства 1989 года полномочий органов юстиции в отношении контроля за деятельностью судов. Указывалось, что Министерство юстиции СССР, а также республиканские Министерства, управления и отделы осуществляют организационное **обеспечение** деятельности

[731] См.: Резолюции XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М.: Изд. полит. лит. 1988.
[732] «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве (приняты ВС СССР 13.11.1989) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 23. Ст. 441.

судов при строгом соблюдении принципа независимости судей и подчинения их только закону, в то время как ранее органы юстиции наделялись правом осуществлять организационное руководство судами. Необходимо отметить, что в сравнении с ранее действующим законом статья 22 Основ законодательства 1989 года не предусматривала полномочий органов юстиции по проведению проверок в судах, что существенно повысило уровень независимости судей и уменьшило бюрократическое давление на них.

В конце 1980-х годов активизировалась работа Пленума Верховного Суда РСФСР по изданию руководящих разъяснений, а также контролю за выполнением нижестоящими судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного суда РСФСР. Немаловажную роль сыграло закрепление в Законе о судоустройстве РСФСР нормы, согласно которой данные разъяснения носили обязательный характер не только для судов, но и для других органов и должностных лиц, которым оно адресовано. Так, в Постановлении от 29 августа 1989 года №5 Пленум ВС РСФСР указал, что по итогам совместного обсуждения с Прокуратурой РСФСР судебной практики по рассмотрению жилищных дел было установлено, что в деятельности судов есть недостатки, связанные с игнорированием отдельными судьями ранее изданных Пленумом Верховного Суда СССР руководящих разъяснений: на этапе подготовки жилищных дел к судебному разбирательству судьи не всегда принимают меры к примирению сторон [733].

Несмотря на то что компетенция Верховного Суда РСФСР в результате конституционной реформы существенно не изменилась, в связи с изданием в 1989 году ряда законодательных актов, затрагивающих правовое положение судей и авторитет судебной власти (законы СССР «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных

[733] Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 29 августа 1989 года №5 «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987 г. №2 «О практике применения судами Жилищного законодательства» и постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 декабря 1984 г. №5 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Жилищного кодекса РСФСР»». URL: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1989/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N05-ot-29.08.1989.html (дата обращения: 28.08.2021)

лиц, ущемляющих права граждан»[734], «Об ответственности за неуважение к суду»[735], «О статусе судей в СССР»[736]), у высшего судебного органа страны появились некоторые новые функции. Так, в соответствии с Законом СССР «О статусе судей в СССР» были учреждены конференции и квалификационные коллегии судей, а часть 3 статьи 15 Закона установила, что «квалификационные коллегии судей Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик избираются из числа членов соответствующих судов пленумами этих судов»[737]. 7 декабря 1989 г. Пленум Верховного Суда РСФСР своим постановлением утвердил 15 членов Суда в качестве состава квалификационной коллегии судей Верховного Суда РСФСР. Председателем коллегии был назначен В.К. Вячеславов[738].

Кроме того, в условиях модернизации сферы правосудия Верховный Суд РСФСР активно пользовался предоставленным ему правом законодательной инициативы. Закон СССР «Об ответственности за неуважение к суду» вводил дополнения к УК и КоАП РСФСР статьями, предусматривающими соответствующие составы административных правонарушений и преступлений. 25 декабря 1990 года Пленум Верховного Суда РСФСР принял Постановление «О внесении представления в Верховный Совет РСФСР о дополнении и изменении Кодекса РСФСР об административном нарушении АК и УПК», в котором указал, что применение новых составов правонарушений вызывает у судов многочисленные вопросы, которые не могут быть решены посредством дачи судам руководящих разъяснений. В связи с этим в Верховный Совет

---

[734]Закон СССР О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» от 2 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 22. Ст. 416.

[735] Закон СССР от 02.11.1989 г. «Об ответственности за неуважение к суду» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 22. Ст. 418.

[736] Закон СССР «О статусе судей в СССР» от 4 августа 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 9. Ст. 223.

[737] Там же.

[738] Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 декабря 1989 года №6 «Об избрании квалификационной коллегии судей Верховного Суда РСФСР». URL: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1989/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N06-ot-07.12.1989.html (дата обращения: 30.08.2021)

РСФСР был представлен проект закона о внесении изменений и дополнений в соответствующие кодексы[739].

Важным событием, качественно изменившим правозащитную функцию Верховного Суда РСФСР, стало принятие Съездом народных депутатов СССР Декларации прав и свобод человека от 5 сентября 1991 года. Декларация закрепила важнейшие права и свободы, основанные на международных стандартах прав человека, необходимые для полноценного существования личности в государстве. В одном из дел, рассмотренных Верховным судом РСФСР, был подтвержден статус Декларации как документа прямого действия. На основании положения Декларации, закрепляющего право гражданина на судебную проверку и обжалование ареста или заключения под стражу, Верховный Суд рассмотрел дело по жалобе адвоката на необоснованность и незаконность заключения под стражу его подзащитного, несмотря на отсутствие соответствующей процедуры в действующем УПК РСФСР. В Постановлении Президиума Верховного суда РСФСР от 1 ноября 1991 года. Суд подчеркнул, что закрепленные в Декларации нормы в том числе норма о праве гражданина обжаловать в судебном порядке действия, приведшие к аресту или содержанию под стражей, обязательны для исполнения всеми органами и должностными лицами, и удовлетворил протест на постановление судьи Верховного Суда РСФСР, отказавшего в судебной проверке жалобы адвоката А. Клигмана[740]. Фактически данным решением Верховный Суд вывел судебную защиту прав и свобод человека на новый уровень, подчеркнув первичную роль органов правосудия в решении подобных вопросов.

Помимо корректировки компетенции высших республиканских судов и Верховного Суда СССР, к числу наиболее значимых направлений конституционной реформы в части выбора модели судоустройства и организации высшего уровня судебной власти 1989–1991 годов относятся

---

[739] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1990 года №7 // http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1990/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N07-ot-25.12.1990.html (дата обращения: 2.08.2021)

[740] Архив Верховного суда РФ за 1991 год. Ф. 428. Оп. 9. Л. 71-72. (Цит. по. Штепа Е.В. Указ. соч. С.111.)

трансформация системы государственных арбитражей в арбитражные суды во главе с Высшим Арбитражным Судом СССР, а также создание Комитета конституционного надзора СССР 1989 года. Создание ВАС СССР и Комитета Конституционного надзора СССР, что стало первым шагом на пути формирования нового институционального дизайна высших судебных органов России, перенесенного после распада СССР в новую российскую судебную систему.

В результате конституционной реформы в 1988 году был создан новый квазисудебный орган, наделенный полномочиями по осуществлению конституционного надзора, – Комитет конституционного надзора СССР. В 1989 году его статус был конкретизирован в специальном законе «О конституционном надзоре в СССР»[741]. Официально Комитет не входил в судебную систему страны, однако частично его полномочия могут быть охарактеризованы как судебные.

Ранее институт судебного конституционного надзора в Советском государстве был закреплен лишь в Конституции СССР 1924 года, согласно нормам которой Верховному Суду СССР предоставлялись полномочия по даче заключений о законности постановлений союзных республик по требованию ЦИК РФ. Однако Конституция 1936 года уже не предусматривала у Верховного Суда СССР соответствующих функций, закрепив конституционный контроль в качестве предмета ведения высших органов государственной власти и управления.

Впоследствии предложения возродить данный институт неоднократно высказывались учеными в 1960–80-е годы: в частности, о «возможности и в современных условиях положительно решить проблему учреждения органов конституционного надзора» писал М.А. Шафир[742]. Однако данные идеи были проигнорированы конституционным законодателем, и Конституция СССР 1977

[741] Закон СССР от 23.12.1989 «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 572.
[742] Шафир М. А. Компетенция СССР и союзной республики (конституционные вопросы). М., 1968. С. 216.

года подтвердила «status quo» сложившейся системы конституционного контроля. Эта система преимущественно являлась номинальной и базировалась на закреплении в Конституции полномочий высших законодательных органов по обеспечению высшей юридической силы Основного закона. Как отмечает Т.Я. Насырова, учрежденная в СССР парламентская система конституционного контроля практически бездействовала, вместо правовых методов контроля использовались неконституционные методы воздействия, своеобразное «телефонное право»[743].

Учреждение Комитета конституционного надзора стало результатом длительных дискуссий об организационно-правовой форме охраны советской Конституции, которые велись как теоретиками государственного права, так и на уровне высшего руководства страны; при этом многие авторы высказывались о необходимости наделения соответствующими функциями высших судов. Так, председатель Верховного Суда СССР Е.А. Смоленцев в качестве меры по усилению демократических начал в деятельности Верховного Суда СССР высказывал предложение по наделению его полномочиями в области конституционного надзора, суть которого заключалась в отмене решения республиканского суда, основанного на законе, противоречащем Конституции[744]. В то же время отдельные правоведы высказывали принципиальные возражения против предоставления Верховному Суду СССР права признавать законодательные акты противоконституционными[745], так как это поставило бы суд над высшим органом законодательной власти.

Сторонники закрепления судебного, а не парламентского контроля за конституционностью нормативных актов также не имели единой точки относительно организационной формы, в которой следует осуществлять данный контроль. Т.Г. Морщакова отмечала, что «воплощение идеи судебного контроля

---

[743] Насырова Т.Я. Конституционный контроль. Казань, 1992. URL: https://textarchive.ru/c-1327126-pall.html (дата обращения 20.07.2021).

[744] Ответы Председателя Верховного Суда СССР Е.А. Смоленцева на вопросы журнала Советское государство и право // Советское государство и право. 1991. № 3. С. 63-75.

[745] Обсуждение проблемы совершенствования законодательства о судоустройстве и судопроизводстве // Советская юстиция. М., 1988. № 12. С. 28-29.

за конституционностью и законностью нормативных предписаний требует определенного организационного оформления», однако указывала, что «вопрос о том, какой суд или какие суды следует наделить такой функцией, не решен пока однозначно даже в теории»[746].

В качестве ответа на вопрос о том, какой суд или суды наделить функцией конституционного контроля, в советской юридической науке этого периода предлагались следующие организационные модели:

1) создание в СССР независимого Конституционного Суда[747];

2) наделение полномочиями по конституционному контролю Верховного Суда СССР[748];

3) наделение Верховного Суда СССР правом устанавливать несоответствие закону только подзаконных нормативных актов и отменять их[749];

4) создание органа конституционного надзора, не зависимого от иных государственных органов[750].

В результате конституционной реформы был создан квазисудебный орган, наделенный надзорно-консультативными функциями, полномочия которого ограничивались правом принятия заключений по вопросу о соответствии Конституции и законам СССР действующих нормативных правовых актов и их проектов, а также рассмотрением разногласий между Союзом, союзными республиками и национально-территориальными образованиями. Комитет конституционного надзора формировался из числа специалистов в области политики и права в составе председателя, заместителя председателя и 25 членов Комитета, в том числе по одному из каждой союзной республики[751]. Примечательно, что в 1989 году утвержденная Законом 1988 года «Об

---

[746] Морщакова Т.Г. Судебная реформа: Сборник обзоров. М., 1990. С. 51.
[747] Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. М., 1987. № 14. С. 44.
[748] См. Орзих М. Ф., Черкес М. Е., Васильев А. С. Правовая охрана конституции в социалистическом государстве // Советское государство и право. 1988. № 6. С. 10.
[749] См. Кудрявцев В.Н. Правовая система: пути перестройки // Правда. 1986. 5 декабря; Топорнин Б. Чтобы исключить обход закона // Известия. 1988. 12 января.
[750] См.: Выступление Морозовой Л. А. на конференции в Звенигороде 18-20 мая 1987 г. // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 84.
[751] Закон СССР от 23.12.1989 «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 572.

изменениях и дополнениях Конституции СССР» статья 125 Конституции СССР была существенно переработана и на основании новой редакции был принят вышеупомянутый Закон о конституционном надзоре в СССР. Изменения ограничили возможности Комитета в отношении актов союзных республик: если ранее он «осуществлял наблюдение» за конституциями и законами союзных республик, то в новой редакции статьи 125 и Законе о конституционном надзоре закреплялось право «давать оценку» республиканским актам по предложению определенных государственных органов.

Таким образом, «позднесоветская модель» конституционного надзора была схожа с аналогичной французской моделью, в основе которой лежало наделение специализированного квазисудебного органа – Конституционного совета, – главным образом, функциями по предварительной проверке законопроектов[752].

Несмотря на то что учреждение института конституционного надзора было важной и позитивной мерой, направленной на утверждение конституционализма и демократизацию советского общества, его деятельность не принесла желаемых результатов. Это обусловлено как обстановкой в стране (кризисом политических институтов, стремлением союзных республик к независимости и связанной с этим «войной законов»), так и ограниченным статусом самого комитета, полномочия которого сводились к даче заключения о соответствии оспариваемых актов Конституции СССР, однако не позволяли отменить неконституционные акты и даже приостановить их действие. Определенные сомнения в научных кругах вызывал также статус Комитета как органа, формируемого органом законодательной власти и подотчетного ему. Как отмечала по этому поводу Т.Г. Морщакова, «организация конституционного надзора на современном этапе правовой реформы с помощью Комитета конституционного надзора представляется половинчатой мерой. Надзор за законодательной и исполнительной властью в области соблюдения ими

[752] Белов С.А., Кудряшова О.А Заимствование моделей конституционного контроля в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2012; № 6(30). С. 25-40.

Конституции и других законов должен осуществляться третьей, отделенной от них судебной властью»[753].

Закон о конституционном надзоре в СССР в статье 2 «Органы конституционного надзора» предусматривал возможность создания органов конституционного надзора союзных республик, и в ряде республик данная возможность была реализована. Так, например, Законом Казахской ССР от 22 сентября 1989 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Казахской ССР»[754], предусматривалось создание Комитета конституционного надзора КазССР, функции которого были схожи с соответствующим органом Союза, однако Комитет так и не был сформирован. Аналогичным образом развивалась ситуация в РСФСР. В декабре 1990 года нормы Конституции РСФСР о Комитете конституционного надзора РСФСР были заменены положениями о Конституционном Суде РСФСР. Дальнейшее развитие статуса данного органа связано с принятием в июле 1991 года поправок к Конституции РСФСР, а также закона «О Конституционном Суде РСФСР»[755], утвердившего правовые основы деятельности суда, порядок его организации и численный состав. В отличие от Комитета конституционного надзора, статья 1 Закона, озаглавленная «Конституционный Суд РСФСР – орган судебной власти», однозначно закрепляла принадлежность данного органа к судебной системе.

Таким образом, в отличие от американской модели конституционного контроля, согласно которой данная функция возлагается на суды общей юрисдикции и высшим органом конституционного контроля является Верховный Суд, в РСФСР был сформирован специализированный судебный орган конституционного контроля, соответствующий европейской модели. Причиной этого (помимо очевидной близости российской и европейской

---

[753] Морщакова Т.Н. Судебная реформа: Сборник обзоров. М., 1990. С. 51

[754] Закон Казахской ССР от 22 сентября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Казахской ССР» // Казахстанская правда. 1989. 10 октября.

[755] Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. 25 июля. №30. Ст.1017.

правовых систем), на наш взгляд, стала советская правовая доктрина, не отрицавшая возможность конституционного контроля, но крайне негативно оценивающая возможность вмешательства органов, осуществляющих данный контроль, в деятельность законодательных органов. Такая система, не ограничивающая законодателя, предусматривающая создание органа, чьи решения носили бы необязательный, предварительный характер, обозначалась в советской литературе как «конституционный надзор», и наиболее близкой к данной концепции моделью была французская. На ее основе в 1960-80-х годов были сформированы специализированные органы конституционного контроля в некоторых восточноевропейских государствах. Несмотря на то что после распада СССР происходил постепенный отказ от французской модели в пользу германской, предполагающей расширение компетенции органа конституционного контроля и обязательность принимаемых им решений, вопрос о наделении соответствующими полномочиями высшего суда ВС РСФСР (а впоследствии Верховного Суда РФ), в практическом плане не стоял, сохранившись лишь на уровне отдельных теоретических разработок.

Создание на высшем уровне правосудия наряду с Верховным Судом РСФСР Конституционного Суда, на наш взгляд, было обусловлено стремлением обеспечить более качественную судебную защиту конституционных норм, в том числе конституционных прав и свобод граждан, в условиях становления демократического правового государства. Создание полноценной системы конституционного контроля в рамках Верховного Суда РСФСР, а в впоследствии РФ, было маловероятным по многим причинам, в числе которых не только отсутствие полноценной процессуальной базы, но и особенности правосознания самих судей, работавших в рамках советской системы правосудия и впитавших установки о правоохранительной роли суда. Последующая деятельность Конституционного Суда РФ в период 1991–1993 годов продемонстрировала высокий потенциал данного органа как «миротворца», препятствующего злоупотреблению и превышению полномочий высшими органами государственной власти и должностными лицами.

Другим важным направлением реформирования советской судебной системы РСФСР, в частности вершины ее пирамиды, стало преобразование системы государственных арбитражей в государственные суды и создание в 1990 году специализированного судебного органа для разрешения коммерческих споров, которые в соответствии с законодательством не входили в подведомственность судов общей юрисдикции – Высшего Арбитражного Суда СССР (далее ВАС СССР). В результате очередной конституционной реформы 26 декабря 1990 года был принят Закон СССР № 1861-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления»[756], закрепивший статус ВАС СССР как высшего судебного органа по разрешению хозяйственных споров, а впоследствии Закон СССР от 17 мая 1991 года №2170-1 «О Высшем Арбитражном Суде СССР»[757] конкретизировал его состав, полномочия, порядок формирования и работы. Фактически данный закон так и не был реализован в связи с распадом СССР, однако создание высшего союзного органа для разрешения хозяйственных споров заложило основу для аналогичного решения данного вопроса на уровне РФ и создания наравне с Верховным Судом РФ третьего высшего суда – Высшего Арбитражного Суда РФ.

Примечателен тот факт, что идея о создании системы хозяйственных судов была сформирована ранее, во второй половине 1989 года, в рамках концепции новой Конституции Союза ССР, подготовленной коллективом Института государства и права Академии Наук СССР[758]. В тексте Концепции особо подчеркивалась целесообразность «преобразования системы органов Государственного арбитража в систему хозяйственных судов во главе с

[756] Закон СССР № 1861-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» от 26 декабря 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 1. Ст. 3

[757] Закон СССР №2170-1 «О Высшем Арбитражном Суде СССР» от 17 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 23. Ст. 651.

[758] См. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы. (1990 1993 гг.): в 6 т. (10 кн.). Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990-1993 гг.) / под общей редакцией О.Г. Румянцева. М., 2009.

Хозяйственным судом СССР»[759], однако по замыслу авторов Концепции Конституции СССР данный суд должен был входить в Верховный Суд СССР на правах коллегии.

Именно создание Высшего Арбитражного Суда СССР следует, на наш взгляд, считать одной из точек бифуркации, послуживших началом для формирования триединой системы высших судов, нашедшей впоследствии отражение в законодательстве Российской Федерации. В то же время развитие законодательства о судебной системе в тот момент могло пойти по иным сценариям, наиболее вероятными из которых представляется, во-первых, возложение функций по рассмотрению экономических споров между предприятиями на суды общей юрисдикции, во-вторых, даже в случае преобразования государственных арбитражей в специализированные экономические суды законодатель мог возложить функции высшей судебной инстанции в арбитражном процессе на одну из коллегий Верховного Суда СССР, как это предлагали авторы Концепции. Более того, схожие предложения были представлены другими правоведами: в частности, в конституционном проекте академика А.Д. Сахарова содержалось положение о создании в Верховном Суде «Союза Советских республик Европы и Азии» четырех палат: Палаты по уголовным делам, Палаты по гражданским делам, Палаты арбитража и Конституционного Суда[760]. В этой связи необходимо дать ответ на вопрос: почему конституционный законодатель пошел именно по такому пути, проигнорировав данные сценарии?

На наш взгляд, создание специализированных арбитражных судов было обусловлено наличием полноценной базы в виде системы госарбитражей, существовавших с 1931 года, преобразование которых в суды было давней идеей, обсуждаемой в научных кругах начиная с 1960-х годов.

[759] Там же. С. 108
[760] Там же. С. 210.

Соответствующие предложения высказывались такими авторами, как Р.О. Халфина[761], С.Н. Братусь[762], Н.К. Церетели[763] и др.

Теоретическая концепция получила практическое воплощение в 1990 году в связи с проявившейся неспособностью органов государственного арбитража качественно и оперативно разрешать споры, возникающие из отношений в сфере предпринимательской деятельности, которая возможной в связи с реализацией экономических реформ перестроечного периода. Целью функционирования данных органов, обладавших сложной правовой природой, были заявлены контроль за соблюдением хозяйственной дисциплины, внедрение хозрасчета, воздействие на предприятия с целью обеспечения выполнения ими плановых заданий и улучшение дисциплины и в конечном итоге предотвращение арбитражных споров[764]. Разрешавшие споры между предприятиями в условиях плановой системы («батраками одного хозяина»[765]), эти органы оказались не готовы отправлению правосудия по спорам между равными собственниками. Д.В. Воронин, исследовавший деятельность государственных арбитражей в переходный период на материалах региональных архивов, отмечал скептическое отношение сотрудников региональных арбитражей к перспективам дальнейшей работы в старом формате, поскольку «слишком скомпрометировал он (государственный арбитраж – прим. авт.) себя в годы господства плановой экономики как орган, душой и телом преданный командно-административной системе»[766]. Тем не менее в этих органах трудились специалисты, обладавшие необходимыми теоретическими и практически познаниями в сфере экономики.

---

[761] См. Халфина Р.О. Совершенствование структуры и деятельность госарбитражей // Советская юстиция. 1961. № 4. С.8.

[762] См. Братусь С.Н. Советское гражданское право и социалистическая законность // Социалистическая законность. 1967. №11. С.11.

[763] Церители Н.К. Арбитраж и регулирование хозяйственных отношений // Советское государство и право. 1970. № 10. С.100.

[764] Постановление Совета Министров СССР от 17 января 1974 г. «О дальнейшем совершенствовании органов государственного арбитража» // СЗ СССР. 1974. №4. Ст. 19.

[765] Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 N 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 31 октября. № 44. Ст. 1435.

[766] Воронин Д.В. Институт государственного арбитража СССР в переходный период (1985-1990 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №372. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-gosudarstvennogo-arbitrazha-sssr-v-perehodnyy-period-1985-1990-gg (дата обращения: 28.07.2021).

Как отмечал по этому поводу В.В. Витрянский, «в госарбитраже работали профессионалы высочайшего класса, поэтому они были и до сегодняшнего дня остаются лучшими судьями системы, знатоками материального и процессуального права»[767].

Хотя в теоретическом плане трансформация государственных арбитражей в арбитражные судебные органы не была единственным возможным вариантом решения данной проблемы и в качестве альтернативы, реализованной в других странах Восточной Европы, применялось наделение полномочиями по разрешению коммерческих споров судов общей юрисдикции, в СССР, а позднее в РСФСР, эта модель не была реализована. Создание в начале 1990-х годов двух высших судов (помимо Конституционного Суда), возглавляющих две отдельные ветви судебной системы, во-многом определялось исторической ситуацией на фоне которой происходила судебная реформа. Система судов общей юрисдикции зачастую воспринималась современниками негативно, как наследница советской судебной системы, являющейся неотъемлемой частью советских правоохранительных органов; Кроме того, данные суды были перегружены другими делами, входящими в их подсудность, что обострялось кадровым голодом, невозможностью обеспечить судей, на которых возлагалась высокая ответственность и нагрузка, необходимыми материальными гарантиями[768].

Яковлев В.Ф. по этому поводу отмечал, что суды общей юрисдикции на тот момент не были готовы к разрешению споров, возникающих из предпринимательской деятельности, в силу их специфики. Судьи этих судов не обладали ни соответствующей подготовкой, ни опытом профессиональной деятельности, а их обучение могло занять длительное время, чего руководство страны в условиях стремительно развивающейся рыночной экономической системы не могло себе позволить[769]. Данный тезис получил подтверждение в практике других государств, вышедших из социалистического лагеря; в

[767] История формирования арбитражной системы. С. 130.
[768] Там же. С. 120.
[769] Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М., 2013. С. 6.

частности, после ликвидации органов государственного арбитража в Чехословакии, споры, отнесенные к их подведомственности, были переданы в суды общей юрисдикции, которые в течение трех лет не рассматривали их в связи с неготовностью[770]. В качестве причины выделения арбитражных судов в отдельную подсистему некоторые авторы называют исторические предпосылки. Так, по мнению А.З. Сиротюка, создание специализированных судов для разрешения экономических споров обусловлено длительным историческим развитием данного института в нашей стране, начало которого может быть связано с новгородской Уставной грамотой Всеволода Мстиславовича 1135 года, содержавшей упоминание об особых судах для разрешения коммерческих споров; Кроме того, специализированные коммерческие суды функционировали в дореволюционной России вплоть до 1917 года[771].

Что касается вопроса о создании отдельного высшего суда, возглавившего систему новых арбитражных судов, представляется, что здесь важную роль сыграл личностный фактор. 11 декабря 1990 года по представлению Президента СССР В.Ф. Яковлев, заслуженный юрист РСФСР, ранее занимавший пост Министра юстиции СССР, был назначен Главным государственным арбитром СССР. Сам он по этому поводу отмечал следующее: «…пришла идея – госарбитраж ликвидировать, а на его материальной и кадровой базе создать систему экономических судов. Предложил себя на должность главного государственного арбитра Союза СССР. Это предложение было воспринято, я был назначен в конце 1990 г. В госарбитраже СССР я собрал коллектив и сказал: «Продолжаем работать – но главная задача – подготовить законодательство о создании Высшего арбитражного суда Союза ССР»[772].

К моменту утверждения В.Ф. Яковлева в должности были приняты поправки в Конституцию, ликвидировавшие данный институт, однако учредившие новый орган – Высший Арбитражный Суд СССР, председателем

---

[770] Там же. С.7

[771] Сиротюк А.З. Историко-правовой анализ становления арбитражных судов в российской федерации // Новый ракурс. 2017. №3.

[772] История формирования арбитражной системы. С.120.

которого 27 декабря (на следующий день после принятия закона об изменении союзной Конституции) был утвержден В.Ф. Яковлев.

Аналогичная союзной система арбитражных судов была учреждена на республиканском уровне. 4 июля 1991 года был принят закон РСФСР № 1543-1 «Об арбитражном суде», в соответствии с которым на территории РСФСР создавалась двухуровневая система арбитражных судов. В качестве высшей инстанции учреждался Высший Арбитражный Суд РСФСР, полномочия по разрешению споров, возникающих из предпринимательской деятельности, в качестве первой инстанции, возлагались на Высшие арбитражные суды республик в составе РСФСР, краевые, областные, городские арбитражные суды, арбитражные суды автономной области и автономных округов. Исполняющим обязанности Председателя ВАС РСФСР был назначен главный государственный арбитр В.В. Гребенников. Впоследствии, после ликвидации союзных органов, именно В.Ф. Яковлев возглавил ВАС РСФСР.

Таким образом, к 1991 году в РСФСР, еще обладавшей статусом союзной республики в составе СССР, уже сложилась внутренняя структура будущей судебной системы, впоследствии закрепленной на уровне Конституции РФ, включавшая три высших суда – Конституционный, Верховный и Высший Арбитражный. ВС и ВАС РСФСР возглавляли систему судов общей юрисдикции и систему арбитражных судов, соответственно.

Несмотря на принятие в начале 1990-х годов ряда нормативных правовых актов, регулирующих организацию и деятельность судебной системы РСФСР и ее высшего органа – Верховного Суда РСФСР, необходимость комплексного реформирования сферы правосудия становилась все более очевидной. По словам А.А. Дорской, любые правовые реформы (удавшиеся или не удавшиеся) – это «встряска» для общества, провоцирующая социальные потрясения, по уровню своей конфликтности приближающаяся к революции[773]. В этом отношении

[773] Дорская А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. СПб.: Астерион, 2014. С. 48-49.

правовая и судебная реформы 1990-х годов проходили в русле общей жесткой трансформации всей общественной и политической жизни.

При этом модернизации советской судебной системы, не отвечавшей потребностям нового российского общества, было недостаточно: политические преобразования требовали более масштабных реформ в рамках судебной системы, дискуссии о которых активно велись в научном сообществе. В связи с констатацией необходимости переустройства страны и разработки нового Союзного договора необходимо было определить, как должна выглядеть судебная система нового союзного государства – Союза суверенных республик. Усиление гласности, закрепление свободы слова как основополагающей конституционной ценности нового государства придали новый импульс обсуждению судебной реформы как в политических, так и профессиональных кругах.

Создание в соответствии с Законом СССР от 4 августа 1989 года № 328-1 «О статусе судей в СССР»[1] органов судейского сообщества – конференций и квалификационных коллегий судей предоставило судьям организационную площадку для обсуждения основных направлений реформирования судоустройства и судопроизводства. Конкретные предложения по совершенствованию институтов судебной власти направлялись в редакцию журнала «Советская юстиция», и впоследствии были обобщены рабочей группой Конституционной комиссии по подготовке главы 7 Конституции «Судебная власть»[774].

Несмотря на усилившиеся тенденции к децентрализации, вплоть до выхода РСФСР из состава Союза, многие ученые и общественные деятели возлагали надежды на новый Союзный договор, призванный перераспределить полномочия между центром и республиками и, как следствие, закрепить новую судебную систему союзного государства. Так, председатель Верховного Суда СССР Е.А. Смоленцев отмечал, что расширение прав союзных республик требует функционально-структурной перестройки правоохранительных органов,

[774] Советская юстиция. 1991. № 16. С. 22-24.

в том числе судов. В новых условиях не только рассмотрение, но и завершение большинства гражданских и уголовных дел должно происходить в судах республик, однако Верховный Суд СССР, по мнению Е.А. Смоленцева, должен функционировать в качестве последней инстанции для приговоренных к смертной казни. Кроме того, из компетенции союзных республик, по его мнению, следовало бы изъять дела, регулируемые общесоюзным законодательством: споры в области международных и республиканских перевозок, связанные с энергетикой и экологией, а также уголовные дела о шпионаже, террористической деятельности и вредительстве[775].

Это и многие другие предложения по совершенствованию судебной власти нуждалось в осмыслении и обобщении. 13 мая 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление о проведении Съезда судей, в рамках которого планировалось принятие Концепции судебной реформы. Для определения и разработки ее основных направлений в рамках комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству был создан специальный подкомитет, который возглавил Б.А. Золотухин. В работе комитета приняли участие как практикующие юристы – представители судейского сообщества, прокуратуры, адвокаты, сотрудники правоохранительных органов, так и выдающиеся ученые-правоведы – Т.Г. Морщакова, И.Л Петрухин, М.А. Краснов, С.Е. Вицин, В.М. Савицкий, А.М. Ларин. Важную роль в процессе разработки Концепции сыграли судьи, активно направлявшие свои предложения в журнал «Советская юстиция», на страницах которого развернулась дискуссия относительно путей проведения судебной реформы.

I Всероссийский съезд судей состоялся в Москве 17 октября 1991 года. В его работе принял участие Президент России Б.Н. Ельцин, отметивший в своем докладе некоторые проблемы предстоящей судебной реформы, в том числе в сфере судоустройства: создание федеральной судебной системы, предоставление республикам права иметь собственное правосудие в соответствии с

[775] См. Ответы Председателя Верховного Суда СССР Е.А. Смоленцева на вопросы журнала Советское государство и право // Советское государство и право. 1991. № 3. С. 63-75.

национальными традициями, возрождение института мировых судей. Президент отметил, что определенная категория дел должна рассматриваться единоличными судьями или коллегиями из трех судей, а «упрощение деятельности первой инстанции должно компенсироваться усилением гарантий в вышестоящем суде»[776].

По итогам работы съезда была подготовлена Концепция судебной реформы РСФСР, утвержденная по представлению Президента страны Б.Н. Ельцина Постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-1 24 октября 1991 года. В Постановлении среди важнейших направлений реформы было указано создание федеральной судебной системы и дифференциация форм судопроизводства. Преимущественно Концепция была направлена на обеспечение прав человека как в рамках досудебного, так и судебного производства, однако значительное место в ней уделялось организации судоустройства, в том числе месту Верховного Суда в судебной системе.

Констатируя кризис юстиции, «агонизирующей» и не пользующейся «сочувствием общественности и поддержкой государства», авторы Концепции подвергли критике действующее законодательство в части распределения компетенции между судами разных уровней, в соответствии с которым Верховный Суд РСФСР обладал правом рассматривать дела «особого общественного значения»[777].

Столь расплывчатая формулировка (фактически на тот момент к таким делам относилось разрешение коллизий между законодательством отдельных субъектов федерации, дела о нарушениях федерального законодательства, а также споры, в которых затронуты интересы различных республик в составе РСФСР) расширяла подсудность Верховного Суда РСФСР и, как следствие, затрудняла доступ к правосудию для граждан в связи с отсутствием других

---

[776] Ельцин Б.Н. Текст выступления на съезде судей 17.10.1991г. (с пометками Б.Н. Ельцина). URL: https://yeltsin.ru/archive/paperwork/10699/ (дата обращения: 12.08.2021 г.).

[777] Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. 31 октября. № 44. Ст. 135.

федеральных судов, к чьей подсудности могла быть отнесена данная категория дел.

В связи с этим в Концепции подчеркивалась необходимость ограничить функции ВС РСФСР, связанные с рассмотрением уголовных дел по первой инстанции, сохранив право рассмотрения уголовных дел о служебных преступлениях высших должностных лиц. Основной задачей Верховного Суда должен был стать пересмотр постановлений нижестоящих судов в кассационном и надзорном порядке, а также дача разъяснений по применению законодательства, обязательных для других судов.

Один из авторов Концепции С.А. Пашин охарактеризовал данный этап проведения судебной реформы как «романтический», что было, по его мнению, вызвано контрастом между зарождающимся демократическим государством и прежним тоталитарным режимом[778]. Политические события, на фоне которых происходила разработка Концепции, оказали определенное влияние на ее авторов, что объясняет радикализм данного документа.

Этим обстоятельством объясняется также принципиальный отказ от единства судебной системы, рассматриваемого как пережиток унитарного централизованного Советского государства. Вместо единой судебной системы разработчики Концепции выдвинули тезис о выделении на территории страны двух самостоятельно функционирующих судебных систем – республиканской и федеральной, а также разделении судебной системы по признаку внешней специализации. «На территории Российской Федерации, – отмечалось в Концепции, – будут одновременно действовать Конституционный Суд РСФСР, органы конституционного контроля республик в ее составе, общие суды, возглавляемые Верховным Судом РСФСР, арбитражные суды во главе с Высшим Арбитражным судом РСФСР, другие специализированные суды»[779].

---

[778] См. Пашин С.А. Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы // История новой России. Очерки, статьи, интервью: в 3 т. СПб., 2011. Т. 2. С. 8-27.

[779] Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. 31 октября. № 44. Ст. 135

Несмотря на то что в дальнейшем идея о выделении федеральной и республиканской судебных систем не нашла поддержки законодателя, форма организации судебной власти по признаку внешней специализации была закреплена в действующем российском законе (хотя в статья 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[780] подчеркивается единство судебной системы России).

Внешняя специализация судов, закрепленная в концепции как базовый принцип судоустройства, была обусловлена особенностями исторического этапа развития российского государства. В то же время отказ от нее мог бы способствовать обеспечению организационного единства судебной власти и более последовательной реализации принципа судебного федерализма. В то же время следует согласиться с В.Ф. Попондопуло и Е.В. Слепченко в том, что у руководства страны были серьезные причины разделения судебной системы на суды общей юрисдикции, арбитражные суды и конституционную юстицию на раннем этапе развития суверенной российской государственности[781]. К ним, в частности, можно отнести необходимость более качественной и эффективной защиты прав граждан в такой важной сфере, как предпринимательская деятельность, в условиях формирования рыночной экономики; Кроме того, защита конституционных прав и свобод граждан специализированными органами конституционной юстиции позволяла добиться лучших результатов, нежели чем путем передачи соответствующих полномочий судам общей юрисдикции. Это, в свою очередь, объясняется невозможностью оперативного обновления процессуального законодательства, а также психологическими

[780] Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 6 января. № 3.
[781] Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В. Судебная система: состояние и проблемы совершенствования // Арбитражные споры. 2014. № 1. С. 5-24.

установками самих судей, рассматривающих суд как орган, призванный защищать государственные интересы[782].

Третьей ветвью судебной власти, согласно Концепции, становился Верховный Суд. Именно он провозглашался высшей судебной инстанцией республики в качестве правопреемства от Верховного Суда РСФСР. Его акты получали окончательный характер и обжалованию (опротестованию) не подлежали. Кроме того, достаточно заметно прослеживалась тенденция о максимальном сокращении категорий дел, рассматриваемых Верховным Судом по первой инстанции (сохранялись лишь дела о преступлениях высших должностных лиц, совершенных в связи с их служебной деятельностью). За Верховным Судом сохранялась роль кассационной и надзорных инстанций и право давать разъяснения по вопросам применения права.

В начале 1990-х годов ряд исследователей, несмотря на принятие в ряде республик, в том числе РСФСР, деклараций о государственном суверенитете, обсуждали возможные направления судебной реформы, основываясь главным образом на перспективах сохранения союзного государства, в котором Верховный Суд РСФСР должен был по прежнему занимать положение высшего суда союзной республики, связанного необходимостью выполнять руководящие разъяснения Верховного Суда СССР. Однако последующие события, отказ руководства союзных республик от подписания нового Союзного договора, создание Союза независимых государств обусловили иной сценарий развития событий, основанный на создании судебной системы РСФСР как независимого государства.

12 декабря 1991 году Верховный Совет СССР принял постановление № 2015-1 «О денонсации Договора об образовании СССР». Союзные органы власти, в том числе суды, перешли под юрисдикцию РСФСР. 28 декабря 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление «Об упразднении Верховного Суда СССР, Высшего Арбитражного Суда СССР и

[782] Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Об организации судебной системы в России // Ленинградский юридический журнал. 2007. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-organizatsii-sudebnoy-sistemy-v-rossii (дата обращения: 19.07.2021)

Прокуратуры СССР»[783], которые прекратили свою деятельность с 1 января 1992 года. В постановлении указывалось, что правопреемниками соответствующих союзных органов следует считать высшие судебные органы РСФСР – Верховный и Высший Арбитражный Суды. В организационную структуру ВС РСФСР без каких-либо изменений была включена Военная коллегия Верховного Суда СССР.

13 января 1992 года Президиум Верховного Совета принял Постановление № 2182-1 «О военных трибуналах», в соответствии с которым Управление военных трибуналов бывшего Министерства юстиции СССР было передано в ведение Министерства юстиции РФ без каких-либо изменений организационно-штатной структуры. Однако уже 21 апреля 1992 года Законом РФ № 2708-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» в Конституцию было включено наименование «военные суды», призванные заменить военные трибуналы. Проект закона «О военных судах» был внесен Пленумом Верховного Суда в порядке законодательной инициативы в Верховный Совет РФ 18 ноября 1992 года[784]. Их статус впоследствии был приравнен к судам общей юрисдикции, а высшей инстанцией для данных судов стала Военная коллегия Верховного Суда РСФСР.

Помимо сущностных преобразований судебной системы страны в связи с правопреемством российскими судами полномочий союзных судебных органов, изменения коснулись также наименования судебных органов России как суверенной республики. Закон РСФСР № 2094-I «Об изменении названия государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» установил, что «наименование «Российская Федерация употребляется в официальных актах и иных документах, в текстовом

---

[783] Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «Об упразднении Верховного Суда СССР, Высшего Арбитражного Суда СССР и Прокуратуры СССР» от 28 декабря 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 2. Ст. 74.

[784] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 1992 года № 13. URL: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1992/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N13-ot-18.11.1992.html (дата обращения: 28.08.2021)

оформлении государственных символов, а также в названиях государственных органов, их печатях, штампах и бланках»[785]. На основании закона высший судебный орган страны получил наименование Верховный Суд Российской Федерации.

В качестве вывода отметим, что в период конституционных реформ конца 1980-х – начала 1990-х годов сфера верховного правосудия в России претерпела значительные изменения. Прежде всего, произошел отказ от единства судебной системы, хотя формально он был закреплен в гораздо более позднем акте № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Вместо одного Верховного Суда появилось три верховных суда, каждый из которых «венчал» определенную сферу правосудия: конституционного, экономического и общей юрисдикции. Изменения, которые коснулись судебной системы, по своей масштабности были сопоставимы с трансформацией государственности, политической и экономической систем.

В начале 1990-х годов российский законодатель выбирает сторону специализации правосудия при построении новой судебной системы. Из советской эпохи перешла система судов общей юрисдикции, к которой были добавлены мировые судьи, а также была создана система арбитражных судов во главе с Высшим Арбитражным судом и отдельно орган конституционного правосудия – Конституционный Суд.

Полагаем, что уместным будет отметить, что начатая в 1991 году судебно-правовая реформа, не завершена до сих пор. Сфера верховного правосудия (как и вся судебная система) постоянно совершенствуется и изменяется, идя к своему идеалу. На наших глазах произошел отказ от «трехголовой» высшей инстанции в сторону единого Верховного Суда. В последнее десятилетие наблюдается постепенный отказ от полиинстанционального характера высшего суда, происходит «чистка» его полномочий, связанных непосредственно с осуществлением правосудия, с тем чтобы он мог сосредоточиться на задаче

[785] Закон РСФСР от 25.12.1991 г. № 2094-I «Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013769 (дата обращения: 1.09.2021)

обеспечения единообразия правоприменения, формируя и проводя судебную политику в рамках государственной.

§ 5.2. Проекты реформирования сферы верховного правосудия в конце 1980-х – начале 1990-х годов

Конец 1980-х – начало 1990-х годов ознаменовались значительными переменами, связанными распадом СССР и дальнейшим становлением бывших советских республик в качестве независимых государств. Государственное строительство было связано с появлением новых правовых институтов: президентская власть, свободные выборы, частная собственность, приватизация и другие. Переломная эпоха требовала, чтобы наряду с политическими и экономическими преобразованиями был начат процесс судебно-правовой реформы. Именно с ней связывали окончательное становление России в качестве правового государства.

Первые попытки реформирования «старой» судебной системы относились еще к концу 1980-х годов.

Несмотря на принятие ряда нормативных правовых актов, регулирующих организацию и деятельность судебной системы СССР–РСФСР, необходимость комплексного реформирования сферы правосудия становилась все более очевидной. Модернизации советской судебной системы, не отвечавшей потребностям нового российского общества, было недостаточно: политические преобразования требовали более масштабных реформ в рамках судебной системы, дискуссии о которых активно велись в научном и профессиональном сообществе.

В связи с констатацией необходимости переустройства страны и разработки нового Союзного договора необходимо было определить, как должна выглядеть судебная система нового союзного государства – Союза суверенных республик. Усиление гласности, закрепление свободы слова как основополагающей конституционной ценности нового государства придали

новый импульс обсуждению судебной реформы как в политических, так и профессиональных кругах.

Особо отметим, что концепция судебной реформы разрабатывалась в условиях глубочайшего общественного кризиса, когда российское общество было переполнено острыми конфликтами, а преступления и правонарушения являлись способом существования достаточно большой части российских граждан[786]. При этом рассматривать проекты преобразования сферы верховного правосудия вне контекста реформирования всей судебной системы невозможно.

В архивных документах по подготовке концепции судебной реформы содержатся предложения о возврате к модели верховного суда, которая существовала в России до революции и предполагала максимальную моноинстанциональность. В рабочей группе по подготовке концепции обсуждался вопрос об упразднении ревизионной функции и преобразовании его только в кассационный суд по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений[787]. При этом предлагалось возродить апелляцию, передав ее в суды второй инстанции. Таким образом, Верховный Суд, обладая исключительными кассационными полномочиями, должен был таким образом определять судебную политику.

В конституционных проектах конца 1980-х – начала 1990-х годов вопросы, посвященные организации судебной власти, освещались достаточно скромно. В основном реформаторы фокусировались на закреплении новых принципов правосудия, структура судебной системы либо не указывалась вообще, либо ограничивалась перечислением конкретных звеньев, включая верховный суд. Так, в проекте Конституции А.Д. Сахарова указывалось, что центральным органом власти, наряду со Съездом народных депутатов и Советов министров Союза, выступает Верховный Суд Союза[788]. Компетенция высшего судебного органа Союза включала «рассмотрение проблем и дел союзного и

[786] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 807. Л. 1-14.
[787] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1118. Л. 95 об.
[788] Согласно проекту Конституции А.Д. Сахарова, речь шла не о Союзе ССР, а о новом государстве – Союзе Советских республик Европы и Азии.

межреспубликанского характера»[789]. Проект предусматривал следующую структуру Верховного Суда Союза: палата по уголовным делам, палата по гражданским делам, палата арбитража и Конституционный Суд. Из проекта остается непонятным, сохранял ли Верховный Суд полиинстанциональный характер, но очевидно, что он являлся единой высшей судебной инстанцией для судебных систем разных юрисдикций, что вполне отвечало требованиям времени[790].

Для научного осмысления трансформации судебной системы советской эпохи в новую российскую предлагается целесообразным проанализировать законопроектную деятельность высших органов власти, с тем чтобы определить причины, истоки и основные подходы к реформированию судоустройства в начале 1990-х годов.

Основная законопроектная работа велась в законодательном органе власти – Верховном Совете РСФСР. В структуре Верховного Совета был сформирован комитет законодательства под руководством С.М. Шахрая. В состав данного комитета входил подкомитет по судебной реформе, возглавляемый Б.А. Золотухиным. В работе комитета приняли участие как практикующие юристы – представители судейского сообщества, прокуратуры, адвокаты, сотрудники правоохранительных органов, так и выдающиеся ученые-правоведы – Т.Г. Морщакова, И.Л Петрухин, М.А. Краснов, С.Е. Вицин, В.М. Савицкий, А.М. Ларин.

После создания Государственно-правового управления Президента РФ, в нем был создан отдел по судебной реформе во главе с С.А. Пашиным. Далее по инициативе отдела был создан Совет по судебной реформе при Президенте РФ во главе с С.Е. Вициным. Данные структуры сосредоточились на разработке концепции судебной реформы и претворении ее в жизнь через принятие соответствующих законов.

---

[789] Проект Конституции А.Д. Сахарова //https://constitution.garant.ru/history/active/1024. Ст. 34.
[790] См.: там же.

Центр тяжести по законопроектной работе в сфере судоустройства был перенесен собственно на судебные органы. В 1990 году председатель комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР С.М. Шахрай обратился с письмом к председателю Верховного Суда РСФСР В.М. Лебедеву с просьбой разработать законопроект «О судоустройстве РСФСР»[791], а также законопроект «О Верховном Суде РСФСР»[792]. Заранее отметим, что оба законопроекта были разработаны с установленные сроки, но подверглись серьезной критике и не были приняты.

Законопроект «О судоустройстве РСФСР» определял, что в структуру судебной системы входят: Верховный Суд РСФСР, верховные суды автономных республик, краевые, областные суды, Московский и Ленинградский городские суды, суды автономных областей, автономных округов, районные (городские) народные суды, которые составляют судебную систему РСФСР.

Законопроектом допускалась возможность создания специализированных составов судов для рассмотрения отдельных категорий дел (хозяйственных, патентных, семейных и др.). Однако на данном этапе предполагалось только одна единая высшая судебная инстанция – Верховный Суд РСФСР. Он должен был действовать в составе: Пленума, Президиума, Коллегии по конституционному надзору, Кассационной коллегии, Апелляционной коллегии, Коллегии по гражданским делам, Коллегии по уголовным делам[793].

Был изменен порядок формирования судейского корпуса. В статье 51 проекта говорилось, что судей всех судов назначает Президент РСФСР. Законопроект устанавливал квалификационные требования к должности судьи, к которым относились достижение 30-летнего возраста, наличие высшего юридического образования, стаж юридической работы не менее двух лет, а также успешное прохождение квалификационного экзамена и получение положительного заключения квалификационной коллегии судей.

---

[791] См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1069. Л. 2.
[792] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1076. Л. 2.
[793] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1069. Л. 27.

Кроме того, законопроект содержал в себе несколько весьма спорных на тот момент времени нововведений. К таким относятся: введение суда присяжных, возрождение института мировой юстиции, передача функций конституционного контроля соответствующей коллегии Верховного Суда РСФСР, а также полная передача функций Министерства юстиции и его территориальных органов по организационному и кадровому обеспечению деятельности судов самим судебным органам[794].

Впоследствии данный законопроект был передан отраслевым ведомствам и научному юридическому сообществу на обсуждение. В основном дискуссии разгорелись вокруг нескольких вопросов. Так, заметной критике подвергся тезис об отсутствии в законопроекте системы взаимоотношений между Верховным Судом СССР и Верховным Судом РСФСР. «В целом создается впечатление, что РСФСР находится вне рамок Союза ССР, хотя республика в своем суверенитете заявила, что она входит в состав союза ССР», – говорилось в замечаниях Института укрепления законности и правопорядка при прокуратуре СССР[795].

Нововведения в виде мирового суда и суда присяжных рассматривались как преждевременные, поскольку состояние правовой культуры населения и профессиональный уровень судей и критическое состояние материально-технического обеспечения деятельности судов не располагали к организации данных институтов[796].

Также недовольство вызвало полное освобождение Министерства юстиции от функций по организационному обеспечению деятельности судов. Противники этой идеи полагали, что передача этих полномочий судам не только не будет способствовать независимости судебной власти, но и еще в большей степени лишит суды самостоятельности, поскольку вынудит суды к частным обращениям к органам исполнительной власти при решении текущих организационных проблем, особенно в период постперестроечной разрухи[797].

---

[794] Полный текст законопроекта см.: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1069. Л. 4-33.
[795] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1069. Л. 48.
[796] Там же. Л. 44.
[797] Там же. Л. 45.

Острой критике подверглось положение законопроекта, закрепляющее функции конституционного контроля за Коллегией по конституционному надзору Верховного Суда РСФСР, а также соответствующими коллегиями верховных судов автономных республик. Такое положение законопроекта не соответствовало наметившейся тенденции к образованию самостоятельного органа конституционного контроля – Конституционного Суда[798].

Достаточно противоречивым представляется еще один законопроект, подготовленный Верховным Судом РСФСР, – «О Верховном Суде РСФСР» 1990 года[799].

Согласно проекту 1990 года, Верховный Суд признавался высшим судебным органом власти, независимым от исполнительной и законодательной власти. Предполагалось, что Верховный Суд осуществляет свою власть в форме надзора за судебной деятельностью всех судов республики и в форме гражданского, уголовного и административного судопроизводств (статья 1, пункт 3 проекта).

В качестве надзорной инстанции Верховный Суд проверяет законность и обоснованность решений и приговоров в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Предполагалось, что высший судебный орган республики сохранит право рассматривать жалобы по судебным делам. Важнейшей функцией Верховного Суда оставалось обобщение судебной практики, для чего предусматривалась возможность истребования дел из нижестоящих судов и проверки применения ими законодательства. Кроме того, Верховный Суд должен был контролировать исполнение руководящих разъяснений Пленума (статья 5, пункт 2). Законопроект четко устанавливал обязательность руководящих разъяснений Пленумов Верховного Суда для нижестоящих судов, органов власти и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение (статья 7, пункт 1).

---

[798] Там же. Л. 51.
[799] Полный текст законопроекта см.: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1076. Л. 2-25.

Исходя из названных полномочий Верховного Суда, была определена его структура, в которую вошли: Пленум, Президиум, Кассационные и Апелляционные коллегии, а также судебные коллегии по уголовным и гражданским делам. В состав Верховного Суда входили: председатель, заместители председателя. Кроме того, при Верховном Суде действовали народные заседатели (статья 3).

В соответствии с Конституцией, Верховный Суд получал право законодательной инициативы, причем данное право не было ограничено предметом ведения суда. Также за Верховным Судом было закреплено полномочие разрешения вопросов, вытекающих из международных договоров (статьи 8-9).

Одним из ключевых нововведений проекта закона был суд присяжных. Предполагалось, что дела о преступлениях, за которые предусмотрена смертная казнь, будут рассматриваться с участием присяжных заседателей. При этом проект закона предусмотрел «переходный период» становления данного института и внесения соответствующих изменений в уголовное процессуальное законодательство, в течение которого по данной категории дел судебное разбирательство будет проходить коллегией в составе двух судей и трех народных заседателей (статья 11).

Появление нового для процессуального права России института апелляции было связано с судом присяжных. Апелляционная коллегия Верховного Суда должна была рассматривать жалобы и протесты на приговоры, вынесенные присяжными заседателями (статья 24).

Другим революционным новшеством, предложенным данным законопроектом, была полная передача функций по обеспечению деятельности судов Верховному Суду. Так, за ним закреплялись формирование кадровой политики, участие в формировании судейского корпуса, надзор за ними, повышение квалификации судей. Председатель Верховного Суда РСФСР В.М. Лебедев отмечал, выступая на Всероссийском съезде судей, что независимость судей не будет обеспечена, если останутся неурегулированными

их отношения с органами юстиции и вышестоящими судами[800]. Предложенный законопроектом вариант – полной передачи полномочий по организационному и кадровому обеспечению судов Верховному Суду вызвал многочисленную критику со стороны как юридического научного сообщества, так и сотрудников правоохранительной системы. Большинство критиков полагало, что не стоит перечеркивать многолетний опыт работы Минюста по обеспечению деятельности судов и передавать эти функции Верховному Суду, для которого эти полномочия не свойственны в принципе и у которого нет опыта в их реализации.

Законопроект определял порядок назначения судей Верховного Суда, а также квалификационные требования к ним. Надо отметить, что квалификационные требования не были едиными для всех: для председателя, его заместителей и председателей коллегий были предусмотрены повышенные требования. Так, они содержали обязательность российского гражданства либо гражданства другой союзной республики, наличие высшего юридического образования и юридического стажа не менее 15 лет, 10 из которых судейского стажа, а также возрастной порог не менее 40 лет. Пониженные требования, касающиеся возраста и стажа, были предусмотрены для членов Верховного Суда: возраст – не менее 35 лет и 10-летний юридический стаж, не менее пяти лет в должности судьи (статья 34).

Все члены Верховного Суда, включая его председателя и заместителей, назначались на должность Президентом РФ с согласия Парламента РФ из кандидатов, имеющих положительное заключение квалификационной комиссии судей (статья 35). Назначение производилось на неопределенный срок. Законопроект устанавливал предельный возраст нахождения в должности судьи Верховного Суда в 70 лет.

Предполагалось, что при Верховном Суде будет действовать квалификационная коллегия, избранная тайным голосованием на пять лет из

[800] См. подробнее: Лебедев В. М. Судебная реформа: путь к демократии. Выступление на Первом Всероссийском съезде судей (1991 г.) // Становление судебной власти в России. М.: РАП, 2013. С. 632-635.

числа членом Верховного Суда, причем для обеспечения беспристрастности ее функционирования председатель суда, его заместители и председатели коллегий не могли быть избраны в состав квалификационной коллегии. Ее основной задачей была дача заключений по поводу кандидата на должность судьи Верховного Суда, а также заключений о лишении статуса, о привлечении судей Верховного Суда к дисциплинарной ответственности.

В целом рассматриваемый законопроект отличало стремление сохранить привычные судебной системе институты (народных заседателей, президиум и пленум с его руководящими разъяснениями), но при этом привнести совершенно новые механизмы и инструменты, которые считались демократическими (суд присяжных, апелляционный порядок обжалования, передача функций кадрового и финансового обеспечения непосредственно судам и др.). Такая эклектичная тактика привела к тому, что сам законопроект был во многом противоречив и, по сути, невозможен для реализации.

После подготовки законопроекта он был разослан для широкого обсуждения в профессиональной юридической среде. В целом законопроект получил негативные оценки и шквал критики.

Если попытаться систематизировать замечания на законопроект, то можно увидеть, что основная критика фокусируется в основном на трех аспектах.

Во-первых, авторы замечаний обращают внимание на путаницу, возникшую при попытке объединить «под крышей» Верховного Суда институт присяжных заседателей, создаваемый в России в целом заново и институт народных заседателей, правосудие которых было решено распространить на Верховный Суд. Критики справедливо отмечали: «Возникают вопросы: откуда появляются присяжные, чем они отличаются от народных заседателей и если права присяжных заседателей, так же как народных заседателей, равны правам судьи, то почему только присяжные решают вопрос о виновности (без профессионального судьи) и будут ли они участвовать в решении других вопросов (меры наказания, гражданского иска и проч.)», – отмечал в своих

замечаниях директор института проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР И.И. Карпец[801].

Во-вторых, негативной критике подверглось предложение закрепить за Верховным Судом функции организационного обеспечения деятельности судей. По мнению критиков, основной задачей Суда должно быть осуществление правосудия и нельзя допускать вытеснение этой функции на «второй план»[802].

В-третьих, большую озабоченность критики высказывали по поводу несогласования положений проекта с общесоюзным законодательством. Поэтому в законопроекте не были представлены вопросы взаимодействия Верховного Суда РСФСР и Верховного Суда СССР, Генеральной Прокуратуры СССР, Минюстом СССР и других органов союзного значения.

Таким образом, нарекания со стороны профессионального сообщества в отношении проекта закона были схожими, с замечаниями к проекту закона «О судоустройстве»: негативная оценка отстранения Министерства юстиции от решения кадровых и организационных вопросов в деятельности судов, отсутствие системы правоотношений между Верховным Судом РСФСР и Верховным Судом СССР и другими общесоюзными правоохранительными органами.

Такое «изолированное» положение Верховного Суда РСФСР, которое устанавливали два рассматриваемых законопроекта, действительно, выглядело странно. Анализируя ведомственную периодическую печать, научную литературу конца 1980-х – начала 1990-х годов, можно сделать вывод о том, что несмотря на усилившиеся тенденции к децентрализации, вплоть до выхода РСФСР из состава Союза, многие ученые и общественные деятели возлагали надежды на новый Союзный договор, призванный перераспределить полномочия между центром и республиками и, как следствие, закрепить новую судебную систему союзного государства. Так, председатель Верховного Суда СССР Е.А. Смоленцев отмечал, что расширение прав союзных республик

[801] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1076. Л. 55.
[802] Там же.

требует функционально-структурной перестройки правоохранительных органов, в том числе судов. В новых условиях не только рассмотрение, но и завершение большинства гражданских и уголовных дел должно происходить в судах республик, однако Верховный Суд СССР, по мнению Е.А. Смоленцева, должен функционировать в качестве последней инстанции для приговоренных к смертной казни. Кроме того, из компетенции союзных республик, по его мнению, следовало бы изъять дела, регулируемые общесоюзным законодательством: споры в области международных и республиканских перевозок, связанные с энергетикой и экологией, а также уголовные дела о шпионаже, террористической деятельности и вредительстве[803].

Между тем проекты законов «О Судоустройстве РСФСР» и «О Верховном Суде РСФСР» нарочито обходили регулирование данного вопроса.

Кроме того, указанные законопроекты противоречили и друг другу. Так, проект закона «О Верховном Суде РСФСР» не предусматривал закрепления полномочий конституционного контроля за высшим органом судебной власти, в то время как проект закона «О судоустройстве» это предполагал. Большая путаница возникает с определением роли граждан в отправлении правосудия. Согласно проекту, при Верховном Суде РСФСР должны были состоять народные заседатели, но при этом возникает институт присяжных заседателей, который можно истолковать как расширенную (то есть, увеличенную численно) коллегию народных заседателей.

Анализ данных законопроектов, а также проекта закона «О статусе судей» 1991 года[804] говорит о не до конца сформированной позиции законодателя относительно модели формирования судейского корпуса. Очевидно стремление преодолеть серьезные недостатки выборной модели, вплоть до полного отказа от нее. Однако как видно из самих законопроектов, так и замечаний на них, выборная процедура наделениям судейскими полномочиями рассматривалась как один из инструментов гарантии независимости судебной власти. В одном из

[803] См. Ответы Председателя Верховного Суда СССР Е.А. Смоленцева на вопросы журнала Советское государство и право. // Советское государство и право. 1991. № 3. С. 63-75.
[804] Полный текст законопроекта см.: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 818. Л. 1-18.

вариантов закона «О статусе судей» предполагалось, что все судейские должности останутся выборными. Судьи должны были избираться из числа кандидатов на должности судьи: судьи Верховного Суда, краевых, областных судов – Верховным Советом по представлению председателя Верховного Суда, судьи судов автономных областей и округов – соответствующими советами народных депутатов по представлению председателей этих судов, судьи районных судов – краевыми, областными советами народных депутатов по представлению председателей[805]. Кандидатов в судьи для выборов в соответствующих советах, согласно законопроекту, рекомендует квалификационная коллегия судей[806]. Участие в процедуре наделения судейскими полномочиями квалификационной коллегии, по мысли законодателя, должно было стать гарантией и независимости судейского корпуса, и подтверждения определенного профессионального уровня будущего судьи. Примечательно, что в замечаниях на данное положение законопроекта некоторые народные депутаты предлагали сохранить за Министерством юстиции и его территориальными подразделениями функции первоначального отбора кадров на должность судьи и рекомендации их квалификационным коллегиям[807].

Сохранение выборного порядка формирование судейского корпуса во всех рассматриваемых законопроектах можно объяснить усилением демократических тенденций в общественной жизни начала 1990-х годов, появлением опыта альтернативных выборов в органы власти, который авторы законопроектов посчитали возможным перенести в судебную сферу. Также законодатели полагали, что учреждение квалификационных коллегий, в состав которых входили только судьи, будет способствовать снижению участия местных властей в формировании судейского корпуса.

---

[805] См.: там же. Л. 3-4.
[806] Там же. Л. 3.
[807] Там же. Л. 35-36.

Тенденция на сохранение выборного характера формирования судейского корпуса прослеживается в законопроекте о новом для государства органе – Конституционном Суде.

К этому же периоду 1990-1991 годов относится также разработка законопроекта о Конституционном Суде РСФСР. Важно, что наряду с существующим Комитетом Конституционного надзора СССР в Российской Федерации в сфере верховного правосудия появился отдельный орган – Конституционны Суд РСФСР. Конституционный контроль таким образом был передан в ведение судебной власти как наиболее беспристрастной и независимой. Идея признания за конституционными нормами прямого действия, закрепленная в Декларации прав и свобод человека от 5 сентября 1991 года, обуславливала право судов самостоятельно определять конституционность законов и воздержаться от применения тех из них, которые противоречили Основному Закону РСФСР. Целью создания именно судебного органа конституционного контроля должно было способствовать утверждению сильной судебной власти, повышая ее престиж. Еще одним важным фактором принятия такого закона являлось то, что государственные деятели и политики стремились «отгородиться» от органов власти единого союзного государства и создать суверенные органы власти.

Один из разработчиков проекта закона С.А. Пашин определил законопроект по своему объему и по уровню правовой аргументации в качестве акта, равного кодексу[808]. Интересно, что авторы законопроекта видели в нем арену для апробации всех нововведений судебной реформы, поскольку это был первый закон, принятый в рамках судебных преобразований. В нем отразились основные, фундаментальные принципы правосудия: несменяемость судей, обособленность и независимость судебной ветви власти, гласность судопроизводства). Основной деятельностью Конституционного Суда должен был стать нормоконтроль, а именно проверка конституционности нормативных актов. Нормоконтроль должен был осуществляться посредством подачи жалоб

[808] См. подробнее: Митюков М.А. Штрихи к истории Конституционного Суда России. М., 2014. С. 35.

гражданами «на обыкновения правоприменительной практики»[809]. Примечательно, что именно эта формулировка будет подвергнута серьезной критике и войдет в текст закона уже в виде поправок.

Из всех рассмотренных нами ранее законопроектов Закон о Конституционном Суде РСФСР получил реализацию, после принятия 6 мая 1991 года. Обратим внимание на основные вопросы, которые вызвали дискуссию у профессионального юридического сообщества и депутатов Верховного Совета. Дискуссионными оказались вопросы полномочий Конституционного Суда, юридической силы его решений, их дифференциация, порядок формирования судейского корпуса, статуса судей.

Конституционный Суд создавался как орган судебной власти, осуществляющий конституционный контроль посредством конституционного судопроизводства. Первый состав Конституционного Суда, согласно закону, включал в себя 15 судей, которые избирались Съездом народных депутатов по представлению Председателя Верховного Совета РСФСР тайным голосованием. Форма голосования являлась спорным вопросом при разработке законопроекта и даже в первом варианте предполагалось открытое голосование[810]. Кандидатура каждого судьи обсуждалась на заседаниях комиссий и комитетов Верховного Совета, а затем на заседании Верховного Совета, а затем предлагалась к голосованию в индивидуальном порядке. Вновь избранный состав Конституционного Суда избирал тайным голосованием избирали Председателя и его заместителя. Срок полномочий суда не был ограничен[811]. Закон устанавливал требования к судьям Конституционного Суда, которые включали в себя: возраст – менее 35 и не более 60 лет, стаж по юридической специальности – не менее 10 лет, а также высокая квалификация, моральные качества и обширные познания в области права[812]. Примечательно, что впервые введенный образовательный ценз для судей в 1989 году, а именно наличие высшего

[809] Там же.
[810] Здесь и далее по проекту закона «О Конституционном Суде РСФСР» см.: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1054.
[811] См.: там же. Л. 35 об.
[812] Там же. Л. 36 об.

юридического образования не был предусмотрен для судей Конституционного Суда. Высокая квалификация, обширные познания в области права и стаж юридической работы не менее 10 лет должны были нивелировать это требование, характерное для судей остальных судов.

Наибольший спор при принятии законопроекта вызвало одно из полномочий Конституционного Суда. Согласно одному из вариантов проекта, за Конституционным Судом предлагалось закрепить право рассмотрения в заседаниях дел о конституционности правоприменительной практики. В первоначально принятом законе данное полномочие не было закреплено[813]. Предполагалось, что Конституционный Суд рассматривает дела о конституционности международных договоров и нормативных актов и выполняет другие функции. По предложению С.М. Шахрая, глава 3 «Рассмотрение дел о конституционности правоприменительной практики» была исключена из проекта. Причинами этого стало, с одной стороны, нежелание допустить большого количества дел в Конституционный Суд, при незначительном судейском корпусе; в другой стороны, существовали опасения, что данное полномочие будет препятствием для становления института самостоятельности и независимости судей, поскольку будет ограничивать «внутреннее убеждение судьи и другие дискретные полномочия.

Однако уже 28 июня 1991 года в закон было внесено изменение и в окончательной редакции появилась глава III «Рассмотрение дел о конституционности правоприменительной практики». Оно осуществлялось по индивидуальным жалобам граждан и лиц без гражданства[814].

В целом описанные разногласия по поводу отдельных положений закона о Конституционном Суде не могли повлиять на решение выделить конституционный контроль в отдельную ветвь судебной власти – конституционное правосудие. Еще в период существования СССР, опираясь на Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, было решено создать

[813] Там же. Л.35.
[814] Там же. Л. 88-91 л.

именно судебный орган конституционного контроля, обособленный от общесоюзного комитета.

Конституционный Суд наряду с Верховным Судом должны были составить сферу верховного правосудия. При этом Конституционный Суд должен был действовать как единая и единственная инстанция. Однако согласно концепции судебной реформы, в России предполагалось создать двухуровневую систему судов – федеральную и региональную, поэтому возможность организации конституционных судов в республиках федерации никогда не ставилась под сомнение. Но при этом четко оговаривалось отсутствие процессуального и иного подчинения между Конституционным Судом РСФСР и аналогичными органами в субъектах.

Также научного осмысления заслуживает еще один законопроект, так и не получивший реального воплощения – проект закона Российской Федерации «Об обеспечении исполнения решений Конституционного суда РСФСР». Примечательно, что наряду с законодательством о Конституционном суде РСФСР был подготовлен проект закона «Об обеспечении исполнения решений Конституционного суда РСФСР».

Данный законопроект был подготовлен в 1992 году Комитетом по законодательству. Законопроект достаточно лаконичный и включает в себя 7 статей[815]. Как следствие небольшого объема, законопроект отличает значительное количество отсылочных норм.

Целью законопроекта было создать реальный механизм реализации решений КС РСФСР, а также установить конкретные меры ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений суда. В проекте закона были определены действия, квалифицируемые как неисполнение постановлений КС РСФСР, перечень государственных органов, подлежащих ответственности, а также порядок действий самого суда в условиях неисполнения либо ненадлежащего исполнения решений.

---

[815] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1093. Л. 7-9.

Так, согласно законопроекту, если представительный орган или высшие должностные лица республик, члены правительства, министры не освобождают от должности лицо, допустившее серьезное нарушение Конституции, то вопрос об освобождении его от должности может принять Верховный Совет (п. 2. ст. 2 проекта).

Законопроект обязывал Президента РФ также освобождать от должности назначаемых им лиц за неисполнение решений КС РСФСР (ст. 3).

Законопроектом была предусмотрена возможность наложения административного штрафа в размере до десяти минимальных размеров оплаты труда (ст. 5). Соответствующее решение должен принять народный судья.

Особо обратим внимание на положение законопроекта, согласно которому в случае установления КС РСФСР серьезного или повторного нарушения Конституции, допущенного представительным органом, Верховный Совет мог досрочно прекратить его полномочия и назначить новые выборы.

Предполагалось, что надзор за исполнением решений Конституционного суда будет возложен на Генеральную прокуратуру РСФСР.

Ввиду лаконичности – всего семь статей – законопроект порождал множество вопросов и пробелом. Так, представляется неясным, кто должен был оценивать квалифицирующие признаки, при наличии которых может наступить ответственность за неисполнение решений КС РСФСР.

Следует также отметить, что данный проект предполагал процедуру исполнения решений КС РСФСР, не соответствующую общим принципам и механизмам исполнения решений всей системой судебных органов. Если действующее законодательство содержало норму о том, что решение суда (даже первой инстанции) окончательное и обжалованию не подлежит, то процедура исполнения запускалась незамедлительно, без дополнительных стадий.

Ряд критиков рассматриваемого законопроекта отмечали, что введение дополнительной процедуры привлечения ответственности за повторное неисполнение решений нивелировало ценность и юридическую силу первоначально принимаемых решений. «Устанавливается своего рода

отлагательное вето, сводящее на нет принцип обязательности исполнения решений Конституционного суда»[816].

Таким образом, несколько законопроектов, подготовленных в период конца 1990 года – середины 1991 года, имеющих целью выстроить каркас новой судебной системы российского государства, отличались противоречивостью и непоследовательностью. Так, законопроект «О судоустройстве РСФСР» закреплял полномочия конституционного контроля за Верховным Судом РСФСР, законопроект «О Верховном Суде РСФСР» не называет конституционный контроль среди его функций, а в последующем таковая закрепляется за обособленным органом – Конституционным Судом. Противоречия касаются также механизма формирования судейского корпуса: от назначения судей Президентом по рекомендации квалификационных коллеги (ст. 51 проекта закона «О судоустройстве РСФСР») до введения выборной процедуры судов всех уровней, включая конституционный. Неопределенность статуса суда присяжных, при сохранении народных заседателей; попытки введения апелляционной коллегии в Верховном Суде, возрождение мировой юстиции и ряд других вопросов не были унифицированы и приведены в соответствие в различных законопроектах.

Внутренние противоречия рассмотренных законопроектов, а также их несогласованность с другими актами говорят о том, что в период 1990-1992 года шел поиск наиболее эффективной модели построения судебной системы в целом и организации верховного правосудия в частности. К тому же стремительно меняющаяся политическая повестка – образование независимого государства, формирование новых органов власти – заставляла законодателя быстро реагировать и подстраиваться под новые реалии.

Недостатки рассматриваемых законопроектов были связаны с нарушением системного подхода при их подготовке, отсутствием органической связи между ними и действующим законодательством.

---

[816] Там же. Л. 6.

Вместе с тем проекты реформирования сферы верховного правосудия конца 1980-х – начала 1990-х годов сохраняли Верховный Суд в качестве полиинстанционального органа. Верховный Суд Российской Федерации организован на тех же принципах, что и его предшественники советской эпохи. Верховный Суд заключает в себе большой спектр полномочий, не свойственных высшим судебным инстанциям. При этом в последние десятилетия наметилась тенденция по «разгрузке» Верховного Суда от таких полномочий и сосредоточение его на основной задаче – обеспечении единообразия судебной практики.

Заключение

В представленном диссертационном исследовании было проанализировано формирование и развитие сферы верховного правосудия в России. Настоящее исследование позволило проследить эволюцию высших судебных органов, поэтапное «собирание» полномочий от зарождения до современного состояния, что способствовало более глубокому осмыслению их природы и содержания, а также привело к пониманию оценки перспектив дальнейшего развития.

Основные выводы диссертации представлены на основе проблемно-хронологического подхода, с учетом авторской периодизации.

В основе настоящего диссертационного исследования лежит понимание «модели правосудия». Под моделью правосудия мы подразумеваем системную и структурно-функциональную парадигму, определяющую ключевые параметры как устройства судов, так и самого судебного процесса, – это основа судебной системы в конкретный исторический период.

Применяя комплексную методологию, мы пришли к выводу о необходимости рассматривать организацию высших судов России на двух независимых, но взаимосвязанных уровнях: функциональном (какие основные полномочия исполняет высший суд) и процессуальном (как эти полномочия институционально воплощены в его структуре).

В результате проведенного анализа были идентифицировали две ключевые функциональные модели. Их различие коренится в основной функции, которую выполняет верховный суд. Для ревизионной модели характерна доминирующая функция правосудия и исправления ошибок. Как родоначальник этой модели, французский Кассационный Суд демонстрирует ее основные черты: широкий доступ к обжалованию, что порождает и определенные «системные эффекты». К ним относятся краткие, по существу, судебные акты, не предназначенные для прямого создания прецедентов, а также

необходимость в многочисленном судейском корпусе для обработки большого потока дел.

Для регуляторной модели главная миссия верховного суда – не пересмотр каждого дела, а разрешение фундаментальных противоречий в толковании права нижестоящими инстанциями. Таким образом, суд выступает не как контролер, а как регулятор, чьи решения унифицируют практику и создают обязательные ориентиры для всей судебной системы.

Исторически в России также существовала и смешанная модель, пытавшаяся совместить черты обеих парадигм.

С другой стороны в диссертационном исследовании выделены процессуальные модели, определяющие архитектуру верховного суда

Они определяются тем, как в рамках высшего суда соотносятся судебные звенья и инстанции. Здесь мы видим четкую дихотомию: моноинстанционная модель, при которой верховный суд действует в качестве единственной инстанции (например, только кассационной или только надзорной), и полиинстанционная модель, согласно которой верховный суд представляет собой сложный организм, интегрирующий в себя несколько инстанций (первую, апелляционную, кассационную), осуществляя правосудие в рамках «единой вертикали».

Выбор той или иной процессуальной модели напрямую, императивно влияет на внутреннюю структуру и организацию высших судебных органов, определяя их внутреннюю структуру и процесс.

На первоначальном этапе на протяжении XVIII века происходит формирование и обособление судебной системы, происходит становление высшей судебной инстанции – Сената. Функционирование Сената в этот период сопряжено, с одной стороны, с постепенно формирующимся набором полномочий, характерных для высшего суда, а с другой – с постоянной «конкуренцией» Сената с другими органами государственной власти (монарх, Верховный тайный совет, Кабинет министров и др.), в компетенцию которых в разное время входило осуществление верховного правосудия. Можно

констатировать, что в данный период не сложилось четкой системы движения дел по инстанциям, не был определен постоянный круг полномочий Сената в качестве высшего суда. Во многом это объяснялось ролью Сената в системе государственного управления, его структурой. После реформы 1763 года, а позже – преобразований 1805 года, в составе Сената были созданы обособленные судебные департаменты, которые фактически осуществляли функции верховного суда. Ко второй половине XVIII века за Сенатом закрепились следующие полномочия, которые характеризуют его как высшую судебную инстанцию: рассмотрение отдельных категорий дел по первой инстанции, толкование законов, полномочия Сената как апелляционной инстанции, а также «ревизирование» приговоров. Также на протяжении XVIII – начала XIX века в сферу верховного правосудия сходили иные органы: Верховный тайный совет, Кабинет министров, Государственный Совет, Комитет министров, Верховный уголовный суд.

Появлявшиеся на протяжении XVIII века органы, имевшие четко выраженное политическое значение, не повлияли (или мало повлияли) на общий вектор развития системы судоустройства в целом и верховного в частности. В начале XIX века государственные органы, обладающие функциями высших судебных инстанций, принимали на себя эти полномочия по необходимости. При долгом прохождении дела в Сенате, ограниченном лишь буквальным толкованием законов в процессе их применения, Государственный Совет или Комитет министров могли принять более быстрое и гибкое решение.

В целом в первой половине XIX века сохраняется тенденция на обособление судебной власти в институциональном значении, сохранение большинства судебных функций как высшей инстанции за Сенатом.

Следующий этап эволюции верховного правосудия в России связан с периодом судебной реформы 1864 года. На данном этапе отечественный законодатель избирает принципиально новую модель организации верховного правосудия, основанную на моноинстанциональности. Кассационные департаменты Правительствующего Сената выступали в роли верховного суда,

отвечающего за правильное применение и толкование законов другими судебными инстанциями. Важной особенностью Кассационного Сената было то, что в основе его функционирования лежали следующие принципы: «сплошной кассации», то есть возможности обжалования большинства решений нижестоящих судов, «чистой кассации», подразумевавшей то, что сам верховный суд не принимал решения, а возвращал их в нижестоящий суд, а также принцип «единства кассации», предполагающий, что кассационные полномочия будут сосредоточены лишь в верховном суде. Последовательное проведение указанных принципов послужило причиной постоянно накапливания дел в Сенате, что затрудняло правосудие и предопределило периодического реформирования высшей инстанции.

В указанный период происходит окончательное оформление еще одной функции высшей судебной инстанции – обеспечения единообразия судебной практики. Данные акты Сената заняли значимое место в правовой системе Российской империи в том числе в силу обязательного характера опубликования актов кассационных департаментов, так как такое свойство выступало одним из способов практического осуществления притязаний Сената на закрепление за своими актами обязательного характера не только в части толкования права, но и в части примененных правовых позиций – для судов всех уровней при вынесении решений по сходным делам. В результате деятельности Кассационных департаментов Сената происходило формирование единообразной судебной практики, в том числе и в тех случаях, когда законодательное регулирование имело те или иные недостатки, усложнявшие процесс разрешения спора. Постепенно Кассационный Сенат стал определять судебную политику и, в случаях когда имелся пробел в законодательстве, восполнял его с помощью судебной практики.

Революционные события октября 1917 года начали новую эпоху в истории нашего государства и организации судебной власти. В 1920-е годы были апробированы несколько моделей организации верховного правосудия. Первая модель, «административная», в форме высшего судебного контроля,

подразумевала судебный контроль и пересмотр решений судов со стороны Наркомата юстиции. Вторая модель была реализована в системе революционных трибуналов и структурно представляла собой трехзвенную структуру во главе с Верховным революционным трибуналом при ВЦИК. Третья модель, «независимая», внутри судебной системы в виде обособленного Верховного судебного контроля – органа, состоящего из судей, сформированного путем выборов из судейского сообщества, – не была реализована. В результате победила модель организации верховного правосудия, существовавшая в системе революционных трибуналов: три инстанции во главе с высшей. В 1923 году был создан Верховный Суд РСФСР.

Также в период 1920-х годов, времени апробации разных принципов построения системы правосудия, происходила борьба двух тенденций. С одной стороны, большевики выступали за последовательное проведение концепции единого суда. С другой стороны, в 1920-е годы явно прослеживалась тяга к формированию специализированных судебных органов. В диссертационном исследовании представлен анализ функционирования систем специализированного правосудия в Советской России, организация верховного правосудия внутри которых была также неодинаковой. Первую группу составляли те специализированные суды, которые избрали «административный» вариант и передачу функций высшей судебной инстанции исполнительным органам (земельные комиссии – Наркомзему). Во вторую группу можно отнести те специализированные суды, для которых высшей инстанцией выступал Верховный Суд с созданием специальной коллегии или без таковой (особые трудовые сессии народных судов, военные трибуналы, военно-транспортные суды). Третью группу составляют специализированные суды, которые организовывали закрытую судебную систему с обособленной высшей инстанцией (Высшая арбитражная комиссия при Совете Труда и Обороны (СТО), Высший дисциплинарный суд). К концу 1920-х годов был сделан окончательный выбор в пользу унифицированной судебной системы во главе с Верховным Судом; органы специализированной юстиции были либо

реорганизованы с передачей дел в суды общей юрисдикции, либо переподчинены Верховному Суду.

Весь период функционирования Верховного Суда РСФСР не был однородным и включал в себе несколько этапов. Первый этап сравнительно небольшой и охватывает 1923-1924 годы, это время создания Верховного Суда РСФСР и его работа до образования Верховного Суда СССР, появление которого неизбежно повлекло за собой перераспределение полномочий и утрату статуса высшего судебного органа в государстве. Второй период датируется 1924-1938 годами и связан с первым опытом сосуществования двух высших судов СССР и РСФСР. Следующие период относится к 1938-1957 годам, его выделение связано с критическим усилением полномочий Верховного Суда СССР и низведением верховных судов союзных республик до ординарных инстанций в судебной системе. Последний период можно выделить как завершающий в процессе формирования полиинстанционального характера Верховного Суда РСФСР, который хронологически относится к 1957-1991 годам.

Отметим, что в период действия Верховного Суда РСФСР была окончательно сформирована его функция по обеспечению единообразия судебной практики посредством принятия обзоров и Постановлений Пленумов. Изучение отечественной практики функционирования высших судов свидетельствует о системообразующей значимости функции по обобщению судебной практики и обеспечению единообразия правоприменения. В советский период это явление имело свои особенности. Развитие советского законодательства и законодательного процесса шло достаточно медленно, законодательные органы работали в сессионном порядке, на непостоянной основе, что не способствовало достаточной оперативности правового регулирования. В указанных обстоятельствах именно постановления Пленумов Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик позволяли в короткие сроки воздействовать на судебную практику и исправлять ошибки

правоприменителей, а также устранять пробелы в праве до соответствующих действий со стороны законодателя.

Проблема построения судебной системы и организации верховного правосудия в XX веке основывались на теоретических представлениях о праве и социалистической законности. Становление Верховного Суда РСФСР проходило в период господства теории о скором отмирании права, Место закона и права, по мысли советских идеологов, должны были занять органы управления, ответственные за принятие и исполнение решений. Таким образом, Верховный Суд учреждался в качестве органа, задачей которого было временное обеспечение правильного и единообразного проведение государственной (и партийной) политики. Однако переход к строительству социализма изменил представление о роли государства и права и потребовал пересмотра теоретических концепций, сложившихся в 1920-е годы. Государство и право провозглашались основными средствами борьбы с классовыми врагами на пути построения социалистического общества. Становлению тоталитарного государства способствовали низкий уровень правовой культуры населения, развитие командно-административных методов управления, упрощенного понимания социалистической законности и права. В этом отношении перед Верховным Судом ставилась иная задача – обеспечить единое применение законов на всей территории страны, быстро и своевременно реагировать на отклонение от единой директивной линии, при необходимости подавлять попытки иного правоприменения. Для реализации этих задач Верховный Суд получает необходимый инструментарий – право судебного надзора над нижестоящими судами с возможностью принять к рассмотрению любое дело и формирование судебной практики посредством ее разъяснения подконтрольным судам.

Начиная с середины 1950-х годов, эволюция советской правовой системы шла в сторону своего социального идеала, шло укрепление социалистической законности и правопорядка, в качестве ценностей были определены права и свободы человека. В такой обстановке изменилась роль всей судебной системы

и Верховного Суда как высшей судебной инстанции. Он должен был обеспечивать законность и правопорядок государства развитого социализма. Для достижения этих целей за ВС РСФСР окончательно оформились следующие ключевые полномочия: изучение и обобщение судебной практики и дача на их основе руководящих разъяснений судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении дел, а также осуществление общего контроля за выполнением всеми судами республики Постановлений Пленума ВС РСФСР. Но при этом достаточно большое место в полномочиях Верховного Суда РСФСР занимало собственно отправление правосудия: рассмотрение дел по первой, кассационной и в надзорной инстанции. К середине 1980-х годов в Советском государстве сложилась модель организации верховного правосудия с полиинстанциональным Верховным Судом республики.

На основе анализа эволюции сферы верховного правосудия в России в различные исторические периоды можно сделать вывод о преобладании регуляторной модели в российской судоустройственной традиции.

В начале 1990-х годов российский законодатель также взял за основу регуляторную модель построения верховного правосудия, наделив верховные суды полномочиями по обеспечению единообразия судебной практики и формированию судебной политики. При этом из советской эпохи перешла полиинстанциональность верховных судов, даже в деятельности нового органа верховного правосудия – Высшего арбитражного Суда.

Полагаем, что начатая в 1991 году судебно-правовая реформа, не завершена до сих пор. Сфера верховного правосудия (как и вся судебная система) постоянно совершенствуется и изменяется, идя к своему идеалу. На наших глазах произошел отказ от «трехголовой» высшей инстанции в сторону единого Верховного Суда. В последнее десятилетие наблюдается постепенный отказ от полиинстанционного характера высшего суда, происходит «чистка» его полномочий, связанных непосредственно с осуществлением правосудия, с тем чтобы он мог сосредоточиться на основной задаче – обеспечении единообразия

правоприменения, – формируя и проводя судебную политику в рамках государственной.

Вместе с тем важно осознавать, что проведение любых государственных реформ должно опираться на уже имеющийся опыт с учетом исторических аспектов. Это касается и имеющей особое значение для нашей страны судебной реформы 1864 года и советского опыта. Конечно, история развития Советского государства и его отдельных органов не может служить безусловным примером, однако целенаправленное использование положительного опыта, а не его бездумное копирование, в том числе в сфере судоустройства, нельзя однозначно отметать. Именно поэтому сейчас необходимо обратиться к истории развития судебной системы, выявив ее «сильные» стороны для актуализации и использования в современных условиях.

Источники

Нормативные правовые акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163

2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 6 января. № 3

3. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 11 февраля. № 29

4. Именной, данный Сенату от 2 марта 1711 г. «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, устройство государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. IV. № 2330.

5. Сенатский от 4 сентября 1713 года «О взятиии в Расправную палату на рассмотрение тяжебных дел по жалобам на неправильное решение губернаторов и судей, о побуждении со стороны оной палаты, чтобы губернаторы и судьи решили дела безволокитно и о присылке месячных ведомостей в Сенат о вершенных делах, начавшихся по доносам фискалов» // ПСЗ-I. Т. V. № 2710.

6. Именной от 22 декабря 1718 г. «О неподаче государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения учрежденных на то

правительственных мест и о нечинении жалоб на Сенат под смертною казней» // ПСЗ-I. Т. V. § 5.

7. Именной, данный Сенату от 12 января 1722 г. «О обязанности сенатских членов, о заседании президентов воинских коллегий, иностранных и берг-коллегий в Сенате, о бытии при Сенате генерал и обер-прокуроров, рекетмейстеру, экзекутору и герольдмейстеру, а в каждой коллегии по прокурору, о выбирании кандидатов к оным местам и о чинении при сем выборе и баллотировании присяги по приложенной форме» // ПСЗ-I. Т. VI. № 3877.

8. Наказ рекетмейстеру от 5 февраля 1722 г. // ПСЗ-I. Т. VI. № 3900.

9. Именной, объявленный из Сената «О донесении генерал-рекетмейстера Его императорскому величеству о челобитниках, не получающих никакого решения по поданным им просьбам» от 17 апреля 1722 г. // ПСЗ-I. Т. VI. № 3968.

10. Именной, объявленный из Сената от 19 апреля 1722 г. «О ходатайстве рекетмейстеру по жалобам на помещиков в помешательстве в отыскании руд» // ПСЗ-I. Т. VI. № 3972.

11. Именной от 7 марта 1726 г. «О должности Сената» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4847.

12. Именной, объявленный из Верховного Тайного Совета от 8 октября 1726 г. «О внесении в Верховный Тайный Совет экстрактов из дел уголовных для докладов ее величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4964.

13. Манифест о винах Антона Девиера и товарищей и о наказании тех, которые будут говорить что-либо противное постановлению о наследии российского престола от 27 мая 1727 г. // ПСЗ-I. Т. VII. № 5084.

14. Именной, объявленный из Верховного тайного совета Сенату от 31 декабря 1727 г. «О предоставлении из Коллегий и Канцелярий в Сенат для ревизии экстрактов о преступниках. Приговоренных к смертной казни и политической смерти и о рассмотрении таких дел в губерниях губернаторами» // ПСЗ-I. Т. VII. № 5218.

15. Именной, объявленный из Верховного тайного совета Сенату от 5 января 1728 г. «Об утверждении Сенату приговоров по маловажным винам и о представлении в Верховный тайный совет дел по важным уголовным преступлениям» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5224.

16. Именной, объявленный из Верховного тайного совета Сенату от 4 апреля 1729 г. «Об упразднении Преображенской канцелярии и о представлении дел по первым двум пунктам и особенную важность в себе заключающих в Верховный тайный совет, а всех прочих в Сенат» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5397.

17. Манифест от 4 марта 1730 года «Об уничтожении Верховного тайного совета и высокого Сената и о восстановлении по-прежнему Правительствующего Сената» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5510.

18. Манифест о неподаче Ее императорскому величеству просьбы ни о каких делах мимо учрежденных мест и о назначении куда именно их подавать стоит от 25 апреля 1730 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5546.

19. Именной в дополнение рекетмейстерской инструкции от 30 июля 1730 г. «О докладывании в Сенат апелляционных дел в подлинных экстрактах, учиненных в коллегиях и о недопущении тяжущихся к рукоприкладству» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5600.

20. Именной в дополнение рекетмейстерской инструкции от 30 июля 1730 г. «О докладывании в Сенат апелляционных дел в подлинных экстрактах, учиненных в коллегиях и о недопущении тяжущихся к рукоприкладству» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5600.

21. Именной, данный Сенату «О передаче дел бывшего Преображенского приказа в ведение генерала Ушакова» от 24 марта 1731 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5727.

22. Сенатский «Об учреждении канцелярии для дел, переданных по именному указу от 24 марта в ведомство генерала Ушакова и о именовании оной Канцелярией Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллегиями» от 6 апреля 1731 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5738.

23. Именной, данный Сенату от 10 ноября 1731 года «Об учреждении при дворе ее императорского величества кабинета» // ПСЗ-I. Т.VIII. № 5871.

24. Именной от 11 ноября 1731 года «О поступании в судах по совести и ученении присяги при решении дела несмотря на лица» // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5872.

25. Именной, данный Сенату «Об учреждении при высочайшем дворе особого Рекетмейстера» от 12 ноября 1740 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8288.

26. Именной «О восстановлении власти Сената в правлении внутригосударственных дел, о сочинении реестра указов прежних царствований, которые пользе государственной противны, об уничтожении прежнего Кабинета и о установлении нового при дворе ее императорского величества, об учреждениях как прежде в губерниях прокуроров и об определении для управления иностранными делами Канцелярии» от 12 декабря 1741 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8480.

27. Именной, объявленный из Сената от 13 января 1742 г. «О подаче прошений Ее императорскому величеству на каждой неделе во вторник» // ПСЗ-I. Т. XI. № 8497.

28. Именной «О неподаче Ее Величеству челобитных мимо учрежденных присутственных мест, о подписывании писцам в челобитных имен и фамилий своих, с означением судебного места, в которые такая челобитная подана быть может» от 28 мая 1742 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8558;

29. Сенатский в подтверждение прежде составленных указов «О неподавании Ее Величеству челобитных минуя учрежденных для рассмотрении оных присутственных мест» от 10 мая 1749 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 9612;

30. Сенатский, вследствие именного «О воспрещении подавать просьбы Ее Величеству на куртогах» от 3 марта 1752 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 9951; Сенатский «О строгом подтверждении, чтобы минуя надлежащих судебных мест никто не утруждал Ее императорское величество прошениями под опасениями штрафа и наказания» от 17 сентября 1753 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 10136.

31. Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи от 7 ноября 1755 г. // ПСЗ-I. Т. XX. № 14392.

32. Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи от 7 ноября 1755 г. // ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Преамбула.

33. Именной, объявленный из Сената «О воспрещении подавать на Высочайшее имя прошение, минуя надлежащие присутственные места» от 4 марта 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XV. № 11459

34. Именной, объявленный из Сената «неподаче никаких просьб и жалоб на Высочайшее имя, минуя надлежащие судебные места» от 12 июля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11606.

35. Сенатский в подтверждение указа от 12 июля 1762 г. «О неподавании прошений Ее императорскому величеству, минуя надлежащие присутственные места и о штрафах и наказаниях, определенных за преступление сего указа» от 19 января 1765 г. // ПСЗ-I. Т. VII. № 12316.

36. Именной «О правилах производства апелляционных дел» от 30 июля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11628.

37. Манифест «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии» от 21 февраля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XV. № 11445.

38. Именной «О неутруждении Ее императорского величества во время прибытия в Санкт-Петербург никому прошениями и о подаче оных кому приписано» от 11 июня 1763 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11858.

39. Сенатский указ от 2 декабря 1762 г. «О поступании в пытках со всевозможной осмотрительностью» // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11717,

40. Манифест «О постановлении штатов разным присутственным местам, об учреждении в Сенате, Юстиц, Вотчинной и Ревизиционной коллегиях департаментов…» от 15 декабря 1763 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11989.

41. Именной, состоявшийся в Сенате от 29 января 1763 г. «Об увещевании тех, кои дойдут до пытки учеными священниками и о сочинении неученым священникам особой для сего книги» // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11744;

42. Манифест от 17 августа 1764 г. «Об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Мировичем» // ПСЗ-I. Т. XVI. № 12228.

43. Манифест от 19 декабря 1774 г. «О преступлениях казака Пугачева» // ПСЗ-I. Т. XIX. № 14230.

44. Высочайше утвержденный доклад Сената от 3 марта 1765 г. «О неотвозе колодников в Иркутск из отдаленных городов для пыток и о старании окончить дело без всякого истязания подсудимых» // ПСЗ-I. Т. XVII. № 12345

45. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ – I. Т. XXII. № 16186. Ст. 13;

46. Высочайшая резолюция на доклад генерал-прокурора от 13 декабря 1796 г. «О распределении дел между департаментами Сената для скорейшего оных производства, об учреждении трех временных департаментов для окончания нерешенных дел и о прибавке в Сенате чиновников по прилагаемому штату» // ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17639.

47. Именной, данный Сенату от 19 августа 1799 г. «О порядке производства дел о казенных имуществах» // ПСЗ-I. Т. XXV. № 19090;

48. Высочайше утвержденный доклад Сената от 26 сентября 1800 г. «О взносе межевым конторам и канцеляриям, производящим ими спорных и апелляционных дел на ревизию Сената, если по размышлениям оных отчуждаются помещикам земли казенного ведомства» // ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19574.

49. Именной, данный Сенату «Об отмене в губернских городах ратгаузов, а в уездных ордонанс-гаузов» от 17 мая 1801 г. // ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19797.

50. Именной, данный Сенату «О сочинении Сенату особого доклада о правах и обязанностях его для утверждения оных силою закона на незыблемом основании» от 5 июня 1801 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (далее – ПСЗ-I). Т. XXVI. № 19908.

51. Именной, данный Сенату «О восстановлении пяти губерний и о подчинении губерний военным губернаторам» от 9 сентября 1801 г. // ПСЗ-I. Т. XXVI. № 20004. П. 3-4.

52. Сенатский «О присутствии сельских заседателей в уездных судах при рассмотрении таких дел, кои касаются до дворян и казенных крестьян» от 31 мая 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20284.

53. Именной, данный Сенату от 16 августа 1802 г. «О непреступлении губернаторами пределов власти, назначенных им законами» // ПСЗ-I. Т. XXVII. №№ 20372.

54. Именной, данный Сенату «О правах и обязанностях Сената» от 8 сентября 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20405.

55. Именной, данный Сенату «О правах и обязанностях Сената» от 8 сентября 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20405.

56. Манифест «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20406.

57. Именной, данный Сенату «О предоставлении из уголовных палат решений по делам первых двух пунктов в Сенате, если виновные будут присуждены к наказанию и о поднесении о них докладов Его Величеству» от 17 января 1802 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20113.

58. Именной, данный Сенату «О неприкосновенности прав, предоставляемых дворянству» от 25 марта 1803 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20676.

59. Сенатский «О взносе из палат уголовного суда начальникам губерний всех без изъятия уголовных и следственных дел из нижних судебных мест на ревизию в оные вступающих» от 24 мая 1803 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20745.

60. Высочайше утвержденный доклад Сената «О наблюдении по межевым делам относительно владельческих дач, о вызове сроках к объявлению решений и утверждению исполнения оных тех же правилам, какие для гражданских указом 1797 августа 17 предписаны» от 4 августа 1803 г. // ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20884;

61. Именной «О взносе в Сенат жалоб об удельных имениях апелляционным порядком и без подписи апелляции на ревизию» от 10 апреля 1804 г. // ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21248.

62. Высочайше утвержденный доклад министра юстиции «О разделении дел по департаментам Сената, о прибавке двух новых департаментов и экспедиций, об упразднении комитетов для поверхностного обозрения жалоб на решения Сената и временных департаментов» от 27 января 1805 г. // ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21605.

63. Устав коммерческого суда для Одессы от 10 марта 1808 г. // ПСЗ-I. Т. XXX. № 22886.

64. Манифест «Образование Государственного Совета» от 1 января 1810 года // ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24064.

65. Выписка из высочайше утвержденного учреждения Комитета министров на случай высочайше его императорского величества отсутствия в столице от 20 марта 1812 г. // ПСЗ-I. Т. XXXII. № 25044.

66. Манифест от 1 января 1810 г. «Об образовании Государственного Совета» // ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24064. § 97. П. 2.

67. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О назначении цены тяжбам для переноса апелляционных дел из нижних инстанций в средние 100 рублей и в Правительствующий Сенат 2000 рублей» от 17 февраля 1832 г. // ПСЗ- II. Т. VII. № 5171.

68. Высочайше утвержденное Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства от 14 мая 1832 г. // ПСЗ-II. Т. VII. № 5360.

69. Именной, данный Сенату «Об упразднении Государственного Совета Царства Польского и Высшей палаты суда и о замещении их в Варшаве двумя департаментами и общим собранием Сената» от 24 сентября 1841 г. // ПСЗ-II. Т. XVI. № 14852.

70. Свод законов Российской империи издание 1842 г. Т. I. Ч. II. Ст. 19–22.

71. Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. III. СПб., 1867. Ст.1.

72. Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. III. СПб., 1867. Ст. 5

73. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. II. СПб., 1867.Ст. 945, п.1

74. Высочайше утвержденное Положение о применении Судебных уставов от 20 ноября 1864 года к Закавказскому краю от 22 ноября 1868 года // ПСЗ-II. Т. 41. № .43880. ç. 26, 45

75. Высочайше утвержденное положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года от 19 октября 1865 г. // ПСЗ-II. Т. 40. № 42587. П. 55

76. Сенатский по высочайшему повелению от 16 апреля 1866 г. «Об открытии кассационных уголовного и гражданского департаментов Правительствующего Сената и Общего собрания сих департаментов» // ПСЗ-II. Т. XLI. № 43198

79. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об усилении состава Кассационных департаментов Правительствующего Сената и об изменении статей 408, 409, 418 Учреждения судебных установлений и 177, 910 Устава уголовного судопроизводства, 190, 800 Устава гражданского судопроизводства» от 1 июля 1868 года // ПСЗ-II. Т. XLIII. № 46066

80. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об увеличении штата кассационных департаментов Правительствующего Сената» от 25 июня 1870 г. // ПСЗ-II. Т. 45. № 48515

81. Высочайше утвержденная новая редакция раздела второго книги третьей Устава уголовного судопроизводства, статей 1030-1061 о судопроизводстве по государственным преступлениям от 7 июня 1872 года // ПСЗ-II. Т. XLVII. № 50956

82. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об усилении штата гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената» от 16 января 1873 г. // ПСЗ-II. Т. 48. № 51782.

83. Именной, данный Сенату от 19 февраля 1875 г. «О введении в действие Судебных уставов от 20 ноября 1864 года в Царстве Польском» // ПСЗ-II. Т. L. № 54401.

84. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 10 июня 1877 г. «О новом штате Кассационных департаментов Правительствующего Сената и о некоторых изменениях и дополнениях в Судебные уставы 20 ноября 1864 года // ПСЗ-II. Т. 52. № 57471

85. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям» от 9 мая 1878 года // ПСЗ-II. Т. LIII. № 58488

86. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях» от 9 мая 1878 года // ПСЗ-II. Т. LIII. № 58489

87. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 мая 1881 года «Об изменении и дополнении штатов кассационных департаментов Правительствующего Сената» // ПСЗ-III. Т. 1. № 151

88. Высочайше утвержденные временные правила о порядке принятии и направления прошений и жалоб на высочайшее имя приносимых от 9 июня 1884 г. // ПСЗ-III. Т. IV. № 2305. Ст.9. п. «а»; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о порядке принятии и направления прошений и жалоб на высочайшее имя приносимых от 21 марта 1890 г. // ПСЗ-III. Т. X. № 6647.

89. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 14 мая 1885 года «О распределении предметов ведомства Общих Собраний и Соединенного присутствия Первого и Кассационных департаментов Правительствующего Сената» // ПСЗ-III. Т. 5. № 2937

90. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке издания Общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной

ответственности чинов судебного ведомства» от 20 мая 1885 года // ПСЗ-III. Т. V. № 2959

91. Высочайше утвержденные: I. Положение о Земских участковых начальниках, II. Правила об устройстве судебной части в местностях, где введено означенное положение, III. Временные правила о Волостном суде в тех же местностях, IV. Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 года // ПСЗ-III. Т. IX. 6196

92. Высочайше утвержденные временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири от 13 мая 1896 года // ПСЗ-III. Т. XVI. № 12932

93. Высочайше утвержденные временные правила о применении Судебных уставов в областях Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской от 2 июня 1898 года // ПСЗ-III. Т. XVIII. № 15493

94. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об устройстве судебной части в Закаспийской области» от 15 февраля 1899 года // ПСЗ-III. Т. XIX. № 16490.

95. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 4 января 1901 года «Об усилении штат Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената» // ПСЗ-III. Т. XXI. № 19524.

96. Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 // ПСЗ-III. Т. 26. Ч. 1. № 27805.

97. Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 13 июля 1913 года «О дополнении штата кассационных департаментов Правительствующего Сената» // ПСЗ-III. Т. XXXIII. № 39600.

98. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

99. Декрет ВЦИК и СНК от 11.06.1918 «Об учреждении Кассационного отдела при ВЦИК и о порядке кассации приговоров революционных трибуналов» // СУ РСФСР. 1918. № 45. Ст. 545

100. Декрет ВЦИК от 27.01.1921 г. «О дисциплинарных взысканиях за нарушение служебной дисциплины в советских учреждениях» // Собрание узаконений РСФСР. 1921 № 8. Ст. 58

101. Декрет ВЦИК и СНК «Положение о высшем судебном контроле» от 10. Марта 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97

102. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 21.09.1922 г. «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями» // СУ РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769

103. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902

104. Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1, с 4 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. М., 1923. С. 123-135.

105. Положение о судоустройстве РСФСР 1922 года. Ст. 98

106. Постановление ВЦИК от 07.07.1923 «Положение о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 54. Ст. 531. С. 3

107. Постановление ВЦИК от 07.07.1923 г. «Положение о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 54. Ст. 531.

108. Постановления ВЦИК от 7 июня 1923 года «Положение о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 36. Ст. 291.

109. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 20.05.1932) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

110. Об упразднении военно-транспортных трибуналов. Декрет ЦИК СССР от 23.11.1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 13. Ст. 119.

111. Положение о судоустройстве РСФСР со стенограммой заседания 4-ой сессии ВЦИКа IX созыва и 2-ой сессии ВЦИКа X созыва. М., 1923.

112. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. № 150. 1923 (утратил силу)

113. Декрет ЦИК и СНК СССР от 6 мая 1924 г. «Положение об арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороны» // СУ РСФСР.1924. № 62. Ст. 618.

114. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 14.06.1926 г. «Об утверждении Положения о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 36. Ст. 291.

115. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 14.06.1926 «Об утверждении Положения о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 36. Ст. 291.

116. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 20.08.1926) // СЗ СССР. 1926. № 57. Ст. 413.

117. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» (утратило силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624

118. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

119. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 июля 1927 г. «Об утверждении положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности» // Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 72. Ст. 485.

120. Постановление ВЦИК и СНК от 28 мая 1928 г. «Об отмене положения о дисциплинарных судах» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 82. Ст. 558

121. Кодекс законов о труде РСФСР издания 1922 года: с изменениями до 1 августа 1929 года / РСФСР. Изд. офиц. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929.

122. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1930 года «О железнодорожных линейных судах» // Собрание законодательства. СССР. 1934. №. 57. Ст. 601

123. Закон от 7 июня 1934 года // Собрание законодательства. СССР. 1934. №. 33. Ст. 251

124. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. (утратила силу) // СПС «Гарант».

125. Закон СССР от 16.08.1938 «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1938. № 1.

126. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведения следствия» от 17 ноября 1938 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 1. Кн. 1. Накануне. Ноябрь 1938 г.-декабрь 1940 г. – М.: Книга и бизнес, 1995.

127. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» // Ведомости Верховного Совета СССР. 26 июня 1941 г. № 29 (144).

128. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об организации специальных лагерных судов» от 30 декабря 1944 года // Ведомости Верховного Совета СССР.

129. Закон об упразднении транспортных судов от 12 февраля 1957 г. // Правда. 1957. № 32.

130. Положение ВЦИК о революционных железнодорожных трибуналах от 18 марта 1920 года // Декреты советской власти. Т. VII. М., 1975. С. 365 – 369

131. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.

132. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» от 30 июня 1970 года // Известия. № 207

133. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1971 г // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 33. Ст. 332

134. Постановление Совета Министров СССР от 17 января 1974 г. «О дальнейшем совершенствовании органов государственного арбитража» // Собрание законов СССР. 1974. №4. Ст. 19.

135. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (утратила силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

136. Закон РСФСР от 08.07.1981 «О судоустройстве РСФСР» (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.

137. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

138. Резолюции XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988.

139. Закон СССР «О статусе судей в СССР» от 4 августа 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 9. Ст. 223.

140. Закон СССР О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» от 2 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 22. Ст. 416.

141. Закон СССР от 02.11.1989 г. «Об ответственности за неуважение к суду» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 22. Ст. 418.

142. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве (приняты ВС СССР 13.11.1989) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 23. Ст. 441.

143. Закон СССР от 23.12.1989 «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 572.

144. Закон СССР № 1861-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» от 26 декабря 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 1. Ст. 3

145. Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. 25 июля. № 30. Ст.1017.

146. Закон СССР № 2170-1 «О Высшем Арбитражном Суде СССР» от 17 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 23. Ст. 651

Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. Ф. 10. Оп.1. Д. 17. Собственноручные записки Императрицы Екатерины II: уголовное уложение, Манифест о поединках, о узаконениях вообще 1769 и др. годов.

2. Ф. 10. Оп. 2. Д. 320. Собственноручные черновые бумаги о Сенате: учреждение его, состав, обряд порядочного производства дел, о генерал-прокурорской и других должностях и проч.

3. Ф. 10. Оп. 2. Д. 329. Собственноручные черновые бумаги: о главной расправной палате "переписано 1785". Копия указа "К должности сенатского обер секретаря" 13 мая 1768 г. – 16 л.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 1149. Оп. 5. 1859 г. Д. 50 (а). Об основных началах преобразования судебной части. – 1102 л.

2. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 46. О положении Государственной канцелярии работ по составлению уставов судопроизводства и судоустройства. 1863 г. – 32 л.

3. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 58. О порядке введения в действие нового судебного преобразования. – 27 л.

4. Ф. 1405. Оп. 60. Д. 5992. По отношениям Государственного Секретаря и Высочайшими повелениями о порядке составления проектов уставов и положений о судопроизводстве и судоустройстве. 29 сентября 1862 г. – 25 мая 1866 г. – 191 л.

5. Ф. 733. Оп. 231. Д. 51. О проекте законоположений о преобразовании судебной части. 27 декабря 1863 г. – 20 сентября 1867 г. – 402 л.

6. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4202 (ч. 4) «О» Замечания сенаторов и обер-прокуроров на проект учреждения судебных мест». – 420 л.

7. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4202 (ч. 4) «Н» Замечания Министра юстиции на проект учреждения судебных мест». – 420 л.

8. Ф. 1405. Оп 515. Д. 378. Материалы Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части (1894-1899). Материалы к проекту Уголовного уложения. – 203 л.

9. Ф. 1354. Оп. 7. Д. 2. Дела канцелярии Обер-прокурора (1870 г.) – 91 л.

10. Ф. 1354. Оп. 7. Д .69. Общее собрание Соединенного присутствия кассационных департаментов Сената. 1870 г. – 48 л.

11. Ф. 1354. Оп. 7. Д. 1302. Общие собрания. Соединенные присутствия кассационных департаментов Сената. 2. Отчеты. Отчет за 1878-1879 гг. – 30 л.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. А 353. Оп. 2 .Д. 123. Выборки из законодательных и директивных материалов об учреждении и функционировании кассационного подотдела при Наркомюсте и Верховного судебного контроля (13 января 1918 – 5 марта 1918 года). – 7 л.

2. Ф. А 353. Оп. 5. Д. 22. Доклад о деятельности отдела судопроизводства о надзоре НКЮ в 1921 году – 2 л.

3. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 321. Переписка с НКВД об упразднении Правительствующего Сената, административных судов и по другим вопросам (5 апреля 1918 – 7 июля 1918 г.) – 4 л.

4. Ф. А 428. Оп. 18. Д. 420. Переписка ВС РСФСР с ВС СССР по правовым вопросам (6 января 1970 – 9 декабря 1970 гг.) – 88 л.

5. Ф. А 428. Оп. 18. Д. 34. 25 апреля 1950 г. Инструкция о порядке учета и прохождения кассационных и надзорных дел, жалоб и запросов по ним в ВС РСФСР за 1950 год – 22 л.

6. Ф. А 428. Оп. 18. Д. 420 6 января 1970 – 9 декабря 1970 гг. Переписка ВС РСФСР с ВС СССР по правовым вопросам. – 88 л.

7. Ф. А 428 .ОП. 18. Д. 126. (7 января 1960- 28 декабря 1960). Докладные записки, справки структурных подразделений ВС РСФСР за 1960 год – 116 л.

8. Ф. А. 428. Оп. 18. Д. 541. (10.02.1977-15.12.1977 гг.). Приказы и распоряжения ВС РСФСР по основной деятельности за 1977 год – 23 л.

9. Ф. А. 428. Оп. 18. Д. 747. 16 января 1985-10.01. 1986 г. Справки, докладные записки и другие документы о работе ВС РСФСР за 1985 год – 171 л.

10. Ф. А. 428. Оп. 18. Д. 747. 16 января 1985-10.01. 1986 г. Справки, докладные записки и другие документы о работе ВС РСФСР за 1985 год – 171 л.

11. Ф. А. 428. Оп. 18. Д. 620. 5.02.1980 – 6.05.1980. Документы (обзор, график, справки) по улучшению работы структурных подразделений Верховного Суда РСФСР за 1980 год – 20 л.

12. Ф. А 428. Оп. 1. Д. 79. 9.08.1957 – 14.08.1957. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР о структуре Верховного Суда РСФСР (копия), объяснительная записка к численности центрального аппарата Верховного Суда РСФСР за 1957 год – 8 л.

13. Ф. А 428. Оп. 9. Архив Верховного Суда РФ за 1991 год. – Jl. 71-72.

14. Ф. А.353. Оп. 13. Д. 410. Докладные записки, обзоры ВС РСФСР за 1 и 2 полугодие 1941 года о работе судебных коллегий по уголовным и гражданским делам. (30 марта 1942 года) – 139 л.

15. Ф. А.353. Оп. 15. Д. 33. Сводные статистические отчеты МЮ РСФСР и ВС РСФСР о работе судебных органов за 1957. (1.01.1957 – 31.12.1957). – 99 л.

16. Ф. А 353 Оп. 16. Д. 34. Сводные статистические отчеты НКЮ о работе судебных органов РСФСР за 1940 год (1.01.1940 – 31.12.1940). – 124 л.

17. Ф. А 353 Оп. 15. Д. 64. Сводные статистические отчеты о работе судов РСФСР за 1962 год. – 158 л.

18. Ф. Р. 9492. Оп. 3. Д. 53. Сводные отчеты по судебным коллегиям по Союзу ССР и союзным республикам за 1946 год. Т. 2. – 101 л.

19. Ф. А 353 Оп. 15. Д. 20. Сводные статистические отчеты МЮ о работе судебных органов РСФСР и ВС РСФСР за 1955 год (1.01.1955 – 31.12.1955). – 118 л.

20. Ф. Р. 9492. Оп. 6. Д. 343. Сборник статистических данных о работе Верховных судов союзных республик за 1971-1980 гг. – 113 л.

21. Ф. 8131. Оп.11. Д. 201. Докладные записки, итоговые сводки, обзоры, протоколы и другие (особые) материалы о хищениях на железнодорожном транспорте. – 316 л.

22. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1076. Документы о разработке проекта Закона «О Верховном Суде РСФСР» (1990-1991 гг.). – 66 с.

23. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 807. Документы к проекту Концепции судебной реформы. 1991 год. – 100 л.

24. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1069. Документы о разработке проекта Закона «О судоустройстве РСФСР» (проект заключения министерств, Института и Академии МВД СССР (1990-1991 гг.) – 72 л.

25. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1118. Документы о разработке концепции судебной реформы. – 96 л.

26. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1054. Проект Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР». Вариант I, II, брошюры, поправки народных депутатов к проекту Закона (1991 г.) – 96 л.

27. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1093. Документы о разработке проекта Закона РФ «Об обеспечении исполнении решений Конституционного Суда РФ». Варианты проекта Закона, заключения (1992 г.) – 14 л.

28. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 818. Документы к проекту Закона РФ № 3132-I от 26.06.1992 г. «О статусе судей в РФ» (проекты закона, пояснительная записка, таблицы поправок, замечания и др.). Июнь 1992 г. – 51 л.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1. Ф. 153. Оп. 1. Д. 54. Отчет о деятельности Верховного Суда РСФСР за 1928 год – 44 л.

2. Ф. 153. Оп. 1. Д. 70. Пометки на проекте положения о Верховном Суде и Союзной Прокуратуре. – 7 л.

3. Ф. 153. Оп. 1. Д. 52. Доклады о реформах в области советского суда на заседаниях Пленумов Верховного Суда РСФСР от 18 февраля 1930 г. и 26 января 1931 г., пометки на протоколах и выписки на протоколах пленумов ВС РСФСР, подкомиссии по выработке гражданского законодательства СССР. – 40 л.

4. Ф. 153. Оп. 1. Д.3. Стучка П.И. Судопроизводство переходного периода. 6.12.1918 – 12 л.

5. Ф. 153. Оп. 1. Д.9. Стучка П.И. Доклад и тезисы «Пролетарский суд и буржуазное право». – 24 л.

6. Ф. 153. Оп. 1. Д.10. Стучка П.И. Черновик статьи «О союзном Верховном Суде». – 81 л.

7. Ф. 153. Оп. 1. Д. 54. Отчет о деятельности Верховного Суда РСФСР за 1928 год (13.11.1928 – 4.12.1928). – 44 л.

8. Ф. 17. Оп. 3. Д. 318. Заседание Политбюро от 19.10.1922 г., протокол № 32. Вопр. 19. О назначении председателя Арбитражной комиссии. – 5 л.

9. Ф. 17. Оп. 3. Д. 330. Заседание Политбюро от 18.01.1923 г., протокол № 44. Вопр. 24. О составе Верховного Суда. – 8 л.

10. Ф. 17. Оп. 3. Д. 331. Заседание Политбюро от 25.01.1923 г., протокол № 45. Вопр. 17. О назначении Председателя Верховного Суда и его заместителей. – 8 л.

11. Ф. 17. Оп. 3. Д. 336. Заседание Политбюро от 19.02.1923 г., протокол № 50. Вопр. 11. О дисциплинарных судах. – 6 л.

Государственный архив Курской области (ГАКО)

1. Ф. Р 998. Оп. 1. Д. 1. Ревизии, обследования и инструктирование (5.09.1928-26.08.1929) – 204 л.
2. Ф. Р 998. Оп. 1. Д. 2. По вопросу реорганизации ОКРЗК (4.08.1929-4.08.1929) – 20 л.
3. Ф. Р 998. Оп. 1. Д. 3. Отчеты и планы работы Курской губернской земельной комиссии (1928-25.06.1929) – 427 л.

Материалы судебной практики

1. Сборник постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, 1924-1944. М., 1946.
2. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 февраля 1949 г. № 2/1/У // Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1951 г. М.: Госюриздат, 1952.
3. Судебная практика Верховного Суда СССР 1955. № 5.
4. Судебная практика Верховного Суда СССР 1956 г. № 6.
5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1963. М., 1964.
6. Указ Президиума ВС СССР от 10.12.1965 г. № 4238-VI «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» // Ведомости ВС СССР. 1965. № 49. Ст. 725
7. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.12.1965 г. № 13 «О применении судами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 г. "О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 1. 1966

8. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 2. 1971

9. Постановление № 3 Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 июля 1974 «о рассмотрении судами РСФСР гражданских дел в порядке надзора» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 7

10. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 N 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 31 октября. № 44. Ст. 1435.

11. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28.12.1991 г. № 3045-1 «Об упразднении Верховного Суда СССР, Высшего Арбитражного Суда СССР и Прокуратуры СССР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 09.01.1992 г. № 2. Ст. 74.

12. Постановление ЕСПЧ от 09.06.2005. Дело «Бакланов (Baklanov) против Российской Федерации» (жалоба № 68443/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 10.

13. Постановление ЕСПЧ от 09.06.2005. Дело «Бакланов (Baklanov) против Российской Федерации» (жалоба № 68443/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 10.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

Материалы официального делопроизводства

1. Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 29 ноября-1 декабря 1988 г.: стенографический отчет. 1988. – 250 с.

2. Журнал Соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета о преобразовании судебной части в России. 1862. № 65. С. 10 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. СПб., 1864. Т. 19.

3. Замечания министра юстиции, сенаторов и обер-прокуроров на проекты Уставов судопроизводства и судоустройства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 59.

4. Замечания сенаторов и обер-прокуроров на проект Устава гражданского судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 59.

5. Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, шестая сессия (5–12 февраля 1957 г.): стеногр. отчет. 1957. – 757 с.

6. Миничев. Обзор деятельности Военно-транспортного трибунала П[етрогр.] О[круг] П[ут.] С[ообщ.] за время его существования: Слово уходящему с поста / Пред. Трибунала ПОПС Миничев. – Л.:б. б.и., 1924.

7. Протоколы Верховного тайного совета. 1726-1730. М., 1856.

8. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730. Т. 1. (февраль-июль 1726 г.) / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1886. С. 68, 71-72, 85, 91-92.

9. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. 2. Общие вопросы судоустройства. – СПб.: Сенатская типография, 1900. – 400 с., прилож. 70 с.

10. Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1897 год. – СПб.: Сенатская типография, 1898. – 114 с.

11. Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1898 год. – СПб.: Сенатская типография, 1899. – 112 с.

12. Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1899 год. – СПб.: Сенатская типография, 1900. – 100 с.

13. Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1900 год. – СПб.: Сенатская типография, 1901. – 121 с.

14. Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1901 год. – СПб.: Сенатская типография, 1902. – 109 с.

15. Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1902 год. – СПб.: Сенатская типография, 1903. – 100 с.

16. Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1903 год. – СПб.: Сенатская типография, 1904. – 100 с.

17. Отчет по кассационным департаментам Правительствующего Сената за 1906 год. – СПб.: Сенатская типография, 1907. – 112 с.

18. Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучка за 1923 год. – М.: Издание Верховного Суда РСФСР, 1924. – 96 с.

19. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: сборник документов: к 150-летию Судебных уставов, 20 ноября 1864 г. / [науч. ред. и сост.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева]. – СПб.: Президентская б-ка, 2014. – 632 с.

20. Положение и Верховном Суде Союза ССР и наказа Верховному Суду Союза ССР. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1924. – 43 с.

21. Положение о судоустройстве РСФСР (Со стенограммы заседания 4-ой сессии ВЦИКа IX созыва и 2-ой сессии ВЦИКа X созыва и алфавитно-предметным указателем). – М.: Мысль печатника, 1923. – 46 с.

22. Проект, вносимый Конституционной комиссией ЦИК Союза ССР на 2-ю сессию Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 2-го созыва. Б.м., б.г. С. 2-3.

23. Протоколы Верховного тайного совета. 1726-1730. – М.: Университетская типография, 1858. – 124 с.

24. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730. Т. 1. (февраль-июль 1726 г.) / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886. – 503 с.

25. Соображения Министра Юстиции по проекту о судоустройстве, подготовленному Вторым отделением с.е.и.в. канцелярии (4 февраля 1860 г.) // Дело о преобразовании судебной части в 74 т. Т. 4. Документ № 10. С. 15-16.

26. Проект Положения о судоустройстве // Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии. Б.м., 1861.

27. Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии по проекту устава судопроизводства гражданского. Ч. 1. Б.м., 1861.

28. Свод замечаний на дополнительные проекты Второго отделения с.е.и.в. канцелярии по проекту устава судопроизводства гражданского. Ч. 2. Б.м. Б.г.

29. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1951 г. / под ред. А.А. Волина. – М.: Госюриздат, 1952. – 268 с.

30. Свод замечаний и предложений о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. – 294 с.

31. Сенаторы гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, 1866-1917 гг.: краткий библиографический справочник / сост. и авт. вступ. статьи О.Ю. Шилохвост. – М.: Статут, 2017. – 168 с.

32. Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции, 1845. – СПб.: Тип Правительствующего Сената, 1845. – 191 с.

33. Список чинам Правительствующего Сената, департамента Министерства юстиции и судебных мест, образованных на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 года. Часть 1. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1868. – 335 с.

34. Список, составленный в IV отделе Высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части дополнительных вопросов, подлежащих расследованию при предстоящем систематическом обозрении судебных установлений. – Одесса: Типография Шульце, 1895. – 17 с.

35. Статистика из отчета работы ВС РСФСР за 1928 год // Ежегодник советской юстиции. 1929. № 29. С. 667.

36. Циркуляр Народного Комиссариата юстиции «О порядке вхождения одного из членов губсуда в состав губернского дисциплинарного суда» о 5 декабря 1923 г. № 251 // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 49.

37. Циркулярное письмо Главного дисциплинарного суда и Народного комиссара юстиции и Прокурора республики от 15 июля 1926 г. // Еженедельник советской юстиции 1926. № 32.С. 982.

Электронные источники

1. Верховный трибунал при ВЦИК: 1918-1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923-1990 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrf.ru/files/26316/ (дата обращения: 04.08.2021).

2. Верховный трибунал при ВЦИК: 1918–1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923–1990 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrf.ru/files/26316/ (дата обращения: 04.08.2021).

3. Декрет ВЦИК и СНК от 21 сентября 1922 г. «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1392.htm (дата обращения: 11. 02. 2017).

4. Декрет ВЦИК и СНК от 21 сентября 1922 г. «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1392.htm (дата обращения: 11. 02. 2017).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 31.03.1961 № 2 «О судебной практике по рассмотрению дел, возникающих в связи с незаконной выплатой государственных пенсий» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 02.12.1961 № 7 «О некоторых вопросах, возникающих при определении судами вида исправительно-трудовой и воспитательно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

7. Постановление Пленума ВС СССР от 31.07.1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22.03.1966 № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.1967 № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

10. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 17.11.1971 № 61 «О работе Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

11. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 21.02.1973 № 3 «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.06.1973 № 7 «О некоторых вопросах, возникших при применении судами Российской Федерации законодательства о труде молодежи» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

13. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25.06.1974 № 2/П «О выполнении судами РСФСР постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР о судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

14. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 03.09.1974 № 5 «О некоторых вопросах в практике судов РСФСР по гражданским делам, связанным с обслуживанием населения» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

15. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 18.06.1975 № 4 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РСФСР по гражданским делам» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

16. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 05.04.1976 № 1/П «О внесении в Президиум Верховного Совета РСФСР представления о

дополнении ст. ст. 221, 141 пункта 4 ГПК РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

17. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.12.1976 № 4 «Вопросы, связанные с применением ч. 4 ст. 18 КЗоТ РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

18. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.02.1978 № 2 (ред. от 06.12.1979) «О судебной практике по делам о контрабанде» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

19. XIX партийная конференция КПСС. Т. 2. Заседание восьмое. URL: http://soveticus5.narod.ru/455/soxix208.htm (дата обращения – 1.08.2021)

20. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 27.06.1978 № 4 «О некоторых вопросах практики применения судами Российской Федерации законодательства об административной ответственности за мелкое хулиганство, злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника при исполнении ими своих обязанностей по охране общественного порядка (ст. ст. 158 и 165 КоАП РСФСР)» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

21. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 10.06.1980 № 4 «О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

22. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.12.1980 № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

23. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 27.07.1983 № 2 «О судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов в отраслях строительства» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

24. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 21.04.1987 № 2 «О ходе выполнения судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1984 года № 22 «О применении судами законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с открытиями, изобретениями, рационализаторскими предложениями и промышленными образцами» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» и др.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.12.1988 № 11 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР о практике назначения дополнительных наказаний» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

26. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 29 августа 1989 года №5 «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987 г. №2 «О практике применения судами Жилищного законодательства» и постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 декабря 1984 г. №5 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Жилищного кодекса РСФСР»». URL: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1989/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N05-ot-29.08.1989.html (дата обращения: 28.08.2021)

27. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 декабря 1989 года №6 «Об избрании квалификационной коллегии судей Верховного Суда РСФСР». URL: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1989/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N06-ot-07.12.1989.html (дата обращения: 30.08.2021)

28. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1990 года №7 // http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1990/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N07-ot-25.12.1990.html (дата обращения: 2.08.2021)

29. Закон РСФСР от 25.12.1991 г. № 2094-I «Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013769 (дата обращения: 01.09.2021)

30. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 1992 года № 13. URL: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1992/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N13-ot-18.11.1992.html (дата обращения: 28.08.2021)

Список используемой литературы

Книги: монографии, комментарии, сборники статей и др.

1. *Абдулин, Р.С.* Судебное управление в Российской Федерации (1917 – 1990 гг.): историко-юридическое исследование. / С.С. Абдулин. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 360 с.

2. *Авакьян, С.А.* Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь. / С. А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015. – 640 с.

3. *Авенариус, М.* Римское право в России / М. Авенариус. – М.: Academia, 2008. – 160 с.

4. *Агеева, Г.Н.* Основы (принципы) организации советской судебной системы: учебное пособие / А.Н. Агеева. – М.: [б. и.], 1975. – 54 с.

5. Аграрная политика Советской власти. (1917-1918 гг.): Документы и материалы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 552 с.

6. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. В 10 т. Справочный том. Т. 3: проблемы теории права: курс лекций. / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – 781 с.

7. *Амплеева, Т.Ю.* История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX-XIX вв.). Кн. 2: Императорская Россия / Т.Ю. Амплеева. – М.: б.и., 2009. – 200 с.

8. *Архипов, И.В*. Коммерческое судоустройство и судопроизводство России в XIX веке (проблемы модернизации) / И.В. Архипов. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 1999. – 274 с.

9. *Баггер, Х.* Реформы Петра Великого / Ханс Баггер / пер. с дат. В.Е. Возгрина. – М.: Прогресс, 1985. – 199 с.

10. *Барак, А.* Судейское усмотрение. / А. Барак. – М.: Норма, 1999. – 376 с.

11. *Берендтс, Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. / Э.Н. Берендс. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2002. – 287 с.

12. *Берман, Я.Л.* Очерки по истории судоустройства РСФСР. / Я.Л. Берман. – М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1924. – 72 с.

13. *Блинов, И.* Судебная реформа 20 ноября 1864 г. Историко-юридический очерк. / И. Блинов. – Пг.: Сенатская типография, 1914. – 234 с.

14. *Божьев, В.П., Добровольская, Т.Н., Перлов, И.Д.* Организационное руководство судами в СССР (судебное управление) / под общ. ред. И.Д. Перлова. – М.: Юридическая литература, 1966. – 212 с.

15. *Боленко, К.Г.* Верховный уголовный суд в системе Российского правосудия (конец XVIII – начало XIX века). / К.Г. Боленко. – М.: Новый хронограф, 2013. – 528 с.

16. *Боровиковский, А.* Устав Гражданского судопроизводства С объяснениями по решениям Гражданского Кассационного Департамента и Общего Собрания Кассационных и I и II Департаментов Правительствующего Сената / сост. Боровиковский А.Л. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1908. – 1102 с.

17. *Бородин, С.В.* Верховный суд союзной республики / С.В. Бородин. – М.: Госюриздат, 1960. – 112 с.

18. *Брайнин, Я.М.* Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин – М.: Юрид. лит., 1967. – 239 с.

19. *Буков В.А.* От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма / В.А. Буков – М.: Археографический центр, 1997. – 452 с.

20. Буржуазные реформы в России во второй половине XIX века / под ред. М.Г. Коротких. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1988. – 143 с.

21. *Буцковский Н.А.* Очерк кассационного порядка отмены решений по Судебным уставам 1864 года. / Н.А. Буцковский. – СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1866. – 181 с.

22. *Буцковский, Н.А.* Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. / Н.А. Буцковский. – СПб.: Типография Скарятина, 1874. – 616 с.

23. *Васьковский, Е.В.* Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – М.: Изв-во «Зерцало», 2003. – 464 с.

24. Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. В 2 т. Т.I: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой М.: Юстицинформ, 2014. – 544 с.

25. Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. В 2 т. Т.II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головко. – М.: Юстицинформ, 2014. – 340 с.

26. *Верещагин, А.Н.* Кассационный Сенат (1866-1917). Очерки истории и деятельности верховного суда Российской империи. / А.Н. Верещагин. – М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.

27. Верховному Суду СССР – 40 лет. Сборник статей и других материалов, посвященных юбилею Верховного Суда СССР / под общ. ред. А.Ф. Горкина. – М.: Известия, 1965. – 96 с.

28. *Виленский, Б.В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. / Б.В. Виленский. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1963. – 148 с.

29. *Виленский, Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России. / Б.В. Виленский. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. – 400 с.

30. Военные трибуналы – органы социалистического правосудия / отв. ред. ген.-майор юстиции В. В. Борисоглебский. – М: Воен. изд-во, 1958. – 293 с.

31. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. в 4 т. Т.1: Высшие государственные учреждения. – СПб.: Наука, 1998. – 302 с.

32. Высший судебный орган СССР / под ред. Л. Н. Смирнова и др. – М.: Юрид. Лит., 1984. – 272 с.

33. *Вышинский, А.Я.* Марксистско-ленинское учение о суде и советская судебная система / А. Я. Вышинский. – М.: Сов. законодательство, 1934. – 48 с.

34. *Вяземский, Б.Л.* Верховный тайный совет / Б.Л. Вяземский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. – 424 с.

35. *Гаген, В.А.* Очерки истории Сената в XIX столетии / В.А. Гаген. – СПб.: Сенатская типография, 1911. – 283 с.

36. *Гессен, И.В.* Судебная реформа / И.В. Гессен. – СПб.: Тип. П.П. Гершунина, 1905. – 325 с.

37. *Голицын, П.* Первый век Сената / Кн. Петр Голицын. – СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1910. – 206 с.

38. *Голунский, С.А.* Судоустройство СССР: Учебник для юрид. школ / С.А. Голунский, Д.С. Карев. – М.: Юрид. изд-во, 1946. – 195 с.

39. *Гольмстен, А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства / А.Х. Гольмстен. – СПб., 1913. – 411 с.

40. *Голяков, И.Т.* Правосудие социалистического государства / И.Т. Голяков. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1951. – 32 с.

41. *Голяков, И.Т.* Советский суд. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) / И.Т. Голяков. – М.: Типография Высшей партийной школы при ЦК ВКП (б), 1948. – 40 с.

42. *Горбань, В.С., Савенков, Д.А.* Судоустройство: состояние и современные тенденции развития системы судов общей юрисдикции в Германии (научный комментарий к закону ФРГ «О судоустройстве»). / В.С. Горбань, Д.А. Савенков. – Саратов: Амирит, 2019. – 128 с.

43. *Градовский, А.Д.* Собрание сочинений в 8 т. Т. VIII. / А.Д. Градовский. – СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1903. – 563 с.

44. *Градовский, А.Д.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. V. / А.Д. Градовский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. – 561 с.

45. *Грибовский, В.М.* Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины второй. Материалы для истории Высшего суда и надзора в первую половину царствования / В.М. Грибовский. – СПб.: Тип. СПб.: Т-ва Печат. и Изд. дела "Труд", 1901. – 348 с.

46. *Давид, Р.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.

47. *Демичев, А.А.* История суда присяжных в дореволюционной России (1864-1917 гг.) / А. А. Демичев. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 318 с.

48. Десять лет Верховного суда Союза ССР, 1924-1934. – М.: Советское законодательство, 1934. – 25 с.

49. *Джаншиев, Г.А.* Эпоха великих реформ / Г.А. Джаншиев. – М: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. – 820 с.

50. *Дмитриев, Ф.М.* История судебных инстанций и гражданского и апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях / Ф.М. Дмитриев. – М.: Тип. Мамонтова, 1859. – 580 с.

51. *Добровольская, Т.Н.* Верховный Суд СССР. / Т. Н. Добровольская. – М.: Юридическая литература, 1964. – 164 с.

52. *Дорская, А.А.* Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ: монография / А.А. Дорская. – СПб.: Астерион, 2021. – 159 с.

53. *Дорская, А.А.* Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности: монография / А.А. Дорская. – СПб.: Астерион, 2014. – 174 с.

54. *Евтихеев, И.И.* Земельное право / И.И. Евтихеев. – М.; Пг., 1923. – 186 с.

55. *Ермолов, А.* Комитет министров в царствование императора Александра I / сост. А. Ермолов. – СПб.: б.и., 1891. – 132 с.

56. *Ерошкин, Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. / Н.П. Ерошин. – М.: «Высшая школа», 1983. – 352 с.

57. *Ефремова, Н.Н.* Судоустройство России в XVIII – начале XIX века / Н.Н. Ефремова. – М.: Наука, 1993. – 190 с.

58. *Забарин, С.Н., Качанов, А.Я., Соловьев, А.Л.* Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. / С.Н. Забарин, А.Я. Качанов, А.Л. Соловьев. – М.: Спарк, 2000. – 559 с.

59. Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский, ТО ЕСТЬ, Новицкая. – М.: Юрид. лит., 1997. – 880 с.

60. Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов / отв. ред. В.С. Нерсесянц – М.: ИГПАН, 1986. – 152 с.

61. *Захаров В.В.* Как готовить юриста: Изучая русские рецепты: Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX – начала XX века / В.В. Захаров – Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. – 297 с.

62. *Захаров, В.В.* Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их практической реализации: историко-правовое исследование / В.В. Захаров. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 399 с.

63. *Зивс, С.Л.* Источники права / С. Л. Зивс. – М.: Наука, 1981. 239 с.

64. *Исаев И.А.* Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы) / И. А. Исаев. – М.: Юрид. лит., 1986. – 173 с.

65. *Исаев, И.А.* Воображаемая государственность. Пространство без территории: монография / И. А. Исаев. – М.: РГ-Пресс, 2018. – 224 с.

66. *Исаев, И.А.* Закон и революция. Легальное основание революционного мифа. / И. А. Исаев – М.: РГ-Пресс, 2019. – 208 с.

67. *Исаев, И.А.* История России: Правовые традиции / И. А. Исаев. – М.: Юкис: ТОО "Стройсервис", 1995. – 319 с.

68. *Исаев, И.А.* История России: Традиция государственности / И.А. Исаев. – М.: ЮКИС, 1995. – 271 с.

69. *Исаев, И.А.* Правовая культура России: учебное пособие / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2014. – 95 с.

70. История государства и права СССР: [Учебник для вузов по спец. "Правоведение"] / под ред. Г.С. Калинина, Г.В. Швекова – М.: Юрид. лит., 1981.

71. История Правительствующего Сената за 200 лет в 5 т. Т. II. [Правительствующий Сенат в царствования Елисаветы Петровны и Петра Феодоровича. Т. II / сост. А.Е. Пресняков и Н.Д. Чечулин. – СПб.: Сенатская типография, 1911. Т. II. – 860 с.

72. История Правительствующего Сената за 200 лет в 5 т. Т. IV. [Правительствующий сенат в XIX столетии после реформ 60-х годов /Т IV. / Сост. И.А. Блинов, В.А. Гаген, С.К. Гогель [и др.] – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1911. – 529 с.

73. История Правительствующего Сената за 200 лет Т. III. [Правительствующий сенат в XIX столетии до реформ 60-х годов / Т. III. / Сост. Э.Н. Берендтс, В.А. Гаген, С.К. Гогель, И.А. Блинов] – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1911. – 712 с.

74. История Правительствующего Сената за 200 лет. В 5 т. Т. I. [Правительствующий сенат в царствование Петра Великого] – СПб.: Сенатская типография, 1911.– 736 с.

75. История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911 гг. в 5 т. [Местонахождение, помещение и убранство Сената со дня его учреждения по настоящее время / Т. V. / сост. Н.В. Граве. – СПб.: Сенатская типография, 1911. – 224 с.

76. История советского государства и права: В 3 кн. / АН СССР, Ин-т государства и права / отв. ред. А. П. Косицын. – М.: Наука, 1968. – 567 с.

77. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 5. Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года) / К. П. Краковский, З. В. Соломко / отв. ред. В.М. Сырых. – М.: Норма, 2020. – 696 с.

78. К сорокалетию деятельности кассационных департаментов Правительствующего Сената. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – 37 с.

79. *Кавелин, К.Д.* Основные начала русского судоустройства от Уложения 1649 г. до Учреждения о губерниях 1775 г. / К.Д. Кавелин. – М.: Либроком, 2011. – 110, [1] с.

80. *Казанский, П.Е.* Власть Всероссийского императора. / П.Е. Казанский. – Одесса: Типография «Техник», 1913. – 1000 с.

81. *Каменский, А.Б.* «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII в. / А.Б. Каменский. – СПб. : Лениздат, 1992. – 448 с.

82. *Кассо, Л.А.* Источники русского гражданского права / Л.А. Кассо. – М.: Университетская типография, 1900. – 16 с.

83. *Клеандров, М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. / М.И. Клеандров. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 600 с.

84. *Ключевский, В.О.* Курск русской истории: в 2 кн. Книга 2. / В.О. Ключевский. – М.: Издательство «Э», 2017. – 704 с.

85. *Кодинцев, А.Я.* Государственная политика в СССР в 30-50- е годы XX века в сфере юстиции / А.Я. Кодинцев. – Куртамыш: ГУП «Куртамышская типография», 2008. – 590 с.

86. *Кожевников, М.В.* История советского суда. 1917-1956 гг. / М.В. Кожевников. – М.: Госюриздат, 1957. – 383 с.

87. *Колоколов, Н.А.* Апелляция, кассация, надзор: применение УПК РФ. / Н.А. Колоколов – М.: Юрлитинформ, 2018. – 459 с.

88. *Колоколов, Н.А.* О праве, суде и правосудии: избранное / Н.А. Колоколов. – М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 686 с.

89. *Комиссаров, К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства / К.И. Комиссаров. – Свердловск: Изд-во Свердл.юр.инс, 1971. – 167 с.

90. Компетенция СССР и союзной республики: (Конституц. вопросы) / АН СССР. Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1968. – 225 с.

91. *Кони, А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных уставов. 1864–1914 / А.Ф. Кони. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 295 с.

92. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / под ред. Б.А. Золотухина. – М.: ЗАО редакция газеты «Демократический выбор», 2001. – 134 с.

93. *Коротких, М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / М. Г. Коротких. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 183 с.

94. *Корф, С.А.* История Правительствующего Сената за двести лет / С.А. Корф. – Ярославль: б.и., 1911. – 16 с.

95. *Краковский, К.П.* «Щегловитовская юстиция» в России / К.П. Краковский. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 200 с.

96. *Крыленко, Н.В.* Как устроен и работает советский суд / Н.В. Крыленко. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 43 с.

97. *Крыленко, Н.В.* Суд и право в СССР / Н.В. Крыленко. – М.,Л.: Государственное издательство, 1927. – 164 с.

98. *Куприц, Н.Я.* Из истории науки советского государственного права / Н.Я. Куприц. М.: Юридическая литература, – 1971. – 248 с.

99. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.

100. *Курский, Д. И.* Избранные статьи и речи. / Д.И. Курский. – М.: Госюриздат, 1958. – 330 с.

101. *Лазаревский, Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право / Н.И. Лазаревский. – СПб.: Типография акционерного общества «Слово», 1910. – 479 с.

102. *Лебедев, В.М.* Верховный суд России: монография / В.М. Лебедев, А. Ю. Корчагин, Л. Г. Свечникова. – Пятигорск: Снег, 2012. – 408 с.

103. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 5. – 551 с.

104. *Леошкевич, Д.И.* Верховный Суд Молдавской ССР как высший судебный орган союзной республики / Д.И. Леошкевич. – Кишинев: Кишиневский государственный университет, 1969. – 143 с.

105. Лонская, С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864-1917 гг.): монография / С.В. Ланская. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 168 с.

106. *Лонская, С.В.* Российские судебные реформы. XVIII – XX века: Учебное пособие / С В. Лонская. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – 184 с.

107. *Малышев, К.И.* Курс гражданского судопроизводства / К.И. Малышев. Т. 1. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. – 449 с.

108. *Мальчевский, К.А.* К вопросу о устранении медлительности в производстве кассационных дел (ответ Судебному Вестнику и г. Бобрищеву-Пушкину) / К. А. Мальчевский. – М.: Университетская типография, 1878. – 27 с.

109. *Мейендорф, А.Ф.* Вопрос о толковании закона и компетенция Департаментов Правительствующего Сената прежнего устройства / А.Ф. Мейендорф. – СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1914. – 44 с.

110. *Мейер, Д.И.* Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина / Д.И. Мейер. – М.: тип. Современ. Изв., 1873. – 731 с.

111. *Мелихов, В.М.* Роль Пленумов Верховного Суда союза ССР и РСФСР в обеспечении правильного применения гражданского процессуального законодательства / В. М. Мелихов. – Саратов: издательство Саратовского университета, 1975. – 40 с.

112. *Мигунова, Т.Л.* «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия…». Административно-судебная и правовая реформа Екатерины II / Т.Л. Мигунова. – М.: NOTA BENA, 2008. – 560 с.

113. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. – М.: Спарк, 2001. – 351 с.

114. *Миньковский, Г., Туманов, В.* Суд в СССР и странах капитала / Г. Миньковский, В. Туманов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – 72 с.

115. *Мироненко, С.В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. – М.: Мысль, 1989. – 235 с.

116. *Митюков, М.А.* Предтеча Конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30 - начало 90-х гг. XX в.) / М.А. Митюков. – М.: Формула права, 2006. – 179 с.

117. *Митюков, М.А.* Судебный конституционный надзор 1924-1933 гг.: вопросы истории, теории и практики / М. А. Митюков. – М.: Формула права, 2005. – 208 с.

118. *Митюков, М.А.* Штрихи к истории Конституционного Суда России. / М.А. Митюков. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 632 с.

119. *Морщакова, Т.Г.* Судебная реформа. Сборник обзоров / сост. Т.Г. Морщакова. – М.: ИНИОН, 1990. – 94 с.

120. Научно-практический комментарий к закону о Верховном Суде СССР / под ред. Л. Н. Смирнова. – М.: Известия Советов народных депутатов СССР, 1981. – 176 с.

121. *Немытина, М.В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. / М. В. Немытина. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. – 251 с.

122. *Нефедьев, Е.А.* Основные начала гражданского судопроизводства. / Е.А. Нефедьев. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. – 55 с.

123. *Омельченко, О.А.* "Законная монархия" Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России / О.А. Омельченко. – М.: Юрист, 1993. – 428 с.

124. *Омельченко, О.А.* Становление абсолютной монархии в России: Учеб. пособие / О. А. Омельченко. – М.: ВЮЗИ, 1986. – 91 с.

125. *Оробец, В.М.* Трудовая специализация европейских стран. Осуществление трудовой специализации в судебной системе России / В.М. Оробец. – М.: НИИ Труда, 1999. – 87 с.

126. Очерки русской культуры XVIII века в 4 т. / гл. ред. Б.А. Рыбаков. Ч. 2. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – 406 с.

127. *Петровский И.С.* О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование / И.С. Петровский. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. – 349 с.

128. *Победоносцев, К.П.* Письма и записки / К. П. Победоносцев и его корреспонденты; с предисловием М.Н. Покровского. М.-Пг.: Государственное изд-во, 1923. Т. I, полутом 1-й. – 439 с.

129. *Познышев, С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. – М.: Универ. тип., 1913. – 173 с.

130. *Покровский, И.А.* Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Пг.: изд. юрид. кн. скл. "Право", 1917. – 328 с.

131. Право Советской России. Сборник статей. Выпуск 2. – Прага: Легиография, 1925. – 313 с.

132. Развитие русского права в первой половине XIX века / отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1994. – 314 с.

133. Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и адвокатуре СССР. – Воронеж: Воронежский университет, 1981. – 168 с.

134. *Разгон, А.И.* Правительственный блок большевиков и левых эсеров. Исторические записки. Т. 117. / А. И. Разгон. – М., 1989.

135. *Рейнгард, Н.В.* Верховный Кассационный суд во Франции и России / Н. В. Рейнгард. – Казань: Типо-Литография Императорского университета, 1900. – 23 с.

136. *Сапунков, А.А.* История общих судов Российской империи: судебные палаты как системообразующий орган (1866-1917 гг.) / А.А. Сапунков. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 224 с.

137. *Сергеевич, В.И.* Лекции и исследования по истории русского права. – СПб.: Типография А. Траншеля, 1883. – 998 с.

138. *Середонин, М.С.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1 / М. С. Середонин. – СПб.: Изд-е канцелярии Комитета министров, 1902. – 625 с.

139. *Серов, Д.О.* Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование / Д. О. Серов. – М.: «Зерцало», 2009. – 488 с.

140. *Синюков, В.Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 672 с.

141. *Смыкалин, А.С.* История судебной системы России: учебное пособие / А.С. Смыкалин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 231 с.

142. *Соколов Д.В.* Эволюция структуры и функций Правительствующего Сената в Российской империи (1711-1917 гг.) / Д.В. Соколов. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 184 с.

143. *Соловьев, С.М.* Сенат в начале царствования императрицы Екатерины II. Сочинения С. М. Соловьева: в 3 т. / сост. и коммент. А.А. Егорова и С.Г. Горяйнова. Т.1. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. –540 с.

144. *Соломон, П. Х.* Советская юстиция при Сталине / Питер Соломон; пер. с англ. Л. Максименков. – М.: РОССПЭН, 1998. – 462 с.

145. Сперанский, М.М. Введение к уложению государственный законов 1809 года. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского / М.М. Сперанский. – М.: Издание «Русская мысль», 1905. – 359 с.

146. *Строгович, М.С.* Военные трибуналы советского государства. / М.С. Строгович. – М.: Юридическое издательство НКЮ, 1942. – 24 с.

147. *Стумбина, Э.Я.* Судебное управление / Э. Я. Стумбина. – Рига: ЛГУ им. Петра Стучки, 1973. – 31 с.

148. Суд и правосудие в СССР: [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / отв. ред. заслуж. юрист. РСФСР, проф. М. П. Шаламов. – М.: Юрид. лит., 1974. – 358 с.

149. Судебная власть в России: История. Документы: в 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. Т.4. На рубеже веков: эпоха войн и революций / отв. ред. И.А. Исаев. – М.: Мысль, 2003. – 677 с.

150. Судебная власть в России: История. Документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. Т.5. Советское государство / отв. ред. Р.С. Мулукаев, А.Я Малыгин. – М.: Мысль, 2003. – 829 с.

151. Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. 1. – М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915. – 403 с.

152. Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. II. – М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915. – 316 с.

153. Судебная реформа. – Харьков: Издательство Наркомюста УССР, 1923. – 160 с.

154. Судебная система и судебные учреждения / сост. под рук. Пьера Трюша. – М.: Посольство Франции в России, 2003 (Изд-во Гнозис). – 195 с.

155. Судебные системы европейских стран. Справочник / перевод с франц. Д.И. Васильева и с англ. О.Ю. Кобякова – М.: Международные отношения, 2002. – 336 с.

156. Судоустройство и правоохранительные органы: учебник / под ред. проф. Л. В. Головко. – М.: Городец, 2020. – 768 с.

157. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Белкин Р. С. и др. /отв. ред. Жогин Н. В. – М.: Юрид. лит., 1973. – 734 с.

158. *Тесля, А.А.* Источники гражданского права Российской империи XIX – начала XX века. / А. А. Тесля. – Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2005. – 159 с.

159. *Титов, Ю.П.* Создание системы советских революционных трибуналов: Учебное пособие / Ю.П. Титов. – М.: ВЮЗИ, 1983. – 101 с.

160. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль. – СПб: Алетейя, 2008. – 248 с.

161. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова / сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Тамашевский, Д.Н. Ушаков. Т.3. – М.: Вече. Мир книги, 2001. – 672 с.

162. *Троцина, К.* История судебных учреждений в России / К. Троцина. – СПб: Типография Эдуарда Веймара, 1851. – 387 с.

163. *Трубников, П.Я.* Пересмотр решений в порядке судебного надзора / П.Я. Трубников. – М.: Юрид. лит., 1974. – 240 с.

164. Трудовое право С.С.С.Р. [Текст] / И. Войтинский. – М.;Л.: Гос. изд-во, 1925. – 364 с.

165. *Турубинер, А.* Очерк государственного устройства СССР. / А. Турубинер. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста Р.С.Ф.С.Р., 1925. – 64 с.

166. *Тютрюмов, И.М.* К двадцатилетию существования второго департамента Правительствующего Сената (1884-1909 гг.). / И. М. Тютрюмов. – СПб: Сенатская типография, 1909. – 11 с.

167. Уголовное право РСФСР. Часть особенная: Преступления против государства и социального порядка / Трайнин А.Н. / под общ. ред.: Магеровский Д.А. – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 272 с.

168. *Уортман, Р. С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России: развитие правового сознания в императорской России / Ричард С. Уортман пер. [с англ.] М. Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 515 с.

169. *Ушаков, А., Шахматов, В.* Советский суд. / А. Ушаков, В. Шахматов. – Молотов: Молотовское книжное издательство, 1954. – 39 с.

170. *Филиппов, А.Н.* История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. / А. Н. Филиппов. – Юрьев: Типография Маттисена, 1895. – 493 с.

171. *Филиппов, А.Н.* К вопросу о Верховном тайном совете. / А.Н. Филиппов. – М.: Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И.Н. Кушнеров и Ко, 1896. – 62 с.

172. *Филиппов, А.Н.* Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. / А. Н. Филиппов. – Юрьев: Типография К. Матисена, 1898. – 45 с.

173. *Филиппов, М.А.* Судебная реформа в России. Т. 1 / М.А. Филиппов. – СПб.: Тип. В. Тушнова, 1871. – 623 с.

174. *Филиппов, М.А.* Судебная реформа в России. Т. 2 / М.А. Филиппов. – СПб.: Тип. В. Тушнова, 1875. – 332 с.

175. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства в 2-х т. Т. I / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – 609 с.

176. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства в 2-х т. Т. II / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – 606 с.

177. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т.2. / И. Я. Фойницкий – СПб.: Сенатская типография, 1910. – 573 с.

178. Фролов, Ю.А. Советская судебная система: (Судебное пособие по курсу "Судоустройство") / Ю. А. Фролов. – Киев : [б. и.], 1970 – 79 с.

179. Хабриева, Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2 / А. Н. Хабриева. – М.: Российская акад. наук, 2018. – 448 с.

180. *Чельцов-Бебутов, М.А.* Курс советского уголовно-процессуального права / М.А. Чельцов-Бебутов Т. 1: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах – М.: Госюриздат, 1957. – 839 с.

181. *Черномордик, Е.Я.* Сила определений Соединенного Присутствия (первого и кассационных департаментов) Сената и пределы его власти. Отдельный оттиск из журнала «Юридический вестник». 1915. Кн. IX (I). / Е.Я. Черномордик. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д.Собко, 1915. – 12 с.

182. *Чистяков, Н.Ф.* Верховный Суд СССР / Н. Ф. Чистяков. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

183. *Шавров, А.В.* Избранные статьи / А. В. Шавров. – М.: б.и., 2015. – 400 с.

184. *Шепелев, Л.Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. / Л. Е. Шепелев. – СПб: Искусство-СПб, 2007. – 461 с.

185. *Шершеневич, Г.Ф.* Наука гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрайт, 2018. – 249 с.

186. Шкаревский, Д.Н. Органы транспортной юстиции СССР в 1940-1950-е годы: историко-правовой анализ: монография / Д.Н. Шкаревский. – М.: Проспект, 2021. – 272 с.

187. Шкаревский, Д.Н. Формирование и развитие органов транспортной юстиции в 1930-е годы: историко-правовой анализ: монография / Д.Н. Шкаревский. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 217 с.

188. Шульженко, Ю.Л. Конституционный контроль в России / Ю.Л. Шульженко. – М.: РАН. Ин-т государства и права, 1995. – 175 с.

189. Щеглов, В.Г. Государственный Совет в первый век его образования и деятельности: Историко-юридический очерк. / В.Г. Щеглов. – М.: ЛЕНАД, 2016. – 200 с.

190. Щеглов, В.Г. Государственный Совет в России за первый век его образования и деятельности (3- марта 1810 – 1910 года). / В.Г. Щеглов. – Ярославль: Демидовский юридический лицей, 1903. – 187 с., V.

191. Щегловитов, И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление уставов 20 ноября 1864 г. / И.Г. Щегловитов. – Пг.: Изд-е Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 70 с.

192. *Юшков, С.В.* История государства и права СССР. / С.В. Юшков – М.: Госюриздат, 1950. – 672 с.

193. *Ящук, Т.Ф.* Систематизация российского законодательства в советский период: монография / Т.Ф. Ящук. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. – 413 с.

Статьи, доклады, выступления

1. *E.W.* К вопросу об упрощении кассационного производства // Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. – 1894. – Книга шестая. Июнь. – С. 65-69.

2. *Абдулин, Р.С.* Место и роль Пленума Верховного Суда СССР (РСФСР) и Российской Федерации в судебном управлении / Р.С. Абдулин // Право и политика. – 2016. – № 5. – С. 619-625.

3. *Абдулин, Р.С.* Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР (СССР) как источник информации письменного происхождения / Р.С. Абдулин // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 1. – С. 33-39.

4. *Акульшин, П.В.* Негласный комитет и реформа Сената в начале правления Александра I / П.В. Акульшина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – №. 5 (Май). – С. 11-13.

5. *Арсеньев, К.К.* Реформа кассационного суда и кассационного производства / К.К. Арсеньев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1876. – Кн. 4. – С. 42-144.

6. *Банников, С.Г.* Законодательная инициатива Верховного суда СССР / С.Г. Банников // Советское государство и право. – 1974. – № 3. – С. 12-18.

7. *Белов, С.А., Кудряшова, О.А* Заимствование моделей конституционного контроля в правовой системе России / С.А. Белов, О.А. Кудряшова // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 6(30). – С. 25-40.

8. *Биюшкина, Н.И.* Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) / Н.И. Биюшкина // Вестник ННГУ. – 2019. – № 6. – С. 92-98.

9. *Бранденбургский, Я.* Почему мы упразднили Высший Судебный Контроль / Я. Бранденбургский // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 3. – С. 57-58.

10. *Братусь, С.Н.* Советское гражданское право и социалистическая законность / С.Н. Братусь // Социалистическая законность. – 1967. – №11. – С.11-16.

11. *Братусь, С.Н., Венгеров, А.Б.* Понятие, содержание и формы судебной практики / С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров // Судебная практика в Советской правовой системе. – 1975. – С. 8-74.

12. *Брежнев, О.В.* Вопросы конституционного контроля в нормах Конституции (основного закона) РСФСР 1918 года / О.В. Брежнев // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2013. – № 6. – С. 7-13.

13. *Бурков, А.Л.* Статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике / А.Л. Бурков // Известия вузов. Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 173-174.

14. *Верещагин, А.Н.* О формах судебного нормотворчества в Российской империи / А.Н. Верещагин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 11. – С. 4-23.

15. *Вильнянский, С.И.* Значение судебной практики в гражданском праве / С.И. Вильнянский // Ученые труды ВИЮН. – 1947. – № 9. – С. 239-290.

16. *Волков, А.К.* О роли судебной практики как источника права по судебной реформе 1864 года / А.К. Волков // История государства и права. – 2014. – № 17. – С. 35-38.

17. *Морозова, Л.А.* Выступление Морозовой Л. А. на конференции в Звенигороде 18-20 мая 1987 г. / Л.А. Морозова // Советское государство и право. – 1987. – № 11. – С. 79-84.

18. *Вышинский, А.Я.* Дисциплинарные суды и должностные преступления / А.Я. Вышинский // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 30. – С. 675-676.

19. *Головко, Л.В.* Институт «сплошной кассации» в уголовном процессе: позитивная инновация или очередная деформация / Л.В. Головко // Закон. – 2021. – № 10. – С. 32-43.

20. *Гордон, Н.М.* Особенности судопроизводства в коммерческих судах / Н.М. Гордон // Журнал Министерства юстиции. – 1894. – № 2. – С. 41-67.

21. *Демченко, Г.В.* Судебный прецедент / Г.В. Демченко // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 4. – С. 26-82.

22. *Депп, Н.Ф.* О торговых судах / Н.Ф. Депп // Журнал гражданского и уголовного судопроизводства. – 1871. – № 1. – С. 5–34.

23. *Жуйков, В.М.* К вопросу о судебной практике как источнике права / В.М. Жуйков // Судебная практика как источник права. М.: Юристъ, – 2000. – С. 78-90.

24. *Захаров, В.В., Ильина, Т.Н.* Сенат в структуре судебной системы России первой половины XIX века / В.В. Захаров, Т.Н. Ильина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2016. – № 16. – С. 25-38.

25. *Захаров, В.В.* Высший судебный контроль / В.В. Захаров // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2016. – № 15. – С. 47-114.

26. *Захаров, В.В.* Организация и деятельность кассационного трибунала в РСФСР в 1919 году / В.В. Захаров // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 4. – С. 82-96.

27. *Захаров, В.В.* Проблемы квалификации юридической силы определений гражданского кассационного департамента Сената в России второй половины XIX - начала XX столетия / В.В. Захаров // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2015. – № 12. – С. 52-94.

28. *Захаров, В.В., Ильина, Т.Н.* Юридическое образование в Англии: традиции и перспективы развития / В.В. Захаров, Т.Н. Ильина // Auditorium. – 2014. – № 2.

29. *Захарова, П.В.* Эволюция компетенции и структуры Верховного Суда РСФСР В 1923-1936 годы / П.В. Захарова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2020. – № 1. – С. 67-97.

30. *Иванов, А.Б.* Трудовой процесс и трудовые суды в СССР в 1920-е годы / А.Б. Иванов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2019. – № 18. – С. 56-65.

31. *Иванов, П.И.* Сенат при Петре Великом / П.И. Иванов // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – Т.1. – Кн. 1. С. 34-70.

32. Из записок Сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. – 1910. – № 10. – С. 237-239.

33. *Иконников, В.С.* Правительствующий Сенат при Екатерине Великой / В.С. Иконников // Русский Архив. – 1888. Кн. 1. С. 17-42.

34. *Ильина, Т.Н.* Номенклатурный принцип формирования судейского корпуса в РСФСР: понятие, содержание, итоги / Т.Н. Ильина // Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 266-274.

35. *Ильина, Т.Н.* Организация верховного правосудия в РСФСР в 1920-е годы: поиск оптимальной модели / Т.Н. Ильина // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 2. – С. 63-75.

36. *Ильина, Т.Н.* Полномочия Сената как высшей судебной инстанции в России во второй половине XIX века / Т.Н. Ильина // Новый ракурс. – 2016. – № 17. – С. 81-82.

37. *Ильина, Т.Н.* Эволюция судебных функций Сената как высшей судебной инстанции в России в XVIII веке / Т.Н. Ильина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2015. – № 14. – С. 33-47.

38. К вопросу об упрощении кассационного производства // Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. – 1894. – Кн. 6. – С. 65-69.

39. К истории образования Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. – № 4. – 1964. – С. 28-30.

40. *Каганович, Л.М.* Двенадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом / Л.М. Каганович // Советское государство и революция права. – 1930. – №. 1. – С. 21-22.

41. *Калинин, А.Ю*. Судебная практика как источник права в советской правовой системе / А.Ю. Калинин // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2007. – № 14. – С 62-69.

42. *Каминская, В.И.* Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права (В порядке обсуждения) / В.И. Каминская // Советское государство и право. – 1948. – № 6 (июнь). – С. 33-44.

43. *Клейнман, А.Ф.* Основные вопросы кодификации советского гражданского процессуального права / А.Ф Клейман // Социалистическая законность и задачи советской юридической науки. М.: МГУ, – 1957. – С. – 18-20.

44. *Коркунов, Н.М.* Два проекта преобразований Сената второй половины царствования Екатерины II (1788 и 1794 годов) / Н.М. Коркунов // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 5. – С. 139-171.

45. *Краковский, К.П.* Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина «Кассационный Сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи / К.П. Краковский // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 4. – С. 146-159.

46. *Крыленко, Н.Д.* Реформа судоустройства / Н.Д. Крыленко // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 37-38. – С. 1-5.

47. *Кудрявцев, В.Н.* Правовая система: пути перестройки / В.Н. Кудрявцев // Правда. 1986. 5 декабря.

48. *Лазарев, Б.М.* Комитет конституционного надзора СССР Б.М. Лазарев // Государство и право. – 1992. – № 5. – С. 21-34.

49. *Латкин, В.* Комитет министров в начале царствования императора Александра I / В. Латкин // Юридический Вестник. – 1889. – № 9. – С. 89–116.

50. *Лебедев, В. М.* Судебная реформа: путь к демократии. Выступление на Первом Всероссийском съезде судей (1991 г.) / В.М. Лебедев // Становление судебной власти в России. М.: РАП, 2013. – С. 632-635.

51. *Лебединский, В.Г.* Новое Положение о Верховном Суде СССР и прокуратуре / В.Г. Лебединский // Советское строительство. – 1929. – № 10. – С. 50-54.

52. *Левашев, А.* По поводу местных судебных учреждений / А. Левашев // Судебная газета. – 1893. – № 38. – С. 5-6.

53. *Лившиц, Р.З.* Судебная практика как источник права / Р.З. Лившиц // Журнал российского права. – 1997. – № 6. – С. 49-57.

54. *Марков, П.* Французский кассационный суд / П. Марков // Журнал Министерства юстиции. – 1862. – Т. XIV. – Кн. 12.

55. Меры к уменьшению дел в Сенате // Журнал гражданского и уголовного права. – 1885. – Кн. 6. – С. 104-117.

56. *Митюков, М.А., Остапович, И.Ю.* Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета

конституционного надзора СССР (1988-1991) / М.А. Митюков, И.Ю. Остапович // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 35-63.

57. *Немытина, М.В.* Опыт судебного реформирования в России второй половины XIX века / М.В. Немытина // Российская юстиция. – 2025. – № 1. – С. 73-80.

58. *Немытина, М.В.* Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. / М.В. Немытина // Государство и право. – 2015. – № 5. – С. 92-98.

59. О Сенате // Журнал гражданского и уголовного права. – 1885. – Кн. 5. – С. 127-135.

60. О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 13-21.

61. Об изменениях в порядке кассационного производства // Журнал гражданского и уголовного права. – 1885. – Кн. 4. – С. 187-194.

62. Обсуждение проблемы совершенствования законодательства о судоустройстве и судопроизводстве // Советская юстиция. – 1988. – № 12. – С. 28-29.

63. *Омельченко, О.А.* К истории судебной политики «просвещенного абсолютизма» в России / О.А. Омельченко // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве. М., 1989. – С. 68-98.

64. *Омельченко, О.А.* Конституция «просвещенного абсолютизма» в России (неизвестные законодательные проекты Екатерины II) / О.А. Омельченко // Советское государство и право. – 1989. – № 8. – С. 136-142.

65. *Орзих, М.Ф., Черкес М.Е., Васильев А.С.* Правовая охрана конституции в социалистическом государстве / М.Ф. Орзих, М.Е. Черкес, А.С. Васильев // Советское государство и право. – 1988. – № 6. – С. 3-10.

66. *Пашин, В.П.* Система подбора руководящих кадров в начале 20-х годов XX века (на материалах Курской губернии) / В.П. Пашин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7-1 (21). – С. 154-157.

67. *Пашин, С.А.* Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы / В.П. Пашин // История новой России. Очерки, статьи, интервью: в 3 т. СПб. – 2011. – Т. 2. – С. 8-27.

68. *Пашуканис, Е.Б.* Экономика и правовое регулирование / Е.Б. Пашуканис // Революция права. – 1929. – № 5. – С. 35-37.

69. *Петров А.В. Кудрявцева, А.В.* Становление и развитие института конституционного контроля (надзора) в системе государственно-правовых институтов / А.В. Петров, А.В. Кудрявцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 85-89.

70. *Попондопуло, В.Ф., Слепченко, Е.В.* Судебная система: состояние и проблемы совершенствования / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Слепченко // Арбитражные споры. – 2014. – № 1. – С. 5-24.

71. *Прущицкий, С.* Высшая Арбитражная Комиссия в своих решениях / С. Прущицкий // ЕСЮ. – 1923. – № 18. С. 4-11

72. *Прущицкий, С.* Об арбитражных комиссиях при СТО / С. Прущицкий // ЕСЮ. – 1922. – № 35. – С. 2-4.

73. *Пугачев, А.Н.* Судебная практика как источник права: советский и постсоветский периоды / А.Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 181-192.

74. Реформа кассационного производства 10 июля 1877 года // Журнал гражданского и уголовного права. – 1878. – Кн. 1. – С. 198-202.

75. Речи консерватора // Гражданин. – 1904. – № 17. – С .2-3.

76. *Седлис, К.* По поводу положения о дисциплинарных судах / К. Селдис // Вестник советской юстиции. – 1926. – С. 559-563.

77. *Селиванов, Н.Ф.* Юридическая хроника / Н.Ф. Селиванов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1885. – Кн.5 – С. 116-120.

78. *Сергеевич, В.И.* Мнение Цинка в пользу кассационного суда (к вопросу о кассационном суде) / В.И. Сергиевич // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CXXI. – 1864. – С. 41-50.

79. *Сиротюк, А.З.* Историко-правовой анализ становления арбитражных судов в Российской Федерации / А.З. Сиротюк // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – №3. – С. 98-108.

80. *Скоморохов, П.* Верховный суд СССР в годы социалистического переустройства страны П. Скоморохов // Верховному Суду СССР – 40 лет: сб. ст. М. – 1965. – С. 79–88.

81. *Слесарев, В.Л.* Прецедентность и прецедент, или о толковании судами норм права / В.Л. Слесарев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 12. – С. 44-49.

82. *Смирнов, Л.Н.* Закон о Верховном Суде СССР и задачи дальнейшего совершенствования правосудия Л.Н. Смирнов // Социалистическая законность. – 1980. – № 2. – С. 7-15.

83. *Смыкалин, А.С.* Советский суд в довоенное время / А.С. Смыкалин // Российская юстиция. – 2002. – № 2. – С. 39-42

84. *Сперанский, М.М.* О государственных установлениях / М.М. Сперанский // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. Кн. 3. – СПб.: Тип. Прав. Сената. – 1859. – С. 32-67.

85. *Строгович, М.С.* К вопросу о Верхсуде Союза СССР / М.С. Строгович // Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верхсуда СССР. – 1928. – № 4. – С. 3-10;

86. *Стучка, П.И.* Мысли о нашем правосудии / П.И. Стучка // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 14. – С. 1313-315.

87. *Тимашев, Н.С.* Судоустройство / Н.С. Тимашев // Право Советской России. Сборник статей. Прага. – 1925. – С. 213-244.

88. *Титов, Ю.П.* Абсолютизм в России / Ю.П. Титов // Советское государство и право. – 1973. – № 1. – С. 107-112.

89. *Титов, Ю.П.* Проблемы российского абсолютизма / Ю.П. Титов // Проблемы истории абсолютизма. М. – 1983. – С. 4-24.

90. *Топорнин, Б.* Чтобы исключить обход закона / Б. Топорнин // Известия. 1988. 12 января.

91. *Турубинер, А.* Дисциплинарная ответственность / А. Турубинер // Советское право. – 1927. – № 5 (29). – С. 73-88.

92. *Тюнин, В.И., Радошнова, Н.В.* Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний / В.И. Тюнин, Н.В. Радошова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 83-86.

93. *Халфина, Р.О.* Совершенствование структуры и деятельность госарбитражей / Р.О. Халфина // Советская юстиция. – 1961. – № 4. – С.2-12.

94. *Хюбш, Г.* Обеспечение единообразия правоприменительной практики в национальной судебной системе / Г. Хюбш // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры. М.: Права человека. – 2005. – С. 44-49.

95. *Церители, Н.К.* Арбитраж и регулирование хозяйственных отношений / Н.К. Церители // Советское государство и право. – 1970. – № 10. – С. 98-103.

96. *Шейнин, Х.Б.* Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР / Х.Б. Шейнин // Советское государство и право. – 1980. – № 9. – С. 71-77.

97. *Шкаревский, Д.Н.* Формирование органов транспортной юстиции СССР в 1920-е гг. / Д.Н. Шкаревский // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие. Сборник статей Всероссийской научной конференции. БУВО «Сургутский государственный университет». – 2017. – С. 335-342.

98. *Шрейберг, Н.Н.* К тридцатилетию деятельности кассационных департаментов Правительствующего Сената / Н.Н. Шрейберг // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – № 8. – С. 211-248.

99. *Штепа, Е.В.* Организационно-правовые основы создания Верховного суда РСФСР / Е.В. Штепа // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 3. – С. 58-62.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Абдулин, Р.С.* Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.): дисс. ... д-ра юр. наук. – М., 2017. – 546 с.

2. *Анисимов, Е.В.* Внутренняя политика Верховного тайного совета: дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1975. – 222 с.

3. *Архипов, И.В.* Модернизация торгового права и коммерческого процесса России в XIX – начале XX вв.: дисс. …д-ра юрид. наук. – Саратов, 2000. – 463 с.

4. *Бондаренко, А.В.* Судебная система РСФСР в условиях НЭПа: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – 156 с.

5. *Венгеров, А.Б.* Роль судебной практики в развитии советского права: дисс. … канд. юр. наук. – М., 1965. – 318 с.

6. *Демичев, А.А.* Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): дисс. ... д-ра юр. наук. – Нижний Новгород, 2003. – 481 с.

7. *Казанцев, С.М.* Реформы высших и центральных государственных органов Российской империи в начале XIX века: дисс. …канд. юр. наук. – Л., 1981. – 186 с.

8. *Калиниченко, А.В.* Сенат в системе судебной власти Российской империи: автореферат дисс. ... канд. юр. наук. – Краснодар, 2011. – 230 с.

9. *Калиниченко, А.В.* Сенат в системе судебной власти Российской империи: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. – 230 с.

10. *Манаев, Г.Г.* Московские департаменты Правительствующего Сената в системе государственного управления Российской империи в первой четверти XIX века: дисс. … канд. ист. наук. – М., 2010. – 202 с.

11. *Несмеянова, С.Э.* Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации: дисс. … канд. юр. наук. – Екатеринбург, 1994. – 172 с.

12. *Павлова-Сильванская, М.П.* "Учреждение о губерниях" 1775 г. и его классовая сущность: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1964. – 461 с.

13. *Пирумова, Ю.А.* Место и роль арбитражных судов в системе организации судебной власти в России: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – М., 2005. – 25 с.

14. *Савельева, Е.Н.* Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: дисс. … ист. наук. – М., 2004. – 189 с.

15. *Шавров, А.В.* Сенат в системе юридических учреждений Российской империи, 1861-1904 гг.: дисс. … канд. юр. наук. – М., 1986. – 211 с.

16. *Штепа, Е.В.* Правовое положение Верховного Суда в судебной системе РСФСР: 1923-1991 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2013. – 173 с.

17. *Шувалова, В.А.* Подготовка судебной реформы 1864 года в России: автореф. дисс. … канд. юр. наук. – М., 1965. – 18 с.

Словари, энциклопедии

1. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2003. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)

Научная литература на иностранном языке

1. *Blankenagel A.* Verfassungkontrolle in der USSR // Der Staat. – 1993. – № 3 (32). – P. 81-94.

2. *Daly J. W.* Autocracy Under Siege // Security Police and Opposition in Russia. 1866-1905. / J. W. Daly – Northern Jllinois. University Preis. De Kalb, 1998. – 260 p.

3. *Hazard J.N.* The Soviet Court as a Source of Law // Washington Law Review 24. – 1949. – № 1. – P. 80-90.

4. *Hughes, L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven-London, 1998. – 602 p.

5. Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. – Leiden: Brill, 1972. – XV, 552 s.

6. *Lehr, E.* La Nouvelle Organisation Judiciaire de la Russie d'apres L'oukase du 26 November 1864. – Paris, 1875. – 46 p.

7. *Maggs D.P.* Enforcing the Bill of Rights in the Twilight of the Soviet Union. – 1991. – № 2. – P. 104.

8. *Peterson, C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the process of Reception. Lund, 1979. – 448 p.

9. *Pintner, W.* Reformability in the age of reform and countreform, 1855-1894 // Reform in Russia and the USSA: Past and prospects / Ed.R.O. Crumney. Urbana, 1989. P. 89-90.

10. *Wortman, R.* Peter the Great and Court Procedure // Canadian-American Slavic Studies. – 1974. – Vol.8. – № 2. – P. 303-310.

11. *Wortman, R.* The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976. – 345 p.

Интернет-источники, электронные ресурсы

1. *Lehr, E.* La Nouvelle Organisation Judiciaire de la Russie d'apres L'oukase du 26 November 1864. – Paris, 1875. – 46 p. // https://books.google.ru/books?id=GTw0AQAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 24.07.2024)

2. *Анпилогов, Г.Н.* Сенат при Петре I // Исторический журнал. 1941. № 4. С. 40-49. [Электронный ресурс] // URL: https://www.prlib.ru/item/416512, (дата обращения – 1.09.2024 г.)

3. Бюллетеню Верховного Суда Российской Федерации 50 лет. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrf.ru/files/13622/ (дата обращения: 17.08.2021).

4. Верховный трибунал при ВЦИК: 1918–1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923–1990 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrf.ru/files/26316/ (дата обращения: 04.08.2021).

5. *Воронин, Д.В.* Институт государственного арбитража СССР в переходный период (1985-1990 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №372. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-gosudarstvennogo-arbitrazha-sssr-v-perehodnyy-period-1985-1990-gg (дата обращения: 28.07.2021).

6. История Конституционного Суда Российской Федерации. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]: // URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/History/Pages/default.aspx (дата обращения: 21.08.2021).

7. *Лависс, Э.* История XIX века [Электронный ресурс] / Э. Лависс и А Рамбо. Версия 2.0. – М.: Бизнессофт, 2005. (Электрон. опт. диск (CD).

8. *Попондопуло, В. Ф., Слепченко, Е. В.* Об организации судебной системы в России // Ленинградский юридический журнал. 2007. №1. [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-organizatsii-sudebnoy-sistemy-v-rossii (дата обращения: 19.07.2021)

9. *Смыкалин, А.С.* История судебной системы России: Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 231 с. [Электронный ресурс] // URL: https://www.iprbookshop.ru/81636.html (дата обращения: 12.08.2021).

10. Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс] // URL: https://ushakovdictionary.ru (дата обращения: 20.08.2021).